

84P7(2P-4Kew)

0-38

ОГНИ КУЗБАССА

№ 1
2001

ИЗДАНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ КУЗБАССА

В НОМЕРЕ:

- * Геннадий Юров. У родника на Красной Горке
- * Поэзия: Александр Раевский, Иван Полунин, Владимир Иванов, Виктор Жаданов
- * Проза: Сергей Павлов, Анатолий Кругляков, Геннадий Лунегов
- * Литературная студия "Притомье"
- * Светлица
- * Лики земляков

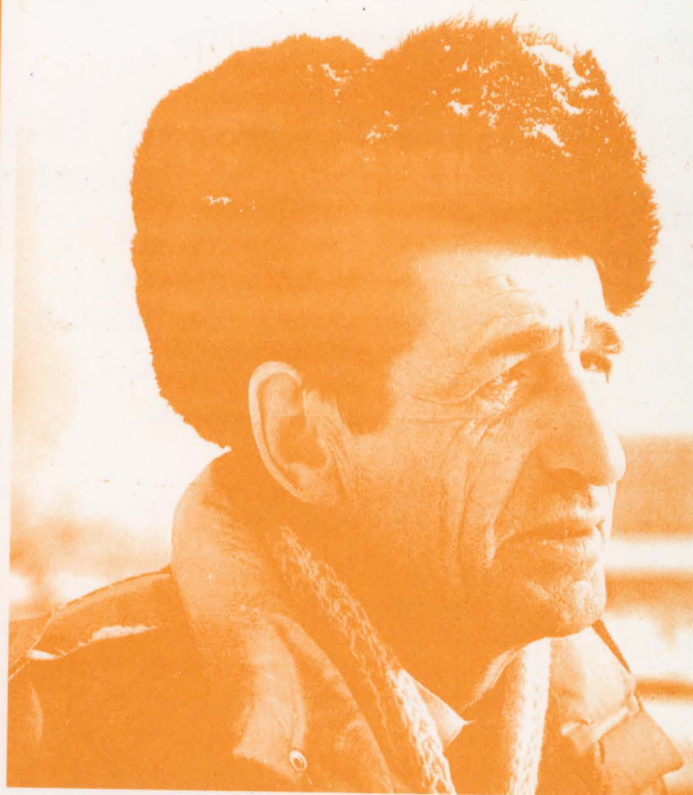
ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШИХ ЮБИЛЯРОВ!

В 2001 году у замечательной русской поэтессы Любви Алексеевны Никоновой юбилей. Она живет в Новокузнецке, но ее стихи и рассказы знают в разных уголках нашей страны.

Самобытному русскому поэту новокузнецанину Александру Дмитриевичу Раевскому в 2001 году исполняется 50 лет.

В 2001 году известному поэту из Кемерова Ивану Полунину исполнилось 65 лет. Здоровья тебе, Иван Стефанович!

Главный
В. М. БА

Ответст
С. Л. ДО

Редколл
Б. В. БУ
В. В. ИВ
А. И. КА
Ю. А. ЛА
В. М. МА
В. В. МА
Л. А. НИ
Г. Е. ЮР

Художни
В. П. КР

Рукописи
не рецензи
и не возвра

Адрес реда

650099, г. К
Советский
Телефон 36

Альманах «О
зарегистрир
регионально
по защите св
и средств ма

Свидетельств
от 3 августа

ОВ!

185787

84Р7 (2Р-4Кем)
0-38

ИЗДАНИЕ
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
КУЗБАССА

ОГНИ КУЗБАССА

№ 1 (9)
2001 г.

Главный редактор
В. М. БАЯНОВ

Ответственный секретарь
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:
Б. В. БУРМИСТРОВ,
В. В. ИВАНОВ,
А. И. КАТКОВ,
Ю. А. ЛАВРЯШИНА,
В. М. МАЗАЕВ,
В. В. МАХАЛОВ,
Л. А. НИКОНОВА,
Г. Е. ЮРОВ

АЛЬМАНАХ ВЫХОДИТ
БЛАГОДАРЯ ПОДДЕРЖКЕ
КЕМЕРОВСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА
НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

Художник
В. П. КРАВЧУК

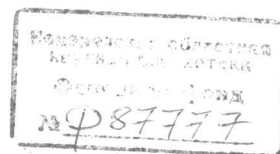
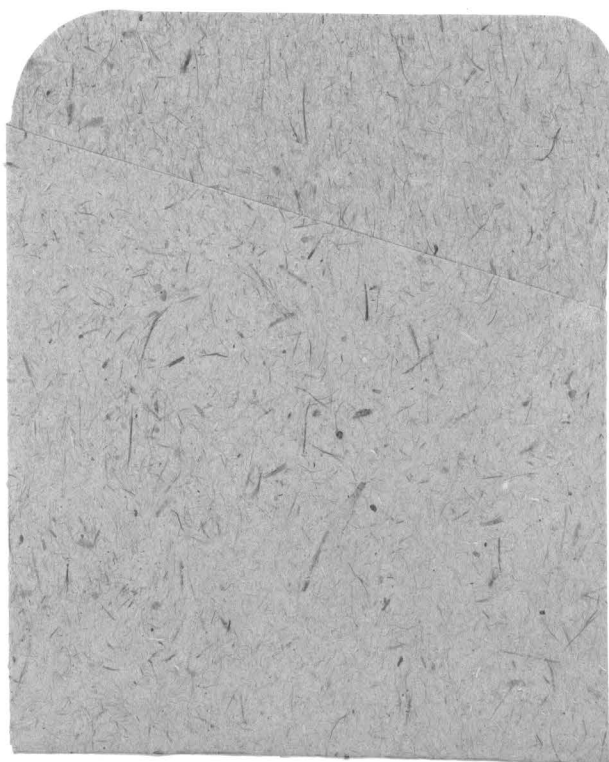
Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются.

Адрес редакции:

650099, г. Кемерово,
Советский проспект, 40.
Телефон 36-85-14.

Альманах «Огни Кузбасса»
зарегистрирован Омской
региональной инспекцией
по защите свободы печати
и средств массовой информации.

Свидетельство № Г-0659
от 3 августа 1995 года.

Геннадий ЮРОВ

У РОДНИКА НА КРАСНОЙ ГОРКЕ

Здесь знал я волю в полной мере.
И сосен медленная речь
Мне объясняла слово «берег»
Святым деянием —
«Беречь».

Здесь старой мудрости значенье
Река стремилась мне раскрыть.
Что значит — одолеть течение,
Что значит — по теченью плыть.

Агат дарила без оправы,
Без горьких примесей — питье...
И в этом прав ты,
Берег правый —
Месторождение мое.

Было: вороны

По дорогам шл
И клубился в н

И по кругу шел

Иль не светит
Снова вороны
Снова это не с
В том конце ск

До беды, как д

Смотрят мутны
Худо, если жел
Худо, если под

Русь-тройка
А в бричке хо
И круглое ли
Чичиков.

Русь-тройка
А кто в ней, д
Побей их род
Все те ж про

Был на
Как с д
Строев
Тер, пр
Чуб, гар
На неде
Никаки
Никаки

В душе и в природе былинный покой,
Тревожный какой-то покой;
Все ждет: вот счастье помашет платком
Вон там, за бугром, за рекой...

Я с ней пропаду в голубом далеке,
Вон в тех облаках пропаду...
Стальные колеса стучат налегке.
Господь зажигает звезду.

Простая работа с родными людьми,
Дорога, серебряный дым...
Ты вспомнишь когда-то, что был этот миг,
В котором ты был молодым.

НА ЮБИЛЕЙ ОДНОГО ПОЭТА

Куда б дорога ни вела, —
Поэт в пути не застоит:
Талант — он и в тайге талант
На зависть суетным столицам.

И как бы трудно ни жилось,
Ни горевалось, ни тужилось,
В краю, простуженном насквозь,
Судьба прекрасная сложилась!

Среди задымленных ветвей,
Все чище, четче и чудесней,
Чистейших пушкинских кровей! —
Поет сибирский соловей...
И легче жить под эти песни

Вчера, сегодня, навсегда,
Вся в тихих росных переливах
Горит, горит его звезда...
Как это все же справедливо.

ИЗБУШКА

Дождь шуршит в кедровнике,
Мышь совы шугается.
Наглухо отшельница зачинала дверь.
Двуеперстием молится, как ей полагается,
Как учила матушка, тятка-стровер.

У Агафьи Лыковой пол умащен гумусом,
Дух в избе натопленной благостный, с воньцой;
На цивилизацию, как на счастье с минусом,
С-под платка Агафьюшка смотрит с хитрецей.

Ест картошку целую, иногда толченую,
В сапогах резиновых ходит по двору.
Не скребитесь в душеньку, господа ученые,
Тяжкий грех развешивать душу на миру.

Не больна тщеславием — на фиг папарацци ей! —
Что к чему просвечивать земляное дно? —
Прихворнет, так вызовет вертолет по рации,
В остальном пошли бы вы,
Чище жить одной.

ПЕЧАЛЬНЫЙ ГОРИЗОНТ

В шинельных тучах гарнизон.
...И в тех сырых, холодных далях
Без плацпарадов и медалей
Безвестный служит гарнизон.

Там молодежь и «старички»
Уравнены бессонным бытом,
Картошку плюхают в бачки,
Набрать стараются очки,
Копить альбомы и значки
И делать вид, что не забыты.

Их командиры — вечно рядом,
На стрельбы водят и в наряды,
Их труд со скукой сопряжен;
Вьюнов паркетных не глупее,
От спирта к вечеру тупеют
И, не снимая портупеи,
Целуют раздраженных жен.

А равнодушная страна
Пшеном и письмами питает,
С экрана птичкой вылетает,
Казаться доброю пытается
И делать вид, что им нужна.

...Взорвется небо!.. Гарнизон
Святую выполнит задачу,
До самой смерти! — не иначе!..
Их наградят... о них поплачут...
Взамен других пришлют, назначат...
...И вновь холодный горизонт.

МОЛЧАЛИВЫЙ РАЗГОВОР

Памяти Н. Николаевского

Мы русской тоской наливались
И сернистой водкой «Спецназ».
А в городе псы надрывались,

И мир о
Собаки в
Откуда и
Зачем в
Торчит б
Мой дру
В дыму с
И в наши
Сомнени
Покамес
Мы ждал
Надежды
К чертам
Беспечн
Не жажд
Моталис
Ютились
Приверж
Лишь с н
Какая ил
Веками з
Бичом бе
Исчезнут
По сумра
Гоняют л
Но тщет
Легко, ра
Сжигает
Стирает

И мир обходился без нас.
Собаки в полночных кварталах,
Откуда их столько взялось?
Зачем в наших душах усталых
Торчит беспричинная злость?
Мой друг! Мы надолго зависли,
В дыму сигаретном сошлись;
И в наших рифмованных мыслях
Сомнений клопы завелись.
Покамест у моря погоды
Мы ждали и грелись кружком,
Надежды на лучшие годы
К чертям унесло кувырком.
Беспечно деньки отрывая,
Не жажда рангов и благ,
Мотались мы в мерзлых трамваях,
Ютились в квадратных углах;
Приверженцы гордого духа,
Лишь с небом клялись говорить! —
Какая иллюзия, друг мой!..
Веками земные цари
Бичом беспощадным и длинным,
Исчезнуть страшась без следа,
По сумрачным смертным долинам
Гоняют людские стада,
Но тщетно! И Времени ветер
Легко, равнодушно и в срок
Сжигает короны и плети,
Стирает гробницы в песок.

А мы не владыки. И даже
Не пастыри собственных тел,
Однажды пришли и однажды,
Однажды... А как ты хотел!
Мы входим в холодную осень
По просеке высохших лет,
Чем дальше, тем больше вопросов...
Один лишь отскоблен ответ:
Нет правды в раздолбанном мире.
А водка воняет жульем,
Возможно, в соседней квартире
Кавказцы штампуют ее.
На нас они сделают бабки,
Хозяева нашей страны.
На родине лают собаки,
И светится череп луны.

* * *

Ангел летал над морем,
Над скалами, темным лесом.
Смертное видел горе
За дымовой завесой.
Спешка везде, засовы,
Злые повсюду лица —
Некому молвить слово,
Некуда приземлиться.

г. Новокузнецк

Сергей ПАВЛОВ

МУХА, ИЛИ КОРОТКИЕ ВСТРЕЧИ

Глава 1. ФЕДЯ

Уже второй месяц жизнь у Федора идет нараскоряку. Слово некрасивое? Так ведь и жизнь такая же. Сначала его завод обанкротился и ему в числе многих других указали на дверь, потому как большим специалистом он никогда не был, да и в отделе кадров завода хорошо помнили «казенные письма» из медвытрезвителя на него, на Федю Гончарова. И пошел Федя супротив своего желания за заводские ворота. Сократили! Дома рев, слезы. Жене полгода зарплату не дают — за детский садик платить нечем. Ткнулся на биржу, или как там ее называют, и хоть ему нет еще и сорока, а не завалили предложениями о работе: то знание языка нужно, то умение работать на компьютере. Ну нет у него такого умения, не сподобился... Предлагались рабочие специальности, но, как узнал Федя, там зарплату задерживали на пять-шесть месяцев, а есть-то сегодня хочется!

Но больше всего удивляла и злила Федю приписка в объявлениях: «Работа для мужчин в возрасте до 30 лет...», словно мужчина кончается в тридцать лет! Но ему повезло — взяли в бригаду шабашников по ремонту квартир. Конечно, токарь — не штукатур, это, что называется, две разные песни, но жить-то надо, и решил Федя спеть песню с чужого голоса: обрывал обои, месил раствор, белить научился. Однако старая страстишка лишь затаилась в душе, словно ожидая подходящего момента.

Он работал и ждал, когда его новые знакомые пошлют его в «монопольку» за водкой. Даже представить не мог: строители — и без водки! Неделю ждал, две. Сам не пил, потому что денег не было, а мужики работают, как роботы, — все трезвые и деловые. Даже перекуры и те маленькие — ровно на одну сигаретку. Никогда Федя раньше так не работал, даже бояться стал, что не выдержит на грузок, сломается, сбежит. Однако выдержал, дождался аванса. Бригадир Боря выдал ему деньги на руки без всяких квитанций и ведомостей. Пересчитал их Федя и прослезился: он в лучшие времена токарем столько не получал за полный месяц! Зашумело у него в голове радостно. Ну, думал Федя, сейчас-то ребята не выдержат и сорвутся в

пьяный штопор — ведь не язвенники какие-то — нормальные здоровые парни! Но парни не сорвались, а вот Федя...

Начал он сразу после работы, и пока еще не был совсем пьян, позвонил жене: мол, Танюшка, получил аванс — тысяча в кармане! Как потом выяснилось, зря звонил, зря хвалился... Не рассчитал в пивбаре, хватил пивка с большим водочным прицепом и где-то на улице кувыркнулся в кювет, а проснулся уже в знакомом заведении. Ребята в милицейской форме — его старые знакомые — казалось, души в нем не чаяли: привезли на авто, раздели, уложили на белую простынку. Вот только сказку забыли рассказать. А сказка утром началась, когда он проснулся и обнаружил, что ему на руки полагается всего 100 рублей. Шестидесять рублей — за услуги — это понятно, но ведь у него было около тысячи рублей! Он же пил-то пиво да самую дешевую водку, и вдруг — тысяча!

— Какие деньги?! Какая тысяча?! — деланно удивился приторно-вежливый капитан. — А на что вы вчера пили, гражданин Гончаров? Вас же лежка качало!..

— Да... но ведь... — Федя мялся, не решаясь идти на открытый конфликт с властью, а его память предательски молчала: где он вчера заканчивал вечер, с кем? Пусто!

— Ну, может быть там что-нибудь осталось? — робко спросил Федя.

— Где там? — по-хамски вежливо не понял капитан.

Федя тяжело сглотнул: во рту все спеклось, голова гудела и ему было трудно дискутировать. Между тем капитан зачем-то несколько раз переложил с места на место резиновую дубинку, а рыжий старшина, что курил у двери, косил на него лиловым глазом. Ну может быть, и не лиловым, но все равно нехорошим, злым глазом. Федя понял, что пришло время прощаться. Удрученно покачивая головой, он попятился к выходу.

— Так вы, Федор Иванович, — не унимался противный капитан, — поищите свои денежки там, где мы вас вчера подобрали. Может быть, они и лежат в канавке-то... кучкой... целая тысяча!..

— А где ж эта ямка-то? — вскинулся Федя, цепляясь за последнюю надежду. — Я бы это... поискал...

— Ищите и обрящите! — торжественно произнес капитан. Он был явно доволен собой: прищипил-таки алкаша словом божьим! Зато Федя как-то весь потух, сгорбился, руки его безвольно опустились...

В сво
ему бы
человек
сью не п
ротким.
вспомни
ется, но
она не п
вить. По
ко сказа
на сразу
ку. Удив
все пони
дце: вед
домой —
лежала:

Он пи
скопился
ждали с
на длите
как стек
были сте
он был в
знал про
все по п
друзья!
ленным з
юности,
вспомин
несостоя

Мягки
нуждалс
когда ну
«Где же
певая, не
известно
кан. Тол
этот веч
Она жуж
яжно пр
кой заку
шею и ку
го ее не
Не выпус
и еще ра
Поставив
ясь пойм
нула. Фе
способо
полагаем
вок руко
искусств
почему-т

В свою бригаду Федя пришел уже к обеду, но ему быстро объяснили, что на его место уже взят человек, а поскольку его трудовую книжку записью не портили, то расставание было предельно коротким. Мотаясь по городу в поисках работы, Федя вспомнил о жене. Потеряла его, наверное, волнуется, но если сразу все сказать о случившемся — она не переживет, и он решил ее сначала подготовить. Позвонил по телефону-автомату, но как только сказал, что ночевал в медвытрезвителе, Татьяна сразу все поняла, разрыдалась и бросила трубку. Удивился Федя, как порой женщины быстро все понимают. Плохо стало Феде, защемило сердце: ведь не зверь же он лесной... Когда пришел домой — жены и дочери уже не было, а на столе лежала записка: «Прощай! Я устала!»

Он пил вторую неделю. Гора пустых бутылок скопилась в углу ванной комнаты, еще несколько ждали своей очереди в холодильнике. Несмотря на длительный запой, Федя, казалось, был трезв как стеклышко. Его глаза подтверждали это: они были стеклянные, холодные, пустые. Где и с кем он был в эти минуты, о чем думал? Лишь одно он знал про себя: семьи нет, работы нет, а друзья все по пивнушкам рассеяны. Впрочем, какие это друзья! Так, приятели-соратники по борьбе с «зеленым змием», а настоящих друзей, из детства и юности, рядом нет. А в трудную минуту он всегда вспоминал именно их: Эдика, Николая да Нинку — несостоявшуюся жену.

Мягкий, склонный к самоедству, он постоянно нуждался в помощи извне. И сейчас ему как никогда нужно было надежное дружеское плечо. «Где же вы теперь, друзья-однополчане?..» — напевая, нет, скорее нашептывая себе под нос слова известной песни, Федя стал наливать водку в стакан. Только сейчас он понял, что мешало ему в этот вечер — здоровенная громкоголосая муха. Она жужжала, как самолет на форсаже, и вальяжно прохаживалась по его скромной холостяцкой закуске, изредка садилась на Федину руку или шею и кусала не слабее собаки. Он слишком долго ее не замечал, поэтому она совсем осмелела. Не выпуская муху из поля зрения, Федя выпил водку и еще раз убедился, что она его совсем не берет. Поставив стакан, он резко взмахнул рукой, пытаясь поймать свою обидчицу. Мимо! Она его обманула. Федя знал, что редко кому удастся таким способом поймать муху. Здесь важны расчет предполагаемого полета мухи и резкий, мгновенный рывок рукой навстречу. Еще в школе он освоил это искусство: наловит на уроке с десятков мух (они почему-то всегда водились в их школе даже зи-

мой), одним оторвет крылышки, другим — лапки, сложит в пустой спичечный коробок и слушает весь урок, как они жужжат — «музыкальная шкатулка»! От того-то, наверное, и учеба шла ни шатко ни валко. Отвлекался!

Неудачная попытка лишь раззадорила Федю. Рывок, еще один. Только с третьей попытки он пленил назойливое насекомое. Зажав ее в кулаке, приблизил к уху: жужжит! Вспомнил, как учил Нинку ловить мух. Не освоила она эту нехитрую науку. Эх, Нинка, где же ты теперь? Он потянулся за новой бутылкой в холодильник.

— Жутко грубый мужжлан! Раздавишь! — послышалось ему. Федя оглянулся: никого! Чертовщина какая-то! Он достал бутылку, намереваясь «свинтить» ей золотистую головку, но опять услышал:

— Пожжалей, раздавишь!

Теперь не послышалось! От неожиданности он выпустил бутылку, и она покатилась по ковру.

— Господи! Что это?!

Глава 2. НИНКА

Он огляделся по сторонам. Чудно! Прихожая чужой квартиры. В зеркале платяного шкафа появилось отображение небритого, неопрятно одетого, а точнее полурасдетого — в майке и дешевом трико с пузырями на коленях — мужика. Он вертел головой, знакомясь с обстановкой, из зажатого кулака раздавалось громкое жужжание мухи. Вот он увидел себя в зеркале, на какое-то время задержался взглядом. Увы, знакомство со своим двойником энтузиазма не вызвало.

— Ё-моё, — подумал Федя. — Где я? Как я сюда забрел?

Нет, квартира была не его — это точно, но какое-то необъяснимое чувство подсказывало ему, что он здесь уже когда-то был. Дежа вю! Это когда с головой... Оторвавшись от зеркала, он шагнул в темную комнату — кухня. Свет не стал включать. Продолжил знакомство с прихожей. В углу на стене вешалка, явно переполненная одеждой. Взгляд скользнул вверх — звонок. Типичный, как у многих, но от него вниз спускался шелковый шнурок, на котором висел пластмассовый Буратино. Такое же он видел у Нинки. Когда звонили в дверь, Буратино смешно подпрыгивал, словно нервничал. Нинке это нравилось. Нинка, Нинка! Хорошая была подружка, но когда она стала поговаривать о свадьбе, он позорно бежал от нее, чтобы уже через полгода попасть в цепкие лапки Танюшки. Она-то и повела его в загс...

— Эх ты, Буратино! — Федя щелкнул куклу по носу. Обернувшись, он снова увидел себя в зеркале. — И ты Буратино, только веревочка у тебя подлиннее, — и он провел кулаком с зажатой в нем мухой по небритой щеке.

Его голова стала немного проясняться, но не сразу, а такими же мелкими шажками, какими он ходил по чужой квартире. И вдруг он понял весь ужас своего положения: оказаться глубоким вечером в чужой квартире, полупьяным, полураздетым... Поймают — греха не оберешься! Он ринулся к двери и принялся изучать замок — быстрее отсюда на улицу! Замок был непростой. Присмотревшись, он понял, что такой же замок ставил он Нинке незадолго до своего бегства. Предохранитель был с дефектом, и Феде пришлось вытачивать другой. Токарю это не сложно. На поверхности кнопки предохранителя он вырезал букву «Ф» — Федя, значит. Изучая замок, Федя обратил внимание, что и здесь предохранитель «не родной». Наклонившись поближе, рассмотрел на кнопке предохранителя... букву «Ф»! Фу! Он мгновенно вспотел. Не может быть! — Нинкина квартира. То-то ему показалось... Он снова огляделся. Конечно, за пять лет здесь многое изменилось, но... Его рассудок не воспринимал этот факт. Он знал, что Нинка живет в соседнем городе, а это почти двести километров. Как он попал к ней?! Да и ключа у него нет, никакого, даже от собственной квартиры. Мистика! Он решил еще раз себя проверить. Если это Нинкина квартира, то в ванной, в третьем ряду сверху вместо голубой плитки должна быть черная. Давно, когда он выкладывал ванну плиткой, одна из них, из третьего сверху ряда, отвалилась и разбилась вдребезги. Замены ей, такой же голубой, не было, и Нинка предложила ту, что была — черную. Как она сказала тогда: «Это ложка дегтя на мою голубую ванну». Не без трепета он включил свет в ванной: «ложка дегтя» была на месте!

И только тут он услышал приглушенные голоса мужчины и женщины, что доносились из спальни. Наступило затишье, нарушаемое противным скрипом Нинкиной кровати. Да, он помнил этот скрип, но тогда он ему даже нравился — лишняя реклама для соседей — пусть знают, что здесь живет настоящий мужчина! Пять лет прошло, целых пять лет! Он женат, дочка растет, но ведь и у нее может быть семья... Словно в подтверждение его мыслей из спальни понеслись легкие стоны. Да, да, именно так стонала Нинка, постепенно набирая скорость к сладостной минуте. Он на секунду прикрыл глаза и живо представил ее распахнутое тело,

золотистые, разметавшиеся на подушке волосы и перекатывающиеся в такт движениям партнера ее полноватые груди с крепкими маленькими сосками...

Шалея от страсти и страха, он снова кинулся к двери: прочь отсюда! И только сейчас он заметил еще один замок, чуть ниже того, что ставил он. Замок очень непростой — даже изнутри открывается ключом, а его в скважине не было. Мысли лихорадочно крутились в голове, пот струился по лицу. Свободной левой рукой он ощущал замки — открыть без ключей их невозможно. В кулаке завожилась муха, но ее Федя даже не заметил, зато он услышал, как Нинка зашла в последнем стоне, как по-собачьи коротко рявкнул мужик... Все, через две-три минуты Нинка будет в ванной. Этот ее график точнее, чем у поезда в метро — Федя это хорошо помнил. Вот скрипнула кровать — кто-то встал, но кто?! Если мужик — ему конец, а если она?... Уже ничего не соображая, он кинулся в ванную комнату, где в углу стояла вешалка с ворохом одежды и белья. Мгновение — и он, присев на корточки, прикрылся старым Нинкиным халатом, затих...

Она была голая, совсем. Ее длинные, с позолотой, волосы рассыпались по плечам, глаза томно полуприкрыты.

— Странно, — пробормотала она, — я, вроде бы, свет выключала. — С этим она вошла в ванную комнату и закрыла дверь на защелку, включила душ. Из своего убежища Федя видел, как она с вожделением подставляла под струи воды свое красивое тело, как она смыла с себя последствия любовных утех, а затем застыла под струей. Стараясь не замочить волосы, она держала их в руке на отлете.

«Наверное, она так же мылась и после меня», — подумал Федя и пожалел, что ни разу не принял предложение Нинки вместе искупаться в ванной. Он почувствовал себя в чем-то обделенным и сейчас с жадностью пожирал глазами соблазнительное тело своей бывшей любовницы.

«Да, Танюшка-то попроще будет», — мелькнуло у него в голове, и тотчас стало обидно за жену.

Услышав за спиной легкий шорох, Нинка резко повернулась. Федя, когда любовался своей недавней пассией, потерял бдительность и даже слегка привстал из своего убежища. Застигнутый врасплох, с халатом на голове, с зажатой в кулаке мухой, он медленно выпрямился и вышел из укрытия.

— А-а!... — пронзительно вскрикнула хозяйка, но шум льющейся воды приглушил ее крик.

— Что ты, Нина! Тихо! Это ж я — Федя... — он это произнес сдавленным голосом, не то от волнения, не то из опаски спровоцировать новые крики.

— Ты-
вчера
чем здес

Она ст
капельках
хозяйку»
покоилис
шись, она
няв тщету
шалки бо
плечо, ка
конкурса

— Фе
оправила
лась к не
то по-баб

— Не
залось, на
Откуда у

— Да
твою не с

— Та-
чит, как
лез, так?

— Да
Федор, н
нения его
собой по

— Так
значит, п

— Да
— Ну-

наружу.
сту несет

— Ты
ту потер

ственным
хотя ни м
Впрочем,
Нинкины

— Аг
она, — бр
сюда при

После
как пере
ее теле,
Федору
даже взд

— Ни
на твою

— Так
засмеяла
лыхалась

— Ты-ы?! — испуганно она глядела на своего вчерашнего сожителя. — Ты... ты... откуда? Ты зачем здесь?

Она стояла перед ним обнаженная, красивая, в капельках влаги на коже, а поза напоминала «Колхозницу» на ВДНХ, только вместо серпа в ее руке покоились спасаемые от воды волосы. Спohватившись, она пыталась прикрыть свою наготу, но, поняв тщету своих усилий, неторопливо сняла с вешалки большое полотенце и прикрылась им через плечо, как обычно надевают ленты фавориткам на конкурсах красоты.

— Федь, а как ты сюда попал? — похоже, она оправилась от первого испуга и теперь подступилась к нему с вопросами. Вместо ответа Федя как-то по-бабьи пожал плечами: не знаю, мол.

— Не дури, Федя! — Его бывшая подруга, казалось, начинала сердиться. — Как ты открыл дверь? Откуда у тебя ключи?

— Да нет у меня никаких ключей, а дверь я твою не открывал и не взламывал...

— Та-а-к... — ехидно протянула Нинка, — значит, как таракан, через замочную скважину пролез, так?

— Да ни какой я не таракан, — вскинулся было Федор, но поняв, что никакого разумного объяснения его появлению здесь нет, снова сник. — Само собой получилось... Чертовщина какая-то...

— Так... — не унималась его бывшая подруга, — значит, пить стал?

— Да не то чтобы очень... так...

— Ну-ну! — Нинкина ирония бурлила и рвалась наружу. — А сивушный-то запах от тебя на версту несет!.. Что с тобой, Федюня?

— Ты знаешь, Нин, у меня все кувырком: работу потерял, жена ушла... — обманутый ее сочувственным тоном, Федя начал было исповедоваться, хотя ни место, ни время этому не соответствовали. Впрочем, он это и сам понял, услышав следующие Нинкины слова.

— Ага, — едва сдерживая злость, проговорила она, — брак не задался? Любви тебе мало в семье — сюда притащился?

Последние слова произнесла, уткнув руки в бока, как перед расправой. Полотенце, покоившееся на ее теле, немедленно скользнуло вниз, снова явив Федору Нинкину красоту. От неожиданности он даже вздрогнул, как-то болезненно поморщился.

— Нин, ты прикройся... Нормальному мужику на твою красоту смотреть больно...

— Так это ведь нормальному, а тебе... — она засмеялась, откинув голову назад. За спиной колыхалась бурка ее волос.

— Федюнь, а ты, никак, комплименты научился говорить. Вот ведь как жизнь тебя достала! — она издевалась над ним и не скрывала этого. Ее руки игриво прошлись по обнаженному животу, слегка потрепали розовые соски, а затем нырнули в шелковую поросль лобка. — Что же, твоя женушка хуже меня, а?

— Не знаю, Нин, — осипшим голосом проговорил Федор: все это время он неотрывно следил за ее руками. Он старался отвести свой взгляд в сторону, но глаза, словно намагниченные, раз за разом возвращались к ее телу. — Понимаешь, плохо мне сейчас, просто хре-но-во! Думал, жена поймет, а она... Тебя захотел увидеть... Уж и не знаю зачем... только подумал — и вот я здесь! Чепуха какая-то...

— Вот ты, значит, почему здесь — дома плохо, не поняли тебя! — похоже, Нинка и не думала униматься — ее слова все больше наливались тихой яростью. Она подняла полотенце и снова накинула на себя. Ей явно нравилось видеть, как мучается некогда любимый ею человек, наблюдая за ее таким близким и одновременно недоступным телом.

— Видишь, как все просто у тебя: захотел — убежал, захотел — прибежал! А меня ты спросил: нужен ли ты мне? Федя, Федя, твое время ушло, и ты сам его поторопил. Я сейчас замужняя женщина, только вот детей у меня нет и, скорее всего, не будет. И это, Федя, твой грех! Ведь я тебя слушала, дура!

В ее голосе послышались слезы, и это словно подтолкнуло его: он обнял ее тело и стал осыпать поцелуями.

— Прости, Ниночка, прости... Я виноват перед тобой, перед нашими детьми, которые могли бы быть у нас... Глупец, я сбежал, надеясь на лучшее, а только сейчас понял, что лучшее оставил здесь...

Его голос дрожал, слезы падали на Нинкино тело, но она оставалась холодной. Невозмутимо отстранив от себя Федора, она демонстративно вытерла полотенцем те места, что он успел поцеловать и оросить своими слезами, со злорадной усмешкой на губах бросила полотенце ему в лицо:

— Ты для меня умер! Навсегда!

В дверь ванной комнаты кто-то постучал и раздался голос:

— Нина, ты что так долго? С кем ты разговариваешь?

— Ну что, любовничек, хочешь познакомлю с моим мужем? Может быть, он тебя пожалеет? — продолжала глумиться Нинка.

— Нин, зачем же так... Я не в форме, да и вообще... Кто его звал сюда?

— Что?! — Нинка чуть не задохнулась от возмущения. — Ты говоришь...

— Понял, Нинок, понял, промашку дал, — забормотал в оправдание Федя. — Ухожу, ухожу! Больше не зови — никогда я тебя не потревожу...

Дверь снаружи сильно рванули, задвижка не выдержала. На пороге стоял крепкий высокий мужчина лет сорока. Он так же, как Нинка, был обнаженным. Его широкая грудь щедро поросла густым черным волосом. Он с изумлением глядел на свою голую жену, на неизвестного ему мужчину в трико и майке с недельной щетиной на лице. Нависшую тишину нарушило сильное жужжание мухи...

Глава 3. ФЕДЯ

Было тихо. Он долго лежал с закрытыми глазами, прежде чем понял, что находится у себя дома. Страшно болела голова, а внутри все дрожало. Такое ощущение у Федора было в армии после первого прыжка с парашютом. Тогда он долго и тяжело возвращался к нормальному состоянию. Сосед по койке, Серега Залогин, после отбоя сказал ему: «У тебя весь день после прыжка на лице гуляла придурковатая улыбка... Ты там, наверху, головой о самолет не стукнулся?..» Посмеялись перед сном — на том и забыли.

Сейчас не до смеха... Все эти мысли стремглав пронеслись в его хмельной голове. Наконец он открыл глаза и сел. От неудобной позы, в которой он лежал на диване, затекла шея. Бутылка с водкой валялась на ковре, а в кулаке надсадно жужжала муха. Скорее машинально, чем осмысленно, он сунул муху в полупустой спичечный коробок и как в детстве, слегка встряхнув, приложил к уху: жужжит! Музыкальная шкатулка!

Тут он вспомнил Нинку, ее квартиру, волосатого мужика... Что это было?! Сон? Мираж? Федор потер виски, потрянул головой — сознание прояснилось. «Нет, здоров, — решил он про себя, — пока не соскочил с рассудка»...

Подняв с ковра бутылку, привычным жестом он свернул ей желтую головку и сделал несколько глотков «из горла». Алкоголь придал ему бодрости и направил его мысли в другое русло...

— Так, — рассуждал Федя, оглядывая квартиру, — я жив, и это главное... Я дома, и это тоже хорошо... Конечно, я кое-что продал из барахла (и действительно, с тех пор как Танюшка его оставила, он продал магнитофон, тостер, утюг, кое-

что из книжек)... «А что делать? — мысленно оправдывал он себя, — голод — не тетка!» — и купил на вырученные деньги водку, а впридачу очень скромную закуску: хлеб, лук, кильку в соусе...

Человек впечатлительный по натуре, Федя считал, что главное — понять человека; за пониманием должно прийти прощение, а прощенному всегда нужно помочь. Он надеялся, что Танюшка со временем его поймет, простит и поможет. Но это будет потом, а сейчас, обиженный ее скорым, а главное, тайным бегством, Федя отодвинул жену на последний план. Он должен побыть один, осознать свое сегодняшнее положение, свою вину. А то что он виноват, он понимал, но обида, переполнявшая его, пока не позволяла ему осознать степень своей вины перед женой и ребенком. Он был еще не готов повиниться, да и жена, по его мнению, должна тоже осознать, каково ей одной без мужа, то есть без него, без Федеи...

10 ...Прошлого Федя любил. Он часто вспоминал своих друзей, памятные случаи из детства и юности, а поскольку рассказывать он мог интересно, Танюшка первое время слушала его с раскрытым ртом, но вскоре это ей прискучило, и она использовала любой повод, чтобы увильнуть от прослушивания Федеиных откровений. Федя огорчился и перестал говорить вслух, но мысленно продолжал частенько нырять в прошлое: к своим друзьям, в их общую счастливую молодость, когда они все были еще равны и любили весь свет. Особенно часто это случалось у него во время работы на токарном станке, под его мерное жужжанье. Никто не мешал, а главное, такие уходы никак не отражались на его работе. Он разговаривал с друзьями, спорил, в голове его выстраивались длинные монологи, и почти любой спор заканчивался в его пользу. «Вот так-то, мой юный друг Эдик!» — иногда добавлял он вслух, заканчивая свой очередной виртуальный диспут. Вместо Эдика мог оказаться Коля или Нинка — в зависимости от ситуации. Впрочем, с Нинкой он редко так спорил — женщина все-таки! Здесь у него было другое... Поначалу, после своего позорного бегства, он старался придумать оправдательную речь: почему он вдруг оставил ее, находил те «плюсы» для нее и для себя самого, что принесло это бегство, и порой так далеко забирался в своих мыслях, что начинал представлять его благородным поступком, а от умиления и жалости к себе на глаза иногда наворачивалась скупая мужская слеза. Увы, не сразу он понял тщету своих усилий, а поняв, загрустил: нет ему дороги назад, осталась Нинка для него в другой жизни, и эти речи его никогда не услышит — аминь!

А дру-
ним свою
замечая т
дня сегодн
ним, еще

Сейчас
дит! Эдик
«по Север
Это далеко
лет десять
Не-ет, сей
нег, чтобы
дело — Ко
за 80 кило
чился, сем
себя в рук
недавно се
(понятно, н
ти), закоди
фером, яз

В област
то на базу
зет. Встре
фонные зв

— Не д
шей улице

— Да, х
мысли, про
ках почату

Тут он с
Нинку, ее к
жика... Че
какой-то ст
поднялся с
время на в
рым он пр
был не сон
ка? Обесси
время тупо
погладил е
поверхност
глотков из
закрыв гла
но... В его
«Ты для ме
уничтожени

И хотя в
кой, но все
Ну, могла х
как-то по-д

«Значит,
Впрочем
ловеку хор

мысленно оп-
а!» — и поку-
придачу очень
в соусе...

е, Федя счи-
за понятием
ному всегда
юшка со вре-
жет. Но это
ее скорым, а
одвинул жену
ь один, осоз-
свою вину.
обида, пере-
ему осознать
ребенком. Он
жена, по его
ово ей одной
ди...

то вспоминал
ства и юнос-
ог интересно,
с раскрытым
и она исполь-
ть от прослу-
огорчился и

но продолжал
м друзьям, в
огда они все

ет. Особенно
ия работы на
жканье. Никто
как не отра-
вал с друзья-
лись длинные
чивался в его
дик!» — иног-
ой очередной
мог оказаться
итуации. Впро-
— женщина
е... Поначалу,
старался при-
у он вдруг ос-
ее и для себя
порой так да-
начинал пред-
м, а от умиле-
да наворачива-
е сразу он по-
агрустил: нет
для него в дру-
не услышит —

А друзья ему были нужны всегда: он сверял по ним свою жизнь, советовался, правда, порой не замечая того, что он, сорокалетний мужчина, из дня сегодняшнего обращается к друзьям вчерашним, еще двадцатилетним...

Сейчас они редко встречались. Жизнь разводит! Эдик — военный летчик. Всю жизнь мотался «по Северам», а сейчас осел где-то под Псковом. Это далеко! Первый и последний раз он был у него лет десять назад — помогал «выйти из штопора»... Не-ет, сейчас Феде уже не заработать таких денег, чтобы еще раз наведаться к другу. Другое дело — Коля. Он рядом, в Кедровске — городке за 80 километров. У него все сложнее. Пил, лечился, семья распалась. Спихватился, наконец взял себя в руки, ан нет... Все не так просто. Встретил недавно сестру Николая, разговорились: живет один (понятно, не каждая решится за пьющего-то выйти), закодировался, работает где-то в фирме шофером, язва...

В областном городе Николай бывал наскоками: то на базу приедет за товаром, то хозяина привезет. Встречались накоротке, да изредка — телефонные звонки. Трудно ему, а голос бодрый:

— Не дрейфь, Федя, вырулим! Будет и на нашей улице карнавал с музыкой и цветами!...

— Да, жизнь разводит... — словно итожа свои мысли, произнес Федя, продолжая держать в руках початую бутылку. — Коля, Эдик, Нинка...

Тут он опять отчетливо вспомнил обнаженную Нинку, ее квартиру, старый халат и волосатого мужика... Чертовщина! Что же это было? Сон? Но какой-то странный, все так отчетливо виделось. Он поднялся с дивана, чтобы идти на кухню, и в это время на валике увидел Нинкин халат, под которым он прятался в ванной комнате... Значит, это был не сон?! Так что же это? Неужели белая горячка? Обессиленный он рухнул на диван и некоторое время тупо смотрел на халат. Свободной рукой погладил его — ощутил прохладную шелковистую поверхность — не снится! Он сделал несколько глотков из бутылки, откинулся на спинку дивана и закрыл глаза. Да, с Нинкой ему не было скучно, но... В его памяти всплыли ее последние слова: «Ты для меня умер!» Это был удар наотмашь, на уничтожение...

И хотя в душе признавал свою вину перед Нинкой, но все же считал себя глубоко обиженным. Ну, могла же она, думал он, эти же слова сказать как-то по-другому, мягче, что ли... Не сказала.

«Значит, разлюбила», — решил он.

Впрочем, Федя знал старую истину: когда человеку хорошо, он не торопится делиться своим

счастьем. Хотя его и много, взхлеб, но оно же твое! Это ж'какую душу по ширине надо иметь, чтобы добровольно отнять у себя любимого кусочек законного счастья и кому-то отвалить вот так вот, ни за что ни про что?! Но ему всегда казалось, что уж он-то бы обязательно поделился своим счастьем, да только оно что-то все норовит обойти его стороной, словно боится рассеяться среди многочисленных Фединых собутыльников. А вообще-то, считал он, все определяется натурой человека. Только открытые, щедрые натуры готовы бескорыстно поделиться даже крохами своей радости, своего счастья. Зато если у человека беда, то, наверное, каждый готов одолжить свои проблемы первому встречному, а не только случайному попутчику в поезде.

Вот Эдик, например... Женился после летнего училища, уехал куда-то на Север. Сначала были письма, а в них: все хорошо, интересно, богато... Рад был, конечно, за друга Федор, да только от этого свои собственные неудачи казались еще горше. Потом вместо писем пошли редкие открытки на Новый год да на день рождения, а потом вообще наступила тишина... Федя писал, да что толку... Вот тут-то он понял, что каждый «хакает свою порцию счастья в одиночку»! Обидно стало... И вдруг письмо — большое, отчаянное. Да не письмо это, а крик души: «семья рушится, серьезно болен, на службе неприятности... короче, попал я в штопор, Федя, а как из него выйти — не могу понять», — писал ему Эдик. Пять листов — и все в таком духе. «Я даже оружие боюсь получать, когда в наряд заступаю, — не выдержу, застрелюсь...» Бросил все Федя и рванул к другу. Недельку жил там, наплевав на собственные беды и невзгоды. В семье у Эдика мир наступил, на службе подвижки хорошие пошли, а здоровье? Нервы сдали да анализы перепутали. В общем, наладилась у Эдика жизнь, и Федя со спокойной совестью вернулся домой. Потом пришли две-три открытки на праздники и снова тишина...

Глава 4. ЭДИК

— Жжди товарищца, — послышалось Федору. Поглощенный своими мыслями, он вначале и не понял, откуда раздался этот голос. Да и не голос это был вовсе, а словно бы жужжание пчелы, мухи или электробритвы. Федя открыл глаза, и в это время раздался звонок в дверь.

— Таня! — вскинулся он. Мгновенно окинул взором весь беспорядок в квартире, схватился было за бутылку, за корки хлеба, но потом махнул ру-

кой и кинулся к двери: главное — она здесь, а порядок он, Федя, наведет быстро. Таня, Танечка!.. Он торопливо открыл дверь.

— Здра-а-авствуйте!.. — раздался из-за открываемой двери игривый мужской голос. Похоже, владелец его кому-то очень хотел понравиться.

— Эдик!!! — Федя остолбенел от неожиданности, когда открывшаяся дверь явила ему друга.

— Федя! Ты?!! — Гость также застыл в изумлении. Радостно-удивленные, они некоторое время молча рассматривали друг друга, но было уже ясно, что меньше всего они надеялись увидеть друг друга...

Первым пришел в себя Федя и с диким восторженным ревом внес на руках в квартиру старого друга... Эдуард особо не сопротивлялся, стараясь лишь уберечь от неуместного восторга хозяина букет цветов и пакет с провизией...

— ...Вот, Эдя, вкратце моя глупая и грустная история, — тихим голосом закончил свой рассказ Федор. Уже были допиты его водочные резервы и в ход пошел коньяк Эдуарда, а букет сиротливо увядал на запыленном журнальном столике. Той внимательной женской руки, способной позаботиться о цветах, в этом доме уже не было...

— Да-а, — сочувственно протянул Эдуард, — у тебя действительно серьезные проблемы. Жаль, что все так получилось... Но как я сюда попал? Ведь я живу в Пскове, а ты здесь... Ведь между нами по прямой почти четыре тысячи километров... Я не сплю? Это ты, Федя?! — и он со смехом ущипнул себя за ухо.

По тому, как он легко ушел от обсуждения Федяных проблем, было ясно, что рассказ друга мало его тронул, не царапнул по сердцу...

— Так ты объясни, Федюнь, что это за фокус? — похоже, он совсем не прочувствовал настроение друга и потому в его голосе оставалась эта игривость.

— «Как да почему?» — передразнил его Федя. — Приехал, так будь гостем, дорогим гостем... Расслабься, майор! Рядом с тобой, может быть, и я воспряну. Ты же понял, что я кругом в дерьме!

— Да уж... — как-то неопределенно протянул Эдик. — Только майор-то я теперь в отставке. Зови уж лучше: начальник копильного цеха городского мясокомбината. Звучит, может быть, негромко, но вкусно. Кстати, эта грудинка из моего цеха! Угощайся. А все же, как я сюда попал?

— Эдя, прекрати! — едва сдерживая раздражение, крикнул Федор. — Закаркал! Как попал? Как пришел? Что странного? Пришел, так и будь гостем, не суетись под клиентом! Так, кажется, раньше говорили в борделях?

— Ну, товарищ, вы и в борделе бывали?! Везет же людям! — снова хохотнул Эдик. — И все же... Вот, смотри, на моих часах 17-50, а на твоих 21-50! У меня-то время московское, а у тебя?! — Его взгляд в тупом недоумении застыл на будильнике. — Ты, Фрэдик, намекаешь, что я... — он пошевелил пальцами в воздухе, видимо, не подобрав нужных слов. — Это как же я: оттуда — сюда?! Это ж четыре часовых пояса! Фрэдик, кому скажу — никто не поверит!..

— А ты и не говори, — бесцветным голосом ответил Федя. Он понял, что задушевного разговора с другом детства уже не получится. Смирившись с этой мыслью, он неторопливо стал разливать коньяк по стаканам. — Не говори по двум причинам: во-первых, тебе все равно не поверят, а во-вторых, это вряд ли кого заинтересует. Кого е...т чужое горе?! А объяснить я тебе кое-что объясню, вот только выпью... Просто чтобы не видеть идиотское выражение твоих глаз. Еще минута, и ты, кажется, с ума сойдешь...

— Точно, сойду, — легко согласился Эдик, поигрывая стаканом с коньяком. Федор опрокинул содержимое стакана в рот, взял пластик хваленной грудинки и стал медленно жевать, отрешенно уставившись перед собой. Эдуард застыл в ожидании, когда его друг насытится и объяснит ему наконец все странности этого вечера. Федя закончил трапезу, как-то исподлобья и очень странно взглянул на друга, затем взял со стола спичечный коробок.

— Эдя, ты можешь считать, что я с дуба рухнул, но, похоже, все твои сегодняшние злоключения из-за той твари, что сидит в этой коробке, от этой мухи...

Он сильно потрянул коробку — из нее донеслось жужжание плененного насекомого.

— Она играет сегодня со мной. Я только подумал о Нинке — и оказался у нее в квартире... Прямо вот так, в майке, трико... Ты ее не знаешь, не видел, но я писал тебе про нее — это была почти жена, да... не получилось вот... Мда, разговорчик у меня с ней был не из приятных... А ведь она живет за двести километров. Потом о тебе вспомнил — и ты появился. А ведь здесь кроме нас никого нет, ни-ко-го! Не веришь — посмотри, — дурачься, Федя стал заглядывать под стол, под кресло, — ау, барабашка, где ты?!

Не дождавшись реакции Эдуарда, он успокоился и снова сел на диван.

— Видишь, когда ты приехал, здесь были только я и муха. Как зажужжит погромче — значит, что-нибудь случится. И вроде бы все делает как

лучше, а Нинке — в совсем — б мужик ее с вру я — не было рядом мне, после конечно, а хорошо вре попал? что вишь куда мне теперь

— Не б ответил Эд

— Да по какой я раз репнуть —

— Долж меня у само с ними к те не коррект чужие плеч дороги...

— Так, З дор. Он нед ред. — Зна обратился к примчался! рались! Ты с ба там... Ну ехать не на, помочь. Др стыдишь: не

От возму покаивающе

— Успоко другая ситуа уйти в завяз

— Да, д нарочито со

— Ну чт Мне же зав Ну, я, врод Завтра я до ра ждать бу

— А-а, ф оставил, зна считать... Уж деревянная?

— Стой, разберись!

— Все, во убедил! Разб

лучше, а на поверку — наоборот. Заскучал по Нинке — вот она, пожалуйста, даже голенькая совсем — бери — не хочу... Мда, взял бы, да там мужик ее с лохматой грудью... Не слушай меня, вру я — не взял бы я ее, даже если бы и мужика не было рядом. «А чтоб ты сдох, Федя!» Это она — мне, после всего, что было... Да-а... Ну, не сдох, конечно, а умер, но все равно... Ты появился — хорошо вроде бы, а ты чем-то озабочен: «...как попал? что такое?» Того и гляди, как Нинка отправишь куда подальше вместе с мухой. Да что же мне теперь удавиться, что ли?

— Не болтай глупости, — с досадой в голосе ответил Эдик, все еще не решаясь выпить коньяк.

— Да почему глупости? Почему? Ты же видишь, какой я разобранный. Мне остановиться надо, окрепнуть — и ты мне должен помочь.

— Должен, должен, — дернулся Эдик. — У меня у самого проблем по макушку. Я же не лезу с ними к тебе... Прости, Федя, но это... знаешь, не корректно свои проблемы перекладывать на чужие плечи. Знаешь, у каждого своя жизнь, свои дороги...

— Так, Эдуард, — резко остановил друга Федор. Он недобро сощурил глаза и весь подался вперед. — Значит, когда у тебя были проблемы — ты обратился ко мне — это корректно! Я все бросил, примчался! Мы же все порешали, во всем разобрались! Ты оставил Алку — вернулся домой, служба там... Ну, все путем! А ведь тебе сейчас даже ехать не надо — ты уже здесь! Но ты не хочешь помочь. Другу не хочешь помочь!!! Мало того — стыдишь: не корректно! Да как же ты... Да...

От возмущения Федя стал задыхаться. Эдик успокаивающе похлопал друга по коленке:

— Успокойся, Федя, не горячись! У меня была другая ситуация — я не пил. Тебе всего-то нужно — уйти в завязку! А разговоров!

— Да, да, — Федя сидел, опустив голову, и нарочито соглашался с другом.

— Ну что «да-да»... ну, что ты, как ребенок. Мне же завтра на работу... Я же к Алке шел... Ну, я, вроде как, в командировке, понимаешь... Завтра я должен быть дома, меня же Ленка завтра ждать будет...

— А-а, фальшивый ты мой, значит, Алку ты не оставил, значит, роман твой длится... Дай-ка сосчитать... Уже скоро рубиновая свадьба будет или деревянная?! А мне-то врал, и Ленке врал!...

— Стой, Федя, не лезь в мою жизнь! Со своей разберись!

— Все, все, — примирительно заговорил Федя, — убедил! Разбирайся со своими бабами сам! Не пус-

каешь в свою жизнь — твое право! Так и скажи: пошел, Федя, на... Смелей!

— Да, ладно ты... — поморщился Эдуард. — Пойми, Федя, не был я готов к встрече с тобой сегодня, сейчас! Это раньше, в детстве, юности мы рады были видеть друг друга в любое время дня и ночи, но сейчас... Сейчас мы стали немного другие, более рациональные, что ли... В общем, Федя, эта встреча не ко времени, оттого мы так раздражаем друг друга, — он видел, что Федя с кривой улыбкой на лице молча качал головой: он ему не верил, он с ним был не согласен.

— Да пойми ты, черт! Ну, чем я могу тебе помочь? Не давать пить? Бутылку от тебя прятать? Чушь! Мирить тебя с женой? Но ведь я ее совсем не знаю, не видел даже... Работу я тебе тоже не могу дать... В общем, Федя, извини...

— Да нет, Эдя, это ты извини. Побеспокоил тебя зря. Мне бы шпану свою собрать — я же алкаш по-твоему! — а я про тебя вспомнил. Не дорос я до Вас, Эдуард Дмитриевич... Только вот до пупка Вашего и дорос, а туда же, в друзья... Извините!

— Ну-у, — снисходительно протянул Эдуард. — Ты всегда все заостряешь. Тебе уже сорок скоро, а ты так же весь из углов!.. Нельзя так, Федя!

— Зато ты гладенький стал, товарищ майор. Армия, что ли, научила тебя уголки обходить, ась? — и он по-шутовски подставил руку к уху.

— Армия — хороший учитель, — мрачно сказал Эдуард, — кого хочешь обломает.

— Вот-вот, ты, наверное, это поздно понял — до майора только дотянул... А ну, раньше бы скумекал, сейчас, глядишь, генералом бы был, ну уж полковником-то точно стал бы...

— А-а ну тебя, — отчаянно протянул Эдик и залпом выпил коньяк. Федя молча проследил, как его друг выпил, слегка поморщившись, закусил хваленной грудинкой, закурил новую сигарету. И все это молча.

— Ну ладно, бог со мной, — снова подступился он к бывшему летчику. — Со мной все ясно, но почему Коле-то Колоскову за все эти годы ты так ни разу не ответил, а ведь он писал тебе... Или ты побоялся, что он что-нибудь у тебя попросит? Ну и ответил бы ему так же, как мне сейчас, прямо, по-мужски: у меня, мол, своя жизнь — извини.

— Федь, ну ты подумай, чем я мог ему помочь? Денег у меня лишних никогда не было: жена, дети... Я не врач и язву лечить не умею...

— А слово, слово друга для тебя уже ничего не значит?! — повышая голос заговорил Федор. — Ты что же, действительно все забыл? Ты что же, не помнишь, чем ему обязан? Не помнишь?!

— ...помнишь!.. — это слово приросло эхом, а вся квартира, мебель да и они сами как-то странно закачались и поплыли...

Глава 4. НИКОЛАЙ

...Летний вечер. На берегу реки жарко пылал костер. Девчата заканчивали чистить картошку и посмеивались над парнями:

— Где же ваша хваленая рыба, щукари?..

Коля Колосков, самый опытный в этой компании рыбак, оставался на берегу с девчонками, а вся мужская братия после небольшого возлияния спиртного полезла в воду за рыбой. Самый здоровый в их компании Гоша Шилов круто забирая свой край невода к берегу. С другим концом едва управлялся Федя. Худой, высокий, он не имел такой силы, как Гоша, а потому уже два раза чуть не выпустил палку с намотанным на нее неводом. Не дай бог, выронить конец — вся рыба уйдет, а ее, видать, было немало в сети, тяжело подавался невод к берегу. Чтобы наверняка не потерять край сети, Федя несколько раз просунул руку через ячейки невода — теперь не выроню! Лево́й же рукой он тихонько подгребал к берегу. Остальная братва была в «загоне» — они плыли навстречу, нарочито громко шлепая ладонями по воде: рыба испугается такого шума и непременно залезет в невод!

— Давай, давай, ближе к кустам, Гоша! — кричал с берега Николай. — Она там крадется... Ближе ко дну держите...

Он носился по берегу как угорелый, размахивая своей загипсованной рукой. Он любил ездить на отцовском мотоцикле, и это у него неплохо получалось, но как раз накануне рыбалки он неудачно упал и... открытый перелом! Родители вообще не хотели его пускать: какая рыбалка, когда такая травма. На рыбалку Коля все же выбрался, но про купание пришлось забыть. В считанные минуты развел он могучий костер и принялся с берега корректировать действия рыбаков.

Ближе всех к Феде «загонял» рыбу Эдик. Плавал он слабенко, а тут, когда делили «наркомовские 100 граммов», Гоша по ошибке плеснул в его стакан на два «булька» больше, чем другим. Случайность! Федя, еще не чувствуя под ногами дно, уверенно держался на воде. Ему была видна только голова Эдика и блаженная улыбка на лице. Слушая команды Коли и озорные крики девчат, он тоже хохотал, как все, но видно было, что он подустал.

— Эдик, вали на берег, а то тебя вместо пескarei заловим, — крикнул Федя.

В ответ на это Эдик захохотал, намереваясь что-то сказать в ответ, но внезапно набежавшая волна накрыла его с головой. Федя услышал, как он закашлялся и скрылся под водой.

— Эдик! — испуганно крикнул Федя. Вот Эдик вынырнул на поверхность с широко раскрытым ртом, глаза его полны ужаса, руки беспомощно молотили по воде...

— Эдик тонет! — заорал Федя. Он кинулся было на помощь, но рука, запутанная им в сети, потянула его ко дну. Хлебнув воды, Федя уже сам запаниковал, закашлялся. Правая рука не могла освободиться от невода. Тем временем волны, поднятые другими «загонщиками», одна за другой били обессиленного Эдика в лицо, заставляя его судорожно хватать ртом воздух вперемешку с водой. Через мгновение он совсем исчез под водой.

— Эдик!! — истошно закричал Федя, перекрывая смех и крики друзей. Все судорожно закрутили головами, пытаясь понять причины тревоги. Витка и Валерка, что вместе с Эдиком были «в загоне», с перепугу рванули к берегу; здоровяк Гоша был слишком далеко от места, где исчез Эдик, Федя продолжал биться в путях невода; на берегу истошно кричали девчонки... И в это время, посреди этой всеобщей паники и сумятицы, кто-то с отчаянным криком бросился с высокого бережка через голову Феда и других рыбаков...

«Это Коля, — догадался Федя, наконец освободившись от невода, и бросился в центр расходившихся кругов воды и чуть не столкнулся лоб в лоб с Николаем. Бледный, с широко раскрытыми глазами, больной рукой он держал за волосы обессиленного Эдика, а здоровой рукой подгребал к берегу. Ни слова не сказал Николай, но каким-то шестым или восьмым чувством Федя почувствовал, что Николай сам держится на воде последним усилием воли. Федя рывком дернул Николая за здоровую руку к берегу, а сам подхватил вискользящее из его больной руки тело Эдика...

...Потом были хлопоты вокруг спасенного, а Коля сидел рядом и, поддерживая больную руку, морщился от боли, сквозь мокрую повязку проступала кровь. Уже потом друзья узнали, что сросшаяся было совсем рука Николая при спасении Эдика разошлась на месте перелома, причиняя ему адскую боль. В полубессознательном состоянии Гоша Шилов отвез Николая на мотоцикле в травмпункт...

В это время Эдик медленно приходил в себя: его рвало речной водой, дыхание было судорожное, неглубокое, глаза оставались закрытыми.

Наконец он пивших его д

— Ребята

Дыхание реее, пронзил плакал...

— ...Реб

ле и громко диван, не м одежды.

— А мне

есть еще по рой душа, ж летворением ретой. — У

Эдуард, оче все это поб

— Ну, по

коился, заку перед друго же, Федя, д высосала? Ко в почете. Та

— Что «и

— ...или с

у Высоцкого

— Но ты

— Стал, с

я совсем не не такой, как до некоторо забег на дли собой ли, с жишь, потом получить, усп ниться, детей чить, дачу, м только снится уже не догон теперь наобо других, а вот моги, дай в д этого, убежа переменялся процесс необ ся в убегаю го... Избеган ненужного...

Федя вни тот говорил,

Наконец он затих, открыл глаза и, увидев обступивших его друзей, заплакал:

— Ребята, пацаны...

Дыхание смерти, похоже, заставило его острее, пронзительнее понять прелесть жизни — он плакал...

— ...Ребята, пацаны! — Эдик лежал в кресле и громко всхлипывал, а Федя, откинувшись на диван, не мог избавиться от ощущения мокрой одежды.

— А мне нравится, что ты плачешь. Значит, есть еще под твоей прокопченной майорской шкурой душа, жива еще... — с нескрываемым удовлетворением проговорил Федя, затягиваясь сигаретой. — Уже что-то, но ты сильно изменился, Эдуард, очень! Сам-то это чувствуешь или тебе все это побоку?

— Ну, почему побоку? — Эдик немного успокоился, закурил, но ему все еще было неудобно перед другом за проявленную слабость. — Ты что же, Федя, думаешь, армия у меня всю совесть высосала? Конечно, там сантименты не в моде, не в почете. Такие там ломаются, стреляются или...

— Что «или»? — не понял Федя.

— ...или остаются в вечных капитанах! Помнишь у Высоцкого: «Капитан, ты не будешь майором!»

— Но ты-то стал, а?

— Стал, стал... Конечно же, годы дают знать, и я совсем не такой, как тогда, на рыбалке... даже не такой, каким был в твой приезд... Понимаешь, до некоторых пор для меня жизнь была как... ну, забег на длинную дистанцию. Бегу наперегонки с собой ли, с судьбой ли... Догнал — поймал! Бежишь, потому что надо все успеть: успеть диплом получить, успеть должность хорошую занять, жениться, детей родить и воспитать, квартиру получить, дачу, машину... «И вечный бег — покой нам только снится!» Но потом все изменилось! Я теперь уже не догоняю, я перешел на другую дистанцию и теперь наоборот — убегаю. Мне ничего не надо от других, а вот им от меня всегда что-то нужно: помощи, дай в долг, посоветуй!.. А я стараюсь уйти от этого, убежать... Вот ты правильно заметил, что я переменялся. Я это тоже чувствую, но... увы, этот процесс необратим. Из догоняющего я превратился в убегающего, да нет, точнее... в избегающего... Избегающего всего лишнего, беспокойного, ненужного... мне ненужного...

Федя внимательно слушал друга, и чем дольше тот говорил, тем больше становился его прищур и

глубже затяжки сигарет. То ли боль, то ли недоумение застыли в его глазах...

— Вот ты зовешь меня к Коле... А что я ему скажу? Как он меня поймет?

— Поймет — не дурак! — резко отозвался Федор, затем, хлебнув коньяка из стакана, сказал: — Ты вот про догонялки здесь мне рассказывал... Интересная картина получается и... грустная. Ты знаешь, а вот у меня такого чувства нет. Понимаешь? Нет! Ну не хочется мне бежать от людей, мне — к ним охота! Не хочется мне сидеть в своей конуре и жрать этот бекончик...

— Федь, — остановил его Эдик, болезненно морщась, — это потому, что тебе еще надо догнать... ты еще на первой дистанции. — Затем, встряхнувшись, он вскочил из кресла, бросил недокуренную сигарету в пепельницу, — и вообще, где у тебя этот волшебный таракан... Извини, меня ждут...

15

— А-а... — горько протянул Федя. Он с трудом проглотил подступивший к горлу комок обиды, еще раз внимательно, снизу вверх, посмотрел на своего, похоже, уже бывшего друга:

— Знаешь, Эдик, уж лучше бы ты пил!

Они надолго замолчали. Эдик стоял у стола, Федя сидел на диване, обхватив голову руками, а перед глазами, как в фильмоскопе, бежали картинки из настоящей и прошлой жизни: Коля в гипсе, упитанный и довольный собой Эдик, он сам, истощенным голосом зовущий друзей на помощь и безнадежно запутавшийся в путях невода... Двадцать пять лет промелькнули как один кадр!..

Из забытья его вывело надрывное жужжание мухи...

— Вот и поговорили... Ну, ладно, Эдик, давай выпьем на посошок... — он поднялся с дивана со стаканом в руке — Эдика в комнате не было, он был опять один.

— Да-а... Жизнь разводит... Женщине я не нужен, потому что мое время прошло; другу — потому что оно еще не пришло, а в общем на хрен ты никому не нужен, Федюня, будь здоров! — и он залпом выпил и потом добавил: — Если сможешь.

Он взял из пепельницы еще дымящуюся сигарету Эдика и глубоко затянулся, словно пытался почувствовать, понять своего друга — не понял, закашлялся и бросил сигарету. Донеслось надрывное жужжание мухи.

— Ах ты, стерва! — Федор схватил коробок и сжал его до хруста, — ты весь день измываешься надо мной!

Вся ярость, копившаяся в нем весь день, все раздражение и неудовлетворенность собой, своими друзьями выплеснулись на бедную пленницу.

— А ну, сука крылатая, пошли к Николаю! Сейчас же, немедленно! — и он ожесточенно тряхнул коробок.

...В комнате было душно, сумрачно, пахло ладаном. Зеркало в прихожей было закрыто темным платком. Гроб стоял посередине комнаты на стульях, рядом в скорбном молчании сидели Колины сестра, мать, тетка, еще какие-то женщины. Николай, сильно похудевший, с заострившимися чертами лица, лежал в гробу с выражением какого-то удивления, словно спрашивая всех входящих: вы-то здесь зачем? Сейчас-то я вам зачем нужен такой?! С ужасом смотрел Федя на своего друга: поздно! Он упал на свободный табурет и заскрежетал зубами: «Ко-ля! Ко-ля!» — в отчаянии он ударил себя по колену кулаком с зажатой в нем коробочкой. Писка мухи и треска коробка он не слышал...

...Он с трудом открыл глаза: голова раскалывалась от боли, было тяжело дышать... Оглядевшись, понял, что он у себя дома. Нинкин халат валялся на диване, истлевшая сигарета Эдика лежала в огромной пепельнице, а рядом — фотография. Он потянулся за ней, вгляделся: среди цветов и венков в гробу с едва заметной ироничной улыбкой лежал Николай, а рядом сидели сестра, мать, тетки и... он, Федор.

На твоей улице, Коля, была музыка и цветы, но... это был не карнавал!..

Ему казалось, что прошла вечность. Он сидел, тупо уставившись перед собой, а в голове, как на заезженной пластинке, проносилось одно и то же: один! Работы нет, друзей нет, а Коли совсем нет!!! Один... Но вот в его сознании, словно искра в ночи, мелькнула мысль настолько простая и необычная одновременно: жена! дочь! Где они? Почему он только сейчас вспомнил о них? Если ему удалось невозможное — встретить своих далеких друзей, то почему он не может вернуть себе самых близких и дорогих людей?! Это запоздалое просветление заставило Федю вскочить на ноги: ему как никогда сейчас была нужна эта чертова муха! Бесформенный коробок лежал под столом. Федя стремительно схватил его, тряхнул, но ответом ему была тишина.

— Муха, мушка, дорогая моя, помоги мне, верни все... — Федя приговаривал это как молитву, пытаясь осторожно расправить поломанный коробок, а когда ему это наконец удалось, то в коробочке он нашел большую раздавленную муху...

1998—1999 гг.

ОХРАННИК КУЗЬМИЧ

Сторож Кузьмич, а по нынешним меркам — охранник службы безопасности Н-ского химзавода Хвостов Макар Кузьмич, свое дело знал туго. Настолько туго, что вот уже несколько лет его никак не могут вытолкать на заслуженный отдых. Пенсию он получал уже давно, а все продолжал работать. Причин тому много: маленькая пенсия — одно, скучно без дела сидеть — другое (ведь дачей он так и не обзавелся), да, наконец, просто привык за свою долгую жизнь с утра уходить куда-то и делать что-то... Седьмой десяток ему пока-тил! Подступались к нему уже не раз с разговорами, а то и ультиматумом... По-разному приходилось крутиться: то разжалобит он своих начальников, то судом пригрозит (мол, мое конституционное право на труд нарушаете!), а то просто забудут о нем. Так и держится на плаву наш Кузьмич. Не хочет на покой — и баста! Ровесник завода, он честно отработал свою «химию», а потом ушел из цеха в сторожа — охранять родной завод. Раньше времена были спокойные и этим делом занимались старушки с берданками. Вот к ним и поставили его бригадиром. Он научил их строем шагать, правда, патроны боялся выдавать, да они и сами их не брали — так спокойнее для всех!

Потом, когда старушек временем повыбило, взялась беречь завод военизированная охрана. А Кузьмич тут как тут: опять же десятник, а точнее, командир отделения. Немолодой уже, но все еще шустрый. Многих новобранцев в команде уморазуму научил. Правда, берданку пришлось сменить на реваган. Перековался Кузьмич быстро. А сколько они патронов с мужиками перевели, стреляя по пустым (уже пустым!) бутылкам в лесопосадке! Патронов поначалу немеряно было, но потом словно спохватились — все по счету. Но главное уже сделано — навык приобретен!

А тут как реформы пошли — зачем-то охрану упразднили, наганы отобрали. Время, сказали, сейчас сложное, опасное — мафия заедает! Вот потому, видать, и отобрали у них оружие, чтобы, значит, мафии не мешать — не дай бог напасть на нее! Вот и сидит теперь 65-летний охранник Кузьмич с голыми руками, бережет свой родной завод от мафии и прочих басурманов. Власть ему теперь большой не дали по причине критического возраста, но пост все же доверили...

А пост у Кузьмича значится за номером «три».

В проходной...
лянная буд...
понат в ку...
забыли. Си...
дывает, ка...
обед — в с...
скую площ...
вая. Ну и в...
потерявши...
мимо его «...
на автобус...
сам когда-...
тил своими...
Проводит и...
турникет и...
служба, а...
лямку, на...
копчик не у...
для Кузьми...

Лишь од...
ность и ве...
дневную с...
графику «д...
шо, а кто н...
чу это не о...
А и то дело...
ет только...
нами тольк...

Старуха...
ре одна, с...
Долго Кузь...
чтобы себе...
службу то...
дет, да что...
вет. А баб...
вод! Вот за...
сейчас на...
Кузьмич к...
без привар...
из-за этого...
рости лет!...
жет — при...
бовь вспо...
долга, а се...
ном союзе...
Самая что...
привычка!...
этой его «...
терлось: с...
Емеля...

...Но во...
ком служб...
том: ревну...
не ночью!

В проходном коридоре здания стоит турникет, стеклянная будочка, а в ней — наш Кузьмич, как экспонат в кунсткамере, вот только спиртом залить забыли. Сидит он свои двенадцать часов да поглядывает, как рабочие поутру бегут на работу, в обед — в обратную сторону, из цеха — на заводскую площадь, где приютилась заводская столовая. Ну и вечером, конечно, когда усталые, но не потерявшие резвости заводчане пулей проносятся мимо его «аквариума». Тут уж не до пропуска — на автобус торопятся! Кузьмич понимает ситуацию: сам когда-то, по первой молодости, так же копятил своими кирзовыми сапогами этот коридорчик... Проводит их Кузьмич, приберется немного, сдаст турникет и будочку сменщику — и сам домой. Не служба, а мед. До ста лет можно тянуть такую ляпку, на что, видно, он и настроился. Лишь бы копчик не устал от сидения, ну да это не проблема для Кузьмича с его-то жизненным опытом.

Лишь одну послабку дали Кузьмичу за его древность и верность заводу — работал он только в дневную смену, хотя все остальные дежурили по графику «день — ночь — 48». Кто понял — хорошо, а кто нет — неважно, ведь все равно к Кузьмичу это не относится: он же только в день работает. А и то дело — упомянуть надо, почему он работает только в день... Смех, конечно, ну да между нами только...

Старуха его стала бояться оставаться в квартире одна, особенно ночью. Заблуждала бабка... Долго Кузьмич не знал, как подойти к начальству, чтобы себе такую поблажку выбить — ходить на службу только в день. Весь караул хохотать будет, да что караул — вся служба животики надорвет. А бабка настаивает: или увольняйся, или развод! Вот задачку поставила! Уволишься — а как же сейчас на одну пенсию проживешь?! Привык уже Кузьмич к определенному минимуму достатка, а без приварка это все рухнет... Ну а разводиться из-за этого... Так в загсе засмеют: сдурели на старости лет! Да и жить в одиночку он уже не сможет — привык к своей бабке. Раньше все про любовь вспоминал, потом появились слова о чувстве долга, а сейчас, когда речь заходит об их семейном союзе, то он лишь отшучивается: привычка! Самая что ни на есть вреднейшая в моей жизни привычка! Долго Маруся не могла привыкнуть к этой его «охломоновской шутке», а все же терпелось: сейчас услышит — только махнет — мели Емеля...

...Но все же Кузьмич обставил перед начальником службы свою просьбу серьезным аргументом: ревнует, мол, меня моя бабка, если я дома не ночую! Все ей чудится полюбовница какая-то...

— Ну-у, Макар Кузьмич, никак грехи молодости тебе на старости отливаются? — со смехом спросило руководство СБ в лице сорокалетнего начальника и такого же по возрасту заместителя. Не откликнулся на их шутку Кузьмич. Знал: засмеется вместе с ними — откажут в просьбе, потому как не будет в ситуации трагизма — не поверят! И придется ходить на работу как все: «день — ночь — 48». А как же бабка? Нет, не мог пойти на это Кузьмич, а потому остался серьезным, не улыбочивым. Простая молодое руководство, видит: деду не до шуток. Пошли в ход серьезные доводы: какие тут женщины, если они ночью все в цехах... а начальник караула... а условия... Сидит Кузьмич, опустив голову, качает ею: не согласен, мол, не поверит бабка, а нутром чует, что нужен еще какой-то аргумент, даже аргументик, самый маленький, но весомый. И он нашел этот аргумент!

— А еще, господа командиры, у меня интимная причина есть... — он сделал паузу, наблюдая, как раскрылись почти на всю величину рта его молодых начальников.

— Какая, какая причина? — недоуменно переспросил лысоватый заместитель.

— Это... как ее... интимная, — замялся Кузьмич: как бы впросак не попасть с этой причиной, да отступать уже поздно — заявил!

— Ну, ну, — подбодрил его начальник. — Как мужик мужику, что там у тебя, не жмись, Кузьмич!

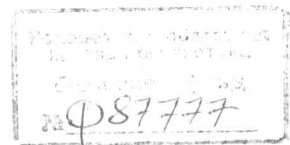
— Нельзя мне в ночную смену работать, потому как не могу я без сексу даже одну ночь! — на одном дыхании выпалил Кузьмич. — Это для меня как «здравствуйте» утром или зубы там почистить, а если работа в ночь, то... в общем, так вот...

Он видел, как обмякли его собеседники, упали животами на стол, готовые взорваться диким хохотом, но, увидев, что дед даже не улыбается, а напротив, продолжает хмуриться, стали давить свой смех внутри, но получалось у них это плохо: нет-нет да прыснет кто-либо из них. Решил Кузьмич не обращать внимания на это — держит паузу. Когда они немного уgomонились и снова подступились к нему, он с невинным видом, словно извиняясь, добавил:

— Да, отцы-командиры, это моя беда, мой крест...

— Ну-у... — не то с восторгом, не то с сомнением проговорил начальник, — здоров ты, Кузьмич! Ты что же, так прямо каждую ночь? — и вперился в него сверлящим взглядом.

— А что делать? — потупив взор, произнес Кузьмич.

— Бедная бабка! — задумчиво произнес заместитель, — как же она это выносит? Это ж издевательство получается, а, Кузьмич? Ведь ей тоже за шестьдесят?

— А у нас с ней все нормально... По-научному это называется косинус...

— Как, как?! — снова упало на стол начальство и зашлось таким жеребьячим смехом, что секретарь-кадровик, сидевшая в приемной, не выдержала и заглянула в кабинет: руководители службы безопасности, борясь с приступами смеха, безнадежно пытались оторваться от стола, а из глаз у них ручьем лились слезы, зато Кузьмич сидел с непроницаемым лицом, ожидая, когда начальство наконец уgomонится и будет готово к продолжению серьезного разговора.

— Кузьмич, ты что же это уморил наших мужчин со смеху, — заговорила кадровичка. — Анекдоты что ли рассказываешь? Может быть, и я послушаю?

— Нет, Галина Егоровна, нельзя тебе с нами, — без тени улыбки ответил Кузьмич, — поскольку у нас тут идет мужской интимный разговор...

Услышав это, мужики закатились в новой волне хохота, а Галина Егоровна, вторя им дискантом, сумела спросить:

— Кузьмич, интим — это когда мужчина и женщина, а вы-то как тут?

Бывалый охранник не ответил на срамной намек женщины — он держал паузу.

— Так, может быть, все-таки консенсус, а не косинус? — подавляя смех спросил начальник.

— А можа и так, — смиренно согласился Кузьмич, — но суть-то в чем?... Вот если бы не наша кадра из кадров, — он глянул на Галину Егоровну, — я бы пояснил эту суть...

— Но-но, Кузьмич, — резко обрывая смех, взвилась секретарь-кадровичка, — какая я тебе «кадра»?..

— Галина Егоровна, — замахал руками начальник, предупреждая ее обиду, — здесь действительно серьезный мужской разговор... не обижайся, — и вытолкнул оскорбленную женщину за дверь... Видимо, последний «аргументик» Кузьмича сыграл свою роль, потому как Кузьмичу одному из всей службы разрешили работать только в дневную смену то ли в порядке исключения, то ли в порядке мужской солидарности...

* * *

О рабочем месте Кузьмича вскользь мы уже говорили: коридор, турникет, стеклянная будка размером 1,5 x 1,5 метра. Это даже не аквариум, а бутылка или даже флакон, где важно восседал наш

Кузьмич. Внизу кабинки — педаль. Нажмешь ее — крутанется турникет, проскочит работяга, а чуть зазевался — затрепещет бедолага, зажатый между стойкой «вертушки» и будкой. Но это редко с Кузьмичом бывает, чтобы он так оплошал. Если уж кого проучить захочет, а так — ни-ни... Конечно, трудно в его возрасте двенадцать часов кряду сидеть на одном месте — в сон начинает клонить. И к этому он припривык: как только потянуло в сон — он и спит! Ну, вот, думаете, сдал я вам Кузьмича! А не тут-то было: Кузьмич спит, а служба идет! На то он и Кузьмич, а не какой-то там салага без лицензии охранника. Мы уже говорили, что пост его нехлопотный, порой за час пройдут всего два-три человека, а за это время можно сладенько вздремнуть. В обеденный перерыв ему, конечно, не до сна: спуют голодные заводчане туда-сюда — покоя нет, зато после трех часов и до шести — майский день — именины тещи!

И опять, если вы думаете, что наш Кузьмич вот так вот рухнет на стол и спит без задних ног — ошибетесь! Всю смену он сидит столбиком, не шелохнувшись, даром, что стать у него солидная, «корма» — широкая: захочет упасть — не сможет, потому что посадочная площадь у него на троих рассчитана, а ему одному досталась. Впрочем, его мужскую стать эта часть тела не очень портила. Выглядел он солидно, а солидный мужик и в джунглях джентльменом останется.

...Вот и сидит наш Кузьмич на своем боевом посту, как монумент. Глаза закрывает и... спит. А чтобы не сильно заметно было — очки темные надел — чернее ночи. Сначала приставали с вопросами из-за очков, а он им — глаза болят, катаракта, мол. Доживете до моих лет, так вообще, может быть, бельма на лоб вылезут! Поверили, отстали, некоторые даже посочувствовали...

Вот и сидит Кузьмич в черных очках от катаракты, глаза закрыты — спит, а вся служебная нагрузка у него в это время ложится на... уши, как у братьев наших меньших: кошек, там, собак... А уши у него, у Кузьмича, большие, мясистые: все слышат, даром, что седьмой десяток. Значит, вот так зафиксировался Кузьмич в своем «флаконе», спит, а уши, как локаторы: хлопнет входная дверь с улицы — он глаза открывает, а пока человек дойдет до вертушки, то Кузьмич не только проснется окончательно успеет, но и улыбочку на лицо приделает. Ну прямо-таки малыш из рекламы памперсов! Впрочем, это раньше так было, года два-три назад, а сейчас Кузьмич изменил свой имидж — снял улыбку с программы: несерьезно в его-то солидном возрасте всякому проходимцу...тьфу, прохо-

жему зуб...
стекляшке...
лицом и пу...
Увидел изо...
— выпроси...
ник-то шко...
свой пост и...
цом наруж...
проходя ми...
Большая ча...
воду, что, в...
Но тут уж...
популизмо...
и как без н...
Вы дума...
дед Кузьми...
Входные...
ва, со двор...
нах, как в э...
щаются в ис...
наверняка, ...
ность, в сме...
его приятел...
рей с улицы...
рение, со д...
цы кто захо...
вают металл...
ют резинов...
тонкий, выв...
не повернул...
сплав опыта...
один чужак...
вается, грани...

И все вро...
бабка еще п...
дети, внуки...
нежная обра...
рублей стали...
талоны. Беле...
поскольку мо...
не бывает, то...
ними и Кузьм...
прочую снедь...
сы», так и «м...
это значит, чт...
чивается за с...
химия должна...
А «минусы»...
ствителен толь...
зан. Не успел...

жему зубы скалить. Так и сидит он теперь в своей стекляшке за столом: в черных очках, с каменным лицом и пудовыми кулаками. Сфинкс да и только! Увидел изображение последнего в учебнике у внука — выпросил. Не смог внук деду отказать, хотя учебник-то школьный... Так эту картинку дед принес на свой пост и приклеил ее на стеклянную стенку лицом наружу. С тех пор стали заводчане спорить, проходя мимо, похож Кузьмич на сфинкса или нет. Большая часть местного электората пришла к выводу, что, в общем, очень похож, вот только очки... Но тут уж Кузьмич не мог заниматься дешевым популизмом и играть на публику: очки не снял! Да и как без них дремать-то?

Вы думаете, это все, что смог придумать наш дед Кузьмич? Не-ет! Вы его явно недооцениваете.

Входные двери есть слева, с улицы, и есть справа, со двора. Они — телескопические, на пружинах, как в электричке: хлоп-хлоп — и сами возвращаются в исходное положение. Так вот, чтобы знать наверняка, с какой стороны к нему движется опасность, в смысле прохожий, уговорил Кузьмич своего приятеля плотника Авдеича обить торцы дверей с улицы алюминиевыми пластинками, а внутреннее, со двора — резиной. Теперь, когда с улицы кто заходит, то двери ему опасность вызывают металлическим звоном, а со двора — шлепают резиновыми губами. Не ошибешься! Расчет тонкий, выверенный. Ни разу Кузьмич по ошибке не повернул голову не в ту сторону. Вот он — сплав опыта жизненного и профессионального! Ни один чужак без пропуска не проскочил. Что называется, граница у Кузьмича — на замке!

* * *

И все вроде хорошо у Кузьмича: сам здоров, бабка еще прыгает, как молоденькая, по дому, дети, внуки... Одно плохо — напряженность денежная образовалась — им вместо заработанных рублей стали выдавать различные бумажки, то бишь талоны. Беленькие, по три рубля — молочные, а поскольку молока в столовой практически никогда не бывает, то приноровились заводчане, а вкупе с ними и Кузьмич, брать на них булочки, пирожки и прочую снедь. У этих талонов были как свои «плюсы», так и «минусы». Главный «плюс» — халява, а это значит, что все купленное на эти талоны оплачивается за счет предприятия. Что поделаешь — химия должна заботиться о своих верноподданных! А «минусы»... — их много. Например, талон действителен только на тот месяц, который в нем указан. Не успел отоварить — хочешь — выбрасывай,

хочешь — ешь всухомятку. Есть и другие недостатки...

Другое дело — «зелененькие» и уже по пять рублей. Они выдаются за счет фонда зарплаты: больше возьмешь «зелененьких» — меньше получишь рубликов. На них не только бублики в буфете можно брать, но и мебель со склада, мешок сахара, телевизор... Впрочем, Кузьмич, как и все заводчане, знал, что купить телевизоры и мебель на эти «зелененькие» — сказки для дурачков. Одно слово — бумажка! Плохо живут химики, бедно, а все же юмор сохранили: беленькие талоны они прозвали «деревянными», а зеленые, как и положено, «баксами». Так и живут, так и веселятся...

Сегодня, как всегда, Кузьмич перекусил домашним бутербродом, запил чаем из термоса; пережил броуновское движение оголодавших рабочих в обеденный перерыв, а когда страсти понемногу улеглись, он, не торопясь, стряхнул с тумбочки крошки, положил термос в портфель и стал слегка кемарить — до конца смены надо было продержаться. Трудное это время после обеда — борьба со сном. Кто из вас хоть единожды не участвовал в этой неравной борьбе?! Помнит Кузьмич, когда он был еще пионером, то в какой-то умной книжке прочитал, что до революции дворяне и разные там помещики после обеда любили подремать часок-другой, зато потом всю ночь напролет могли польку-бабочку танцевать. Тогда, когда он был еще Макашкой, он на это как-то не обратил внимания, не заметил, зато потом, когда превратился в Кузьмича, а его жизненный спидометр зашкалил за шестьдесят, он вдруг как-то ненароком вспомнил о тех буржуях-помещиках... Да что он — хуже их, проклятых?! И хотя он не собирался ночью отплясывать, а всё устраивался поудобнее в кресле, надевал черные очки и впадал в зыбкий летаргический сон...

Порой даже несколько минут сна дают усталому организму огромное облегчение. Кузьмич это знал, а поскольку его организм был довольно древний и изрядно поношенный, то он в течение дня по нескольку раз помогал ему минутами драгоценного сна.

* * *

...Вот уже почти полчаса Кузьмич мужественно дремлет на своем боевом посту. Рабочие, словно оберегая покой верного стража завода, перестали ходить через его третий пост. Но вот чуткое мясистое ухо ветерана службы безопасности уловило шлепанье дверей со двора. Приоткрыв спрятанные за черные очки глаза, Кузьмич увидел движущегося на выход Авдеича.

— Ты куда, Степан? — вскинулся Кузьмич. — Еще четырех нет, а ты уже домой наладился... Где увольнительная?

Тон его был суровый: этим он должен был показать своему приятелю и собутыльнику, что для него на службе любимчиков нет. Перед ним, Кузьмичом, как перед законом — все равны!

— А-а! — жалобно протянул Авдеич, поддерживая щеку. — зуб замучил. Таблетки пил, полбутылки водки вылил на него, а все бестолку... Пойду сдаваться врачам...

— зуб — это серьезно! — посочувствовал ему строгий охранник. — А водку ты точно перевел зазря... Ну уж, давай остаточные полбутылки, не пропадать же добру, а они тебе сейчас ни к чему.

— Это как так?... — изумился Авдеич. Он, казалось, и про боль забыл.

— Дурень! — охотно принялся объяснять ему Кузьмич, — рванут тебе сейчас зуб, как пить дать рванут; а после этого тебе два часа ни пить, ни есть нельзя, иначе все...

— Что все? — с испугом переспросил Авдеич.

— А все... Гангрена начнется. Так что давай ее сюда...

— А-а... — понимающе, но все же неуверенно протянул Авдеич и полез во внутренний карман пиджака за бутылкой.

— Вот-вот, — несколько торопливо потянулся за ней Кузьмич, что и выдало его интерес, — а потом разберемся...

— Э-э, нет, — отпрянул назад внезапно поумневший плотник и затрепыхался в железных клешнях турникета. Он торопливо повернулся спиной к Кузьмичу и спрятал бутылку назад в карман. — Два-то часа я и сам потерплю... Шутник нашелся!

— Ну, ладно, — погрузился Кузьмич, поняв, что водка прошла мимо, — хоть зуб продезинфицируешь...

Когда Авдеич с бутылкой ушел, Кузьмич снова было наладился подремать, как звякнула входная с улицы дверь. Ловко все-таки он придумал с обивкой дверей! Ай да Кузьмич, ай да сукин сын! Перед вертушкой стояла его погодка, техничка Авдотья, с ведром и шваброй.

— Ну, спинкс, опять спишь?! — наскочила она на ветерана. Называя его так, она давала понять, что он похож на ту картинку, что висела на стекле. Спинкс — и все тут!

— Ты что набросилась, коза старая, — недовольно буркнул Кузьмич. — Дави на вертушку — и шагай вприпрыжку, или ты думаешь, я тебе сейчас калитку открою, ручку подам... Ишь принцесса!..

— Ой, ой! Смотрите на него — козел молодой

нашелся! Очки напялил и думаешь на американца похож?

Но смотреть на него было некому, кроме нее самой, а потому мизансцена на этом закончилась, и уже совсем другим голосом она спросила:

— Как живешь-то, Макар? Как Мария?

— Да что нам доспееется — скрипим, — в тон ей ответил Кузьмич. — Вот как меня здесь не будет — значит, я уже там, так и знай.

— Где это там-то? — не поняла Авдотья.

— «Где, где?» — передразнил он ее и добавил со смехом: — На том свете!

— Ну, дурень, нашел чем шутить! — отмахнулась техничка. — Ты же как конь здоровый, что уж болтать попусту...

— Конь — не конь, — философски рассуждал Кузьмич, — а после шестидесяти мы должны ждать Косую каждый день, если не как дорогую гостью, то как почтальона — а вдруг нагрянет!

И хоть говорил он это веселым голосом, Авдотья снова отмахнулась от него, а затем быстро перекрестилась.

— Нашел чем шутить... Ты лучше скажи, про зарплату не слышал ли чего? Деньги дадут или опять энти «баксы» проклятые будут навяливать?

— Похоже так, Авдотья, готовься к худшему! Ты видела, сколько с внешним управляющим свиты приехало? А ведь им всем платить надо, и не бумажками-талонами. Так что терпи, Дунька! — похоже, сон совсем оставил его и он намеревался дальше подшучивать над доверчивой техничкой. Но та не настроена была на дальнейшую беседу, тяжело вздохнула и пошла в цех. Почти шестьдесят лет они знают друг друга, когда-то жили в одной деревне, в разное время пришли на этот завод. Дружил когда-то Макар с ее покойным мужем. Где все это? Словно и не было... Остались они теперь едва ли не самые старые работники на заводе. Друзья — не друзья, но и не совсем чужие...

«Вот, Дунька, зараза!» — сердито думал про себя Кузьмич, напомнила ему о деньгах, а ведь это у него самое больное место. Третью смену он мечтает после работы зайти в пивбар и выпить пару кружек холодного баварского... Ан нет! На заводские «баксы» пива там не дадут, а пенсию тратить на это — непозволительная роскошь! В смысле — бабка не позволяет! Еще раз грустно вздохнув по пиву, Кузьмич начал удобнее устраиваться в своем разношенно-рассиженном кресле для несения дальнейшей службы, но в это время

со звоном

шли три же

ветливо пок

скользнули

только посл

вой курточк

рю, выним

она скрыла

ментном по

— Что-то

мереваясь п

том передум

Точно не ден

сходиться... Э

ленький клоч

лет... может

и записка лю

там что-то из

иться не стои

пойдет девах

Только он

где только чт

нулась наст

крайний случ

залась квадра

сом. Кузьмич

второй промп

лохватка и...

что Кузьмич

здесь все же

спешно наст

проскочила бе

перебранку по

приходилось от

Гром-баба! Он

никета, словно

жал заветную

о пропуске. Ее

охраннику: сид

стал возражать

почти дошла до

нула назад, к д

ющую бумажк

труда протисну

все же успел за

лочный талон.

— Ну и бог с

лон и кладовщи

дверь. — А все-

вернулся к квад

Она же видела,

жую вещь, — и

распаляясь, он пр

со звоном хлопнула дверь с улицы, и мимо прошли три женщины-штукатуры из стройгруппы. Приветливо покачав головой, они почти неслышно проскользнули мимо будки и скрылись во дворе, и только последняя, молоденькая, в синей болоньевой курточке, на мгновение задержалась перед дверью, вынимая из кармана носовой платок, а когда она скрылась за дверью, Кузьмич увидел на цементном полу клочок белой бумажки...

— Что-то выронила деваха, — подумал он, намереваясь подняться и покинуть свой «флакон». Потом передумал, рассуждая так: это — не деньги. Точно не деньги! Ради них можно было подняться и сходить... Это не документы — слишком уж маленький клочок... Может быть, это трамвайный билет... может быть, молочный талон, а может быть, и записка любовная — девка-то еще молодая. Если там что-то из этого, то, решил Кузьмич, беспокоиться не стоит, и остался в своей стекляшке. «Назад пойдет деваха — я ей и подскажу...»

Только он принял такое решение, как дверь, где только что исчезли штукатуры, резко распахнулась настежь, словно в нее ворвался танк или, на крайний случай, трактор. В дверном проеме оказалась квадратная женщина пудов шести-семи весом. Кузьмич мгновенно узнал ее: кладовщица со второй промплощадки — известная грубиянка, горлохватка и... все в том же духе. Несмотря на то, что Кузьмич считал себя человеком не робким, здесь все же немного стусевался и слишком поспешно наступил на педаль: только бы она мимо проскочила без скандала! Два раза они вступали в перебранку по рабочим вопросам, и оба раза ему приходилось отступать «под напором стали и огня». Гром-баба! Она молча двигалась на приступ турникета, словно заранее знала, что сторож уже нажал заветную педальку и не посмеет спросить ее о пропуске. Ее взгляд словно говорил притихшему охраннику: сидишь тут, пенек старый! Кузьмич не стал возражать и отвел глаза в сторону. Она уже почти дошла до вертушки, как вдруг резко повернула назад, к двери, лихо подхватила с пола белеющую бумажку и, на ходу разворачивая, не без труда протиснулась в проем турникета. Кузьмич все же успел заметить, что в руках у нее был молочный талон.

— Ну и бог с ними! — подумал Кузьмич про талон и кладовщицу, когда за ними хлопнула выходная дверь. — А все-таки она стерва! — осмелев, снова вернулся к квадратной даме старый охранник. — Она же видела, что я видел, как она подняла чужую вещь, — и ничего. Выжига! — все больше распаляясь, он продолжал думать о неприятной ему

кладовщице. — Всю жизнь по складам. Все чужое — как свое! Точно — выжига! — для Кузьмича это слово было самое обидное, вот он и прилепил его к не понравившейся ему женщине. Ее силуэт был еще виден через стеклянные входные двери, как в помещение вбежала девушка в голубой курточке:

— Дядечка, вы здесь не видели талон молочный? Кажется, я его здесь обронила минуту назад... Там молоко в буфет привезли, так...

— Э-э, девонька, — грустно отозвался Кузьмич, — твой талон сейчас в кармане вон той дамы, — и он указал на удаляющуюся квадратную фигуру. Девушка выскочила вслед и закричала:

— Женщина, подождите, верните мой талон!..

Мощная кладовщица, едва заслышав эти слова, кинулась бежать к ближайшей остановке и вскочила на подножку уже трогającegoся автобуса. Своей прытью она немало удивила Кузьмича и расстроила девушку.

— Ну надо же так... — удрученно проговорила она, проходя мимо Кузьмича. Он не понял: ругала ли она себя за рассеянность или осуждала наглую и проворную кладовщицу...

Как ни гнезился потом Кузьмич в своей будке-«стакане», спать уже не хотелось. Он думал, а перед глазами стояли две такие разные женщины, и между ними, словно бабочка, кружил молочный талон. Вроде — тьфу! Клочок бумаги стоимостью три рубля, да и то в пределах заводских стен, а как людей высветил... Одна, молодая, не поленилась вернуться за ним, побежала вдогонку... Знать, туго ей живется, любая мелочь на счету... А эта выжига! У нее под рабочим халатом какой-то дорогой импортный костюм и цепочка золотая — глаз у Кузьмича приметливый! А ведь не поленилась вернуться за талоном, не постеснялась постороннего... А как чесанула к автобусу! Жадная, наглая... выжига!..

Посуровевший за долгие годы мозг Кузьмича медленно перерабатывал полученную информацию, но направление мыслей было верным... Он вспомнил, что недавно где-то читал или слышал интервью своего любимца — Лени Якубовича, где тот похвалился корреспонденту, что за тысячу долларов он даже с дивана не встанет. Тогда Кузьмич на это не обратил никакого внимания, а сейчас задумался и даже ручку взял, чтобы подсчитать, сколько же нужно будет дать денег Якубовичу, чтобы он хоть слегка приподнял свой зад с дивана — 24 тысячи рублей! Мать его так! Это ж зарплата Кузьмича за два года, при условии, что ее платить будут регулярно, а при теперешних темпах и на все пять растянется.

— Ах он, кумир проклятый! — закипело в душе у Кузьмича, — как ценит себя и свою задницу! Заелся! — и в одночасье Леонид Аркадьевич лишился его расположения. От расстройства Кузьмич даже закурил. После нескольких затяжек он успокоился, вспомнил, что поначалу он и сам не захотел оторваться от своего расхристанного кресла, чтобы поднять с пола трехрублевый талон. Но опять же три рубля — не тысяча долларов! Резон. Но ведь Якубович — не Кузьмич! Тоже верно. И вот Кузьмич стал по-разному вертеть данной ситуацией с долларами и талоном. То у него вышло, что он, Кузьмич, лежит на диване и ни в какую не хочет с него встать, хотя ему суют 1000 «баксов», зато Якубович, сломя голову, несется поднимать молочный талон...

...А то он представил, как слоноподобная женщина из-за молочного талона избивает девушку в

синей куртке, а они с Якубовичем наперебой кричат: «Рекламная пауза!»...

...А вот уже он, Кузьмич, кричит в микрофон: «Приз — в студию!» — и кладовщица-выжига в костюме из пальмовых листьев грациозно вносит на разносе 3-рублевый молочный талон, а девушка в болонье, не обращая внимания на камеры и телезрителей, заливается счастливыми слезами...

...До конца рабочего дня оставалось еще больше часа, и сторож Кузьмич, а по-сегодняшнему — охранник службы безопасности Н-ского химзавода Хвостов Макар Кузьмич, продолжал нести свою вахту, щедро разбавляя ее трепетным сном с картинками из «Поля чудес». Пусть он спит! Ему уже шестьдесят пять, все самое лучшее у него позади, и многого от жизни он не ждет. Так пусть хоть во сне он будет немного счастлив...

Март—сентябрь 1999 г.

г. Кемерово

Леонид ГЕРЖ

ДУШУ ТЕ

Теплота
Благоле
Всеми с
Помогал

Опьянял
Подноси
То саран
То злоче

Уводило
К перека
Где за у
Прыгал ч

Наливал
А под ней
Вдоль ме
Поцелуе

И твои и
Вдалеке
Восторга
До сих по

Как стог
Долгий о
Где толпи
По-больш

Охрок
Тускл
Вновь
Крыль

Леонид ГЕРЖИДОВИЧ

ДУШУ ТЕРЗАЛО И ЖГЛО

* * *

Нине

Теплотой первобытной согрето,
Благолепье суля за версту,
Всеми силами доброе лето
Помогало нам выжить в лесу.

Опьяняло звенящей водою,
Подносило дары без помех:
То саранку с колбой молодою,
То злаченый кедровый орех.

Уводило студеною речкой
К перекатам без тропок-дорог,
Где за удочкой хариус свечкой
Прыгал чуть ли не в наш котелок.

Наливалась рубином рябина,
А под ней на кустах налита
Вдоль медвежьих набродов малина
Поцелуем просилась в уста.

И твои и мои поцелуи
Вдалеке от наветов и пут,
Восторгаясь, смеясь и ликуя,
До сих пор в летних травах цветут.

Как стог сена, судьбу мы вершили,
Долгий отдых даруя словам,
Где толпились деревья большие,
По-большому завидуя нам.

ОСЕНЬ

Охрою застят кусты
Тусклую прозелень сосен.
Вновь у незримой черты
Крылья прорезала осень.

Там, где мальчишка босой
Душу чудесил для песен,
Ходит старуха с косой
По увядающим весям.

Душу терзало и жгло,
Сердце неистово билось,
Божеский дар-ремесло
В страсти и муках гранилось.

Где той поры мишура
Да детородное семя?
Сдвинуло все во вчера
Неотвратимое время.

Дней, опрокинутых в ночь,
Не удержать в круговерти.
Топчется где-то обочь
Тайна и жизни, и смерти.

23

БРЕМЯ

Было.
Вместо насущного хлеба
От избытка немеренных сил,
Без труда необъятное небо
Я на плечи свои взгромоздил.
И глубинные таинства взору
Пораскрылись своей новизной.
Мне леса, и поля, и озера
Длань простерли на шири земной.
Но отрава блаженства и лени
Не осмыслилась в поступи лет:
Божьей карой пронзило колени,
Завечерился солнечный свет.
Я согнулся под тяжестью ноши
И увяз в суете и тщете —
Это бремя тяжелой подошвой
Раздавило меня в темноте.

д. Юго-Александровка

Анатолий КРУГЛЯКОВ

ДВА РАССКАЗА

МСТИТЕЛЬ

Третья ночь пути подходила к концу. Не спалось. Не убаюкивало меня ни раскачивание вагона, ни колесный перестук. В голове вертелось одно и то же: а вдруг я ее увижу, подойду к ней, и мы будем целоваться, потом буду обнимать ее горячее тело. Я влюблен, ха! Смешно самому, а уж тем более смешно тем, кто меня хорошо знает. Я, Студент, влюблен, боже мой, сердце молотит и сон не идет, совсем как на отходняке после болтушки. Чем она меня так зацепила? На кой черт вообще она мне нужна? Какого дьявола я разоткровенничался с ней? Да, тогда бы еще чуть-чуть, и она бы узнала все...

Полгода назад, в начале апреля, я ехал в этом же поезде. Туда, куда еду сейчас. По тем же делам. И я нарушил одно из Правил — познакомился с молодой женщиной. Черт дернул меня тогда за язык, не иначе. Миниатюрная, изящная, с большими глазами, точеными хрупкими пальчиками. Она показалась мне графией, сошедшей со страниц книг Дюма. Не знаю, может, и правду говорят, что люди моей профессии сентиментальны.

Я сразу заметил ее в вагоне. Мне страстно захотелось познакомиться с ней, но меня держало Правило: в деловой поездке ни с кем не общаться, чтобы не засветиться. Но через несколько часов я плюнул на это Правило, и как жалею об этом сейчас! Вместо того чтобы спать, беречь нервы (они мне пригодятся для дела), я ворочаюсь с боку на бок и все думаю о ней. Как будто еду в этот город лишь за тем, чтобы увидеть ее. Идиот! Подумай лучше, как все сделать, как уйти, как бы не повязали: ведь большие деньги дают за большой риск. Наверняка это дело будет потруднее прошлого.

В прошлый-то раз приехал, в полночь позвонил в дверь, спросил: «Такой-то здесь живет?» Он открыл дверь, я всадил в него четыре пули. Ушел быстро, сменил шкуру, неделю на хате отлежался, потом на поезд. Пять тысяч «зелененьких» в кармане. Как по нотам прошло. Впрочем, у меня всегда так проходило, если не считать дела в Нижнем. Тогда меня спасло чудо. Засветился, на хвост сели. Страшно было. Но что поделаешь, работа. Делаю чисто, поэтому платят хорошо. Мой хозяин, Хавбек, как он мне представился при первой встрече, был всегда чисто выбрит, хорошо одет,

весь в золоте — от зубов до пальцев на обеих руках, клиентов подбирал под стать себе.

Как-то у меня мелькнула мысль: почему Хавбек? Конечно, это кличка. Спортсмен, в футбол, наверное, играл. И черт с ним. Нынче все оставшие спортивные знаменитости в криминальные структуры подались. И партнеров его я не знаю, ибо Правило гласит: много узнаешь — рано помрешь. Мне остается только догадываться, что я у Хавбека не один. Кто-то уходит, кто-то приходит. И вообще, «метлу» не распускаю, потому и работаю три года, и ничего, тьфу, тьфу, тьфу... Несколько квартир у меня с обстановкой, книгами, видеодвойками. О них никто ничего не знает. Только Хавбек знает одну хату, бывал у меня, поначалу все смеялся: «Ты, Студент паршивый, читать умеешь? Это как-то не вяжется...» И тут же заткнулся. Я схватил его за горло, сдавил. Но он был здоровым, сильным, сволочь. И вел себя нагло, и унижал меня в моем же доме. Он ударил меня коленом в живот, но от мощной подсечки свалился на пол. Я поймал его руку на болевой прием, и он застучал ладонью по коврику.

— Ну, ты даешь, Студент! Когда только этому обучился? — он поднялся, поправил брюки, пиджак. — Ты уж извини, если обидел...

После этой стычки он стал меня побаиваться. А это плохо: вдруг он меня «закажет», когда на него крепко насядут. Все может быть. Поэтому я его тоже боюсь. Но удирать не хочу. Хавбек — мужик толковый. Дела плетет крепко. Видно, в том мире, где он вращался, у него много друзей, крутых парней. Наверняка за ним кто-то стоит. Раз в месяц мы с ним встречаемся у него на квартире (ко мне он перестал заходить). Он говорит, куда ехать (я работаю только по гастролям), дает фото, анкетные данные. Адрес. Дает и ключ от хаты, где можно отлежаться, устанавливает срок исполнения, дает аванс.

Обычно на фотках мужики лет пятидесяти, все в костюмах и при галстуках, морды кирпичные. Помню, один был волчина в законе. Крученный, как парагвайская веревка. Этих паханов, заправляющих сейчас в бизнесе, я бы бесплатно всех перестрелял. Так вот, этот волчина что-то за собой почуял, осторожничал. Может, кто-то за ним до меня охотился, но засветился. Из хаты он выходил редко, всегда в окружении телохранителей. Быстро садился в мерседес и был таков. Я пас его две недели. И он так мне надоел, что я плюнул на все и загнал ему швайку под лопатку на площади во время какого-то митинга. Чисто сделал, красиво ушел. Хавбек после этого начал посматривать на меня с

уважени
сволочи
шивые ж
дется ва
на мент
тем, кто

Этот
подполь
бираютс
теперь в
зэки, авт
И все во
под свой
зений со
я отказал
двадцати
сделал? Л
уже счит

Однак
взять. Ни
дется стр
дал мне
этом горо
веский до
стола, пр
желав уд

А нюх
был при
Сплю спо
Стоп!

рает соб
ее купе г
ради удоб
далась м
была у ме
Она заму
мал я: есл
нились. Я
отпустил
смотрим.
хой счаст
вала меня
меня зову
своих адр
должен б
Черт во
нилось мо
выпукло, ч
памяти.

Меня в
дом по ка
надцатиз
моталась

уважением и боязнью. Что там говорить, все эти сволочи нахapaли и теперь трясутся за свои паршивые жизни. И теперешнее дело опасное: придется валить мусора. Я согласился, потому что и на ментов зуб имею. Это благодаря им я стал тем, кто есть.

Этот мусор кому-то здорово мешает. У него подпольная фирма, имеет несколько хат, где собираются проститутки, наркоманы. Они же все теперь в этом поганом бизнесе — менты, бывшие зэки, авторитеты, воры в законе, целые банды. И все во власть лезут, целые города и веси берут под свой контроль. Поэтому я не чувствую угрызений совести, когда убираю их. Только однажды я отказался, когда Хавбек поручил мне шлепнуть двадцатилетнего шмарчка. Кому он помешал, что сделал? Хавбек ничего мне не сказал. Он тогда уже считался со мной.

Однако этого мусора не так-то просто будет взять. Ни удавка, ни швайка тут не помогут. Придется стрелять. Правда, Хавбек предусмотрел: он дал мне новый «Макаров», потому что прежний в этом городе был «меченый». Да и тройная такса — веский довод. Грузный Хавбек даже вылез из-за стола, проводил меня до двери и пожал руку, пожелав удачи.

А нюх меня ни разу не подводил. И фарт мой был при мне. Опыт тоже есть, нервы в порядке... Сплю спокойно!

Стоп! Какой к черту сон. В голове Елена, оттирает собой все на задний план. Помню, как мы в ее купе говорили, говорили. Она ехала одна. Муж ради удобства откупил ей отдельное купе. Она отдалась мне сразу. Мне стыдно признаться, но она была у меня первой. Она была какая-то неистовая. Она замужем, муж — военный, старше ее. И думал я: если бы она развелась с ним, мы бы поженились. Я бы без колебания оставил Хавбека. Не отпустил бы меня? Заказал? Ну, это мы еще посмотрим. Я говорил Елене о женитьбе, детях, тихой счастливой жизни. Она кивала головой, целовала меня. И вот тут я расслабился, сказал, как меня зовут, написал на обложке журнала один из своих адресов. Хорошо, что один. Все равно я не должен был этого делать.

Черт возьми, не могу заснуть. Почему-то вспомнилось мое нерадостное детство, да так ярко и выпукло, что все события так и нарисовались в моей памяти.

Меня воспитывал дядя Оли. Он был нашим соседом по карману. Мы жили на десятом этаже двенадцатиэтажного дома. Мама, стюардесса, вечно моталась туда-сюда. Отца не помню и вообще со-

мневаюсь, был ли он у меня? Как мы сошлись с Олегом Эдуардовичем? Когда она улетаала, приводила меня, маленького, к нему. Я у него жил. Он за мной ухаживал, кормил, мыл в ванне, отводил в садик, приходил за мной. Я не мог выговаривать его имя и отчество, поэтому называл его дядей Оли, да так и привык.

Когда мама прилетала, она притаскивала с собой компанию мужиков и подружек. Начинили пить, танцевать, кричать. Я сидел где-нибудь в уголке и наблюдал. На меня никто не обращал никакого внимания... Потом мамочка уходила в спальню, за ней шел один из мужиков. Потом он выходил, застегивал ширинку на брюках, заходил второй, а потом и третий... И тогда я потихоньку сбегал к дяде Оли.

Не по годам я рос сметливым и сильным. Дядя Оли с детства учил меня играть в шахматы, читать и писать, так что в первый класс я пошел уже подготовленным. Он отводил меня в школу, ходил встречать. В школе от меня здорово доставалось. Классный руководитель часто вызывала маму, но ее, как обычно, не было дома. Так с первого класса и по десятый в школу ходил дядя Оли, и все думали, что он мой родной.

Как-то, роаясь в его архиве, я нашел дипломы и грамоты. Оказывается, дядя Оли в далекой молодости занимался борьбой самбо. Он вообще любил смотреть по телевизору все спортивные передачи. Мы с ним часто ходили на стадион смотреть футбол. Он даже сказал мне, что когда-то играл в первой лиге.

У него была семья, но за много лет я не видел никого. Нам было хорошо вдвоем. Дядя Оли прекрасно готовил. А после того как меня побили хулиганы, он начал учить меня приемам рукопашного боя. Мы с ним изучали по видеку, как дерутся Ван Дамм и Чак Норрис.

Примерно через пару лет я почувствовал в себе силу, а когда уложил на улице двух парней, которые пытались содрать с меня меховую шапку, то и уверенность. У меня был ключ от его квартиры. Я мог войти в нее в любое время суток. Мне он уступил диван в зале, а сам спал в маленькой комнате. В зале были установлены стеллажи с книгами — от пола до потолка, и я мог читать всю ночь, не мешая ему.

И еще одно событие. Все-таки мой дядя был разносторонним человеком. Как-то он купил пневматический пистолет.

Так вот, как-то захожу в квартиру, а дядя Оли лупит из пистолета по глиняной копилке, набитой мелочью. В магазинах никто эту мелочь не брал,

и он все эти полтинники, двадцатники бросал в глиняную кошечку.

Мы стали стрелять вместе, по очереди. Вроде какого-то соревнования получалось. Кто быстрее, кто метче, навскидку, с одной руки, с двух. Мы размолодили не один десяток копилок. Это было очень увлекательно, особенно зимой, в длинные, долгие вечера. Дядя Оли не пил и не курил. Всегда был бодр, делал физзарядку, а потом принимал душ. Он и меня приучил к этому. Он работал каким-то большим начальником, но имел возможность часто бывать дома. Он любил меня как родного сына, и я отвечал ему тем же.

Шли годы. Я окончил школу с медалью, поступил в университет. Дядя Оли вышел на пенсию. Мне нравилось учиться. Три курса юридического, как говорится, закончил за один присест.

И вот однажды к моему дяде Оли приехала взрослая дочь с пятнадцатилетним сыном. Ну, я и пошел в свою квартиру, хотя все вещи мои были перенесены к нему. Захожу я в свою родную квартиру, вижу в зале сидят трое мужиков в летной форме, играют в карты, пьяные, хохочут. В квартире дым коромыслом, грязь. На кухне горы объедков, полчища тараканов.

Зашел я в спальню. Бог ты мой! — там один из гостей, извините, с матушкой... Сгреб я этого хмыря, выбросил в коридор. Потом зашел в зал, опрокинул стол и стал вышвыривать «гостей». Один было замахнулся, но я то ли сломал, то ли вывихнул ему руку. Когда все было кончено, я вновь зашел в спальню: мать была мертвецки пьяна и вряд ли соображала, что происходит. Я принес воды и вылил на нее. Она открыла глаза, долго и непонимающе смотрела на меня. Интересно, узнала ли она меня?.. А я поднес ей к лицу кулак и сказал: «Если еще раз это будет, убью».

Я тоже давно ее не видел, хотя и живем в одном кармане; нужды в этом не было. Лицо у нее было в морщинах, волосы с проседью. Запилась. Заблядовалась. А вскоре ее самолет разбился где-то в Сибири, в горах. Погибли все. Мне принесли документы матери — обгоревшие, ну и коробочку с пеплом. Жаль, конечно, какая ни есть, а все-таки мать, единственный родной мне человек. Я все ей простил.

Когда родные дяди Оли уехали, я вновь пришел к нему. Сидим мы вечером, смотрим телевизор. На кухне закипел чайник, и дядя Оли встал, сделал несколько шагов и упал. Я всполошился, уложил его на диван. «Что с тобой, дядя?» — спросил я его.

— Голова закружилась. Сахарный диабет у меня. Давление подскочило... Переутомился я... С до-

черью каждый день ссорился. А сын у нее, мой внук-то, настоящий акуленок. Все у меня перевернулось, деньги, монеты старинные, золото — все увел. Давили на меня, чтобы я подготовил дарственную на квартиру внуку. А меня дочь решила в дом престарелых устроить. Только ничего у них теперь не получится.

— Может, врача вызвать? — кивнул я на телефон, пораженный рассказом дяди Оли.

— Не надо, Игорек, отлежусь. Принеси-ка мне аптечку... Стар я уже стал. Как на пенсию вышел, так болезни стали ко мне липнуть.

Дядя Оли принял лекарства, потом стал повеселее: «Испугал я тебя? Все теперь хорошо...» А я подумал: «Ну и дай-то бог, что бы я делал без дяди Оли!»

Однажды я зашел к нему поздно вечером. Вижу его сидящим в кресле. Одной рукой он держался за бок, второй — за живот. Он стонал и плакал.

26 Впервые в жизни я вижу его таким. У меня самого комок подкатил к горлу. — Ты что, дядя, кто тебя обидел? — спросил я настороженно.

Встать он не мог. Я перенес его в спальню. И снова принес воды, аптечку. Кое-как он успокоился и рассказал мне такую историю.

Получил дядя пенсию, взял сумку и поехал в центральный универсам за продуктами. Накупил и пошел к остановке. Он еще не оправился после визита дочки с внуком: давление его плясало то вверх, то вниз. Ну идет он, слегка качнется то влево, то вправо. Около самого автобуса его подхватили под руки два мента и втолкнули в газик. Привезли его в медвытрезвитель. Он стал доказывать, что болен, что абсолютный трезвенник, но его и слушать не стали. Врачиха с крысиной мордочкой завопила:

— Все вы тут трезвые, все вы тут больные! Пьянь несусветная. Если у тебя, старый хрен, диабет, то какие таблетки жрешь?

Дядя ничего не успел ответить, как здоровенный мент схватил его за горло, и дядя потерял сознание. Очнулся он уже раздетый, в большой камере, где на кроватях лежали пьяные, человек десять. Он встал, подошел к решетке, стал просить мента, который ходил по коридору и время от времени пинал лежащих вдоль стен бомжей. Те взвизгивали, а ему было смешно. Подошел здоровенный мент.

— Выходи, Романов. одеваться. Хмель-то прошел?

— Вы отлично знаете, что со мной вышла «осечка», так хоть имейте совесть признаться. Извинились бы...

Когда дядя оделся, ему подали квитанцию за «услуги»: семьдесят тысяч рублей. Он расплатился, но в бумажнике не оказалось еще ста.

— За
обокрали
нимаю гл
дочке. —
Тут его по

— Пог

Они пр

мента —

ками, как

циональн

чали изби

Чем бы

торый сид

чал, навер

что старик

лись, выш

Приме

вывели на

— Спа

бы замер

— Вор

— Иди

падайся,

Когда д

мне закло

пить со ст

то они не

Три ме

мил, купа

чей. Мне

страдал ф

за то, что

богатство

богатство

кая жизнь

зачем был

Я хотел

заявление

это беспол

мундира»

ственного

не мог. Я

зрел свой

Я раз з

смотрел в

он ходит п

как гестап

коршуном

сал на дер

в этих дей

у меня все

ненормаль

не то от ви

такого чел

— За что вы с меня деньги взяли? Да еще и обокрали. Я буду жаловаться. А от диабета я принимаю глинил, — обратился он к крысиной мордочке. — Неужели не видите, что вы ошиблись... Тут его похлопал по плечу здоровенный мент.

— Поговорить надо.

Они прошли в коридор. Тут его схватили два мента — здоровенный и маленький с черными усами, как потом оказалось, шофер кавказской национальности. Они затащили дядю в камеру и начали избивать ногами.

Чем бы дело кончилось, если бы не парень, который сидел на корточках в углу камеры. Он закричал, наверное, на все помещение: «А... ну-а-а! За что старика пинаете, менты поганые!» Те остановились, вышли из камеры.

Примерно через час, когда дядя очнулся, его вывели на улицу. Крысиная морда вслед крикнула:

— Спасибо бы сказал, что услугу оказали. Так бы замерз где-нибудь, сморчок!

— Ворюги и гестаповцы, — огрызнулся дядя.

— Иди домой, старый хрен, да больше не попадайся, — напутствовал дядю мент.

Когда дядя Оли рассказал мне все до конца, во мне заклокотала ярость. Как они могли так поступить со старым и больным человеком. Молодых-то они не трогают, боятся.

Три месяца я ухаживал за дядей. Готовил, кормил, купал, делал массаж. Оплачивал визиты врачей. Мне было больно видеть, как он мучился и страдал физически и морально. Как ему отплатили за то, что всю жизнь вкалывал, создавал, умножал богатство страны. И где теперь эта страна, где богатство? Все скуплено, разворовано. Человеческая жизнь не стоит и ломаного гроша. Ну, зачем, зачем было пинать-то?

Я хотел было нанять адвоката и подать на них заявление в суд. Но, поговорив с ним, понял, что это бесполезно. Они не дадут своих в обиду: «честь мундира» превыше всего. А где искать того единственного свидетеля? Но и оставить это дело я тоже не мог. Я долго думал, размышлял, и у меня созрел свой план.

Я раз за разом ходил к этому вытрезвителю, смотрел в окно. Видел этого мента-верзилу, как он ходит по комнате весь в черном, с дубинкой, как гестаповец. Когда привозили очередного, он коршуном набрасывался на него, на жертву. Бросал на деревянный топчан, срывал одежду. И было в этих действиях столько злобы и жестокости, что у меня все внутри похолодело, этот мент был явно ненормальный. Его продолговатое лицо искажалось не то от внутренней боли, не то от гнева. Ну, как такого человека можно держать в милиции?

Или там нужны такие психи? Стал я за ним следить. На это затратил месяц. Спешить мне было некуда. Я не один раз ходил за ним следом, знал, где он живет. Однажды поговорил с подслеповатой старушкой. Причем я тоже сыграл роль старика, нашел на мусорке драное пальто, такую же шапку, наклеил усы и бороду. Как-то достал из почтового ящика письма, прочитал их, заклеил и бросил обратно.

Словом, я знал о нем много. Да, он был в Чечне, контужен. Семейная жизнь у него не клеилась. Он часто ссорился с женой, запрещал ей встречаться и разговаривать с соседями, приходить к ним и приглашать к себе. Детей у них не было. Его жена работала медсестрой, часто не ночевала дома. И он злился, ругался с ней. Может, ревновал, черт его знает. Необщительный, хмурый, он проходил мимо сидящих на лавочке старушек и ни с кем не здоровался. В общем, его не любили соседи.

27

План был прост. Я знал, что глубокой осенью, когда рано темнело, от двенадцати до часу ночи он приезжал домой из своей вытрезвительки на ужин. Вот я и пришел после двенадцати в подъезд. У меня был великолепный, восточной выделки узкий стилет. Его я давно приметил у дяди Оли. Кинжал лежал в посеребренной кобуре за книгами в зале: видимо, дядя забыл о его существовании. Это было прекрасное холодное оружие с рукояткой из слоновой кости, инкрустированное серебром. И потом этот клинок, тщательно промытый, оказался на прежнем месте.

Милицейский газик остановился, из него вылез Вовчак, что-то сказал шоферу. Когда он вошел в подъезд, я с первой ступеньки всадил ему клинок по самую рукоятку. Он даже не хрюкнул. Вот так, сволочь, зачем пинать-то деда было. Вышел я из подъезда. Рядом стоит газик с работающим двигателем. За рулем кавказско-азиатский мент. Тот самый. Я схватил его за шиворот и выволок из кабины, швырнул на землю.

Я бил и бил его ногами. В свете фар было видно, что его лицо превратилось в месиво. Когда он затих, я перевернул его, подтянул ноги к затылку и услышал, как хрустнул позвоночник. Вот так, сволочь, зачем было деда пинать!

Дядя Оли, можно сказать, поправился. Он уже легко передвигался по квартире, возобновил физзарядку. Но был каким-то озабоченным.

— Что с тобой, Олег Эдуардович? Дела пошли на поправку, жив, здоров, как говорится, радоваться бы надо.

— Это, конечно, хорошо. Но вот денег нет, и продукты кончились, пенсии нет, и ведь три меся-

ца как не несут, хоть иди с шапкой к магазину и проси милостыню. Или копайся в помойках, как некоторые...

— Забыл я, дядя, — сказал я. — Пока ты болел, я пенсию твою получал, продукты кое-какие покупал. Прибрал я твои деньги, сейчас принесу.

Я пошел в свою квартиру, взял деньги из коробки, куда их мать складывала и никогда не считала. Разве я мог допустить, чтобы дядя Оли побирался! Принес ему деньги, он как-то подозрительно на меня посмотрел.

— Ты, Игорек, посиди, а я сейчас по магазинам пронесусь. Да и давно не был я на свежем воздухе, — бодро сказал он, оделся и вышел.

А я подумал: вот старина удивится, когда получит пенсию за три месяца. Но меня уже здесь не будет. Я написал ему записку, что уезжаю продолжать учебу в столице, оставил ему ключи от своей и его квартир, пообещал, что буду писать. Извинился, конечно, за скоротечный отъезд: мол, времени нет и все такое, документы и кое-какие вещички я давно приготовил...

Сажу в маленьком уютном кафе, пью кофе. Неделю я хожу и никакого толку. Но сегодня должно все решиться, мусор мой ничего не чуял: ему, наверное, и в голову не могло прийти, что его пасут. Вчера у меня была возможность «замочить» его, когда он задержался на работе и пошел дворами домой. Я направился было следом, но передумал. Райотдел недалеко, услышат выстрелы. Решил подождать, и правильно сделал: сегодня прошел за ним от его ментовки до театра, где он купил два билета. Спектакль заканчивается в половине одиннадцатого вечера. От театра до его дома пятнадцать минут ходьбы, и я встречу их у подъезда.

Выхожу из кафе, еще раз набираю номер его квартиры. Трубку никто не берет. Они еще в театре. Тоже мне, опер, несколько дней его пасу, а он не замечает. Уверен в своей силе и безнаказанности. Ведь наверняка он снимает «пенки» с игорных домов, где собираются проститутки и наркоманы. Ведь узнали же об этом его конкуренты.

Свою Елену я так и не увидел. Ходил по магазинам, по базарам, музеям, был и в картинной галерее. Почему я дал ей свои кое-какие координаты, а ее адрес не записал? Мне уже стало казаться, что она — плод моего воображения. Она мне приснилась в поезде, вот и все! Да, я дал ей один из своих адресов, имя, но ведь настоящую-то фамилию я ей не сказал. У меня немало запасных вариантов. Значит, из сердца вон!

Без пятнадцати одиннадцать. Четыре пятиэтажные коробки замкнули собой темный двор. Сажу

на лавочке, расставив ноги, спрятав лицо в ладони. Я ничего не вижу, но слышу хорошо. Процокали женские каблучки, проехала машина. А вот идут двое, о чем-то тихо разговаривают. Они прошли мимо меня. Я поднялся, выдернул «Макара». Он как раз пропускал женщину вперед и, услышав щелчок предохранителя, обернулся. Лицо его сделалось белым-белым. Я выстрелил ему в переносицу, из затылка на женщину брызнула кровь, а мент сразу свалился на крыльце.

Меня вдруг парализовало. Расширенными от ужаса глазами на меня смотрела Елена. Я нашел ее. Она смотрела на меня безумно, а потом дико закричала. Ну зачем она закричала! Ведь она узнала меня! Она кричала и кричала, и ее вой заставил меня очнуться, вернее, не меня, а другого, живущего во мне. И тот, другой, пулю за пулей сыпал в нее до тех пор, пока она не затихла.

У меня был запасной паспорт. Я сел на самолет, полетел в город, откуда приехал сюда на поезде. Прямо с самолета в полночь пришел к Хавбеку. Позвонил. Я знал, что в подъезде установлены микроскопические камеры, и он сейчас смотрит на экран, кто же к нему пожаловал в столь поздний час. Наконец раздался щелчок, дверь распахнулась. Я вошел в холл, и дверь сразу же захлопнулась за мной. Он сидел за столом и вроде бы читал журнал.

— Зачем приехал, гаденыш? — зарычал он. — Зачем ты дал той шлюхе свой адрес? Как тебя звать, величать. Да я сам не знаю, кто ты такой, откуда взялся. Хату твою уже пасут. Хвоста за собой притащил? — Он кричал на меня, его щеки лоснились от жира и пота: — Схватят, всех заложить, гад ползучий. Ты забыл Правило!..

— Плевать я хотел на твои Правила. Выкладывай «зелененькие», и я сливаю отсюда.

— Зачем тебе деньги, ты уже мертвец. Ты заказан. На эти деньги мы устроим твои похороны, а это тоже предусмотрено Правилами.

— Видел я тебя и твоего киллера в гробу в белых тапочках. Выкладывай «баксы», — я выхватил пистолет. — Ну, Хавбек, не испытывай мое терпение. Стреляю я, сам знаешь, без промаха и вмиг сделаю в твоей черепушке дырку.

Хавбек позеленел. Он понимал, что если киллер выхватил пистолет, то шутки плохи. Он отодвинул журнал в сторону, взял из-под него пачку долларов, кинул мне под ноги. Знаю я этот прием. Сунув пистолет за пояс, сделал вид, что наклоняюсь за деньгами, сам краешком глаза наблюдаю за ним. Вот он дернул ящик стола и сунул туда руку. Я отчаянным прыжком перемахнул через

стол и ок
рукой ше
пистолето
гами, пыта
мешали. Я
его руку
нажал на
затрелился
На пышны

Я собрал
шел из ква
второй хат
не пошел,
Двухэтажн
да. Наверн
этой хате.
Надо изба
Иначе моя
мар. Хоть
Канарах...

Вот и мо
противопол
окна. Чер
окне слабе
лер закури
свет, и кил
нутся выстр

Из моего
куртке, с
киллер. Ко
где я стоял
мне ничего
Голова у не
на тротуар
Неделю я
заплатил за
ночевал. П
одежду, пр
мне хочет
А вот увиж

Когда Гр
сточном Н
сти» (а он б
телефонный
мал он. —
назад как у
нуты к ней
— Генри
ко она наз

ладони. оцокали вот идут прошли ра». Он лав щел- о сдела- ереноси-, а мент

стол и оказался у него за спиной. Обхватив левой рукой шею Хавбека, правой поймал его руку с пистолетом. Он попытался вырваться, молотил ногами, пытаясь зацепить меня, но ножки кресла ему мешали. Я прямо-таки втиснул его под стол. Согнув его руку с его же пистолетом, поднес к виску и нажал на курок. Пуля попала в висок. Все, Хавбек затрелился, ай-яй. Кому теперь добро достанется? На пышные похороны хватит, еще и останется.

Я собрал все деньги, которые у него были. Вышел из квартиры. Такси я брать не стал. Шел ко второй хате, в которой я иногда ночевал. В первую не пошел, раз там менты, Хавбек врать не будет. Двухэтажный дом старой постройки на краю города. Наверняка Хавбек проследил меня и знал об этой хате. Вот в ней-то и поджидает меня киллер. Надо избавиться от него во что бы то ни стало. Иначе моя дальнейшая жизнь превратится в кошмар. Хоть где найдет — в Париже, Лондоне, на Канарах...

Вот и мой дом. Глубокая ночь. Я зашел в подъезд противоположного дома, стал ждать и смотреть на окна. Через пару часов, почти под утро я уловил в окне слабенький огонь, просто отблеск. Ага, киллер закурил. Занервничал? Ведь скоро будет рассвет, и киллер это понимал, ему не уйти, если начнутся выстрелы. Что же, подождем еще.

Из моего подъезда вышла девушка в модной куртке, с сигаретой в зубах: я сразу понял, что это киллер. Когда красавица поравнялась с подъездом, где я стоял и уже держал пистолет двумя руками, мне ничего не оставалось, как нажать на курок. Голова у нее дернулась, и она кулечком свалилась на тротуар. Все, сволочь, легких денег захотелось?! Неделью я прожил у стариков. Снимал у них угол, заплатил за полгода вперед, но ни разу там не ночевал. Потом купил у него, дедушки, старую одежду, прибрахлился и пошел на вокзал. Ах, как мне хочется увидеть дядю Олега Эдуардовича! А вот увижу ли...

ПОЛЕТ В НИКУДА

Когда Григорий Федорович, как звали его в Восточном НИИ, досматривал по телевизору «Новости» (а он больше ничего и не смотрел), раздался телефонный звонок. «Это Лара, — сердито подумал он. — Ну что еще ей надо...» Она пару часов назад как ушла от него. Она уговаривала его вернуться к ней.

— Генрих, что ты один будешь делать? — только она называла его настоящим именем. — Как

жить будешь, кто тебе еду приготовит, стирает белье? В такое трудное время ты бросил нас!..

— Ничего я не бросил. Хочется побыть одному, привести мысли и дела в порядок, — он кивнул на стол, заваленный папками и книгами. — А сколько тут авторских свидетельств и патентов. Больше года ни к чему не притрагивался. И доклад на ученый совет надо написать, и письма кое-куда отправить.

— Генрих, кому нужно сейчас все это? Нас бросил... И если разбежимся, не выживем. Вот что главное!

Генрих Фридрихович промолчал, уставился в телевизор, давая понять, что разговор на эту тему окончен. Лара поднялась с дивана, застегнула на пуговицы свою норковую шубку, сказала:

— Пошла я... Если что, звони. Спокойной ночи.

И вот звонок не умолкает. «Какая же ты упрямая, — чертыхнулся он, — но и я упертый. Сейчас скажу тебе пару ласковых». Он снял трубку.

— Папа, наконец-то, — воскликнула дочь. — Мама умерла. Ты слышишь меня, — всхлипнула она. — Слышишь! Чего же молчишь!

Он стоял и не знал, что сказать. Это неожиданное известие оглушило его. Как же так? Поллюбовно договорились, поллюбовно разошлись. Разменяли квартиру. Ему досталась однокомнатная квартира, жене и дочери — двухкомнатная. И деньги им еще остались немалые. Он все завещал дочери — студентке технического университета. Жена в общем-то осталась довольна. И вдруг такое...

— Слышу, Катенька, слышу, — пришел в себя отец, — как это произошло? И где же сейчас она?

— В морге... Случился сердечный приступ. Я вызвала «скорую». Через час позвонили: не довезли, — плакала дочь.

— Успокойся, Катенька. Я сейчас позвоню кое-куда. Приезжай завтра в институт. Мы привезем ее туда. Все!..

Он позвонил Ларе, тут же мелькнула унылая мысль: «Как в воду смотрела, пришлось-таки...» Ответил Михаил Михайлович Устюжанин (его почему-то звали «Утюгом»).

— Лара в ванне. Хирш, что у вас там случилось? Пришла вся в слезах.

Трубку перехватила Лара, она и в самом деле ждала от него звонка.

— Генрих, я тебя слушаю...

— Мне сейчас позвонила дочь... — спазма сжала горло, сдавило грудь, и он еле договорил, — Екатерина Карловна умерла. (Дочь тоже звали Екатериной.) Ты обзвони всех. Утром приезжай...

Он положил трубку, вынул вилку из аппарата:

никого не хотелось ни слышать, ни видеть. Он знал: Лара сделает все, как надо.

Закололо сердце. Он выпил прямо из графина воды, лег на диван. И сразу перед ним стали возникать картины пережитого.

Вот и закрылась целая глава его жизни. Все лучшее осталось позади. Впереди — неизвестность, пустота. Как нелепо все получилось. Кто виноват в разрыве? Он не питал никаких надежд на примирение с женой, но сознание того, что жена и дочь живут в одном городе с ним, придавало ему силу, уверенность в себе, чувство ответственности и долга за воспитание дочери. Как теперь жить дальше? Этой постылой жизнью?

Дважды приходила Екатерина Карловна к Ларе и уговаривала его вернуться домой. Ну погорячилась, виновата. И дочь скучает. Он, отец, для нее был кумиром, доктор наук, физик. Она любит его. Но Генрих Фридрихович был неумолим. Жена нанесла ему глубокую рану прямо в сердце, собственноручно ввергла его в пучину скотской жизни, и простить ей этого он не мог.

А все началось-то с пустяка. Он, заведующий лабораторией, и два его помощника — кандидаты технических наук Лара Линденау и Михаил Устюжанин — засиделись за компьютерами. Вырисовывалась интересная идея. Не хотелось отрываться. Они работали вместе несколько лет, на их счету не одна разработка, немало изобретений. Их ставили в пример всем в институте.

Вот уже ушли механики и токарь, а потом и оба научных сотрудника. Не раз заглядывала Екатерина Карловна, спрашивала:

— Вы долго еще будете сидеть? Уже поздно, пора по домам...

Но Генрих Фридрихович в который раз отмахнулся от нее. Екатерина Карловна давно начала ревновать мужа к Ларе. Этому способствовало и то, что в институте часто нашептывали ей женщины: видели-де их вместе то в столовой, то в кафе напротив, через дорогу. Конечно, Лара была красивой, сексуально соблазнительной, молодой. Одни голубые глаза и светлые волосы чего стоили! Одевалась архимодно. Ей бы не наукой заниматься, а выступать в качестве фотомодели в журнале «Плейбой». Однако ее мужчины не интересовали. Она проходила мимо их восхищенных взглядов совершенно равнодушно. Вот только Хиршбергу отдавала предпочтение. Вот это и настораживало Екатерину Карловну. А тут изо дня в день они засиживаются допоздна.

В тот день Генрих Фридрихович приехал домой около двенадцати ночи. Поднялся на лифте на пятый этаж. На огромной площадке около его двери

стоял облезлый чемодан. Он понял все. Для убедительности трижды позвонил. Дверь никто не открыл. Он взял чемодан, вышел на улицу. Была холодная октябрьская ночь. Он поднял воротник демисезонного пальто, поглубже натянул шляпу. Тут же сел в такси.

Он приехал на другой конец города, в новый микрорайон, вылез около двенадцатизатжки. Лифт уже не работал, и он поднялся на седьмой этаж пешком. Номер квартиры — девяносто девять! На его продолговатом лице с массивным подбородком появилась гримаса, что-то вроде улыбки. «Одного не хватает», — подумал.

Лара открыла дверь, посмотрела на него, на чемодан, пропустила его в квартиру. Он разделся, заглянул на кухню. Там сидел Михаил Михайлович.

— С тобой все ясно, шеф. Давай-ка присоединяйся. Работа над Приставкой продолжается...

Он прожил у Лары и Михаила Михайловича больше года. Их накрепко связала работа над Приставкой. Втроем они ездили в институт, втроем возвращались. Однокомнатная квартира была просторной, с лоджией, но выходила на северную сторону, поэтому была сумрачной и холодной.

Зима выдалась холодной. Январь был таким морозным, что дух захватывало. Они спали втроем на широкой тахте под двумя теплыми одеялами. Лара всегда ложилась между мужчинами. Они так привыкли друг к другу, что совершенно не стеснялись.

Все больше и больше Лара стала предпочитать общество Генриха Фридриховича, и не потому, что он был ее шефом. Она была из тех женщин, которые сами выбирают мужчин. Он давно ей нравился своей педантичностью, большим умом. Отправив Устюжанина в магазин, начинала обнимать и целовать его, говорила: «Генрих, докторишка ты мой, какой ты сладенький, ну иди же ко мне...»

Устюжанин любил Лару. И если он жил с ней, это не означало, что он завоевал ее сердце. Он страдал, видя, как Лара и Генрих милоются. Этот русский немец отобрал у него женщину. Неужели она не видит, что не нужна ему. Он холоден с ней, надменный индюк, а что творится в его душе, одному черту известно. Генрих всегда стоял между ними. И даже когда он занимался с ней любовью, то чувствовал нутром, что дух его витает в этой комнате.

Когда потеплело, Устюжанин приволок раскладушку и стал спать на кухне. Так-то лучше. У него была мечта голубая: заработать на последнем изобретении и купить квартирнку. Может, улыбнется счастье, и он женится на Ларе. Ведь даже ленивому видно, что она Генриху не нужна. Поэтому он никуда не уходил, все силы и душу вкладывал в

работу на мал, что дело, на А Ларе да институте бросила с того ее и с отцом навидит е

Седьм

ного НИИ

сирования

нуты. Еже

ственной п

только не

дов, к губ

тельству. л

вая» война

Каждый

хаил лома

питались о

без сахара

сбор пуст

Лара сид

Мужчин

собирался

Были врем

просто гол

мог, давал

Как-то

вовсе голо

можете гол

тому супер

выхода. Ми

лись. Один

— Хвати

А если в с

махнемся ц

денег, снял

шапку, доб

су свою...

Генрих Ф

ки, поспеш

тно. Как он

черт ему э

А шапок у н

и она прине

в магазин, ку

окорочка. И

кую вермиш

перед Ларо

шее лицо, в

смеялась.

— Ну, Ге

Для убе-
кто не от-
. Была хо-
ротник де-
шляпу. Тут

, в новый
жки. Лифт
мой этаж
девятая! На
подбород-
бки. «Од-

его, на че-
разделся,
ихайлович.
присоеди-
ется...

вича боль-
д Пристав-
роем воз-
простор-
ую сторо-

таким мо-
втором на
ами. Лара
и так при-
геснялись.

дпочитать
тому, что
цин, кото-
ей нравил-

м. Отпра-
бнимать и
ришка ты
мне...»

кил с ней,
рдце. Он
тся. Этот
Неужели

ден с ней,
душе, од-
ял между
любовью,

ет в этой
ок раскла-
е. У него
нем изоб-
улыбнется
е лениво-

работу над Приставкой. Он, электронщик, пони-
мал, что нужен группе, что без него лопнет это
дело, на которое возлагается столько надежд.
А Ларе давно нравится Генрих Фридрихович, это в
институте все видели. Возможно, из-за него она
бросила своего дряхлого муженька-ученого, за ко-
торого ее, девчонку, выдал именитый папаша. Да
и с отцом-то она порвала, как-то сказала, что не-
навидит его.

Седьмой месяц пошел, как сотрудники Восточ-
ного НИИ не получали зарплату. Из-за недофинан-
сирования многие научные разработки были свер-
нуты. Еженедельно заседал ученый совет с един-
ственной повесткой дня: где взять средства. Куда
только не обращались: к мэрам шахтерских горо-
дов, к губернатору области, в Госдуму, к прави-
тельству. А тут еще начались забастовки. «Рельсо-
вая» война в самом разгаре.

Каждый вечер Генрих Фридрихович, Лара и Ми-
хаил ломали голову над тем, как прожить. Давно
питались одним хлебом, запивая его жидким чаем
без сахара. С наступлением темноты выходили на
сбор пустых бутылок. К утру собирались. Только
Лара сидела дома.

Мужчины приносили по сумке, за день-другой
собирался мешок, а когда и два стеклянной тары.
Были времена, когда «улова» не было, и тогда они
просто голодали. Лара ходила по соседям, и кто
мог, давал в долг картошку и капусту, свеклу.

Как-то Генрих Фридрихович, когда уж стало
вовсе голодно, написал на ватмане гуашью «По-
могите голодающему ученому» и пошел к доро-
гому супермаркету. Прицепил на грудь. Стал у
выхода. Мимо проходили молодые люди, смея-
лись. Один парень остановился, сказал:

— Хватит, господин ученый, «прикалываться».
А если в самом деле выпить захотел, так давай
махнемся шапками. Не обижу. Он дал ему пачку
денег, снял с Генриха Фридриховича пыжиковую
шапку, добавил: — Приходи завтра, я тебе прине-
су свою...

Генрих Фридрихович поднял воротник дублен-
ки, поспешил к Ларе. Ему было и смешно, и грус-
тно. Как он сам-то до этого не додумался? На кой
черт ему эта шапка. Главное сейчас — выжить.
А шапок у него полно, завтра же позвонит дочери,
и она принесет какую-нибудь. По дороге он зашел
в магазин, купил хлеба, сахару, чай, соль и куриные
окорочка. И, конечно, любимую еду Лары — мел-
кую вермишель. С полным пакетом он и предстал
перед Ларой и Михаилом. Глядя на его посинев-
шее лицо, взлохмаченную голову, женщина рас-
смеялась.

— Ну, Генрих, ты молодчина, подали все-таки

голодающему ученому... Утюг тебе новую одеж-
ду принес, чтобы не стыдно было просить, — она
кинула в угол, где лежали две фуфайки и облез-
лые шапки.

Они хорошо и вкусно поужинали, а потом взя-
лись за работу. Можно сказать, что электронная
Приставка во взрывобезопасном исполнении была
готова. По крайней мере, в чертежах.

На изобретение Приставки всем троим было вы-
дано авторское свидетельство. Суть изобретения
состояла в том, что она может устанавливаться в
шахтах и лавах, на откаточных и вентиляционных
штреках. Размер ее — половина обычного дипло-
мата, может уместиться и в портфеле. Любой шах-
тер, взглянув на голубой экранчик, увидит, сколь-
ко метана в забое. Если выше нормы, прекраща-
ется работа, все уходят. Не надо ждать горного
мастера или начальника службы вентиляции, когда
они придут и своими допотопными приборами сде-
лают замер. Сколько жизней будет спасено от взры-
вов и внезапных выбросов! Приставка даже показы-
вает колебания почвы. А это тоже архиважно!

Генрих Фридрихович приехал в институт, пошел
к заместителю по науке Дьякову. Кабинеты лабо-
ратории были пусты, и его шаги отзывались гулким
звуком. А когда-то здесь было оживленно. В ко-
ридорах строились сотрудники, выходили на ули-
цу, где формировалась колонна. Шли к белому
дому областного центра стучать касками о мосто-
вую. Ничего они не «выстучали», все осталось по-
старому, если не хуже. А сейчас институт словно
осиротел.

Генрих Фридрихович накануне договорился с
Дьяковым о встрече: нужны деньги на команди-
ровки по заключению договоров на Приставку. Это
надо институту, Дьяков твердо пообещал. Он его,
Хиршберга, выдвигенец. Хиршберг отказался от
этой должности, поскольку ни хозяйственная, ни
кабинетная работа его не прельщала.

Толкнул дверь приемной. Секретарь Мария Пав-
ловна встретила его приветливо. Ведь когда-то на
этом месте сидела его жена Екатерина, а потом,
окончив политех заочно, перешла в лабораторию
анализов.

— Григорий Федорович, он ждет вас. Прохо-
дите, — мягко проговорила она. Дьяков сидел за
столом, подперев голову рукой. Он махнул во-
шедшему, показал на кресло.

— Садись, Гоша, рассказывай, — фамильярно
сказал Дьяков. — А денег, между прочим, нет...

Генрих Фридрихович подошел, но садиться не стал.

— Без ножа режешь, — он взял его за лацканы
пиджака и притянул к себе. — И какой я тебе Гоша!
Бездарный и бесполезный человечиска. Да от тебя

несет, как от винной бочки. Жируешь, а нам жрать нечего...

— Генрих Фридри-ши-хи-ши... Тьфу, не выгодно. Да отпусти, дышать нечем, — выдохнул Дьяков.

Он отпустил его, и тот плюхнулся в кресло.

— Зарплату я вам выбил за два месяца. Иди, пока кассирша на обед не ушла. А командировочные потом, когда деньги будут...

Генрих Фридрихович повернулся и вышел из кабинета. Он подошел к кассе, заглянул в окошечко. В комнатухе сидела незнакомая женщина. Она сунула ему ведомость. Он расписался, просмотрел ведомость, но фамилий своих сотрудников не нашел.

— А почему нет Лары Линденау и Михаила Устюжанина?

— Выдали только докторам, — ответила кассирша и протянула ему деньги. — Эта Лара не дочь академика?.. Сходите к директору.

— Нет, — отрубил Хиршберг. — Она дочь башмачника...

Он вновь направился к Дьякову. «Пойду и потрясу его как следует. Ну врун, ну идиот. Успел с утра нажраться». Вошел в приемную. Мария Павловна развела руки:

— После вас выскочил из кабинета, как ошпаренный. А что ему передать, Григорий Федорович?

— Да он мне пока и не нужен, — он вытащил деньги, отсчитал несколько сотенных, положил ей на стол. — Это для дочери. Позвоните Екатерине Карловне...

— Понимаю, понимаю. Я все сделаю, как надо, — сказала Мария Павловна и спрятала деньги в стол. — До свидания!

Хиршберг приехал к Ларе. Его ждали. Он рассказал своим сотрудникам, как было дело, выложил деньги.

— Сдохну, но не пойду к отцу, — воскликнула Лара.

— Надо разъезжаться, — не обратив никакого внимания на возглас Лары, добавил: — От успеха нашего мероприятия зависит наша дальнейшая работа.

Лара вздохнула, взяла деньги, пересчитала. Затем она выдала каждому определенную сумму, а оставшиеся деньги положила в стол. Генрих Фридрихович поднялся, взял портфель, сказал:

— Поехал в Кузню. Через неделю встретимся. Пока...

Лара и Устюжанин тоже засобирались.

Результаты поездок по заключению договоров на Приставку оказались плачевными. Хиршберг приехал с юга с пустым портфелем, Устюжанин — с

двумя, а Лара — с пятью договорами. А чтобы проект окупился и дал прибыль, надо пятьсот-шестьсот. Директора шахт в основном ссылались на отсутствие средств на новую технику.

А вскоре долбануло так, что всколыхнуло всю страну. На одной из южных шахт произошел взрыв метана. Погибло несколько десятков человек. Они сидели перед телевизором и смотрели репортаж о похоронах шахтеров. Сентиментальный Устюжанин не скрывал слез. Хиршберг сжал кулаки.

— А я ведь главного убеждал, показывал в забое, как работает Приставка. Деньги пожалели, а людей им не жалко. Судить их надо!..

Приехала государственная комиссия. Добралась она и до Восточного института. Вопрос один: что делает такая нучная громадина для обеспечения безопасности работы шахтеров?

На ученом совете, наряду с другими, выступил и Хиршберг. Он «уложился» в свои пять минут, которые ему были предусмотрены. Он рассказал, что сделала лаборатория за последние год-два, о последней поездке по шахтам по заключению договоров на Приставку. В заключение поведал, как живут ученые, собирают пустые бутылки... При гробовом молчании он покинул совещание, сильно при этом хлопнув дверь.

Хиршберг с Устюжаниным закрылись на кухне. Они обсуждали новый проект прибора, названный «Предсказатель», более совершенный, чем Приставка. За несколько часов он подает сигнал о надвигающейся опасности горного удара или внезапного выброса.

— Мы запатентуем «Предсказатель» в сейсмоопасных странах — в Японии, Китае, Юго-Восточной Азии, — размечтался Устюжанин. — Мое дело — начинка!

— Надо перелопатить массу информации, чтобы не изобрести велосипед, — усмехнулся Хиршберг. — Тут Лара работает. Ее знания немецкого и английского пригодятся.

На кухню зашла улыбающаяся Лара.

— Продала шубу и еще кое-какие шмотки, — она показала пачку денег, — живем, мужики. Давай-ка, Утюг, бегом в магазин. Новый год на носу, а у нас кроме булки хлеба и луковицы ничего нет!

Она вышла. Устюжанин, весь красный, сказал Хиршбергу:

— Не позволяй ей это делать. Она тебя послушает. Позор... Нас, мужиков, кормит...

— Послушает она, черта с два, — он брезгливо оттолкнул его. — Ты что, ее не знаешь? Беги лучше в магазин и не зли ее. Ты хорошо разбираешься в кибернетике и молекулярной физике, но ничего не смыслишь в женщинах.

Когда Лара. Ее тугой узел, но не засаженные привлекательности.

— Генрих

— Упав

А вот Устюжанин

— А...

тью. Пустыня душкой.

Она обхватила колени.

— Генрих

Новый

рый и ждет

чтобы отключить

так счастлива

— Как

сказал Хиршберг

выпить.

Вдруг не

уходит в о

— Утюг

на него.

— Н-не

его жалко

— Ты что

— Н-не

Устюжанин. П

Лара вс

квакающая

мент, когда

получилось

— Бери

ню. А утр

А нас всех

Устюжа

Лара обрат

му с фужер

— Ну что

дешь?

— Уйми

Лара сел

— Вот за

за мудрости

...Вновь

Хиршберг п

вая рука. В

вспомнил, ч

достал ее из

зу две табле

утро, но он

Надо написа

Когда Устюжанин ушел, в кухню заглянула Лара. Ее белые влажные волосы были завязаны в тугий узел. Глаза весело блестели. Она намеренно не застегнула халат, и ее тело соблазнительно привлекало.

— Генрих, ты меня осуждаешь?

— Упаси Бог! Делай все, что считаешь нужным. А вот Устюжанин...

— А... Утюг... Надоел он мне своей мелочностью. Пусть выметается отсюда со своей раскладушкой.

Она обняла Хиршберга за шею, села ему на колени.

— Генрих, отнеси меня на тахту...

Новый год наступил. Они уже проводили старый и ждали, когда отстучат минуты и секунды, чтобы открыть шампанское. Давно они не были так счастливы.

— Как трудно нам было, но мы выстояли, — сказал Хиршберг и взял бутылку. — За это сейчас выпьем.

Вдруг на экране появился САМ. Он заявил, что уходит в отставку и еще понес какую-то чепуху.

— Утюг, — резко сказала Лара, — помочись на него.

— Н-не могу... — захныкал Устюжанин. — Мне его жалко стало. — Пусть Хирш!

— Ты что, меня не понял?

— Н-не могу, — плакал сентиментальный Устюжанин. Пусть Хирш...

Лара встала, подошла к экрану, плюнула в эту квакающую одутловатую морду как раз в тот момент, когда он каялся за то, что у него не все получилось.

— Бери, Утюг, бутылочку, закуску и иди на кухню. А утром выметайся отсюда!.. Пожалел... А нас всех не жалко? Как мы жили, а?

Устюжанина как ветром выдуло из комнаты. Лара обратилась к Хиршбергу, спокойно сидящему с фужером шампанского.

— Ну что, докторишка ты мой, учить меня будешь?

— Уймись... Сядь! — жестко сказал Хиршберг.

Лара села, прижалась к нему:

— Вот за это, Генрих, я тебя и люблю. За силу, за мудрость и за то, что не слюняй!

...Вновь закололо сердце, да так сильно, что Хиршберг покрылся испариной, стала неметь левая рука. Воспоминания сразу улетучились. Он вспомнил, что у него есть аптечка. Еле поднялся, достал ее из большой коробки, взял под язык сразу две таблетки валидола. Сразу отпустило. Скоро утро, но он так и не сомкнул глаз. Присел к столу. Надо написать кое-куда письмо. Он написал, запе-

чатал в новый конверт. «Все, решение принято и назад пути нет», — подумал, подписал конверт.

В дверь постучали, и тотчас же зазвенел телефонный звонок. Он снял трубку. Говорил Дьяков:

— Доброе утро, Хиршберг! Я послал катафалк, и скоро тело Екатерины Карловны привезут в институт. За тобой приедет директорская «Волга». Все!

Вновь раздался стук в дверь. Он поднялся, открыл. На пороге стояла Лара.

— Генрих, одевайся. «Волга» у подъезда, — Она не хотела верить своим глазам: Хиршберг вдруг поседел, морщины на лице глубоко прорезались. — Я помогу тебе...

Она надела на него свежую рубашку, галстук и костюм. На дворе март, текут ручьи. Он надел кожаное пальто и шляпу, и они вышли из квартиры.

В фойе института уже стоял гроб с телом. Вокруг на стульях сидели сослуживцы. Он подошел, взглянул на лицо жены. Оно было совершенно спокойным. Он нагнулся, поцеловал покойную в лоб, выпрямился, зашатался. Ему подставили табуретку. Больше он ничего не помнил.

На десятый день родственникам и знакомым было разрешено посещать Хиршберга. Перед обедом в палату вошла Лара. Она была в длинном просторном белом халате. Выглядела смешно, да и сама улыбалась.

— Привет, докторишка ты мой, долго еще отсыпаться будешь? А мне врач сказала, что через недельку-другую выпишут, — она села на стул, открыла пакет и стала выкладывать на тумбочку яблоки и апельсины. — В общую палату переведут...

— Спасибо, Лара. Чувствую себя прекрасно. Соскучился по работе.

— А у нас новость: Утюг ушел... Работает в охранной фирме главным специалистом. Такую замысловатую сигнализацию делает для новых русских, что мышь не проскочит. Конечно, руки-то у него золотые, этого не отнять. Деньги хорошие получает.

Хиршберг задумался: стоило ему только приболеть, как распалась лаборатория.

— Это дело временное, — сказал наконец Хиршберг. — Он вернется в науку. Верю в него: он вырастет в большого ученого. А сейчас каждому из нас надо встряхнуться, сменить обстановку.

— И еще одна новость, хорошая, — Лара просяла. — На Приставку стали приходить заявки. Очень много, даже из других бассейнов. Начальство заключило с заводом шахтной автоматики договор на их изготовление. Меня назначили главным консультантом... На время твоей болезни, разумеется!

— Прекрасно, Лара. Наконец-то. Наверное, из

правительства или из министерства поступила команда.

— Ну, Генрих, я пошла, — она наклонилась к нему, и они поцеловались в губы.

После обеда и сончас к нему пришла дочь. Отца она нашла в хорошем расположении духа. Она кивнула на фрукты, сказала:

— Эта сучка была... Маму в могилу загнала, и чуть было с тобой беда не случилась. Хорошо, обошлось...

— Зачем ты так, Катенька, — поморщился отец. — Она хорошая в общем-то женщина, да и в чем она виновата?

— Ладно, папа, оставим этот разговор, — дочь улыбнулась, — я взяла направление на преддипломную практику в Восточный институт. А руководителем моим будет господин Дьяков.

— Вон как! Да он в науке ничего не смыслит, значит, пятерка тебе обеспечена, — весело проговорил отец.

— Видно, все у тебя нормально, если ты даже так шутишь. Кстати, тебе от Дьякова большой привет. А вот письмецо из Германии, — дочь протянула отцу письмо, и тот сразу же взял, распечатал. Оно было на немецком. Он прочел, сказал: — Все, Катя, еду на родину своих предков, посмотрю, что там и как. Фирма давно меня приглашала. Изготавливает горношахтное оборудование. Я тебе потом напишу. И прошу, не надо ссориться с Ларой. Она несчастная, очень славная женщина...

— Папа, я же сказала: не будем об этом. Жизнь нас рассудит...

— Ты вот что, Катя, часиков в семь вечера подъезжай к больнице на такси. Хочу сбежать. Нет у меня времени лежать здесь... Не возражай, — запротестовал отец. — Решено. Ну, будь! Не теряй времени!

После ужина он упросил врача пустить его погулять на свежем воздухе. Одежда, вышел на улицу. Был апрель. На асфальте уже снега не было. Он увидел такси, открылась дверь, и дочь помахала ему рукой. Он подошел, сел, и машина сорвалась с места.

Объявили посадку на ТУ-154. С дочерью Хиршберг простился раньше. Да она бы и не пошла в аэропорт, зная, что с отцом будет Лара. Они стояли в толпе пассажиров, потом отошли в сторонку.

— Генрих, зачем ты туда едешь? Кому ты там нужен? Оставайся, сдай билет, пока не поздно.

— Я так решил, Лара. Если будет плохо, вернусь. Здесь остаются дочь и ты. Если будет хорошо, вызову вас. Так что ничего не теряю...

— Чувствую, что мы расстаемся навсегда. Не нужна я тебе. И никто тебе не нужен. Да, плохо нам было, но ведь сейчас-то жизнь налаживается! Этот

полет — в никуда. Он тебе ничего не принесет.

— Да я же для вас это делаю, как ты понять не можешь! Мы по горло сыты такой постылой жизнью.

— Ну что же мне-то тут делать без тебя? Умру я...

— Брось паниковать. Расстаемся на какое-то время, ничего страшного. А ты бы за это время помирилась бы с отцом. Он совсем старенький, больной!

Тень пробежала по ее лицу, глаза увлажнились, она припала к его груди. Хиршберг впервые видел ее такой, и в его душу вкралось сомнение: лететь ли? Но тут дверь отворилась, и пассажиры пошли к самолету. Он обнял ее, стал целовать лицо, глаза.

— Да люблю я тебя, Лара, ты что такая!

Она отлипла от него, и он пошел к выходу. Лара побежала на второй этаж, вышла на балкон. Вот она видит, как Генрих подходит к трапу, поднимается, закрывается дверца самолета. Вот отъехала лестница, и раздался гул турбин. Лайнер стал разбегаться и через мгновение оторвался от бетонки.

— Генрих, Генрих, я с тобой...

И почти тут же раздалась сирена «скорой помощи». Окружающие обступили молодую красивую женщину. Санитары положили ее на носилки, быстро понесли в машину. Они надеялись, что можно будет спасти несчастную.

Люди стали расходиться. Никто не заметил мужчину, стоящего в сторонке. Его тело содрогалось от рыданий. Это был Устюжанин.

Хиршберг встретился с дочерью в Берлине на симпозиуме физиков. Собственно, он все для нее сделал: и приглашение от фирмы, и визу. Екатерина и рассказала о трагической гибели Лары. И он, уважаемый, с гордой осанкой, сразу сник. Невольно слезинки выкатились из его глаз.

— Не поверила... — глухо проговорил он. — Жаль, очень жаль...

Видя, как постарел отец, чувствуя, что он страдает, она решила все простить Ларе. Спросила для того, чтобы вывести его из состояния транса:

— Папа, ты ее любил?..

Слезы высохли на его суровом лице. Подумал: «Что в нем такое есть, почему ему не верят женщины?» Хиршберг добился всего, но остался один в этой богатой стране. Что делать ему, как жить дальше? Может, права была Лара: это был полет в никуда?! Вот спросила дочь, любил ли он ее? А какое это теперь имеет значение? Однако надо хоть Катеньке сказать правду. И он ответил одним словом:

— Да.

И, как бы разгадав мысли отца, она сказала:

— Папа, ты не будешь один. Я тебя не оставляю.

г. Кемерово

Иван ПОЛУНИН

ЗАПАС ОД

Далеко
С медо
До пог
А пока

Так ду
Людск
Как ту
Лесна

О себе
Мне по
Есть пр
Чем ли
На зем
Цветущ
Очень
Непред

По вес
Люди х
И посм
У стан
Но рас
Обыва
Неужел
Истреб

Тот за
Истинн
Что стр
Перест

Судьба
Хлебор
Обступ
Меня п

За теч
За его
Я слеж
И на ра
И душа
Зажата
Так за
Как буд

Иван ПОЛУНИН

ЗАПАС ОДЕРЖИМОСТИ

Далеко до июля
С медовыми сотами,
До погожих деньков, до страды,
А пока

Так душа запрудилась
Людскими заботами,
Как тугими плотами —
Лесная река.

О себе недосуг
Мне подумать украдкой:
Есть превыше задачи,
Чем личный удел.
На земле многоликой,
Цветущей, но шаткой
Очень много теперь
Непредвиденных дел.

По весенним полям
Люди ходят за плугом
И посменно стоят
У станков и турбин.
Но рассудок зажат
Обывательским кругом...
Неужели духовный запас
Истребим?!

Тот запас одержимости
Истинных зодчих,
Что стремились весь мир
Перестроить, как храм!

Судьбы многих друзей —
Хлеборобов, рабочих —
Обступают лавиной
Меня по утрам.

За теченьем людским,
За его поворотами
Я слежу
И на разум надеюсь пока.
И душа моя снова
Зажата заботами,
Так зажата,
Как будто плотами река!

Завянет плод —
Не выжать сока,
Душа иссякнет —
Ни строки!
Неужто силы в ней до срока
Угасли, точно угольки?

Раздую вновь,
Хотя в июле,
Как в печке русской, —
Духота.
...Пчела и в зной,
Промчавшись в улей,
Привычным делом занята.

Она усердствует,
И все же
Не рвусь я из последних сил.
Мой горький труд
Не только сложен,
А иногда невыносим!

Я не могу крутую душу,
Оберегая от беды,
Трясти сейчас,
Как будто грушу,
Где есть незрелые плоды...

Дождусь опять,
Когда над садом
Услышу клики лебедей.
Под стать желтеющим лампадам
Плоды порадуют людей.

Не отравиться бы случайно...
Срываю плод,
Твержу: «Постой!»
Ведь скрыта жизненная тайна
Вот в этой истине простой.

Незрелый плод
Всегда коварен,
И путь запальчивый суров.
Зачем же зычно,
Как в угаре,
Я наломал немало дров?

Протопал град —
И травы улеглись,
От буйства молний

Листья оробели,
И лишь родник,
Провозглашая жизнь,
Поет в ночи,
Как мать у колыбели.

О чем поет?
Не разберусь пока.
Но мне с рожденья
Дорого такое —
Как бьется пульс
Лесного родника,
Не ведая смиренья и покоя!

Над родником
С волненьем наклонясь,

Не только в нем
Свое лицо увижу —
Почувствую незыблемую связь
Со всем, что мне
С годами стало ближе!

И я пойму:
Насколько был не прав,
От мутных вод
Не уберег истоки...
Поет родник
Среди цветов и трав,
Молчит под ряской
Водоем глубокий.

г. Кемерово

Евгений Л

ДВЕ ДС

Надя нет
проспекту. С
танавливала
кими богат
в свое чрев
ей не до ма
делю назад
где вот уже
медучилища

В свое вр
чушкой пол
институт ей
училась или
все в поряд
было помог
самая старш
лице хватил

Сегодня
шая медсес
держке зарп

— Все, л
депутаты, и
перь не скор

«Это уж т
Но вот как
работу ходи
ки километр
ся. У каждо
пять-шесть у
идут сюда р
мой прочной
ких пальто и
ний в кварти
шенном и ве
ная поликли
лицо, так ск

И почему
Молодые вр
дних сил дер
тягивают и д
и те по пол
детишки-ма
по пять не
вещают, буд
ходом поган

Евгений ЛЕВШОВ

ДВЕ ДОРОГИ К СЧАСТЬЮ

Надя неторопливо шла по знойному, душному проспекту. Спешить было некуда. Иногда она останавливалась возле какого-нибудь магазина, яркими богатыми витринами зазывавшего прохожих в свое чрево, но заходить не решалась. Сегодня ей не до магазинов, как, впрочем, и вчера, и неделю назад, и месяц... Она шла из поликлиники, где вот уже четыре года, сразу после окончания медучилища, работала участковой медсестрой.

В свое время, когда она семнадцатилетней девушкой получила школьный аттестат, поступить в институт ей не удалось. И не потому, что плохо училась или туго соображала, с этим у нее как раз все в порядке, просто семья была большая, надо было помогать родителям — работать, ведь она самая старшая из детей. Хорошо хоть на медучилище хватило времени и настойчивости.

Сегодня в конце смены к ним заглянула старшая медсестра и в очередной раз объявила о задержке зарплаты.

— Все, мои милые, закончились выборы и в депутаты, и в президенты, и в местные власти. Теперь не скоро начальство зарплатой побалуует.

«Это уж точно, — мысленно согласилась Надя. — Но вот как жить, и на что: чем питаться, в чем на работу ходить? Ведь им за день приходится десятки километров набегать, на сотню этажей подниматься. У каждой сестры по три-четыре, а иногда и по пять-шесть участков. Ведь «нормальные» люди не идут сюда работать! Тут никакой обуви, даже самой прочной, самой ноской не напасешься. Никаких пальто и курток из-за бесконечных переодеваний в квартирах больных не хватит. И ведь в заношенном и ветхом к людям не пойдешь: центральная поликлиника города, а ты ее представляешь, лицо, так сказать, визитка здравоохранения.

И почему им, «визиткам», так худо живется? Молодые врачи, санитарки, медсестры из последних сил держатся: ставки издевательские, не дотягивают и до половины прожиточного минимума, и те по полгода не дают. У многих, как у Нади, детишки-малыши. Но и детских пособий никто лет по пять не видит. Хотя по телевизору министры вещают, будто задолженность по детским полным ходом погашается. Интересно, кому она погаша-

ется? Может, Надя и ее подруги где-то в стороне, на обочине от «полного хода» живут? Целый день как угорелые, без крошки во рту. В уличных забегах не перекусить — страшно дорого. В процедурном на днях медсестра, тоже, кстати, молодая мама, от голода в обморок упала — три месяца отработала и ни рубля не получила! Зато главврач и ее свита все приварки от платных услуг, все премии, что мэрия назначает, все про меж себя делят и получают, соответственно, в двадцать раз больше, чем они, рядовые, не из свиты. Ну никогда никто из рядовых не поверит, что свита и работает в двадцать раз больше, чем они... А кабинет главному отделили: евроремонт, подвесные потолки, мебель под орех — достаток, роскошь из всех углов выпирает. Это с каких таких сверхдоходов — министерский кабинет в обшарпанной больнице? Теперь к ней, к заведующей, как в музей или храм какой заморский заходишь, рука так и тянется лоб крестом осенить. Вот только во имя чего? Разве что бесов отпугнуть...

О боже, да что это она сегодня? Чего в чужих карманах рыться? Сейчас как у кого совесть позволяет, тот так и живет.

Надя взглянула на свое отражение в гигантском зеркале витрины проплывавшего рядом супермаркета. А она ничего: длинные, стройные, модные по нынешним временам ноги; тоненькая талия; хрупкая, точнее, изящная, с хорошо развитой грудью, фигурка. И загар красивый — ровный, золотистый, словно неделю на лучших пляжах Средиземноморья провела. А глаза? Какие у нее, оказывается, огромные глаза. Может, это от того, что сильно похудела: при росте сто семьдесят — всего сорок девять килограммов...

Девушка остановилась, украдкой изучая свою внешность, отраженную в окнах магазина. И ресницы красивые: длинные, пушистые и кончики вверх загибаются. Одета, правда, не солидно, слишком уж по-девушечьи: салатного цвета юбочка выше колен; ярко-оранжевая, коротенькая, оставляющая обнаженной талию маечка и голубенькие, из джинсовой ткани туфельки. Скорее, не туфельки даже, а тапочки. Ни украшений, хотя бы скромненьких, ни косметики, хотя бы простенькой. Лишь в ушах маленькие серебряные сережки — подарок одного... впрочем, пока Надя никому не говорит, чей это подарок. В руках у девушки яркий пакет с улыбающейся физиономией голливудской знаменитости. Ну и видок! Так, как она, девчонки лет шестнадцати одеваются, а ведь Наде уже двадцать пять!

На огромном электронном табло, установленном на новом благоухающем богатством и сытостью здании сбербанка, появились цифры, указывающие время — шестнадцать двадцать. Нет, в детсад за Васильком еще рано: у них ужин полшестого. И хотя кормят там совсем уж скудно, пусть все же каши какой-нибудь налопаются. Дома-то шаром покати — кормить вообще нечем: «Ну и нищета мы с тобой, сын!»

Наде вспомнился праздник Победы. Вообще-то она в этот теплый майский день никуда не собиралась. Денег, как всегда, не было. Просто вышла с Васильком погулять — весенним воздухом подышать, благо, погода была чудесная. И встретила свою давнюю подругу — Ларису, с которой вместе еще в училище училась. Лариса, поздоровавшись, сразу подхватила Василька на руки, потискала его, пообнимала — у самой-то детей еще не было — и... не обращая внимания на Надины протесты, буквально затащила их к себе в гости. Ларисиной мамы дома не оказалось. Она служила какой-то большой начальницей в обладминистрации: не то заведомом, не то замзаведующего. И в это время где-то там в администрации ответственно дежурила. Дома Лариса сразу же до отвала накормила Василька всякими вкусностями и усадила его за какую-то увлекательную игру на компьютере. Ну а Надю пригласила за праздничный стол. Выпили за победу шампанского, закусили как следует — стол от яств в прямом смысле слова ломился, поболтали о том, о сем, посплетничали об общих знакомых. Потом Лариса спохватилась, вспомнила, что есть мороженое, и велела Васильку самому сходить на кухню, посмотреть где-то там, в морозилке, детское лакомство. «Возьми там себе, сколько захочешь, и нам по брикету принеси», — попросила она малыша.

Через минуту из кухни раздался восторженно-испуганный возглас Василька: «Ни фига себе!..»

Хозяйка с гостьей недоуменно посмотрели друг на друга и решили выяснить, в чем же дело. Они заглянули на кухню и увидели такую картину: Василек стоял у раскрытой дверцы одного из двух огромных холодильников и не в силах был оторвать взгляда от его содержимого. По его левой щеке текла крупная слезинка, рот приоткрыт и что-то нечленораздельное шептал, ноздри подрагивали, глаза широко раскрыты... Там, в чудо-шкафу, стояло множество банок с различными вареньями и соленьями; консервы мясные и рыбные всех сортов; огромные куски колбасы и ветчины; паштеты;

разнообразные сыры; жиры; масла; йогурты и прочая, и прочая...

Потом, когда они с Васильком уже шли из гостей домой, сын почему-то обиженным голосом спросил: «Зачем им столько, ты же говорила, тетя Лариса с одной мамой живет и детей у них нет. А там столько вкусного! Я сначала в другой холодильник посмотрел, нечаянно, когда мороженое искал: там еще больше всего наставлено...»

Не смогла тогда Надя ничего сыну объяснить. Не сможет она этого сделать и сейчас.

«Ну, опять понесло по чужим закромам, — рассердилась на себя Надя. — Лучше бы подумала, где бы сейчас перекусить, ведь следующая «плановая» кормежка только завтра, на работе». У них на участке давно заведено: каждый приносит из дома что может, и в обеденный перерыв что-то варят, готовят — супчики, похлебочки... или кабачков с картошкой нажарят. Без этих супчиков да похлебочек, кабачков да картошечки многие давно бы ноги протянули.

Надя достала из пакета большой кожаный бумажник (отец по пьянке подарил), вытряхнула из него на узенькую ладошку мелочь, внимательно поизучала ее и, вздохнув, высыпала обратно в портмоне: даже на самую маленькую булочку не хватает.

На днях больничное начальство последние деньги отняло. Задумало оно еще два месяца назад переаттестацию провести на повышение категорий. Переаттестация платная, разумеется. И пообещали: кто сдаст экзамены — получит первую категорию, ну и, естественно, тому зарплату увеличат.

Три месяца Надя усердно готовилась: перечитала массу литературы по медицине, анатомии, фармакологии... денег заняла, экзамен сдала на «отлично» и вдруг какая-то самая главная сестра из горздрава заявляет, что, дескать, не положено ей первую категорию — стаж по второй не хватает. А деньги? Ну нет уже их, Надиных денег, отдали они главврачам да главсестрам, что у Нади экзамены принимали. А как сейчас пригодились бы — хлеба, масла растительного, лапши домой надо.

У кого же занять? У Нинки, соседки, не получится. У нее мужа с работы уволили: начальнику личную «Тойоту» отказался помыть. Теперь они сами едва концы с концами сводят. У Ийки, подруги детства, неудобно, и так уже два раза занимала. Да и из отпуска она только что, в Эмиратах отдыхала. Может, у нее у самой с деньгами туго? Хотя вряд ли — они хорошо живут: муж юристом

в страховом
лю в долла
рублях. Инт
ценится? Он
медик, жизн
баракло дор

Кстати, н
дик опять по
на панель и
И на ремонт
А за жилье
состоянии за
прокормить
зараза — не
Может, точн
его там, стр
выживет, кто
Если бы наве
потерпеть. А
ты на все во

Во время
неволей набл
большей част
ти-шестидеся
ла: «Похоже
У всех одно
одинаковая,
Точнее, схож
лись, заработ
квартиру, в с
ся, питаться «
не хуже, чем
шенные, разд
сумасшедши
жанием сахар
неврозами и
печенью, поч
нить все пре
И даже ее, м
быкновенным
они готовы п
вильно питать
ности режим
бы на год—др
ющийся исход
мебель и ковр
и бриллианты
ковую шубу,
дый из них во
без болей и б
счета сведень

в страховой компании работает. Получает за неделю в долларах больше, чем Надя — за месяц в рублях. Интересно, почему его работа так высоко ценится? Он имущество, барахло страхует, а она — медик, жизнь человеческую оберегает. Выходит, барахло дороже жизни?!

Кстати, надо еще на детсад найти. Плата за садик опять поднялась: хоть вору, попрошайничай, на панель иди, а триста рублей найди и заплати. И на ремонт заведующая велела по сотне сдать. А за жилье еще? Мать — пенсионерка, сама не в состоянии за все заплатить. И как себя с малышом прокормить: одной картошкой? Но и ту какая-то зараза — не то мотыль, не то саранча — поела. Может, точно, конец света надвигается? Или как его там, страшный суд. Кто терпит лишения — выживет, кто совесть побоку и хапать — вымрет. Если бы наверняка знать, что это так, можно бы и потерпеть. А если нет? И вообще, кто знает ответы на все вопросы?..

Во время своих визитов к больным Надя волевым усилием наблюдала за жизнью своих подопечных, большей частью еще не старых, просто пятидесяти-шестидесятилетних мужчин и женщин, и думала: «Похоже, никто не знает, для чего живет. У всех одно и то же: и обстановка в квартирах одинаковая, и цели, и судьбы во многом схожи. Точнее, схожи в одном: все они всю жизнь трудились, зарабатывали, что-то приобретали в дом, в квартиру, в семью. Старались обставить, одеться, питаться «не хуже других». И вот результат — не хуже, чем у других — лежат разбитые, изношенные, раздавленные работой и излишествами с сумасшедшим давлением и смертельным содержанием сахара в крови, с артрозами и артритами, неврозами и склерозами, с больными сердцем, печенью, почками... Теперь они стараются выполнить все предписания и распоряжения врачей. И даже ее, медсестры, советы выполняют с необыкновенным усердием и тщательностью. Теперь они готовы поститься и не злоупотреблять, правильно питаться и спать, соблюдать любой сложности режим, лишь бы стало чуточку легче, лишь бы на год—другой отдалить безжалостно надвигающийся исход. Все лучшие годы отданы битве за мебель и ковры, за хрусталь и машины, за золото и бриллианты, за квартиру с удобствами, за норковую шубу, за власть и славу... Теперь бы каждый из них все бы отдал за год—два спокойной, без болей и бессонных ночей, жизни. Но, увы, все счета сведены.

Деньги, всем заправляют деньги, придуманные людьми бумажки, распоряжаются этими же самыми людьми как хотят — их судьбами, их жизнями. Вот, сама заболешь или, не дай Бог, ребенок занеможет, тогда все, ложись и помирай, ведь ни за что не рассчитаешься. Аж думать об этом страшно.

И все же Надя никогда не плачет, ни на кого не жалуется. Вот только сейчас мысленно немножко похныкала, чуть-чуть себя пожалела. Расслабилась? Нет, не расслабилась, просто перехватилась на той ляжке, которую тянуть и тянуть неизвестно сколько. Имя у нее — Надежда, с тем и живет!

Пять лет назад Надя достаточно спокойно отнеслась к тому, что ее «бывший» взял и ушел, когда она сообщила ему, что ожидает ребенка. Без сцен и стенаний она восприняла и его отказ помогать сыну: дело ему, дескать, надо собственное на ноги поставить. Ясно же было сказано: никаких детей, пока фирма устойчиво не заработает. Аборт делай, а упрямисься — расхлебывай сама.

От житейских невзгод Надя только молчаливее становится, задумчивее и все чаще появляется синева под ясными глазами. И нет-нет, да сверкнет серебром поседевшая до времени прядка в ее пока что удивительно эффектной шевелюре, посигналит о том, как тяжело, как горько юной маме в этом уютном и холодном мире.

Вечером, когда Василька укладывает, прижмет Надя свою кроху к груди, аж сердце зайдет, и думает: да что это за жизнь такая? И как Васильку воспитывать, чему учить, чтобы и выжил, и человеком стал?

...Юная мама оторвала взгляд от витрины и направилась к переходу через проезжую часть. Но тут, чуть не задев Надю черным лаковым боком, мягко и бесшумно прямо перед ней остановилась роскошная иномарка. Дверцы машины распахнулись, и возле девушки выросли две высокие фигуры. Надя без тени испуга окинула взглядом молодых дюжих парней: дорогие, с престижным отливом костюмы, короткие ухоженные прически, белоснежные сорочки...

— Постой, красавица, можно тебя на минутку? — обратился к ней тот, у которого лоб на два пальца выше.

Девушка вопросительно посмотрела на элегантного атлета и ответила:

— На минутку можно, но не больше — я топроплюсь.

Атлет ухмыльнулся:

— Да куда тут торопиться, в любую точку в момент доставим, — указал он на сверкающую солнечными бликами машину-сказку.

— Нет уж, я на автобусе привыкла, — оборвала его Надя.

— Ну, на автобусе так на автобусе, но сюда подойди, пожалуйста, — кивнул парень на приоткрытую заднюю дверцу автомобиля.

— Ага, сейчас! Я к незнакомым в машины не сажусь.

— Ну хорошо, садиться в машину не обязательно. Просто сюда подойди, дело есть, — уговаривал здоровяк.

Надя окинула взглядом проспект, прохожих, снующих туда-сюда, заметила невдалеке милицескую машину с пассажирами в форме: место людное — опасности вроде никакой... И кивнула в знак согласия.

Она шагнула к распахнутой дверце и остановилась в нерешительности. Из глубины салона на нее с нескрываемым вожделением смотрел мужчина лет пятидесяти, полный, с большими залысинами на крупной седеющей голове. С колючими, слегка нависшими глазами. Костюм и галстук, каких Надя отродясь не видывала, тонкой работы драгоценная заколка на галстуке, перстень на мизинце левой руки с крупным сверкающим камнем — все говорило о том, что перед ней полусидит-полувозлегает крупный коммерсант или денежный воротила.

— Здравствуй, прелестница, — мягким, вкрадчивым голосом поприветствовал девушку хозяин сногшибательной машины. — Присядь ненадолго, поговорим.

— Я же сказала: в машину не сяду, — несколько не смутившись представительного вида незнакомца, настояла на своем Надя.

— Ну, не хочешь присесть, давай так поговорим, — придвинулся «хозяин» к открытой дверце. — Понравилась ты мне очень, милая... Хочешь у меня жить? — несколько помедлив, видимо, подыскивая нейтральные, необходимые выражения, спросил он. — Ни в чем нужды не будешь знать.

Надя вскинула брови:

— Это как, с какой стати жить у вас?

— Ну для того... для того, чтобы хорошо жить, без проблем, во всяком случае материальных. Чтобы у тебя все было. По-моему, ты, твоя красота заслуживают этого.

— И что взамен? — гордо тряхнув своей удивительной шевелюрой, спросила девушка. — За так только птички чирикают.

— Верно, только птички и то не всем. Ты уже девочка большая, взрослая, с тобой можно и откровенно. Собственно, любви особой и не надо, так, безделица — некоторая лояльность... ко мне.

— Это спать, что-ли, с вами? — в упор разглядывая стареющие черты лица назнекомца, напряженно спросила Надя.

— Молодец, догадалась, — плотоядно сверкнул зрачками коммерсант. — Иногда, не бойся, не часто — возраст уже не тот. Ну и ездить со мной изредка, по городам и весям кататься.

— Не такая уж это безделица — спать с мужчиной, — перебила его Надя. — От такой безделицы дети заводятся.

— Ну да, извиняюсь, для кого-то это, конечно, серьезно. Но, заметь, и условия серьезные: квартиру получишь собственную, двухкомнатную; медобслуживание на высшем уровне, бесплатное; оклад, скажем, баксов триста-четырееста. Во время поездок приличное... м... содержание, командировочные, одним словом. И работать не надо. У тебя будет одна работа — лояльность! Ну, так как условия? Устраивают? Нет? Оклад маленький? А пятьсот зелененьких подойдет?

От таких условий, от этих баснословных цифр у Нади аж дух перехватило. В голове лихорадочно заработал ранее неведомый ей арифмометр. Это ж сколько в рублях получится? Пятьсот долларов! Да это пятнадцать тысяч наших «деревянных». В месяц! Ну и ну! И квартира своя. И никаких материальных проблем, настолько уже вымотавших ее, что порой и жить-то не хотелось. В сознании с бешеной скоростью проносились всевозможные выгоды от такого сказочного предложения. При таких фантастических условиях, наверное, можно и потерпеть. Смирить свою гордость, закрыть глаза на приличия и потерпеть. Ведь сейчас многие женщины, да что там женщины, молоденькие девчонки, студентки сожительствуют с пожилыми мужчинами ради сытой беспроblemной жизни. А я что? Какая-то особенная? И мне... хотя бы ради сына, хотя бы на год. А за этот год можно лет на десять сносной жизни накопить.

— Ну-ну, правильно, все «за» и «против» надо взвесить, — бархатным голосом подсказывал незнакомец. — Знаешь, душа моя, — потянулся коммерсант своей рукой к руке Нади, — не привык я просить. Обычно все, что мне нужно, беру так, без спроса. А тебя вот прошу — сильно ты мне приглянулась.

В этот момент из глубины салона раздался мяг-

кий прер...

комец, вз...

нял трубу...

ди на пы...

— Из...

Надю.

Этот...

остудил...

живописа...

нулась, к...

лик — уд...

Разгов...

жительны...

был нача...

сил трубу...

говора с...

— Ну...

Однак...

рестила Н...

на вид м...

обстояте...

мечтала...

она уже...

ред ее в...

ей те са...

единстве...

шение. Н...

ном, к ко...

перевязк...

«Да ч...

показыва...

познаком...

И познак...

по участк...

жачему б...

каза с че...

нах и ме...

прострел...

во дожди...

ровки, за...

войны де...

валид бе...

обуза и ч...

будущем...

кость пра...

развод, ...

кем, об ...

поражен...

которую...

но, моло...

ждал кан...

кий прерывистый сигнал приятного тембра. Незнакомец, вздрогнув, отдернул руку от девушки и поднял трубку мобильного телефона, лежавшего сзади на пышном сиденье.

— Извини, подожди секунду, — попросил он Надю.

Этот неожиданный звонок в одно мгновение остудил голову девушки, разгоряченную яркими живописаниями богатого господина. Надя встряхнулась, как ото сна: «Да что я слушаю? Как кролик — удаву в пасть».

Разговор по телефону был совсем непродолжительным и оборвался так же внезапно, как и был начат. Коммерсант, наспех переговорив, бросил трубку возле себя и, будто не прерывал разговора с девушкой, спросил:

— Ну что, согласна? По глазам вижу: согласна.

Однако «большой босс», как мысленно его окрестила Надя, серьезно заблуждался. Эта хрупкая на вид молодая женщина, загнанная жизненными обстоятельствами в тупик, лишь самую малость помечтала о сытой, «беспроблемной» жизни. Нет, она уже не деньги, не выгоды подсчитывала. Перед ее внутренним взором стоял тот, кто подарил ей те самые маленькие серебряные сережки — единственное, но очень дорогое ее сердцу украшение. Надя подумала о Сереже, бывшем ее больном, к которому два месяца ходила на дом делать перевязки.

«Да что ж я, дура, к нему уже третий день не показываюсь! Ведь без него худо». С тех пор как познакомились, лишь он и занимал ее мысли. И познакомились — будто судьба свела. Когда она по участковой разнарядке стала ходить к нему, лежащему больному, только что вернувшемуся с Кавказа с четырьмя маленькими звездочками на погонах и медалью на кителе, а ко всему прочему с простреленной ногой, его бывшая жена, терпеливо дожидавшаяся мужа из затянувшейся командировки, за неделю размотала полученные им за год войны деньги, после чего заявила, что хромым инвалид без гроша в кармане для нее неподъемная обуза и что она на согласна ставить крест на своем будущем. В течение второй недели эта на редкость прагматичная женщина умудрилась оформить развод, хвост трубой — и была такова: куда и с кем, об этом она Сергею не сообщила. Поначалу пораженный такой выходкой близкого человека, которую иначе как предательство и назвать-то трудно, молодой офицер места себе не находил, все ждал какой-нибудь весточки, телефонного звон-

ка... почти не ел, плохо спал, сутками молчал, а в глазах — такая тоска. Все напрасно: ушла, как отрезала.

Но офицер выстоял, и Надя помогла ему в этом. Помогла победить свой недуг и последствия жуткой измены, вернуть былую физическую форму и обрести веру в добро, в себя, в жизнь!

С первых же визитов «милрой и доброй сестрички» Сергей стал оттаивать, оживать, поправляться. Он все меньше вспоминал о своей семейной драме, охотнее занимался лечением, стал улыбаться. Наде удалось сделать то, чего не удавалось опытным врачам. Она залечила самую кровоточащую рану, рану в сердце. Своим душевным теплом согрела начавшую остывать душу. Она в буквальном смысле поставила его на ноги. Теперь у них с Сергеем добрые, если не сказать нежные, отношения. Когда у Нади появляется свободное время, она помогает ему в хлопотах по дому, а он с увлечением возится с ее Васильком, которого чуть ли не в приказном порядке велел «приводить с собой всегда!» И теперь, чтобы забрать Василька от Сергея, надо прибегать к разным хитростям и уловкам и непременно пообещать ему, что они обязательно вернутся.

— Мне ведь тут скучно одному, — как-то сказал Сергей, — а с ним накувыркаешься, будто чем-то светлым зарядишься, и жизнь снова — в ярких красках. Жаль только, что эти краски с вашим уходом тускнеют.

А как Сергей на нее, на Надю, смотрит. Эти его взгляды: грустные и веселые, нежные и лукавые, гордые и по-детски доверчивые. И хотя между Надей и Сергеем ничего такого, ну очень близкого, пока еще не было — они ни разу не поцеловались — и он, и она понимали, что их отношения с каждой встречей становятся теснее, их души — роднее, а их истосковавшиеся по любви и верности сердца стремятся к соединению.

...Под пристальным взглядом похотливых глаз «большого босса» Надя наконец в полной мере осознала, гда находится ее счастье: «Да он же любит меня! Любит, а сказать не решается, а вдруг и я куда-нибудь пропаду! — осенило ее. — А я? И я его люблю. Люблю моего милого, доброго несчастного капитана!»

— Нет, не согласна! — вдруг резко и звонко ответила Надя.

— Не согласна? Это почему? — откровенно удивился толстосум. — Признаться, мне не понятно, чего не хватает в моем предложении. Денег? Или

нет, я понял, машину такую же, как эта, не предложил. Да? Не стесняйся, я заметил, как ты на нее поглядываешь. Угадал? Нет? Так это поправимо. Дороговато, правда, но что поделаешь: назвался груздем — полезай в кузов. В общем, если принимаешь мое предложение, гарантирую, получишь такую же, идет?

— Нет, не идет! Не надо никакой машины. Ничего не надо, — запротестовала девушка. — Вы не поняли. У меня уже есть парень... мужчина, другой, не такой, как вы, то есть он не богатый, но он мне по душе, по сердцу. Я понимаю, вы можете взять силой, — обернулась Надя на двух телохранителей коммерсанта, безучастно поглядывавших на нее, — но ни любви, ни даже, как вы сказали, лояльности, вы не получите. Извините, мне пора, прощайте.

— Да постой ты, глупенькая, какая сила? При чем здесь любовь? Я предлагаю всего лишь договор: твои ласки — мои деньги. Очень большие деньги! Ты зря не доверяешь, зря боишься. Я дам

любые гарантии. Мы, вот увидишь, сможем договориться. Не торопись с отказом. На вот, возьми визитку: звони мне в любое время...

— Нет, не надо. Правда, не надо. Я опаздываю, мне нужно идти, — девушка круто развернулась и быстро пошла прочь.

В догонку ей неслось: — Ну как знаешь, маленькая гордячка. Смотри, жалеть будешь. Разбрасываться такими предложениями, — и уже глуше: — Неужели и тут любовь? С ума сойти, по глазам видно, что голодная, и все равно — про любовь... Эй, орлы, что-нибудь похожее подыщите: нежное, хрупкое, длинноногое. А то расстроился, спать плохо буду.

— О чем речь, босс! Вон та, в белой юбчонке, на остановке, подойдет?

Впрочем, Надя этого уже не слышала. Ее стройные ножки легко несли свою миниатюрную хозяйку в другую жизнь...

Июль 2000 г.,
г. Кемерово

Владимир И

РОССИИ

Я, как мо
А теперь
Все, чем
Вдруг пр
Ты смире
А надежд
Волю оду
Смертная
Ах ты, Рус
Я тебя в
Ты навек
И навеки

Родову м
Порешил
Высший с
Вот с тог
Вот с тог
Не устрое
Вот и соб
На духовн
Эх, Росси
Все трудн
Что ж ты
И не видн

Если все
Детям, вн
Жизнь мо
Как ты мо
Все мы те
В ожидан
Дух един
Образумь
Ах ты, Рус
За тебя, з
Но тебя от
И от кров

Владимир ИВАНОВ

РОССИИ

* * *

Я, как мог, воспеть тебя старался,
А теперь оплакать впору мне —
Все, чем жил я, на земле держался,
Вдруг предстало в бросовой цене.
Ты смиренна и все ждешь чего-то,
А надежда тоньше волоска.
Волю одурманили болота,
Смертная равнинная тоска.
Ах ты, Русь! Беда моя большая.
Я тебя в судьбу не выбирал.
Ты навек досталась мне такая,
И навеки я загоревал.

* * *

Родову мою за труд и веру
Порешила — как я обеднел!
Высший суд сменила высшей мерой —
Вот с того и я не уцелел.
Вот с того и я живу в недоле,
Не устроен в жизни по-людски.
Вот и собираю поневоле
На духовном поле колоски.
Эх, Россия!.. Свет в очах — все реже,
Все труднее не терять лица.
Что ж ты жизнь мне по живому режешь,
И не видно этому конца!

* * *

Если все порушены устои,
Детям, внукам что мне передать!
Жизнь мою половиною пустою
Как ты можешь по ветру пускать!
Все мы терпим — лишь бы только выжить,
В ожидание жизни всё живем...
Дух единый, Ты всего превыше, —
Образумь, каким взойти путем...
Ах ты, Русь! И я судьбой невинной
За тебя, зная, горько расплачусь.
Но тебя от сердца не отрину
И от кровных уз не отрекусь.

г. Кемерово

Владимир ШИРЯЕВ

СТИХИ ИЗ НОВОЙ КНИГИ

* * *

Моя дорогая подружка,
Давай посидим на крыльце! —
Опять молодая кукушка
Дает нам весенний концерт.

— Кукушка, нам сколько осталось? —
Двухсотое слышим «ку-ку».
Наверно, она замечталась
Под солнышком — там, наверху.

Да, двести годочков — немало...
А вдруг проживем невзначай?
...В трехсотый прокуковала!..
Кукушка, довольно! Кончай!

43

РАЗМЫШЛЕНИЯ РЯДОВОГО ВЛАДИМИРА КОНДРАШКИНА ВО ВРЕМЯ ПРОХОЖДЕНИЯ ИМ РЕАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ В СА

...Люблю, в погонах парень,
Я свой непыльный труд:
Сижу себе в ангаре,
Гляжу себе на пульт.

Белеет кнопка сбоку.
Я чую дрожь в руке:
Нажму на эту кнопку —
Исчезнет ФРГ.

Нажму, — и вмиг ракета,
Покинувши ангар,
На государство это
Обрушит свой удар!

...Я тру глаза, зеваю...
Устал я — просто жуть!
А все не нажимаю:
Пускай себе живут.

Как хорошо в Отчизне
Сидеть себе, курить
И вновь денечек жизни
Европе подарить...

МОЙ ДРУГ СЕМЕН ПЕЧЕНИК

С ним мы идем по проспекту вечернему,
Посеребрил наши бороды снег.
Что мне сказать про Семена Печеника? —
— Се — человек!

Зависть у Сени отсутствует начисто
(Если про зависть услышите — вздор!),
Преобладает в нем главное качество:
Сенечка — добр!

Медик, еще никого он не выходил
Смело, отважно из смертных тисков.
Лишь на проспектах вечерних он выходил
Много стихов.

Он и в Америке был, и во Франции,
И англичане знают его.
— Сеня, скажи мне: а что тебе нравится
Больше всего?

Сеня глаза поднимает печальные
И отвечает, исполнен тоски:
— Нравится тот, кто берет и печатает
Наши стихи!

Мой круг общенья —
Довольно узок.
На огороде — пятнадцать соток.
Торчу на грядочках

Уж много суток —
Весь в конопушках,
Как в звездных сотах.

На огороде
Растет редиска.
И расцветает
Вовсю картошка.
И звезды близко,
И месяц близко.
Нет, поработаю еще немножко!..

Сосед мой Паша
Забор городит.
Мурлычет тихо
Дымок-проказник.
Как славно все-таки
На огороде!
Здесь каждый день я
Встречаю праздник.

Сижу, расстроен,
Уже не юн.
И над Историей
Я слезу лью.
Так в чем причина,
Что вышло так?! —
Была община,
А стал — общак!

г. Кемерово

Сергей К

ДВА РА

Толкают
вать им на
мать еще н
автобусе т
ким фарше
ней двери н
дом, выпят
те, Дуська
— Говор
входа и ник
Мать все
ставив сумк
ту, потом ст
— Ну ск
— Да по
— Ага,
посмотрю,
прихорашив
Так и не
выляла след
оглянувшись
встречу.
— Ну что
— Закро
— Ага, за
— Закро
я ремень во
— А я за
когда?
— Знаю
— Чего т
туда, и сюд
нам... Отдо
вилась, толь
Мать бол
а полы мыла
Генка, един
забрали в ар
ребенком, д
то большая,
приходится д
дорога мут
она бы с уд
подменяли, л
зана, ее кор
что без муж

Сергей КУЗНЕЧИХИН

ДВА РАССКАЗА

ДУНЬКИНА РАДОСТЬ

Толкаются, лезут, всем надо, все спешат, плевать им на других, лишь бы самим втиснуться, а мать еще не выбралась, ей, толстой, и в пустом автобусе тесно, а этот набит пропотелым людским фаршем. Дуська изнервничалась, бегая от задней двери к передней, и когда мать кое-как, задом, выпятилась и чуть не растянулась на асфальте, Дуська сразу же напустилась на нее:

— Говорила тебе, дуре, не садись, стояли бы у входа и никаких проблем...

Мать все еще не могла отдышаться, охала, поставив сумку на скамейку, долго одергивала кофту, потом стала искать платок, чтобы вытереть пот.

— Ну скорее! Время-то идет.

— Да погоди ты, надоела.

— Ага, погоди, тебе что, а я опять серию не посмотрю, — и она пошла одна, ворча под нос, — прихорашиваться надумала, тоже мне путана...

Так и не отыскав платка, мать, отдуваясь, заковыляла следом, но догнать не смогла, и Дуська, оглянувшись, остановилась и даже двинулась навстречу.

— Ну что ты еле плетешься?

— Закрой поддувало.

— Ага, закрой, сейчас развернусь и назад поеду.

— Закрой, кому сказала, домой вернемся — я ремень возьму.

— А я завтра совсем не поеду. Уроки делать когда?

— Знаю твои уроки.

— Чего ты знаешь? Ты бы сама попробовала и туда, и сюда. И в школу, и с тобой, и по магазинам... Отдохнуть некогда. Ну что ты опять остановилась, только ворчать может...

Мать болела диабетом. Ходила она медленно, а полы мыла еще медленнее. Сначала ей помогал Генка, единственный брат Дуськи, но осенью его забрали в армию. Сестра Анжела сидела дома с ребенком, другие сестры жили отдельно, семья-то большая, да много ли толку, отдуваться за всех приходится Дуське. Пусть и работа не тяжелая, но дорога муторная. Вот если бы не каждый день, она бы с удовольствием, если бы сестры иногда подменяли, ладно старшие, а Наташка просто обязана, ее короед неделями обитает у них, мало ли что без мужа, без него, наоборот, времени боль-

ше должно оставаться. И Анжелка могла бы иногда промяться, не целыми же днями она кормит своего живоглота...

Мать снова завязла, заблудилась в трех прохожих. Дуська остановилась было подождать, но терпенье хватило разве что на минуту. Да и ради чего ждать, ради старухино брюзжания? Нет уж, лучше быстрее начать, пока еще можно успеть к серии. И она побежала.

К концу рабочего дня два-три кабинета обычно уже пустовали и в них можно было приступить к работе. Обычно, да не всегда, как назло, все задержались, хуже того — даже с участков съехались, в коридоре, как на вокзале. Сначала Дуська испугалась, решив, что в конторе совещание, но, увидев людей возле двери профкома, поняла, что идет отоварка, и побежала занять очередь, хотя суетиться было уже поздно: перед ней стояли женщины-программистки, самые бедные в конторе, они и одевались-то хуже других, не сравнишь с мадами из отдела распределения или девицами из профкома, даже с бухгалтершами не сравнишь, они и на отоварках всегда были последними, за ними только уборщицы и сторожа. В этот раз давали сгущенку — под зарплату и недорого, чуть ли не в два раза дешевле, чем на базаре.

— А по сколько банок?

— По десять, но твоя мамаша выцыганит.

— Она из рук вырвет, — подпустил кто-то из глубины очереди.

— Нам положено, мы — многодетная семья.

С ней вроде бы согласились. Никто не стал оспаривать ее право, но она посчитала нужным добавить:

— А вы бы попробовали родить шесть человек. Думаете, просто?

— Заставишь их, как же, они умные.

Это подросла мамаша и встряла, как всегда, некстати, в такой помощи Дуська не нуждалась, она и сама смогла бы осадить этих бабенок, показать, на что способна. Теперь ей стало неинтересно.

— Работы все равно пока нет. Пойду мороженое куплю.

Она знала, что мать сделает вид, будто не слышала, ей и не требовалось ее согласия или разрешения, и даже отказ ее бы не удручил, потому что следующая фраза была уже заготовлена:

— Деньги у меня есть, — громко сказала она, чтобы в очереди услышали, и побежала на улицу.

Денег у нее не было. Те, что выклянчила у матери утром, утром же и потратила, но упрямо вышагивала в сторону киоска, чтобы все было по настоящему.

Мыть начали уже после шести. Больше часа потеряли, теперь хоть забегайся, хоть заползайся — к началу серии все равно не успеешь. Оставалось просить сторожа включить телевизор в приемной директора. Она поднялась на второй этаж посмотреть, чья смена. Дежурил Евгений Иванович, самый занудный из сторожей. Дуська никак не могла понять, боится она его или жалеет. И с дядей Володей, и с тетей Зиной всегда можно было поболтать, а этот, вроде и не молчун, случалось, и сам заводил разговор, но спрашивал о какой-то ерунде, словно с недоразвитой разговаривал, не сказать, что его вопросы пугали, но было как-то неуютно и хотелось поскорее уйти. Но это еще не все, была и другая причина ее настороженности. Давно, когда мать собиралась в декрет, сторожем работал какой-то студент, он-то и подсказал назвать девочку Дусей, наобещал, что старые русские имена в скором времени обязательно войдут в моду. И мать, дурочка, поверила. Сестрам, как людям, — Марина, Альбина, Наталья, Анжела, а ей... Словно имен приличных не осталось.

— Евгений Иванович, можно будет «телек» включить?

— Включай.

— Чуть попозже.

— Как хочешь.

Вроде и разрешает, а губы кривые. Вредина. Не зря же Дуське кажется, что именно он и был тем студентом, который подбил глупую женщину обзывать неприличным именем ни в чем не повинного ребенка.

А мать внизу старательно гремит ведром. Сердится, что она до сих пор не взялась за дело. А чего сердиться?

Дуська не отстанет, она и свои кабинеты вымоет, и серию посмотрит, а потом еще и ей поможет, она шустрая, одна нога здесь, другая — там.

Начала с самого затоптанного, с профкома. Быстренько опрокинула стулья на столы, но, увидев газету с гороскопом, не удержалась, прочитала. Овна предупреждали, что последние дни недели принесут значительные расходы, возможен обман. Первое Дуську не испугало, потому что расхотать ей было нечего, а возможность обмана — насторожила. И не напрасно. Едва заглянула в шкаф и увидела три коробки из-под импортных сапог — обманули, не дожидаясь последних дней недели, обманули уже сегодня, когда заверяли, что отоваривают копеечной сгущенкой. Кому-то цветочки, а кому-то ягодки. А в холодильнике обнаружилась открытая банка с печенью трески, тоже не в магазине купленная. Рот сразу же на-

полнился слюной. Чтобы не дразнить себя, она захопнула дверцу и с удовольствием сплкнула на пол. Елозила шваброй и ворчала: «И дефицитные консервы им, и сапоги им...» Потом представила, как придет домой и откроет банку дешевой сгущенки, и стало немного легче.

До начала серии она успела вымыть и комнату программистов — там коробок из-под сапог не было. А мать все еще ковырялась у юристов.

— Мамк, сегодня и сапогами отоваривали.

— Да знаю, только денег все равно нету.

— Под зарплату бы взяла.

— На кой тебе сапоги, в старых проходишь.

— На барахолку бы снесли.

— Чего уж теперь, если прозевали.

— А ты не зевай. Раньше бы пришли...

— Заколебала, — устало огрызнулась мать и, как бы в оправдание своей нерасторопности, тут же спросила: — А ты куда наострилась, опять к ящику?

— Ага, сама-то еще утром посмотрела! Не бойся, со мной проблем не будет, все успею.

Прыгая через ступеньки, она взбежала на второй этаж. В приемной было тихо. Телевизор еще не работал.

— Евгений Иванович, включайте быстрее, уже началось.

— А я не знаю, где он включается.

— Вы что, никогда его не смотрите?

— Я хожу сюда, чтобы от него отдохнуть.

Дуська сообразила, к чему он клонит, но не смутилась, наоборот, с удовольствием нажала на кнопку и прибавила громкость.

Серия была в общем-то не очень интересная, ничего не происходило, нужно было смотреть внимательнее, но не получалось, мешало противное молчание зануды Евгения Ивановича. Дуська не выдержала и спросила:

— А вы сапоги сегодня не брали?

— Какие сапоги?

— На отоварке. В профкоме три пустые коробки нашла. Нам сгущенку, а себе — сапоги.

— Может, им сгущенка не нужна.

— Ага, наверняка по ящику хапанули. У моей знакомой девочки мать тоже уборщицей работает в каком-то институте, и там вообще не бывает отоварок — зачем такая работа, убирай после них за голую зарплату, нищие конторы пусть дурочек ищут, а я не пойду.

— Ты что, уборщицей хочешь стать?

— А разве плохо? Сюда бы я с толстым удовольствием. Лишь бы мамка не подвела. Ей через год на пенсию, а мне еще шестнадцати не будет.

Ноет, ноет, а чего ныть, я же помогаю. Ничего тяжелого здесь нет. Нельзя такое место терять, упустишь, а потом локти кусай.

— Уроки-то успеваешь делать?

— Не каждый день. И вообще не х... голову ерундой забивать.

— Слушай, а ты почему материшься?

— Когда?

— Только что.

— Не заметила. Да, понимаете, жизнь такая нервная, сплошные проблемы, мамка постоянно охает, и с сапогами кинули, и серия какая-то скучная, думала, что он сегодня использует ее, а они все еще объясняются да целуются.

— Проблемы, действительно, серьезные.

Дуська видела, что ее подначивают, но отвечать не стала — был бы путный мужик, другое дело, а этот все равно ничего не поймет, ученый в стоптаных башмаках, но все-таки решила спросить.

— А вы, Евгений Иванович, когда студентом были, здесь, случайно, не работали?

— Я в другом городе учился. А что такое?

— Да работал тут студент, когда мамка беременная ходила, и подбил ее Дуськой меня назвать.

— Мне кажется, очень хорошее имя.

— Ага, хорошее... Дуся-Бздуся.

— Тогда скажи всем, чтобы тебя называли Дуня или Дуняша, звучит очень нежно, а если хочешь солиднее, называй себя Евдокией.

— Все равно как-то по-деревенски.

— Тогда — Долли.

— А разве можно?

— Конечно, можно, барыни раньше так себя называли. А Лермонтов Евдокию Ростопчину звал Додо.

— Нет, мне больше нравится Долли. Спасибо, что научили.

После такого открытия работалось намного веселее. Впрочем, кабинет заместителя директора она всегда мыла с удовольствием. Вот кто был настоящим мужчиной, на «Тойоте» ездил. Но хитрющий. Сколько раз бросал он под стол или под кресло монетку, чтобы проверить уборщицу. Любил чистоту и сам аккуратист — ни единой бумажки на столе после себя не оставлял. Она перевернула стулья, но никаких подловок не нашла. И все равно терла старательно, не жалея порошка. Вымыла пол, расставила все по местам и уже собралась было переходить в следующий кабинет, но вспомнила, что не протерла подоконник, отодвинула штору и увидела в углу возле рамы парудохлых мух. Вот, значит, на чем ее хотели поймать. Да не на ту напали. Не так-то просто ее провести, она и сама,

если захочет, кое над кем подшутить может. Осторожненько, чтобы не раздавить, взяла мух и побежала в профком, а там подбросила их в банку с печенью.

— Ты чего носишься, как лошадь! — крикнула мать.

— Знаю, чего... У меня только в отделе снабжения не помыто, я еще и тебе помочь приду.

Оставалось действительно совсем немного. Через полчаса можно будет собираться домой, она еще и с подругами во дворе погулять успеет, рассказать им про сгущенку, импортные сапоги, про мух, которые в банке с печенью трески поджидают расфуфыренных девиц из профкома, и, главное, похвастаться новым именем. Долли — это не какая-нибудь там Алла или Наталья.

БЛАТ

47

Знал я старуху, которая страсть как любила стоять в очередях. Ей и телевизора не требовалось: и новости, и прогноз погоды — все оттуда, причем самые достоверные и с правильными пояснениями. А старик ее — наоборот: у прилавка два человека, так нет же, обязательно надо потрясти удостоверением ветерана. Но вообще-то никакой нормальный человек стоять в очередях не любит. Да куда от них, родимых, денешься, если ты — не кум королю и не сват завмагу. Хотя знал я ухарей, которые и без королей обходились. Юра Муравьев со мной работал. Без блата — ни шагу. Даже обыкновенный хлеб по блату брал.

Доживаю как-то последние дни командировки. Городишко в забайкальской степи, изуродованная речка с неприличным названием Унда, тоска — зеленее лягушки. И вдруг появляется Юра. Глазами хлопаю, с каких пирогов — если по графику он должен быть в Черемхове? Темнить со мной бесполезно, да и какой резон? Человек он солидный, знает, что приказы начальства надо исполнять, поэтому в Черемхове лежит его чемодан, а сам он закопал неделю, чтобы навестить подругу.

Для бешеного кобеля — ни ветрила, ни руля. Однако неожиданные визиты к далеким женщинам добром не кончаются.

Нет, вы не о том подумали.

В ее кровати он никого не застучал. Хуже. У нее должен был вернуться муж из тюрьмы. Телеграмма пришла, а дата не указана. Так что беднягу даже чаем не напоили. Оттого и оказались мы попутчиками. Ему возвращаться в Черемхово, мне — в Читу, а дальше, до Красноярска, у меня был билет на самолет. Но до Читы еще надо было

добраться. Июль. Тучи распаренного народа валят в юго-западном направлении. Билет на автобус я взял заранее. Но опять же — один. Не рассчитывал, что спутник появится. Вроде и не виноват, а все равно неловко перед товарищем. Предупредил, чтобы похлопотал у местных заправил, может, записку для шофера нацарапают. А ему не до того. Спешил к жаркой перине, а очутился на холодной гостиничной койке. И психология и физиология бунтуют и требуют. Познакомился с москвичкой. Утром я убежал по делам. Вернулся за час до отъезда. Подхожу к гостинице, а там грузовик с будкой меня поджидает. И вещи мои уже погружены. Юра с новой подругой на лавочке беседуют. Оказалось, и она едет до Читы, а дальше самолетом. Отрываться от коллектива неприятно. Пришлось садиться в грузовик с автобусным билетом. Даме предоставили кабину. Сами полезли в будку. А подруга его, между прочим, пару недель прожила в соседнем номере, но желания знакомиться ни у меня, ни у других мужиков не возникало... Впрочем, не в моих привычках чужих женщин обсуждать. Хотя из Юры гордость перла во все щели: с кандидатом наук познакомился. Не мужик, а начальник отдела кадров.

Трясемся в будке. Куда — непонятно. Однако по частым поворотам чую, что на дорогу еще не выбрались, по городу крутимся. Потом тормознулись и посадили мужика, но без вещей. Я думал, он кого-то встречать едет, оказалось — хозяин машины проветриться захотел, Юру проводить. Русские проводы короткими не бывают. Доехали до первого ручейка и остановились перекусить. Мужик закуску достал. Юра на меня смотрит: знал, что всегда прихватываю в дорогу аварийную бутылочку. Пришлось доставать. Водки не жалко, но пить на жаре, чуть ли не с утра... И главное — не откажешься. Юра два года как закодировался, а мужику напарник нужен. Московская дамочка раздвижной стаканчик протянула, он плеснул ей, но все равно потребовал, чтобы я выпил, при этом снова повторил:

— Не могу без компании, помирать буду, но пока второй человек не найдется — не могу.

— Так я вам составлю компанию, — пискнула кандидатка.

Мужик посмотрел на нее через плечо, промычал что-то непонятное и опять свое:

— Мне перед тем как выпить, обязательно стукнуться надо, — и, не замечая протянутого стаканчика, двинул кружку к моей.

Бывают женщины, перед которыми последние

вахлаки рыцарями становятся. А эта — увя... Я, конечно, извинился за причиненную неловкость, хотя не моя это забота, если рядом — кавалер. Но Юра молчит. Делает вид, что все нормально. Дамочка просит не беспокоиться, ей, видите ли, даже интересно такое обхождение, сибирский колорит хочется прочувствовать. А мужик, не обращая на нее внимания, травит, как ездили на водовозке добывать тарбаганов из нор, и матерится залиvistее пожилого пастуха. Когда водки осталось на пару глотков, а история про тарбаганов еще не кончилась, он подозвал шофера и велел гнать за новой бутылкой. Мы отговаривать. Он и слушать не хочет. Никуда, мол, не денется ваш поезд, один пропустите, другой придет. Мы — к шоферу, трезвый вроде человек, а как перепуганный: куда начальник прикажет, туда и поедем. Начальник откомандировал его в магазин. Сидим в чистом поле, слушаем лекцию о пользе тарбаганьего мяса. По дороге автобус пропылил, тот, на который у меня билет в кармане. Посмотрел ему вслед, и сиротливыню на душе стало. Ждем-ждем, а машины нет. А мясо тарбагана, кстати, действительно очень полезное. И мужик рассказывать умеет, только время выбрал не самое подходящее. Гонец угодил на обеденный перерыв в магазинах. Степь широкая. Солнце яркое. Застрали между небом и землей. Зато — по благу, на персональном грузовике.

Но обошлось. Шофер вернулся. До Нерчинска доехали.

Приходим на вокзал. К кассе не пробьешься. Глухая защита и с фронта, и с флангов, и с тыла. Оцепление в три ряда, а возле амбразур боевой отряд женщин с детьми. Мне пришлось становиться в очередь, Юра двинулся прощупывать обходные пути, а дама побежала в город искать книжный магазин. В те годы был самый разгар книжного психоза. Даже те, кто читать не умел, хапали все подряд. Неподъемного чемодана и увесистой связки, вероятно, было недостаточно, отправилась за новой порцией, а мне наказала смотреть за вещами. Стою, караулю барахло и очередь караулю. В зале духота, в голове пары неохлажденной водки — сплю не закрывая глаз. Однако доверенный багаж держу под контролем и положенные полшага в десять минут делаю. А попутчики на помощь не торопятся. Сначала я не очень волновался за них, но когда все-таки приблизился к кассе и узнал, что билеты только в общие вагоны, появилась потребность посоветоваться. А совещаться не с кем. Очередь сзади подталкивает. Нервнича-

ют люди, и ответственность москвичкой. Но в местах в общине и с понятием не было, во всем общности. Любка взамен чуждый народши отдадут торга между

— Где вон дит! — хват

Мы труп куда торопго. Он на х

— В поч

Я про би

— Все п

вам для ава почтово-ба люди.

По благу

Только о ально нас по Расположил Я человек п может, ник якобы поку личный, но п мои глазонь от природны меня. Я уже ясь приткну ты, и к пров шлось на от

Юра соб часа. Увиде ние встретил

— А чего

— Дрем

— А поче

ряется, пото о нас подум Да я, да она

Ну чем н замяли. Запо вытягивал, у

С боку н будят. Мне нул в окно,

ют люди, и понять их не трудно. Пришлось брать ответственность. Только взял и сразу же появилась москвичка со стопкой книг, перевязанных бечевкой. Но должен отдать должное, к известию о местах в общем вагоне она отнеслась мужественно и с пониманием. Толкаться в зале сил больше не было, водочные пары на верхнем пределе взрываемости. Выбрались на улицу. Счастливая книголюбка взахлеб рассказывает мне, какой неиспорченный народ в Сибири, какие редкие книги за гроши отдадут букинистам. И в самый разгар ее восторга между нами возникает взмыленный Юра.

— Где вы прячетесь? — кричит. — Поезд уходит! — хватает ее чемодан и бежит.

Мы трусцой — за ним, хотя и не понимаем, куда торопимся, потому что до поезда еще долго. Он на ходу объясняет:

— В почтово-багажном поезде.

Я про билеты талдычу.

— Все правильно, — успокаивает, — билеты вам для авансового отчета пригодятся, а поезде в почтово-багажном, в отдельном купе, как белые люди.

По блату — за двойную плату.

Только сели и сразу тронулись, будто специально нас поджидали. Купе отдельное, чистенькое. Расположились. Голубки мои сразу — ворковать. Я человек понятливый, люди утром расстанутся и, может, никогда не встретятся, — вышел из купе якобы покурить. Пейзаж за окном вроде бы приличный, но глазам не до него, закрываются бедные мои глазоньки, ждут не дождутся, когда избавят их от природных красот. А в купе словно забыли про меня. Я уже и в соседние двери подергался, надеясь приткнуться на свободное место — все закрыты, и к проводнику постучался — не ответил. Пришлось на откиднушке плацкартствовать.

Юра собрался перекурить только через два часа. Увидел меня, вытаращился, словно привидение встретил, и удивленно так спрашивает:

— А чего ты здесь делаешь?

— Дремлю, — говорю.

— А почему не в купе? — наивненьким притворяется, потом руки к сердцу прижал. — Да что ты о нас подумал? Как ты мог! Как тебе не стыдно! Да я, да она...

Ну чем на такую наивность отвечать? Ладно, замяли. Заполз на свою верхнюю полку. Пока ноги вытягивал, уснул.

С боку на бок перевернуться не успел, а уже будят. Мне показалось, что и не спал вовсе. Глянул в окно, а там серенький, чуть живой рассвет.

Какого дьявола, кричу, нашли время для шуток! Никак не врублюсь, что уже приехали, по моим соображениям должны были чуть ли не к полудню. Самая короткая дорога у спящего. Я и билеты с таким расчетом брал. Но блат спутал все расписания и расчеты. Везли нас без остановок и на повышенной скорости, как самый ценный груз. Или как скоропортящийся, от которого спешат побыстрее отделаться. Домчали по холодку и выбросили на перрон прозябать остатки ночи в вертикальном положении, потому как лежачие места в зале ожидания нас не ждали. Можно было подстелить газетку и устроиться на полу, но кандидату наук такое не предложишь. И оставлять ее в одиночестве как-то не по-мужски. Пришлось развлекать байками до открытия магазинов.

А Юра в это время спал себе под стук колес и с каждым новым сном приближался к гостеприимному Черемхову.

49

На самолете летел уже без блата и четко по расписанию.

Но битому неймется. Умный человек два раза об одну кочку не спотыкается, но кому-то, чтобы помучить, и трех раз недостаточно. Года не прошло, и я снова влип с его блатом. Прислали повестку из военкомата, а мне в этот день товарища надо было встретить на вокзале. Ну я и пожаловался на судьбу. А Юра: «Не бойсь, мол, у меня там свои люди. Пошли вместе». И очередишка-то небольшая была. Успевал. Но у него же — блат. Взял мои документы и прямым ходом к начальству. Через пять минут возвращается. Грудь колесом, улыбка шире физиономии.

— Я же говорил, что все улажу. Сейчас вызовут.

И растянулось это «сейчас» на четыре часа. Плунуть бы да сбежать, но документы забрали. И тех, что раньше пришли, уже отпустили, и тех, что позже...

Меня пригласили самым последним, и смурной капитан объяснил, что с ним такие финты не проходят, за некоторых красавчиков даже генералы хлопотали и все равно — осечка. Суровый капитан, но справедливый, в красавчики меня зачислил. Оставалось только поблагодарить: сначала капитана, а потом — Юру.

Эка разворчался. Чего доброго подумаете, что в святые рядиться начал. Куда там. Черного кобеля не отмоешь до бела. Но обидно страдать за чужие грехи, когда своих полно.

г. Красноярск

Виктор ЖАДАНОВ

НА РЫБАЛКЕ ПРОФИ Я

* * *

К черту философию
И в душе копания,
Ведь в рыбалке профи я,
В том мое призвание!

Порезвлюсь я перышком,
В данной теме плавая,
Вроде, что рыбешка там,
Так, тоска костлявая.

Мне вас жалко, граждане,
Раненьким бы утречком
Я бы, точно, каждому
В руки дал по удочке.

Ведь когда поведат вас
Караси тяжелые —
Тут и стих вам, и рассказ,
И душа веселая!

* * *

Я на волне Мрассу
В резиновой лодчонке,
Как дитячко усну
На маминой ручонке.
На солнце нежный бок
Поджарится румяно,
Тот солнечный ожог
Я залечу сметаной.
Качай меня, волна,
И мчи до переката,
Таежная страна,
Люби меня, как брата.
На мшистом берегу
Я костерок раздую,
Из окуней уху
Сварю, еще какую!
В траве поймаю гриб —
Куда с одной ногой-то,
Пусть я небритый тип,
Но не злодей какой-то.
По шляпке пусть ползет

Рогатая улитка,
Я вам, лесной народ,
Дарю свою улыбку.

.....
Бежит река Мрассу,
Звенит на перекатах,
Домой я донесу
День, радостью богатый...

НА РЕКЕ

Умирающей бабочки слабые крылья
Теребили спокойную ленту реки.
И резвились вокруг серебристою пылью,
И глядели сторожко на смерть чебаки.

А на них из осоки пятнистая щука
Напряженно нацелилась, сузив глаза,
А за ней наблюдает огромная штука —
Краснохвостый таймень —
вод глубинных гроза.

Я стою в тальнике. Комары надо мною
Не дают насадить червяка на крючок,
И сорока трещит над моей головой —
Мол, чего целый день здесь сидит дурачок...

* * *

За камышами лески свист
И страшный мат густой.
Карась взлетел, как желтый лист,
Как слиток золотой.

Ушел с оборванной губой,
Качнулись камыши,
Теперь, рыбак мой дорогой,
Затылок свой чеши.

Я посмотрел на рыбака,
Что упустил свой фарт:
Весь побелел, дрожит рука,
Вот-вот хлестнет инфаркт...

* * *

Сорок раз осмотрены крючки,
На ногте проверены их жала,
И на свете нет такой руки,
Рыбака чтоб дома удержала.

Поплавок из легкого пера
Ярким лаком для ногтей окрашен,

Александр

ВАШИ П
СЕРДЦА

Ах, эти
Растит
И знат
Ты жи

Но для
На это
Мол, в
Кому-т

Но вот
Уверен
Что бе
Сопит

Просто
Выйти
Для то
Вас су

Четко представляю, как с утра
Мир озерный будет ошарашен.

Он всю ночь мне снился, поплавок,
От поклевки в воду уходящий,
И набитый рыбою садок,
Яркой чешуей глаза слепящий.

Ах, как млеет правая рука
Сладкою, привычною истомой,
Праздник на душе у рыбака,
На заре лечу тропой знакомой.

Вот и озеро... Я насадил червя,
Белый свет на поплавке замкнулся.
...Поплавок молил, как бога, я,
Ну а он, подлец, и не качнулся...

г. Мыски

Александр ЯКОВЛЕВ

ВАШИ ПЕРЕКЛИКНУТСЯ СЕРДЦА

* * *

Ах, эти милые заботы,
Растить деревья и детей...
И знать, что друга для кого-то
Ты жизнью выстрадал своей.

Но для тебя поверить — мука,
На это глянешь свысока...
Мол, ведь не всем подаришь друга,
Кому-то вырастишь врага.

Но вот, склонившись над кроватью,
Уверен твердо про свое,
Что безмятежно в ней и сладко
Сопит бессмертие твое.

* * *

Просто, кажется, вначале
Выйти за порог...
Для того ли обвенчали
Вас судьба и Бог?..

Скрипнув сердцем, хлопнув дверью,
Выйду на крыльцо.
А весна плеснет метелью
В жаркое лицо.

На стекле ковыль и розы,
Зимний образок...
Вслед глядит, глотая слезы,
Дочь или сынок.

СВАТЫ

Я найму себе сватов,
Напою их чем попало...
Натолкаю им цветов
Тех, что ты так обожала.

И под вечер их зашлю
К твоей матушке рядиться,
Пусть толкуют, мол, люблю,
Что давно решил жениться.

Всех прогонишь, как не знать,
Будешь плакать и смеяться.
Я пойду других искать,
Счастья надо добиваться!

Я других сватов найду,
Языки чтоб — как тесало...
Заведу свою бурду,
Если водки будет мало.

Эх, сваты, сваты, сваты,
За мой счет под мухой вечно...
Но от вас ни темноты
И ни холода, конечно.

Подожди, пройдет суббота,
Мы опять пожалуем...
Мы тебя уже полгода
Всею деревней сватаем.

* * *

Осень. Почерневшие калитки.
Ты одна, ты вспомнила о нем...
В первый раз с печалью, без улыбки.
Он достал тебя своим огнем.

Вспомнишь все и чье лицо забыла,
В чьих глазах укор и грустный свет.
Как ты ошибалась, что остыла,
Веря в эту ложь так много лет.

Там, недалеко, слабеет роща,
Ожидая к ночи первый снег.
Это здесь лет семь назад иль больше
Ты его покинула навек.

Он проездом будет — и, возможно,
Что придет туда на полчаса.
Тополя зашепчутся тревожно,
Как узнают в нем того юнца.

И пройдет всего одно мгновенье,
Вздрыгнешь ты, почувствовав, как сон,
Чье-то неземное притяженье,
И поймешь, что рядом где-то он...

Только миг!.. А миг питает вечность,
Ваши перекликнутся сердца...
Боль придет, забыв про человечность,
И не будет дикой ей конца.

Бросишь все и вдруг мятежной птицей
Кинешься, рыдая: Я молю,
Господи, заставь остановиться,
Задержи, я так его люблю!..

Покачнется мир в глазах усталых,
Для тебя догадкой грянет гром...
И поймешь, что просто опоздала,
Не сейчас — тогда, давным-давно.

* * *

Моя Родина больна,
Нет покоя...
То ликует, то грустна
С перепоя.

Моя Родина в грехах
И пороках,
Заблудилась в снегах
И болотах.

От весны и до весны
Сеет, пашет.
От войны и до войны
Пьет и пляшет.

Моя Родина в крови
По колено...
То ей чудятся враги,
То измена.

Моя Родина больна
От увечий...
Дай нам, Господи, ума,
Мы — излечим.

*с. Сидоренково
Беловского района*

Николай ИВЛЕЕВ

52 НАДЕЖДОЙ ПРИЗРАЧНОЙ ЖИВЕМ

* * *

Ни то, ни это — ни такое...
Погас в конце тоннеля свет.
И без тебя мне нет покоя,
Мне без тебя надежды нет.

Не так идет, не так стирает,
Не та постель, не то белье...
Не то... не то... И отвергает
Все подсознание мое.

Казалось бы, не все равно ли,
Пусть не любовь, так доброта...
Хочу признать, но трепет воли
Мне говорит: не та... не та...

Видать, начертанное где-то
Давно мне вышний голос рек,
Давно моя мне песня спета,
И я отпетый человек.

* * *

Морозно, голубеют тени.
Озябли щеки, стынет лоб.
Березки голые колени
От стужи спрятали в сугроб.

Клоками в солнечной долине,
Поверх рассыпанных снегов
На каждой былке блещет иней
Короной белых жемчугов.

Природа средств не пожалела,
Попутно ветер усмирив,
В невест роскошно раздела
Весь хоровод прибрежных ив.

Под сенью снежного навеса
Они стоят и ждут гурьбой.
Оставь жену и, как повеса,
Иди и сватайся к любой.

Ступай и, предложив им руку,
В свой быт унылый привнеси
Не принимающую скуку
Их красоту, как часть Руси.

Спеш! Недолго постоянство!
Взметнется ветер озорной,
И все их пышное убранство
Развеет снежной пеленой.

* * *

И в нашей душной атмосфере,
Где нелегко произрасти,

Мне место совести и вере
Могли б достойное найти.

Но мы не ищем, мы лениво
Надеждой призрачной живем:
Надеемся неторопливо
И неопределенно ждем.

Памяти Ходасевича

Ты с нескрываемым волненьем
О малой родине писал
И с поэтическим уменьем
«Счастливый домик» создавал.

Какой там домик, где там счастье?..
В потоке сумасшедших дней
Его развеяло ненастье
Несчастной родины твоей.

Отвержен тягостной годиною,
Осколкам родины сродни,
Носился ты забытой льдиной,
Влача бессмысленные дни.

И, наконец, в судьбе участие
Страна чужая приняла
И телу, жаждущему счастья,
Покой и кров в земле дала.

г. Ленинск-Кузнецкий

Геннадий ЮРОВ

У РОДНИКА НА КРАСНОЙ ГОРКЕ

*Здесь знал я волю в полной мере.
И сосен медленная речь
Мне объясняла слово «берег»
Святым деянием —
«Беречь».*

*Здесь старой мудрости значение
Река стремилась мне раскрыть.
Что значит — одолеть течение,
Что значит — по течению плыть.*

*Агат дарила без оправы,
Без горьких примесей — питье...
И в этом прав ты,
Берег правый —
Месторождение мое.*

1

А начну я с того, чем обычно заканчивал свои нечастые в последнее десятилетие публикации и выступления. Надо вернуть людям Родину. Или хотя бы убедить их, что это возвращение уже началось и что оно необратимо. И тогда посветлеют лица, а взгляды поднимутся навстречу друг другу. И вернется мелодия в песни наших молодых. И любовь вновь назовут родниковой. И образ романтики не вызовет ни у кого иронической улыбки...

30 мая 1997 года я произнес эти слова с самой высокой трибуны — в Москве, в огромном зале Парламентского центра, где проходил конгресс патриотической интеллигенции России.

Уже выступили Распутин и Белов, Губенко и Розов, Зюганов и Рыжков, Лапшин и Говорухин. Уже посланцы самых отдаленных уголков страны высказали свою боль и тревогу. Буквально перед моим выступлением уставший зал прогнал с трибуны трех ораторов подряд: повторяетесь, мол. Однако меня выслушали. Ибо рассказывал я о том, что знаменитые кузбасские забастовки втянули в себя самую гуманную часть общества — школьных учителей, которые стояли тогда на площади Советов перед зданием областной администрации в нескончаемом пикете с очень скромным требованием — выплатить им честно заработанные деньги.

54

Михайло Волков. Художник Герман Захаров.

Когда председательствующий предупредил, что время мое истекает, я испугался, что главное останется несказанным. И вот тогда я произнес эти слова... И зал напрягся — воцарилась мертвая тишина. Я добавил о послевоенном времени, в котором видел нечто общее с нынешней ситуацией. Тогда тоже было голодно и трудно. Города лежали в руинах. Заводы стояли. Но было ощущение, что самый страшный пик всенародной беды уже позади, что дальше будет лучше. И от этого радостного ожидания светились глаза и души. И люди возрождали мирную страну с неизбывной верой в ее счастливую судьбу. И зал поддержал мой призыв приблизить подобный переломный момент для возрождения России сегодняшней.

Происходило все это на фоне большого портрета Пушкина — предстояло празднование двухсотлетия со дня рождения великого поэта. Под портретом одно из крылатых изречений Александра Сергеевича. По-моему, вот это: «Я далеко не всем восторгаюсь, что вижу вокруг себя... но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, как нам Бог ее дал».

Две строфы недавно написанного стихотворения завершили мое выступление:

Ск
Пр
Из
Из
Ра

Ни
Не
Оп
Ли
Не

Вот эта
пробьется
осязаемы
ник на пра
го дома, п
поведник «
деталь мо
несколько
Кемерово
том само
XVIII века
чало Кузн
В этом об
отсчета. В
Михайлы Е
мои поэмы
ства, из пр
И пишу
он еще ф
«Красная
материаль
ная Горка
тая вновь,
не, собес
отклик кот

Поэт во
ка. Я буду
ственным с
обращает
ям, чтобы
Скажем, б
о котором
за Солнце
ставлял са
рологии. Я
ба которо
спрогнози
в моем От

*Сквозь скепсисом отравленные годы
Пробьется к нам грунтовая струя
Из недр России,
Из души народа —
Рассветная романтика моя.*

*Ни мафии, ни черни, ни элите
Не докопаться до ее корней.
Она живая.
Люди, погодите!
Не воздвигайте памятника ей.*

Вот эта самая грунтовая струя, которая к нам пробьется, — для меня образ очень конкретный, осязаемый на вкус, на цвет, на звучание. Это родник на правом берегу Томи не遠далеке от каменного дома, где ныне создается городской музей-заповедник «Красная Горка». Это самая существенная деталь моей автобиографии, начало которой я уже несколько раз облакал в такие слова: «Родился в Кемерове в 1937 году на улице Красная Горка, в том самом месте, где Михайла Волков в начале XVIII века нашел «горючий камень» и положил начало Кузнецкому каменноугольному бассейну. В этом обстоятельстве вижу своеобразную точку отсчета. Вернее — точку опоры, ибо с берега Михайлы Волкова начинаются все мои дороги, все мои поэмы, все мои книги... Из истории, из детства, из природы, из мечты...»

И пишу я сейчас не о музее «Красная Горка» — он еще формально не открылся. И не из музея «Красная Горка», хотя фонды его формируются, материалы накапливаются. Я пишу для музея «Красная Горка», для его будущих посетителей, обретая вновь, в нашей вдруг переставшей читать стране, собеседника, аудиторию, заинтересованный отклик которой мне необходим.

2

Поэт во мне точнее и непосредственней прозаик. Я буду обращаться в этом повествовании к собственным строфам, как ученый-естествоиспытатель обращается к многолетним записям и наблюдениям, чтобы выявить те или иные закономерности. Скажем, бог погоды Анатолий Витальевич Дьяков, о котором я написал книгу, всю жизнь наблюдал за Солнцем и по изменениям его активности составлял самые точные прогнозы в истории метеорологии. Я всю жизнь наблюдал за родником, судьба которого весьма драматична, и тоже намерен спрогнозировать важные процессы, происходящие в моем Отечестве.

Я ведь помню свое первое, никогда не публикованное стихотворение. Оно написано, когда мне было лет двенадцать, и заканчивалось строфами:

*О том, как в милые края
Спускается весна,
Звени, ручей, твоя струя
Прозрачна и ясна.*

*В тебе безоблачного дня
купаются лучи.
Ты полон жизни и огня.
Звени, ручей, журчи!*

Впервые я связал слова «ручей» и «речь» — «К тебе пришел я, ручеек, послушать речь твою». Позднее моим вниманием на многие годы завладела уже река, тоже стремящаяся высказаться.

*Я — сын реки,
Чей берег стал жестоким.
Я говорю — чисты мои истоки.
Я говорю — светлы мои ростки.
Не нужно безысходности в укор,
От одного произрастают корни
Слова «река» и «речь».
Я — речь реки.*

И, наверное, вполне логично, что именно здесь, у родника, я услышал шум морского прибоя, пошел на этот зов, чтобы уже зрелым человеком ощутить обратную связь:

*...Я знаю, что извечно для реки
Логичным завершением
Было море,
Сознанию недоступное пока...
Но мне б хотелось поздно или рано
Почувствовать,
Как берег родника
Перерастает в берег океана.*

Может быть, именно в этом — почувствовать (постичь), как берег родника перерастает в берег океана, и есть смысл человеческого существования. Причем вовсе не обязательно пересекать параллели и меридианы чисто географически. Может быть, достаточно было после окончания Томского университета пересечь из студенческого читального зала в зал для научных работников и постигать берег океана через самые сокровенные фонды библиотеки. Герой моих публицистических книг Анатолий Витальевич Дьяков, живя в маленьком поселке Темиртау в Горной Шории, ощущал ежечасно всю планету с ее океанами и морями, горными хребтами и полюсами холода, циклонами

и антициклонами, с ее солнечными и космическими связями. Путь этого постижения очень индивидуален, у каждого человека — свой. Для меня, еще на взлете лет, берегом океана стали Колыма и Чукотка.

Помню, редактор газеты «Кузбасс» Николай Яковлевич Троицкий прежде чем подписать приказ о моем переводе в «Магаданскую правду», вызвал меня к себе и посмотрел в глаза:

— Хочу понять, что тебя туда гонит... Или зовет?

Я отвечал весьма сумбурно, что мне уже двадцать семь лет (тогда казалось, что это очень много), что если я не поеду на Север сейчас, я уже не поеду никогда... И в таком случае, казалось мне, вся жизнь пойдет прахом.

Троицкий смотрел на меня молча несколько минут. Потом подписал приказ. Он интуитивно понимал, что это тот случай, когда препятствовать не надо. Жизнь поправит, все расставит на свои места.

Ровно через три года (договорный срок) Николай Яковлевич написал мне коротенькое письмецо. Оно пришло накануне 1968 года и навсегда врезалось в память: «Гена! Попутешествовал и хватит. Надо возвращаться. Жду тебя до Нового года, не дольше. Н. Троицкий».

Я прочитал и прослезился.

А самым ярким воспоминанием о Севере навсегда остались родники, которые я непременно примечал в дороге, отыскивал в них сходство с родником моего детства:

*Приподними замшелый камень,
Всмотрись в извилистость ложбин —
Там родниками, родниками
Россия рвется из глубин.
Вода со сдержанною мощью
Несет песчинок редкий груз,
Обыкновенная на ощупь,
Обыкновенная на вкус.
Они почти неразличимы,
Золотоносные ключи.
Но каждому дарили имя
Старатели-бородачи.
Старатели дарили слово,
И так у них заведено, —
Чтоб было слово родниково,
Чтоб было русское оно.
И вот живет в долине мгlistой
Названий звучная капель:
Ключ Солнечный,
Ключ Золотистый,
Ключ Март,
Ключ Зорька,
Ключ Апрель.*

Родник моего детства, на Красной Горке, тоже имеет имя. Мы говорили о нем: Ключик! Что-то такое обобщающее для всех родников, которые встретятся мне потом. Родник-прародитель. Родник изначальный.

Мать давала ведро, озадачивала:

— Сходи на Ключик, принеси воды.

Возле Ключика образовывались иногда целые очереди (особенно если водопровод в домах выходил из строя). Женщины судачили о хозяйственных делах, ребятишки носились по окрестным кустам. Ведро и бидончики наполнялись быстро, вода стекала через специальную трубу, изогнутую как кран — было удобно набирать. Мы знали, что гранитные плиты над родником установили члены АИК «Кузбасс», они же выложили дно цветными камушками. Ключиком называли и весь распадок, над которым стояли могучие сосны.

56

Ниже по склону распадок сливался с крутым правобережьем, заросшим акацией и черемухой, боярышником и волчьей ягодой. Река во время половодий подступала к самому подножию берега, а когда откатывалась обратно в русло, оставляла залив, в котором стояли катера, баржи, буксиры. Здесь же на зиму укрывали части деревянного понтонного моста, который собирали лишь на короткий летний период. Мимо курсировали два парохода американского производства с названиями «Химик» и «Кемеровец».

Остров напротив Ключика так и назывался — Остров. Галечник на нем был мелкий, течение, его огибающее, неторопливое. Прекрасное место для купания. А ближе к середине реки два отражателя сходились почти вплотную, оставляя узкий проход для судов. Один отражатель заворачивал бревна лесосплава к правому берегу, другой — к левому, на берегах скрежетали лесопилки. Отражатель мы называли — Гавань. С Гавани было хорошо нырять и рыбачить, а в жаркий летний день на ее гладко оструганных бревнах было удобно загорать.

К прилету скворцов вся красногорская пацанва сколачивала скворечники и укрепляла их на соснах и березах. Зимой дощатые домики занимали воробьи, выгнать их оттуда по весне прилетевшим хозяевам было непросто. Воробьев было очень много, по утрам они поднимали такой гвалт под окнами, где вили гнезда в каждом деревянном закутке, что приучили местное население рано просыпаться и рано вставать.

В береговых скалах водились ласточки и стрижи. По кромке воды бежали кулички и трясогузки, высоко в небе парил коршун. Синички (мы их на-

зывали ж...
няли пра...
ми откуд...
носились

С Ключ...
тяжелая...
во; весе...
В военн...
чали зав...
ночью, к...
и звездн...
были сл...
рега, и л...

За пр...
которого...
лы Волк...
ном подн...
возданны...
Первое С...
то и Трет...
зарослям...
Красновс...
Старочер...

Сама...
бами — н...
двухэтаж...
роды и п...
вые хозя...
ли свинью...
на зиму в...
пели пету...

Я выр...
перед ко...
роща. М...
мальчише...
ночам.

Ого...
И ж...
И кр...
И в...

Но н...
И по...
Усы...
Буд...

Неп...
По з...
Нас...
Как...

Нынеш...
музея-зап...
ны был ц...

звали жуланчиками), снегири, зимородки наполняли правобережье свистом и щебетом. Вечерами откуда-то с чердаков взлетали летучие мыши и носились над дворами как оголтелые.

С Ключика открывалась городская панорама, тяжелая, индустриальная — если смотреть направо; веселая, белокаменная, если смотреть левее. В военные и послевоенные годы над долиной звучали заводские гудки. Особенно красив был город ночью, когда речная гладь отражала огни берегов и звездное небо, когда в тишине речной долины были слышны разговоры с противоположного берега, и лай собак, и скрип калитки.

За продолговатым холмом, на самом мысу которого позднее встанет обелиск в честь Михаила Волкова, за автомобильной трассой, серпантинном поднимающейся от понтонного моста, — первозданный сосновый бор, в котором мы различали Первое Сосновое болото, Второе Сосновое болото и Третье Сосновое болото. Все они выделялись зарослями черемухи. Далее на восход Солнца — Красновский бор, Журавлевский бор, Елыкаевский, Старочервовский...

Сама Красная Горка застроена домами-усадебками — непременно с земельным участком. Даже двухэтажные бараки имели поблизости свои огороды и подсобные помещения, где предприимчивые хозяева держали кур и кроликов, откармливали свинью и даже доили корову, заготавливая ей корм на зиму в специальном сеновале. По утрам здесь пели петухи. (Да и сейчас поют.)

Я вырос в двухэтажном бревенчатом доме, перед которым шумела небольшая березовая роща. Мы звали ее — Лесок. Там проходили наши мальчишеские игры. Лесок сейчас мне снится по ночам.

*Огороды на рощу вели наступленья,
И железом лопат ее корни секло.
И крепились стволы. И горели поленья.
И в январскую стужу нам было тепло.*

*Но по-прежнему нас приветчали березы.
И пока мы росли, раздаваясь в плечах,
Усыхали их кроны, темнела береста,
Будто гасли в ночи за свечою свеча.*

*Нет родимых берез. Но я так понимаю:
По законам тех лет, не по нашей вине,
Нас, голодных и хилых, собой заслоняя,
Как солдаты, погибли они на войне!*

Нынешний домик Рутгерса, ставший центром музея-заповедника «Красная Горка», во время войны был штабом воинской части, охранявшей во-

еннопленных. Вначале это были немцы, потом японцы. Жили они в землянках, мастерски вырытых и благоустроенных прямо на кромке правобережной крутизны. Когда военнопленных отпустили домой и в помещении разместился Дом Техники, мы по-прежнему называли его Штабом. В Штабе показывали кино и была библиотека. Здесь я, еще школьником, научился играть на бильярде.

Ну, что еще? За магазином был лог, через который ежегодно строился деревянный мост. Каждую весну талая вода заполняла лог и мост смывало в реку. Иногда всю запруду приходилось взрывать. Возле шестнадцатой школы — белобараки, так мы называли длинные одноэтажные дома, выбеленные известкой. Возле двадцать четвертой школы, куда я ходил до самого десятого класса, — барачные поселки Герард и Стандарт. В сторону Кировского района — Нахаловка. На месте нынешнего ДК Шахтеров и парка были картофельные поля. Зимой после школьных занятий здесь разворачивались мальчишеские баталии. Сходились нахаловские, красногорские, стандартовские, герардовские пацаны и боролись честно, «на чистые руки», так это называлось.

За терриконином и отвалами шахты «Центральная» была еще шахта «Северная», а там дальше для нас, красногорских пацанов, лежала знаменитая Барзасская тайга, откуда наши старшие братья приносили колбу (черемшу) и кедровые шишки.

Да, вот еще что. На Красной Горке было множество собак. И я имею к этому факту самое непосредственное отношение. В нашей семье жила Звездочка, этакая помесь таксы и дворняжки. Она щенилась, по моему впечатлению, несколько раз в году и приносила по пять-шесть щенят. И я ни одного не утопил, не выбросил. Всех вынаничил. Раздал по дворам. Брали охотно. Собачка маленькая, годится и для квартиры, и для двора. Так продолжалось несколько лет, пока я не уехал учиться в Томский университет.

Через год я приехал на летние каникулы. Иду по деревянному тротуару от магазина, а на меня со всех сторон выскакивают похожие на Звездочку мои бывшие питомцы. Которых гладил и лелеял. Которых кормил с ладошки. За которыми вытирал лужицы. И ни одного не забраковал, не выбросил. Теперь они на меня лают несусветно. А иные норовят укусить. Обидно. Сейчас эта история вызывает у меня, бывшего руководителя литературной студии «Притомье», а потом Кемеровской писательской организации, чисто литературные ассоциации.

День, когда я счел свой родник отравленным, тоже связан с литературным процессом. Было это в начале семидесятых, когда я уже стал автором нескольких поэтических сборников. Однажды я пригласил на Ключик своих тогдашних друзей: один прозаик, другой критик, третий сатирик. На мое предложение испить из родника сатирик заявил:

— Вода! Я пил ее однажды. Она не утоляет жажды.

Пришлось начать с бутылки коньяка, принесенной для такого случая. При этом я от спиртного воздержался в связи с ответственностью момента. Освободившимся стаканом я трижды зачерпнул из родника (кран уже был сломан, а гранитные плиты разбиты) и дал попробовать ключевой воды каждому из своих друзей. Они пили и очень хвалили. Восхищались даже. Говорили, что более замечательной воды в жизни своей не встречали.

Когда я зачерпнул в четвертый раз — для себя, то вдруг обнаружил, что вода пахнет. Причем пахнет неприятно. Я сделал глоток и едва не выплюнул его обратно. Меня поразило кисло-свинцовый вкус воды, которого раньше никогда не было. Другим я ничего не сказал (они до сих пор считают, что пили абсолютно чистую воду), а сам навел справки в санэпидемстанции. Оказалось, что канализационный коллектор для окрестных домов не действует и загрязненные стоки сочатся по склонам распадка. Не случайно появились заросли лебеды и крапивы, которые подступили к роднику, превратив в болото прежнюю лужайку.

В душе появилось ощущение неблагополучия и тревоги. После смерти матери я избегал появляться на Красной Горке, где весь распадок, носивший название «Ключик», превратился в свалку бытовых отходов. Даже железные бочки из-под солярки почему-то бросали здесь.

Важную для меня мысль сформулировали древние пифагорейцы в III веке до новой эры: «Если есть ошибка в истинности начала, из всего, что последует за ним, ничто не будет правильным». В течение четверти века я был убежден, что родник моего детства отравлен. И это, безусловно, влияло на мои поступки.

Стремление убедиться, что нет ошибки в истинности начала, заставило меня организовать экспедицию к Вершине Томи. Она состоялась в последней декаде сентября 1972 года. Я мечтал найти родник, из которого вытекает Томь. Моими спутниками были фотокорреспондент Юрий Сергеев и шорский охотник Кирилл Аеков. За двое суток мы прошли по таежному бездорожью от железнодорожной станции Бискампжа до горного массива Кар-

лыган. Это в пределах Хакасии — на стыке Абаканского хребта и Кузнецкого Алатау. Я писал об этом походе в газете и в книге, старшие поколения, надеюсь, помнят мои свидетельства той поры.

*Я видел,
Под старой пихтою
Проклонился ключик,
Как будто в траве заблудился
Неопытный лучик,
Как будто потерянный
Синего неба кусочек,
На согру упав,
Начал новую жизнь
Между кочек.*

*В тайге первородной,
В краю комариного гуда
Я пил из ручья,
И вода обжигала мне губы.
Как долго я ждал.
Как я жаждал глоточка настоя
Высокого солнца,
Грунтовой прохлады
И хвои.*

*Сверкали гольцы,
И ущелья дышали остудой...
Отсюда начало,
Отсюда движенье,
Отсюда!
Притоками —
Сотни ключей.
По речному уставу
Распалась Земля
На два берега —
Левый и правый.*

Для меня безусловна связь, похожесть Вершины Томи и пика Абориген, долины Томи и долины Тысячи озер в Магаданской области, которую я навещал время от времени уже на правах бывалого колымчанина.

У подножия пика Абориген располагается научная станция «Абориген», которая принадлежит Магаданскому институту биологических проблем Севера. Я был ее обитателем в 1979 и 1980 годах. Это городок из панельных домиков и палаток вокруг бревенчатой центральной усадьбы на берегу ручья по имени Олень, через который ученые мужи своими силами соорудили мостик. В том месте, где ручей уходит в распадок между сопками, образовалась хрустальная ледовая крыша, которая не тает даже в самые солнечные дни короткого колымского лета.

*А лишь придет ночная тишина,
Под сводом паледи ручей звучит органно,
Тогда в долине музыка слышна,
Для каждого — своя,
Светло и страшно.*

В задачу научной станции входило изучение животного и растительного мира вокруг строящейся в те годы Колымской ГЭС. Ученых волновали экологические проблемы, которые возникали в ходе строительства, они также прогнозировали санитарное состояние будущего водохранилища, изменения климата, миграцию птиц, животных и рыбного населения реки Колымы и сотен проточных озер вокруг Аборигена. Замечу: в сферу внимания станции входили любимые мною с юных лет Озеро Джека Лондона и Озеро Танцующих Хариусов.

Магаданских биологов здесь было человек десять. Это основной костяк станции, которая, видимо, функционировала по принципу старательской артели. На летний период наезжало несколько десятков сезонных сотрудников, чтобы набрать живого материала и запастись наблюдениями и результатами экспериментов для многомесячного спокойного зимнего исследования. Я встречал здесь американских ученых с Аляски, где тоже есть институт биологических проблем Севера. Это была пожилая пара — муж и жена. Они не говорили по-русски, но все понимали. И приезжали на «Абориген» каждое лето.

Для студентов биологических факультетов было большой удачей попасть на «Абориген» в период практических занятий. Их было человек двадцать, в основном — девушки, со всех концов страны. Они живенько обсудили мою поэму «Абориген», которая тогда была еще в рукописи, в черновом варианте, размножили рукопись на машинке, чтобы предъявить в своих университетах: вот, мол, причастны. Спрашивали меня:

— Почему вы не скажете прямо, где же выход из создавшегося экологического тупика и как нам спасти гибнущую природу?

Я отвечал:

— Вот вы и укажете выход. Я жду решения проблемы от вас.

*Вот снова в землю семена легли.
Но нужен век, чтоб лесом стали всходы...
Грядет эпоха
Лекарей Земли,
Искусных врачей природы!*

*Восстановить во всех правах своих
Планеты нашей расщепленный атом
Они придут.*

*Мы будем славить их,
Как чествуем сегодня космонавтов.*

*И волю дав приветственным речам,
Под музыку торжественного толка
Отпразднуем открытие кедров,
Досрочный пуск
Березового колка...*

Правда, обходились мои новые коллеги по охране природы с животным и растительным миром весьма бесцеремонно, вполне по-браконьерски. В их программу, видимо, входило составить коллекцию бабочек. Каждую надо приметить, догнать, отловить — труд кропотливый и долгий. Так вот они достали где-то громадный кусок ткани, растянули его на кронах кедрового стланика, растущего здесь в изобилии, подсветили снизу прожекторами вездехода... Когда настала ночь, бабочки окрестностей, нарушив привычный ход бытия, проливным дождем рухнули на светящийся экран ткани.

В ночи металась какие-то громадные птицы и склевывали бабочек на лету. Долину оглашали торжествующие вопли молодых собирательниц коллекций. Бабочки черно-белые и цветные, крохотные мотыльки и огромные красавицы, с крыльями мохнатыми и прозрачными... Я и представить себе не мог, что насекомое царство Колымы так многообразно и прекрасно. В том, что оно обнаружилось и ринулось на свет так внезапно, было что-то безумное, кромешное, недоброе, бросающее отблески в прошлое и будущее.

Я вспоминаю эту ночь всякий раз, когда на нас испытываются реформистские технологии, подобранные из-за океана российской либерально-демократической власти последнего десятилетия.

Свое повествование я никогда не мог отделить от своего существования. Мне чужды литераторы, создающие «альтер эго» — другое я, не совпадающее с обликом автора. Я не придумываю строки, я в них живу. Пятнадцать поэм, составившие мою последнюю книгу, — это поэмы-поступки. Вместе они образуют единую поэму моей жизни, которая сейчас мучается в немоте, бессильная постигнуть абсурд разрушения привычного и родного мира.

*Мы были счастливы.
Мы шли в свою державу.
Все реки в нашу сторону текли.
Была Земля, что нам принадлежала,
И было утро на краю Земли.*

Было утро на краю Земли! Почему объявили коммунистической утопией обыкновенные условия нормального человеческого существования? Стали

искать свет в конце тоннеля. Искать не впереди, по ходу движения, а позади, на входе в тоннель. Общество еще сохраняет инерцию, обретенную при Советской власти (за счет этой инерции мы еще живы), однако многие его структуры начали антиисторическое противоестественное движение вспять. Обрели крушение. Крушение государства, народа, нации. Образовался целый класс мародеров, заинтересованных в том, чтобы крушение продолжалось как можно дольше, чтобы оно не прекращалось никогда.

А ведь тогда, в 1980 году, в поэме уже было предощущение роковой черты:

*Мы выпили на последний перевал.
Последняя тревога отзвучала.
Последний браконьер отпировав...
Друзья мои!
Нам не пачать сначала.*

*Друзья мои!
Процесс необратим.
Природа возвращение осудит.
Не будет ликвидации плотин.
И возродятся мамонта
Не будет.*

*А будут снова жатва и посев.
Земля совсем иные явит лики.
А вот какие?
Мы сегодня все
К тому причастны,
Восходя на пики.*

5

Мое нынешнее возвращение на берег Михайлы Волкова одна из газет отметила публикацией под заголовком «Взошествие на Красную горку». Наводит на размышления. Получается, что Красная Горка для меня тоже пик. Может быть, самый трудный. Может быть, даже последний. Однако уже с третьего абзаца меня потянуло возразить автору, которого ценю и уважаю. Он пишет:

«А на горе, на той самой Красной горке, в незапамятные времена поставили обелиск. К обелиску сложно пробраться. От реки — скала мешает. Сверху — дорога. Сюда ввинчивается транссибирский тракт, и поток машин непрерывен, как раскаленная лава».

Про поток машин все верно. Однако Красная горка — она для пешеходов. И пешочком пробраться к обелиску вовсе не сложно. Сходишь с капитального моста, чей век оказался столь коротким.

Помню, как его построили в 1953 году, и я впервые пересек его на велосипеде. И вот он уже доживает последние месяцы. Рядом строится новый мост — более надежный. Так вот, сходишь с капитального моста и, оставляя справа макет шахтерской лампы, поднимаешься по лестнице — весьма широкой и еще сохранившей ступени. От ее верхней площадки есть крутая тропка прямо на береговой мыс, где поставлен обелиск. Можно пройти в обход — сначала по бетонному тротуару до первых бревенчатых домов, потом обратно — уже по верхней, весьма широкой дороге к обелиску.

Поражаешься тому, как все заросло тополями и осинами. Раньше была уютная аллея из сосен и берез. Вдоль аллеи скамейки для гуляющих людей. Место было популярным, особенно по вечерам. Теперь справа и слева образовался такой бурелом, какой встретишь разве что в черневой тайге. Из темных зарослей веет сыростью и тревогой.

60

Сохранились семь ступенек на площадку у подножия обелиска. Вся площадка усыпана осколками стекла. Меня поразило, что стекло не только бутылочное. Такое впечатление, что сюда приносили все перегоревшие электрические лампочки района и здесь разбивали.

Белая стела цела и узнаваема, особенно верху, куда человеку не дотянуться. А вот ее нижняя, цокольная часть претерпела существенные изменения. Когда-то она была облицована мрамором. Это был очень красивый мрамор — серый с белыми яркими прожилками, идущими с нижнего левого угла к верхнему правому. Красоту нарушили, мраморные плиты отковыряли и утащили. Цоколь для сохранности обернули листовым железом, которое ныне испещрено самыми выразительными надписями. Никто уже не помнит, какая надпись была выбита на обелиске изначально.

Я напомним: «Первооткрывателю кузнецкого угля Михайле Волкову в день 50-летия Кемеровского рудника. Сентябрь 1957 г.».

Обелиск перестал быть символом памяти, он превратился в символ разрушения и захламления. Это впечатление усугубил двор родного двухэтажного бревенчатого дома (Красная горка, № 22).

В военные и послевоенные годы, когда еще жива была березовая роща напротив, двор был засеян зеленой травкой, его пересекали дорожки, посыпанные песком. В летние грозовые дожди можно было выскочить босиком под теплые струи ливня и прыгать в восторге, совершенно не боясь порезать ноги о стекло или наткнуться на гвоздь. Во двор никогда не заезжали машины, останавливались вблизи.

И вот один грузовик заехал. Оставил выбоину. Кто-то засыпал выбоину ведром золы. И с тех пор

пошло. У
заполни
женным.
Вряд ли з
чишки и д

Ключи
ду обели
мысли ра
Родник и
жался за
что эта м

Я про
огородны
явившихс
над ради

— Спу
загорела
Как бы б
чтобы по

Мужик
куда-то в
ли от гре
несколько

Но вот
говой вы
ма город
и обогати
ли на сол
шо бы ув
рые добр

Возно
Над м
Над Т
Над ю
Над м
Над б

Напря
Как п
Стою
Как м
Стою
Земле
Слова
И Вер
Как ве
Как р
Мечт
Друзь
Уже р

Вот зр
осталась
стов то л

пошло. Углярки, стайки, подсобные помещения заполнили двор, сделали его грязным и неухоженным. С боков подступили огороды и погреба. Вряд ли здесь сейчас собираются окрестные мальчишки и девчонки, как в мои детские годы.

Ключик располагается как раз посередине между обелиском и родным домом. Талые воды размыли распадок, буквально срыли часть склона. Родник исчез под горами мусора, который слежался за долгие годы в черную массу. Я заметил, что эта масса дымит. Горит изнутри, что ли?

Я прошел по узкому коридору между двумя огородными ограждениями и возле недавно появившихся гаражей увидел мужика, склонившегося над радиатором «Москвича»:

— Слушайте, — говорю. — Там мусорная свалка загорелась. А над ней как раз — детский садик. Как бы беды не вышло. Достаточно ведра воды, чтобы погасить...

Мужик ничего не ответил, повернулся и ушел куда-то в глубь гаражей. То ли за ведром воды, то ли от греха подальше. Когда я возвращался через несколько часов, свалка по-прежнему дымилась.

Но вот что осталось неизменным на этой береговой высоте, так это ощущение полета. Панорама города, открывающаяся отсюда, усложнилась и обогатилась — в Заискитимской части заблестели на солнце купола Знаменского собора. Хорошо бы увидеть в небе Бумажного Змея, как в старые добрые времена.

*Возносится змей мой дорогой былинной
Над малой удачей и участью горькой,
Над Томью-рекою, над Красною Горкой,
Над юным истоком и устьем в сединах,
Над милой Сибирью, Уралом и Волгой,
Над белой Чукоткой и над Украиной.*

*Напрягся мой Змей, весь заполненный ветром,
Как парус, который уносит планету.
Стою на изгнине огромного шара,
Как мачта, которою крепится парус.
Стою полномочным посредником между
Землею и Небом и Небу диктую
Слова ультиматума — волю земную,
И Веру ее, и Любовь, и Надежду.
Как верно несет нас он, взнузданный ветер,
Как ровно навстречу пространство струится.
Мечта моя — ветер! Судьба моя — ветер!
Друзья, если стоит родиться на свете,
Уже ради этого стоит родиться.*

Вот здесь в поэме следовала строфа, которая осталась в памяти, но исчезла из напечатанных текстов то ли по указанию редактора, то ли по моим

собственным соображениям, которые сейчас забылись. Строфа, по-моему, важная, сейчас я ее приемлю и жалею о ней:

*И в мире свершились, назрев, перемены.
Пробился родник, наполняясь степенно.
Хлеба распрямились, клубника поспела.
Открыли геологи рудное тело.
И медленный взгляд поднимая к зениту,
Высокий напев уловил композитор.*

А может быть, строфа выпала из текста символично: пока мой Змей парил над Землею, пока я шел по жизни, задрал голову вверх и витая мыслями в облаках, под ногами свершились, назрев, совсем другие перемены. Начался так называемый передел собственности. Первый передел собственности. Второй передел собственности. Третий, четвертый... Этот процесс может остановить только тот, кто эту собственность создал.

61

Так что «Взошествие на Красную горку» — это неверно. На этот раз я попал на Красную Горку совсем иным путем, по схеме, впрочем, предусмотренной моей поэмой:

*Но все беспощаднее ветра порывы.
Смычки угловатых надломленных молний
Рванули струну моей нити безмолвно...
И нет, не добраться до места порыва,
И горечь мгновения, нет, не измерить,
И нет, не поможешь ни вскриком, ни взглядом...*

*А Змей покачнулся, в несчастье не веря,
И спик, чтобы долго и медленно падать.*

*Последней надеждою вдруг окрыленный,
Он круто пронесся в пике над долиной
И замер опять. Но уже с окоема
Исчезли Чукотка и Украина.
И снова рывок — от Урала и Волги,
От северных наледей материковых.
Сибирь побледнела, и сжалась, и смолкла,
И вся уместилась над Томью-рекою,
На маленькой улице — Красная Горка,*

*Где помнят его и травинка и камень,
Где воздух сосновой смолою настоян,
Где был он придуман моими руками,
Где был он заряжен моею тоскою.*

Людмила Петровна Платонова — директор музея-заповедника «Красная Горка», оказывается, из наших местных девчат, моих ровесниц. Она закончила пединститут, затем институт культуры. Многие годы заведовала крупной библиотекой. Ее голос обрел уверенные директорские нотки, столь

необходимые при ремонтных и реставрационных работах, которые сейчас идут в домике Рутгерса и в позднейшей к нему пристройке — продолговатой белой одноэтажке, а также на прилегающей к ним территории, огороженной штакетником и цепочкой больших тополей.

Здание она приняла пустующее, запущенное, размороженное, разворованное. Потребовалась огромная энергия, чтобы музей определился как самостоятельное учреждение культуры, подчиненное городской администрации. Произошло это после того, как глава администрации Владимир Васильевич Михайлов здесь побывал, вдохнул береговой простор, полюбовался великолепным видом на город и оценил открывавшуюся перспективу создать первый городской музей в Кемерове, ибо все уже существующие музеи — областные.

К моменту моего появления (лето 1999 года) дом Рутгерса был реанимирован, и в нем уже теплилась научно-исследовательская мысль. Готовы к размещению музейных экспонатов Мраморный зал, Каминный зал, Паркетный зал, светелка наверху, где стоит квадратной формы кровать аиковских времен и куда ведет деревянная лестница. Отремонтированы кабинет директора и несколько помещений для сотрудников. Веранду решено со временем застеклить. Под нею будет оборудовано просторное подвальное помещение.

Экспонаты в музее-заповеднике будут самые подлинные, жизнеописания первооткрывателей и первостроителей города самые достоверные, трактовка исторических событий — научно-выверенной и объективной. Этим сейчас занимаются опытный музейный работник Зинора Фатиковна Волкова, главный хранитель фонда Ольга Николаевна Предеина, молодые сотрудники музея Андрей Зыков и Любовь Копанцева. Над ними мудрое попечительство профессора — автора многих книг и публикаций об АИК «Кузбасс» Евгении Антоновны Кривошеевой.

Мне тоже выделили стол и дали скромную ставку. «Собратьям по перу» я заявил, что меня взяли в музей экспонатом и будут показывать посетителям за большие деньги. Они радостно понесли эту весть по городу, не интересуясь, насколько она достоверна. На самом деле мы договорились с Людмилой Петровной Платоновой, что я должен обеспечить издательскую деятельность будущего музея, популяризацию его научных изысканий.

Испытываю двойственное чувство. Вроде бы обо всем, куда ни обращаю взгляд, уже сказал — либо в стихах, либо в прозе. С другой стороны, ни один из волнующих меня сюжетов не получил завершения и потому не созрел для философско-эпического осмысления. Сюжеты развиваются непредс-

казуемо: все дышит, формируется, меняет ориентацию, даже если большинство действующих лиц ушло из жизни. Как исчезли иные острова, заливы, деревья, дома, заборы, околицы, опушки...

И образ Бумажного Змея присутствует в моем восприятии исторических событий, которыми богат Берег Михайлы Волкова. Скажем, Бумажный Змей пролетарского интернационализма, который, как ни переосмысливай историю, был символом деятельности участников АИК «Кузбасс», их Верой, Надеждой, Любовью. Он и сейчас парит в памяти их потомков, которые живут в самых различных уголках Земли.

Или мечта о городе-саде, которая воплотилась в проектах голландского архитектора Ван Лохема и отзвуки которой улавливаются в очертаниях многих строений на нынешней территории музея-заповедника «Красная Горка».

Или первый опыт свободной экономической зоны, который удачно осуществлен именно членами АИК «Кузбасс». Акционерное общество «Копикуз», автономная индустриальная колония «Кузбасс» — это не эпизоды истории, это процесс истории, который никогда не затухал. А сейчас оживляется особенно, преломляясь в становлении характера города, его духовного поля, его нравственной зрелости. Именно Рудничный район стал родиной кузбасской высшей школы. Отсюда шагнул на левый берег, к центру города, горный институт, ныне ставший техническим университетом, с полувековой историей. Здесь формировался учительский институт, который уже на правом берегу стал педагогическим, а затем и Кемеровским государственным университетом.

А тяга к высшему образованию закладывалась уже тогда — во времена АИК «Кузбасс». Руководитель колонии Рутгерс побывал в Томске и определил: здесь научная база для развития кузбасской экономики. Это Томский государственный университет — старейший вуз Сибири. Это Сибирский технологический институт и его профессор известный геолог М. А. Усов, не раз приезжавший на Кемеровский рудник и оказывавший колонистам практическую помощь.

Руководители АИК «Кузбасс» арендовали в Томске отдельный дом, где было представительство колонии и где жили студенты-аиковцы. В основном это были русские парни, посланные сюда, чтобы стать классными специалистами. Стипендиаты АИК «Кузбасс» учились также в вузах Москвы и Ленинграда.

И вот опять ностальгическая история. Недавно Кемеровский государственный университет отмечал свое пятидесятилетие. В одной из телевизионных передач, посвященных этой дате, университетский хор начал исполнять «Гаудеамус игитур» — так

звучит первая строка «Старинной студенческой песни». Вот я выписал из университетской многотиражки «Путь в науку»: «Ставшая впоследствии международной, эта студенческая песня сложена в XIV веке в Гейдельбергском университете и отражает характерный для эпохи Возрождения культ земных радостей. Столетием позже голландский композитор Ж. Окегем (или Окенгейм) сочинил или записал уже существующую мелодию этой песни».

Так вот, едва хор запел, я замер в ожидании: исполнит ли он куплет на русском языке. Я знал, что так делают студенческие хоры многих вузов: первые два куплета по-латыни и третий — по-русски, в моем, между прочим, переводе. Хор в данном случае спел по-русски уже второй куплет. Я был взволнован.

А история такая. Мой отец, Евлампий Гаврилович Юров, после войны был заместителем директора Кемеровского учительского института. Там же преподавал историю и географию. Однажды он привел меня, шестиклассника, в институтскую библиотеку. Помню кирпичное здание между поселками Герард и Стандарт. Помню святая святых библиотеки — книгохранилище, куда я впервые был допущен, высокие стеллажи с тяжелыми томами в картонных красочных переплетах. Все это потом мне долго снилось по ночам. Помню библиотекаря — молодого человека по фамилии Круссер, он был сыном известной на Красной Горке женщины-врача.

Я показал пальцем на один из томов, до которых еще не мог дотянуться, и Круссер снял его с полки. Я прочитал на обложке: «Хрестоматия античной литературы». А когда ее перевернул, обратил внимание, что древних авторов представляет профессор с русской фамилией — Тарасов. Хрестоматия была под его редакцией и с его предисловием. Книга была красивая и выглядела старинной.

Я вернулся к этой книге на первом курсе Томского университета. Лекции по античной литературе нам читал чудаковатый старик, профессор Лев Дмитриевич Тарасов. Мы знали, что он дворянин, известный ученый. Участвовал в создании молодой советской республики, был ее посланником в Турции. Потом его дочь вышла замуж за американца. Профессора выслали в Томск. В Томском университете скопилось немало опальных ученых с мировыми именами. Лев Дмитриевич был одним из них.

Про гомеровскую «Одиссею» он сообщил нам, что ее следует петь, а не читать, как другие книги. И действительно пел, на древнегреческом языке, голосом тонким и слегка дребезжащим. Порой обрывал лекцию словами:

— Да что я вам рассказываю? Я все это написал в своей «Хрестоматии». Возьмите и прочитайте.

Признавал еще «Хрестоматию античной литературы» под редакцией профессора Тронского. Остальные ругал и нам не рекомендовал. Ходил с тросточкой, куда, по слухам, была ввинчена его дворянская фамильная шпага.

Он первым перевел на русский язык «Гаудеамус игитур». Когда я тоже начал работать над переводом, Лев Дмитриевич очень волновался и старался помочь. Об этом есть в поэме «Альма-матер».

*Я жаждал взлета каждою строкой.
Я сотню раз пропел свое творенье.
Меня профессор старческой рукой
Коснулся,
Выражая одобренье.*

Он так сказал:

*— Не может, мальчик мой,
Поэзия в обязанность вменяться.
Дай бог тебе судьбы непроходной —
На должность и на чин не разменяться.*

*Он говорил мне это не во зло.
И что наделал,
Дед белоголовый!
В моей душе однажды проросло
Нечаянно зароненное слово.*

*Они со мной, Катулл и Марциал.
Да и завет я выполнил неплохо.
Профессор сдал дела.
Я опоздал.
Последний римлянин
Ушел в свою эпоху.*

Я сделал точный перевод, и мне известно, что позднее его стали преподавать студентам, наряду с переводом Тарасова, во многих вузах Сибири, куда распределялись для научной работы выпускники Томского университета. Хоровая капелла Томского университета первой запела мою строфу на русском языке, то же самое сделали хоры других сибирских вузов. Любопытно, что это единственная строфа, где я отошел от латинского текста, допустил вольность.

В латинском оригинале было: «Виват, Академия! Виват профессорес!» Поскольку академий в Томске в то время не существовало и не предвиделось, я перевел так:

*Славься, университет!
Высь величаво!
Слава вам, профессора
Стойким рыцарям пера.
Всем студентам слава!*

Насчет «стойких рыцарей пера» я придумал для рифмы, в латинском тексте слов таких не было. Если бы участники хора Кемеровского университета спросили, какую строфу из моего перевода стоит петь, я бы рекомендовал вот эту:

*Нашим девушкам хвала
Стройным и красивым.
Славу женам воздадим
Нежным, скромным, молодым
И трудолюбивым.*

Недавно я встретил бывшего библиотекаря Круссера недалеко от дома Рутгерса. Прошло почти пятьдесят лет, но я узнал его сразу. Люди, выросшие на Красной Горке, никогда друг друга не забывают. Ростислав Георгиевич стал кандидатом исторических наук, преподает в университете историю России XIX века. Нет, докторскую защищать не собирается — время не то... Мы беседуем как очень близкие люди, захваченные чувством общего для нас родного Дома.

6

Такое ощущение, что я заново открываю для себя окрестности своего детства. И Зинора Фатиковна Волкова, и Ольга Николаевна Предеина, и Андрей Зыков рады отвлечься от кропотливой бумажной работы и сопроводить меня в очередном маршруте по территории заповедника. Директор Людмила Петровна относится к нашим походам настороженно, усматривая в них нарушение трудовой дисциплины. Я стараюсь убедить ее, что это важная часть научно-исследовательской работы.

— Мы должны знать заповедную территорию как дом родной и с людьми надо знакомиться. Разве не так?

— Ладно, — соглашается директор, — но после обеда чтобы все были на месте.

На улице Суворова «Аптека» осталась там, где и была. А вот здание пожарной исчезло бесследно. На ее месте теперь красивая бензозаправочная станция. Пожарная тоже была красивой, но по-другому. Массивные стены и тяжелые двери-ворота были деревянными и окрашены в красный цвет. Когда двери раскрывались, на волю, оглашая сиреной пространство, вырывались две-три ярко-красные пожарные машины. В пожарники пошли потом некоторые из моих сокурсников.

Зинора Фатиковна сообщает мне подробности, которых я не знал раньше. Здание было построено по проекту Ван Лохема в 1926—27 годах. Несколько лет назад его за ненадобностью бросили.

Вроде бы передали музею «Томская писаница», однако новый хозяин вывезти строение не сумел, и его разобрали окрестные жители на дома и дачи.

— Между прочим, — говорит Зинора, — крыша пожарной была покрыта уникальной металлической черепицей, прочной и удобной. Вот бы найти хоть несколько листов. Для музея это ценность.

Мы направляемся к двухэтажному деревянному бараку невдалеке и вступаем в разговор с одним из его обитателей. Зовут Александр Сергеевич. В прошлом водитель. Ныне пенсионер. Показал свою углярку во дворе:

— Вот металлическая черепица, она укрепляет крышку.

Зинора предлагает:

— А если мы вам принесем обыкновенный железный лист, вы нам отдадите эту черепицу?

Александр Сергеевич великодушно обещает:

— Да я вам прямо сейчас насобираю сколько надо. По стайкам и огородам...

Мы возвращаемся с трофеем. Я держу под мышкой пять листов металлической черепицы. Это все, что осталось от пожарной, построенной во времена АИК «Кузбасс». Жильцы барака пообещали нам поискать для нас что-нибудь еще на чердаках и в погребках.

К саду Прейкшаса я ходил один. Это была когда-то таинственная и богатая усадьба американской семьи, оставшейся в Кемерове после ликвидации АИК «Кузбасс». Сад был обнесен высоким забором, через который свешивались рябиновые кисти. Мы знали, что там, в глубине, есть яблоньки, крыжовник, смородина. Немногие из ребятшек отваживались туда забраться. Собака была.

Теперь подхожу — сада нет. Несколько домов на его месте. С огородами. Есть, правда, несколько фруктовых деревьев. На другой стороне улицы — это 3-я Сосновая — несколько мужиков конструируют что-то железное для домашних нужд. Костерок горит. Я спрашиваю:

— Ребята, а сад Прейкшаса здесь был, куда делся?

Подымается парень баскетбольного роста, говорит:

— Я Прейкшас.

Узнав, что я из музея, обещает, что скоро здесь будет новый сад, подобный тому, прежнему. Уже и деревья посажены.

Зинора и Ольга ориентируются на здешней территории лучше меня. Знают историю отдельных домов и какие из них подлежат охране как исторические памятники. Дом, где я родился, подлежит. Стало быть, я вырос в историческом памятнике.

Зинора — стройная, черноволосая, кареглазая.

Настоящая во
имени. Оль
Она и живет
собственным
большого гол
Ольга предъ
фотографий
раздельном
женская шко
детских лет.

— Фотогр
разноцветные
белые косы
зовую рощу
была рыжая-
чила институт
парня. Инна
очень шла ми
ла потом в ор

Мои колле
вать всю доку
ране музея-з
жем: дом, гд
Рита Ушкалов
где жила Лид
Путинцева. И

Лет пятнад
стихотворени
пригодились и

Анома
Ветро
Желск
Им да

Ключи
Подбе
Я свой
Не за

Для не
Для м
Подо
Уходи

Помин
Смех
Было
Бури

В клоч
Блецу
То ли
То ли

Настоящая восточная красавица. Подстать своему имени. Ольга — миловидная крепкая блондинка. Она и живет здесь, на территории заповедника в собственном домике с огородом и под охраной большого голубого дога и маленького спаниеля. Ольга предъявила мне из фонда музея несколько фотографий девичьих классов школы № 16 (при раздельном обучении послевоенных лет это была женская школа). Я опознал несколько подружек детских лет. Объясняю Ольге:

— Фотографии черно-белые, а девочки были разноцветные. Лена Хохлова носила две длинные белые косы — почти до пят. Идет через березовую рощу — вся роща светится. Рита Ушкалова была рыжая-рыжая, вся в веснушках. Когда закончила институт, вышла замуж за столь же рыжего парня. Инна Маметьева — жгучая брюнетка. Ей очень шла милицмейская форма, когда она работала потом в органах.

Мои коллеги шутят, что им придется переделывать всю документацию на дома, подлежащие охране музея-заповедника. Обозначать их так, скажем: дом, где жила Лена Хохлова; дом, где жила Рита Ушкалова; дом, где жила Лера Станова; дом, где жила Лида Малючкова... Галя Суханова... Нина Путинцева. И так далее.

Лет пятнадцать тому назад я написал шуточное стихотворение «Метеорологическое», там мне пригодились имена красногорских девочек.

*Аномалии погоды —
Ветровые времена.
Женской логике в угоду
Им даются имена.*

*Ключик к тайне сокровенной
Подберут мои года.
Я свой первый шторм «Елена»
Не забуду никогда.*

*Для нее — каприз иль шалость,
Для меня — смертельный рок.
Подо мной земля шаталась,
Уходила из-под ног.*

*Помню гнев тайфуна «Зоя».
Смех «Виктории»... Но ша!
Было дело молодое —
Бури жасжала душа.*

*В клочьях дыма небо стынет.
Блещут молнии во мгле.
То ли грозная богиня,
То ли ведьма на метле...*

*«Ольга», «Вера», «Виринея»
Проверяли на излом.
Чтоб свою судьбу с моею
Завязать морским узлом.*

*И не раз, в погибель веря,
От нее на волосок,
Выбирался я на берег,
Падая навзничь на песок.*

Первая публикация стихотворения состоялась в газете «Кузбасс» (подборка была с портретом). И вдруг из Москвы в адрес редакции приходит телеграмма! В стихах:

*Прочитав «Кузбасс»-газету,
Шлем тебе мы по привету.
Тебя помним неизменно,
Маргарита и Елена.*

65

Вот такие девчата у нас, на Красной Горке!

Мы ходим по территории музея-заповедника, и каждая его достопримечательность подсвечена моими личными воспоминаниями и переживаниями. Скажем, баня с готическими сводами внутри — тоже проект Ван Лохема — для меня заполнена звоном металлических тазов, мужскими голосами... Меня, совсем еще мальчика, отец намыливает с ног до головы, и я верещу не столько от страха, сколько от восторга. Отец оmyвает меня из таза такой волной теплой воды, что дух перехватывает, и отсылает в парную:

— На полку не лезь, погрейся внизу, там тоже жарко.

Сейчас в помещении бани частная автомастерская. Если музей-заповедник состоится и будут деньги — надо баню реставрировать. Замечательное по архитектуре сооружение.

Идем с Зинорой по улице Абызова, от здания бывшей 16-й школы к бывшему базарчику. Зинора указывает на пять старинных металлических фонарных столбов, таких теперь не встретишь. Хорошо бы, говорит, их переставить к дому Рутгерса. А я признаюсь Зиноре, что, когда был пацаном, то попадал легко в металлическую тарелочку над лампочкой галькой. А иногда и в саму лампочку.

— Так вот кто гробил уже тогда наш музейный инвентарь, — мрачно констатирует Зинора.

Но самый замечательный маршрут — это, конечно, берег реки от моста до Горелой горы, овальной пристани и старых, ныне замурованных для безопасности штолен. Весь склон — уникальная парковая зона, пересеченная скальными отрогами. Здесь черемуха, акация, боярышник, травостой...

Только все это надо очищать от свалок мусора. Требуем реставрации и сама кромка берега, обезображенная многолетней добычей гравия, отчего пристань, сложенная из камня, вся оказалась на суше. Остовы металлических барж, якоря, цепи, какие-то конструкции из ржавого железа почти не оставляют места для пляжа. А ведь как здесь хорошо было купаться раньше.

Строители пытались проложить вдоль реки автодорогу на Верхотомку. Потом от затеи отказались. Однако до самой Горелой горы проехать можно. Даже на КамАЗе. Мы обнаружили отпечатки протекторов большегрузных машин прямо под Горелой горой. Более того — следы автопогрузчика. Нижняя часть Горелой горы уже скрыта. Еще ярче обнажились пласты угля и пласты породы, а повыше на красноватом прокаленном фоне белые полосы известкового месторождения. Песчаный стланик, выветренный веками, являет взору причудливый рисунок, где полосы идут круто с востока вверх на запад. Зинора сразу опустилась на колени и стала собирать обнажившиеся камни с отпечатками древних растений и, может быть, даже животных. В музее уже целая коллекция таких камней.

Мы совершили героический подъем по остаткам железной лестницы, мимо каменных эстакад, служивших опорой для доставки бревен во время лесосплава на правобережный лесопильный завод, и вышли в тополиный парк, окруживший старинное двухэтажное здание бывшей конторы «Копикуза», а ныне института углехимии. Заместитель директора института Ольга Николаевна Коробецкая, женщина энергичная и обаятельная, увидела нас в окно и, выйдя навстречу, пригласила осмотреть парк и здание. Она рассказала о своей мечте создать здесь филиал музея «Красная Горка» — под открытым небом собрать всю горную технику от кайла и лопаты до современных механизированных комплексов. Чтобы школьники, например, могли воспринимать угольный Кузбасс в его развитии.

Позднее Ольга Николаевна возглавила группу энтузиастов и пригласила квалифицированных ученых, чтобы создать для Интернета Музей акционерного общества «Копикуз» — это солидный по объему, стилистически выверенный текст с привлечением новейших научных данных. Здесь документы, фотографии и другой ценнейший исторический материал, который будет постоянно пополняться. Музей в Интернете — какая блестящая идея и как великолепно она осуществлена!

Однако вернемся к подножию Горелой горы. Через несколько дней после нашего коллективно-

го похода на это памятное место в музее раздался звонок из института углехимии, сообщивший, что у Горелой горы появился автопогрузчик, и к нему чередой подходят КамАЗы, чтобы загрузиться щебенкой неповторимого красноватого оттенка. Мы с Андреем Зыковым побежали туда.

И надо же было такому случиться! Когда мы пробегали мимо обелиска, установленного в честь Михайлы Волкова в 1957 году на береговом мысе напротив коммунального моста, то увидели телевизионный пазик. Известный телекомментатор Любовь Иванова перед камерой голосом опытного и усталого экскурсовода говорила примерно следующее:

— Дорогие телезрители! Мы находимся на том историческом месте, где Михайла Волков...

И в этот момент увидела нас:

— Геннадий Евлампиевич! Погодите. Может быть, скажете что-нибудь об этом историческом месте?

— Некогда, — отвечаю на бегу. — Наше историческое место как раз сейчас подрывают и увозят на КамАЗах.

— Так садитесь в нашу машину, поедem вместе.

Позднее один из депутатов городского Совета, увидев в «Пульсе» получившийся сюжет, похвалил при встрече: мол, хорошо телевидение сработало. И ведь какую технику пригнали. И ведь каких колоритных фирмачей пригласили. Когда я робко возразил, что все получилось случайно, что это не было воплощением специально разработанного сценария, а было проявлением, фрагментом настоящей незапланированной жизни, он не поверил:

— Случайно так не бывает. Чувствуется рука умелого режиссера.

Убеждать я не стал.

А события разворачивались стремительно. Добравшись до места, мы заставили машиниста экскаватора Василия Манукяна выключить мотор и предотвратили погрузку двух подошедших КамАЗов. Выяснилось, что эта армянская бригада работает на строительстве автодороги — фирма «Арарат». Разрешение брать щебенку именно здесь у них отсутствует.

Мы, стараясь не слишком горячиться, объяснили, что это главная, коренная гора для всего Кузбасса. Рушить ее — преступление не только перед исторической памятью края, но и перед природой. Посмотрите, как красиво легли пласты песчаного стланика и как наглядно врезаны в них пласты каменного угля. Сюда школьников надо приводить, туристов, а вы притащили экскаватор. Нет ни одного учебника истории, географии, краеведения,

где бы об этой горе не было написано. Отсюда начинаются десятки повестей, поэм, стихотворений... Вот наверху создается музей, где главной экспозицией — у входа — будет панно, изображающее, как Михайла Волков находит каменный уголь. А вы эту гору подрываете. А если бы мы стали также подрывать вашу священную гору Арарат?

— Да, подрывайте на здоровье, — заговорили шоферы разом, — Арарат почти весь в Турции.

И лишь машинист экскаватора Василий рассказывал искренне:

— Я не знал. Вот теперь узнал и ни одного камня здесь не трону. Простите нас, ради бога. Вы бы хоть табличку здесь повесили, что, мол, памятник природы. Или истории...

Сейчас музей «Красная Горка» хлопочет о надлежащей охране Горелой горы и о статусе исторического и природного памятника, который ей необходим. Пообещали сделать это наши природоохранные и административные органы. А пока за сохранностью Горелой горы следят сами сотрудники музея, а также работники института углехимии... Если Горелая гора, подрываемая экскаватором, рухнет, то в реку сползет само здание института, которое, напомним, является уникальным историческим памятником.

7

Мы с Зиной Фатиковой Волковой по-разному смотрим на прошлое страны и на причины ее нынешнего незавидного положения. Это не мешает нам с симпатией относиться друг к другу и быть вполне дружелюбными в политических спорах. Говорю ей:

— Каждую осень одни и те же разногласия среди мыслящих, жаждущих истины людей: был ли октябрь 1917 года обычным переворотом, как и вы считаете, или же Великой Октябрьской Социалистической революцией, как и я считаю. Предлагаю формулировку, которая всех примирит и устроит...

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересованно смотрит на меня Зина.

— Согласимся с теми, кто утверждает, что в октябре 1917 года был переворот, осуществленный группой целеустремленных, дисциплинированных и сплоченных общей идеей людей, не побоявшихся в том хаосе взять на себя всю полноту власти и ответственности. Но вряд ли кто оспорит тот факт, что с этого переворота началась Великая Октябрьская Социалистическая революция, чьи гуманные и плодотворные идеи увлекли за собой самые широкие слои населения и оказали кардинальное влияние на весь ход мировой истории.

Зина в ответ ссылается на древних пифагорейцев, которых я цитирую, и поддерживает их тезис: если есть ошибка в истинности начала, из всего, что за ним последует, ничто не будет правильным. Только, подчеркивает Зина, само начало, в истинности которого есть ошибка, мы с ней ищем в разных периодах отечественной истории. Она — в событиях 1917 года. Я — в событиях 1991 года.

— Ладно, — говорю. — А вот конкретный вопрос: члены Автономной индустриальной колонии «Кузбасс» что думали об Октябрьской революции?

— Аиковцы вас бы поддержали. Они верили Ленину.

Я не унимаюсь:

— А кого поддержали бы аиковцы в нынешнем споре о возрасте города Кемерово? В самом деле, 80 лет или 300 лет?

67

— Как вы не понимаете? — горячится Зина. — Они вообще на эту тему не думали. Они все начинали, все делали впервые. Окрестности Рудника и Коксохима называли Америкой. Города тогда не было.

— Ага, не было, — ловлю ее на слове. — Тогда зачем этот бесплодный спор о возрасте? Кстати, как здесь все выглядело во времена АИК «Кузбасс»? У вас есть какие-нибудь свидетельства?

Свидетельства у Зины Фатиковны есть. Несколько лет она работала в библиотеках и архивах, собирая материалы об Автономной индустриальной колонии и ее обитателях. Эти материалы она систематизировала. У нее множество картотек и ксерокопий... Для меня, а значит, и для этого повествования, она подобрала высказывание М. А. Усова, профессора Сибирского технологического института. Оно опубликовано в Томске, в 1926 году, в «Известиях Сибирского отделения геологического комитета». Приводя эту пространную цитату, обращаю внимание читателей на точность и изысканность стиля, которым владел прославленный геолог:

«И среди массы классических обнажений осадочной формации, выходящих преимущественно на правом берегу р. Томи, самым эффектным является длинное обнажение крутого правого берега этой реки, примерно в 1 км выше д. Кемеровой и немного ниже расположенного на противоположной стороне г. Щегловска; здесь в обрыве берега высотой до 45 м выходят несколько пластов каменного угля, из коих два подчеркивают смелую кладку, образуемую в данном месте осадочной толщей; при этом некоторые пласты угля выгорели в верхней части обнажения, и соседние породы, подвергшись обжигу, получили кирпично-красную окраску, что чрезвычайно усиливает

впечатление от этой единственной в своем роде картины.

На пластах угля данного месторождения, получившего название Кемеровского, и основан Кемеровский рудник. Горные работы, начавшись со штолен, заложенных в нижней части обрыва, теперь распространились далеко вглубь правого берега и соединяются с дневной поверхностью при помощи шахт. Но главные здания рудника располагаются вдоль высокого берега, изрезанного кое-где глубокими логами, и рудник имеет замечательно красивый вид, когда, например, подъезжаешь к нему на пароходе. А какая панорама открывается с вершины рудничного берега! Далеко к горизонту поднимается низкая левобережная сторона, усеянная редко расставленными группами домиков г. Щегловска, Кемеровской железнодорожной станции и заводской колонии, а ближе к берегу — громадами зданий химического завода с двумя крепкими близнецами — заводскими трубами; величественно пролегает прямым плесом р. Томь, по которой снуют лодки и моторные катеры, поддерживающие связь между «правым» и «левым» берегами, столь различными и по физиографическим особенностям, и по промышленной работе; и своеобразный колорит всей картине придает смело перекинувшаяся через речку канатная дорога, по которой со слабым шорохом перебегают подвешенные вагончики, подающие уголь правобережного рудника коксовому заводу и железной дороге. И эта бьющаяся по последнему слову техники индустриальная жизнь как-то странно противопоставляется окружающей почти первичной обстановке: и тайге, подходящей к руднику сверху по реке, и пашням, которые разноцветными геометрическими правильными пятнами вкрапливаются в плоский ландшафт левобережной стороны, и, наконец, этой реке, протекающей в своих естественных, ничем не измененных берегах и несущей зелено-прозрачную, еще не загрязненную человеком воду».

Да, члены Автономной индустриальной колонии «Кузбасс» ощущали себя первостроителями. Они внедряли в сознание растущего населения окрестных деревень понятие городской черты. Они создавали планы застройки и электрификации новых улиц, их озеленения и благоустройства. Они основали сельскохозяйственную ферму. Деревянные тротуары, ими сколоченные, стали характерной чертой нового города на многие годы. Дома и школа, построенные по проекту голландского архитектора Ван Лохема, служат кемеровчанам по сей день. Аиковцы проектировали капитальный мост через Томь. Они впервые задумались об охране

окружающей природы: о том, как сохранить воду в реке чистой и как восстановить вырубленные леса. Слова «экология» в его нынешнем значении тогда еще в обиходе не было.

Деятельность АИК «Кузбасс» по своей стремительности была подобна взлету Бумажного Змея. Она достигла пика в 1924 году с пуском Кемеровского рудника и Коксохимзавода. Потом утяжеленный присоединением Гурьевского металлургического завода, прокопьевских и киселевских копей, полет прервался. Общественно-политическая обстановка в стране (отказ от нэпа) требовала иных форм управления промышленностью, его максимальной централизации. Многие судьбы членов колонии, не успевших или не захотевших уехать, сложились трагически в годы массовых репрессий. Теперь каждая из этих судеб в поле исследования музея «Красная Горка».

68

Полет прервался, но уроки этого полета ощутимы в экономическом, архитектурном, культурном, нравственном облике города. Музей «Красная Горка» определяет так: АИК «Кузбасс» — это не эпизод истории, это процесс истории, который никогда не прекращался. А сейчас он активизируется, вызывает всеобщий интерес. Не случайно зачастили к нам ученые из Голландии, Америки, Германии и других стран. И чтобы прикоснуться к истокам города, к его началу, они идут на Красную Горку.

Я родился через два десятилетия после того, как город обрел свой статус, но почему-то всегда ощущал себя его ровесником. Двадцать лет для жизни городов и государств не так уж существенны.

И вдруг, как обухом по голове, — с телеэкранов, со страниц газет и весьма толстых, только что вышедших историографических томов, меня убеждают, что возраст Кемерова — триста лет. Не верь глазам своим, а верь недавно обнаруженному архивному свидетельству. Накануне восьмидесятилетия города, которое кемеровчане отмечали 12 июня 1998 года, новую точку зрения высказал уважаемый мною историк Анатолий Михайлович Кулемзин в газете «Кузнецкий край»:

«Это утверждение основано на одном очень интересном документе, который называется «Чертежная карта Сибири». Карта была составлена первым российским картографом С. У. Ремизовым и издана в 1701 году. Рукой самого Ремизова здесь написано: «Чертеж сей составлен 18 сентября 1698 года». И на этой карте уже обозначен населенный пункт Кемерово. Только тогда он назывался заимка Щеглова и располагался на правом берегу Томи, в местечке, где сейчас приблизительно находится деревня Красная.

В
найд
ний
дело
вое
пожа
Тогда
мы д
чать
Д
«Б
хотя
ся уд
его н
назад
во, н
О
Криво
да ух
от пе
докум
Из
когда
во. П
миде
этой
его ст

—
худож
Да,
которы
ка Ще
геогра
димся
провод
Женщ
Вид у

В общем, чертеж Ремизова — это первое из найденных документально-исторических упоминаний о Кемерове. Точно так же, кстати, обстояло дело и с датой образования Москвы. Нашли первое свидетельство, относящееся к 1147 году, и, пожалуйста, — отпраздновали 850-летие города. Тогда, в принципе, становится непонятно, почему мы должны отказываться от своей истории и отмечать лишь 80-летие Кемерова?»

Далее Кулемзин добавляет:

«Вообще-то в исторической практике принято, хотя бы из патриотических соображений, стараться удревнить дату, найти истоки возникновения своего населенного пункта. Естественно, что 300 лет назад город Кемерово не был городом Кемерово, но и Москва ведь не сразу строилась».

О том же пишет профессор Евгения Антоновна Кривошеева в газете «Кемерово»: «...Дата города уходит в далекие времена и исчислять ее надо от первых поселений в районе города, от первых документов, летописей...»

Известный художник-график Василий Кравчук, когда работал над книгой-миниатюрой «Кемерово. Поэзия. Графика», посвященной как раз восьмидесятилетию города, попросил меня написать к этой книге предисловие и непременно закончить его строфой из поэмы:

*Что нужно,
Чтоб город родился,
Чтоб глушь отступила и мгла?*

*Чтоб вспыхнул огонь,
И пробился
Родник,
И дорога легла,*

*Чтоб, светел и статью, и ликом,
Поднялся бревенчатый дом,
И утро приветствовал криком
Ребенок,
Проснувшийся в нем.*

— У меня есть рисунок на эту тему, — пояснил художник.

Да, на рисунке действительно бревенчатый дом, который мог бы стать началом. Скажем, та заимка Щеглова, что отмечена на карте, составленной географом Ремизовым в 1698 году. Однако взглянем в рисунок. Вот столб, держащий электропровода. На проводах ласточки, как нотные знаки. Женщина несет сумки с базара (или из магазина). Вид у женщины и сумок очень современный.

Никаких примет древности или хотя бы старины я не обнаружил и в других рисунках Кравчука, участника многих зональных, всероссийских и международных выставок, оформившего десятки книг кузбасских писателей и поэтов, краеведов и ученых, специалистов и политиков. Создавая облик города, он улавливал его характер, подчеркивал самые светлые, самые жизнеутверждающие его черты. И это черты молодого восьмидесятилетнего города.

8

Стремление во всем докапываться до истины заставило меня обратиться в те книгохранилища, которые уже когда-то меня выручали. Я добрался до славного града Санкт-Петербурга и там, в библиотеке Географического общества, где когда-то обнаружил уникальные материалы для биографии Бога погоды А. В. Дьякова, целое лето листал тяжелые атласы городов России и другие книги. Убедился в правильности поговорки: «Что ни город, то норов».

Скажем, в бывшей нашей губернии Томск и Кузнецк изначально закладывались как будущие города. Мог стать городом Верхотомский острог (был огорожен, имел пушки для защиты), но не стал. Побывали городами какое-то время Колывань и Нарым, но не удержались. Транссибирская магистраль стала матерью многих сибирских городов. Это Новосибирск, Анжеро-Судженск, Юрга, Тайга... И Кемерово в том числе. Полагаю, что городу, как и человеку, нельзя быть старше своих родителей. Это антиисторично и противоестественно.

Классический пример рождения нового города описал Пушкин в «Медном всаднике». Город на Неве, возникший по воле Петра, имел весомые причины для своего появления.

*...И думал он:
Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
Назлом надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать на море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе.*

Написано это в Болдине осенью 1833 года. Царь Николай I не разрешил полностью печатать поэму. А в публикации отрывка (начало поэмы) были опущены строки «И перед младшею столицей померк-

ла старая Москва» и до конца строфы. Видимо, царь Николай I, подобно нынешним кемеровским историкам, считал правильным «из патриотических соображений стараться удревить дату». Между тем, Санкт-Петербург возник вовсе не на голом месте, и берег, на котором стоял царь Петр, не был столь пустынен. Прочтем внимательно первые строфы поэмы:

*На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И в даль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный чели
По ней стремился одиноко.
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.*

Пушкин был обстоятельным историком. Если бы он встал на точку зрения кемеровских исследователей, то, безусловно, нашел бы исторический документ — летопись, берестяную грамоту многовековой давности, где на месте Санкт-Петербурга упоминался бы какой-нибудь «приют убогого чухонца», подобный заимке Щеглова на правом берегу Томи в районе деревни Красной. Однако он пишет о городе — «юный град, полных стран краса и диво».

В 2003 году Санкт-Петербургу будет триста лет. Так случилось, что город на Неве вошел в мою жизнь лишь в последнее десятилетие. Конечно, он существовал в моей душе и раньше — страницами любимых книг, полотнами живописцев, песнями и музыкой, ассоциациями и связями не только историческими, но и географическими. Скажем, в юности, работая на Колыме, я знал, что Магадан и Ленинград находятся на одной параллели. Впервые посетив северную столицу, я отыскал прежде всего своих колымских друзей, здесь ныне живущих. Через них открывался город. Когда писательские дела привели меня в Арктический институт, я ощущал трепет, как при встрече с миром давно знакомым и родным. А посетив пушкинский лицей, я подумал, что не под старость лет, а в школьные годы следует осмотреть пушкинские пенаты. Иначе всю жизнь будешь ощущать свою ущербность.

Мой путь в Санкт-Петербург лежал также через изучение жизненного опыта и научного наследия Бога погоды Анатолия Витальевича Дьякова. Здесь он получил первую поддержку своих метеорологических открытий. Здесь работают уче-

ные-солнечники, продолжающие исследование проблемы. И в Главной геофизической обсерватории имени Воейкова я бываю не реже, чем в Эрмитаже или Русском музее. А в Ленинградском гидрологическом институте я нашел обоснование своему протесту против строительства Крапивинского гидроузла с водохранилищем, узнав удивительные научные открытия о цикличности водности рек и возможности прогнозирования стока Томи.

Так что путь мой в Санкт-Петербург лежал через освоение Севера, через осознание земных и космических связей, через беды долины родной Томи, проблемы которой так родственны проблемам Невы, которая теперь тоже гибнет от нашего неразумного вмешательства в природные процессы.

Когда меня уверяют, что Кемерово и Санкт-Петербург — ровесники и что даже Кемерово будет постарше на пяток лет, я думаю: Боже, какой абсурд! Ведь молодой город — это не хорошо, но и не плохо. Это историческая, экономическая, демографическая, административная данность, у которой, безусловно, есть свои преимущества. Ну и, конечно же, свои беды, свои проблемы.

Люди, желающие «удревить дату города» до трех и более столетий, вопрошают порой:

— Да что же мы, Иваны, не помнящие своего родства?

Я бы ответил так:

— Мы Иваны, помнящие свое родство. Свое деревенское родство. Вот названия старожильческих деревень, которые располагались в начале XX столетия на месте нынешнего города: Усть-Искитимское (Щеглово), Кемерово, Евсеево, Красный Яр, Кур-Искитим, Давыдово, Боровая. Каждая из них достойна своей летописи, своего летоисчисления, и ни одна не исчезла бесследно. Предметом исторического исследования может стать судьба той или иной деревни, оказавшейся в черте нового города; как она преломилась в названиях улиц, в характере застройки, в преемственности поколений местных жителей, в их биографиях.

Мне довелось беседовать на эту тему с историком Анатолием Михайловичем Кулемзиным. И сразу признаюсь, мне очень понравилась в его рассуждениях бревенчатая изба как признак оседлости. Кочевые народы, считает Кулемзин, не могли построить города. Город — городить — огораживать. Отсюда все и пошло.

— Когда-нибудь, — говорит Кулемзин, — лет так через пятьдесят, кемеровчане будут локти кусать, что не празднуют, скажем, 350-летие города, что не отстояли древнюю дату рождения города, обозначенную в чертеже Ремизова.

— Анатолий Михайлович! — возражаю. — Если моя поэтическая аргументация для вас не убедительна, давайте поверим Владимиру Дмитриевичу Вучичевичу, сибирскому художнику. Бандиты летом 1919 года разграбили его заимку возле Крапивино, убили его жену и дочерей, а самого тяжело ранили. Житель поселка Калашный Тихон Михайлович Сухорослов на лодке взялся доставить художника до города. Вучичевич Щегловск городом не считал. Он просил отвезти его дальше — в Томск: там город, там врачи. Художник надеялся выжить. Но потерял слишком много крови. Умер в Щегловске, там и похоронен.

— Все верно, — говорит Кулемзин, — тогда города еще не было.

— А я о чем говорю!

Неожиданно наши позиции сближаются. Кулемзин говорит о трех факторах, определивших развитие города Кемерово: это железная дорога, это растущая добыча угля, это строительство химического завода для переработки угля. Заметим, что железнодорожная ветка от Транссибирской магистрали через Юргу пришла в Кемерово лишь в 1915 году. Я спрашиваю:

— Ну, а чем вы заполните временное пространство от появления чертежа Ремизова до строительства Кемеровского рудника и коксохимического завода?

Ответ был такой:

— Пребывали, как говорится, на задворках истории.

Вот именно. На задворках истории. Пребывали в качестве деревни или группы деревень. Кузнецк тоже пребывал на задворках истории. Но пребывал в качестве города. И поэтому совсем другой отсчет возраста нынешнего Новокузнецка.

Я вовсе не хочу победить в этом безысходном споре. Я хочу понять, разобраться. Мне думается, произошла какая-то подмена понятий. Стоит договориться о терминах, и все разъяснится.

Стремление «удревнить дату города» мне преподносят как общепринятую методологию. Надо ли подчеркивать, насколько она условна и приближительна. Совсем другой методологией пользуется известный педагог и краевед, автор многих популярных книг для школьников, Леонид Иосифович Соловьев. Он считает главным признаком города достаточное количество его жителей — не менее 12 тысяч. Причем большая часть населения должна быть занята в промышленности и в государственных учреждениях. Для него и для его учеников восьмидесятилетний возраст города не подлежит никакому сомнению.

Полагаю, что именно такой возраст города предусмотрен в архитектурных и градостроительных проектах, в схемах подземных и наземных коммуникаций, в планах мостостроителей, в заботах лесоводов и экологов. Да, именно экологические проблемы сопутствуют рождению и росту современного индустриального города. Чем этот рост стремительней во времени и пространстве, тем катастрофичней вторжение города в природу.

Все сбудется.

Проекты воплотим

В стекле, в бетоне, в камне и металле.

Талантливым строителям плотин

Поэты наши должное воздали.

Дарующие свет горды судьбой.

Их труд заслуженно отмечен орденами...

Я так скажу:

Источник света — боль,

Природе причиняемая нами.

Даются болью уголь и руда.

Прострелы скважин иссушают поле.

Встают на этой боли города.

Заводы поднимаются на боли.

Вы видите:

Горят огни в ночи

В долинах рек,

В распадках гор и выше —

Земля растерзанная

Боль свою лучит.

Она кричит.

Да только мы не слышим...

Да, это тот самый крик, какой бывает при тяжелых родах. Историкам всех направлений стоит к нему прислушаться. И я предлагаю такое разграничение: Кемерову как населенному пункту (месту обитания человека) все триста лет и более (если отыщутся свидетельства и упоминания). Кемерову как промышленному, административному, демографическому образованию, как городу, чей статус обретен в 1918 году, чуть более восьмидесяти.

Для желающих «удревнить дату города» ее можно отодвинуть к началу века (до 1907 года — времени появления первых угольных штолен). Не случайно в 1957 году Кемеровский рудник праздновал свое пятидесятилетие, а на Красной Горке был установлен обелиск в честь первооткрывателя кузбасского угля Михайлы Волкова.

Для меня самым основательным историком является работник областного краеведческого музея Любовь Федоровна Кузнецова. Она считает, что надо держать в поле зрения обе даты. Обе даты должны обрастать конкретным знанием. Конкретным знанием должно заполняться временное пространство между ними. Город будет расти, вглядываться в свое прошлое, появятся новые концепции его возраста. Среди моих стихотворений мы с Любовью Федоровной отыскивали такое, в котором я почти соглашаюсь с Анатолием Михайловичем Кулеминым. Стихотворение, конечно же, о природе, принявшей и пережившей вторжение города:

*Спасибо ей, что, так рискуя,
Нас обучила ремеслу,
В свою пустила мастерскую,
Как муравья и как пчелу.*

*Мы потрудились без оглядки
Ее законам вопреки.
Ну, а теперь лесопосадки,
Реанимация реки...*

*Я верю в то, что через годы
К творениям детей своих
Вернется первая природа
Внести необходимый штрих.*

*Пока мы нерест опекаем
И птиц сезонный перелет,
Она сыновними руками
Сама себя воссоздает.*

*Смотрю на медленные всходы,
Склоняюсь к истине простой:
Есть Родина
И есть Природа —
Исконная —
И нет второй.*

И совсем смутила меня коллега Зинора Фатикова Волкова:

— Что же вы, — говорит, — когда исток Томи искали, шли до самого родника, из которого река вытекает. Почему же при определении истока города норовите поступить иначе?

Воистину безысходный спор.

9

Нас воспитала послевоенная улица. Мы — это целое поколение мальчишек, чьи отцы ушли на фронт, и многие из них не вернулись. Чьи дома

были уплотнены эвакуированными с Запада семьями. Чьи матери трудились на оборонных заводах и спускались в шахту рубить столь нужный стране уголек. Чьи старшие братья, оставив школу, шли в ремесленное училище, чтобы скорей обрести специальность и подсобить матерям. Пионерские слеты были для нас редкими и яркими праздниками, на которые не всегда удавалось попасть из-за отсутствия приличных штанов.

Послевоенная улица учила нас умению постоять за себя, состязательности, спорту. Я играл в уличной команде с будущим капитаном футбольной команды «Кузбасс» Юрием Лукиным (мы звали его Лукиша). Легенда кузбасского спорта, вратарь Владимир Кипреев был моим соседом и близким другом (о нем говорили: берет мяч вместе с ногой противника). С Красной Горки были: известный хоккеист Валентин Савельев, баскетболист Артур Прейкшас, тренер Валентин Свердлов.

72

Красная Горка всегда была талантлива. Здесь в 16-й школе учился первый профессиональный кемеровский художник, ныне Почетный гражданин Кузбасса Павел Чернов. Отсюда вышли известные журналисты Марат Шагиахметов и Юрий Котляров, заслуженная артистка Галина Кузнецова...

Когда был объявлен набор в Кемеровский аэроклуб с обязательством поступить в летное училище, полтора десятка рудничных парней блестяще прошли медицинскую комиссию. И я в том числе. Многие мои товарищи по аэроклубу стали авиаторами: Володя Шипулин, Юра Усенко, Коля Шахтарин, Гена Кабышев... А учились мы в аэроклубе в одно время с будущим абсолютным чемпионом мира по высшему пилотажу, капитаном сборной команды страны Владимиром Мартемьяновым. Полагаю, что именно его взлет стал символом для всего послевоенного поколения кемеровчан.

Владимир Мартемьянов оставил книгу «Я люблю тебя, небо!» Она согрета любовью к реке Томи, к городам Кемерову и Томску, к товарищам по самолетному спорту. Она полна гордости за великую страну, открывшую дорогу в небо ему и его сверстникам. Она обращена к подрастающим мальчишкам и учит их любить свою родину. Недавно писатели Кузбасса напомнили читателям о нашем прославленном земляке, опубликовав полный, восстановленный текст его книги в альманахе «Огни Кузбасса».

Красная Горка посылала своих питомцев не только в небо, не только в шахту, но и в море. Помню, как несколько моих сверстников откликнулись на призыв штурманского училища в Петропавловск-Камчатке и уехали туда поступать. Прошло лет пятнадцать. И вот в 1965 году я оказался в бухте

Прови
делам
коман
Моим
ловног
Ког
Красна

—
ты... Х
с ваши
Сейчас
зывают

Как
дороги
бог ва
чем, те
всегда
ся. Пот
есть и т

И

В

Л

Я

И

Р

К

Н

Н

Н

Н

И зд
рег род
числось,
леднее д
родника
Красной

Какие
Чтоб
Высоко
Опреде

Како
Чтоб
От ра
До вес

Главн
ка» Ол
ный хр
рии. Ол
по бере
рых пью
ный, бук

Провидения на Чукотке по своим журналистским делам. Многодневная пурга закупила многих командировочных в аэропортовой гостинице. Моим соседом по койке оказался капитан рыболовного траулера из поселка Уэлен.

Когда я сообщил, что жил в Кемерове на улице Красная Горка, капитан оживился:

— Как же, знаю. Река Томь у вас там. Шахты... Химические заводы... Я учился в мореходке с вашими ребятами. Витя Епонешников. Другие. Сейчас плавают. О Красной Горке много рассказывали.

Как-то сложились ваши морские судьбы, мои дорогие сверстники, красногорские мальчишки? Дай бог вам хорошей погоды и удачного улова. Впрочем, теперь вы, как и я, пенсионеры. Так пусть не всегда будет штормовым море, которое вам снится. Потому что среди моих впечатлений от Севера есть и такое:

*И хоть живу, не обнажая ран,
Встает воспоминание из мрака:
Лежал во льдах Великий океан,
Я шел по берегу
И от бессилья плакал.*

*Роняли чайки жесткий посвист крыл.
Клочки тумана проносились мимо...
Ни родины своей не защитил,
Ни матери,
Ни женичины любимой.*

И здесь снова вступает мотив о том, как «берег родника перерастает в берег океана». Так случилось, что все произошедшее со страной в последнее десятилетие для меня замыкается на судьбе родника — исконного, изначального. Родника на Красной Горке.

*Какие катастрофы нам пужны,
Чтоб уяснить сознанием потрясенным:
Высокий уровень грунтовых вод страны
Определится родником спасенным?*

*Какою будет новая беда,
Чтоб нам осмыслить время и пространство
От разоренья птичьего гнезда
До вести о распаде государства?*

Главный хранитель фонда музея «Красная Горка» Ольга Николаевна Предеина, она же — главный хранитель родников на заповедной территории. Ольга Николаевна подтвердила, что да, есть по береговому склону чистые родники, из которых пьют окрестные жители. Один, самый крупный, буквально в пятидесяти метрах от того, ис-

конного, который когда-то обустраивали аиковцы и который ныне завален бытовым мусором.

Я предположил, что это тот же самый родник, из тех же геологических пластов и подземных резервуаров, просто он проложил себе другой путь на поверхность, безопасный от каких-либо загрязнений. Ольга Николаевна возглавила специальную экспедицию к роднику. К нам присоединились Зинора Волкова, Андрей Зыков и Валентина Шифранова, вооруженные большими пластиковыми бутылками и другими емкостями.

Был погожий июльский день. Береговой склон зеленел листвой кустарника и травами, манил таинственными тропинками, спускающимися к реке. Мы пошли по одной из тропинок и наткнулись на группу играющих ребятишек, которым я очень обрадовался. Дело в том, что детворы на Красной Горке как-то поубавилось. Старожилы объяснили, что ныне по всей стране так. Это меня мало утешило.

73

И вот ребятишки... Человек пять. Они почетным эскортом сопроводили нас к роднику. Первыми спустились и наполнили водой наши бутылки. Подтвердили, что вода абсолютно чистая. Я поверил этому, когда подробно осмотрел железную трубу, искусно вбитую в массив крутого здесь склона. Из трубы, как из крана, постоянно течет довольно-таки обильная грунтовая струя. И поверхностный сток ее не замутняет. Грунтовая — значит чистая.

Под трубой аккуратно уложены три дощечки, как признак того, что родником пользуются люди. Далее по склону кочковатое и заросшее травой болотце, через которое к роднику не подойдешь. Спуститься можно лишь по крутизне, цепляясь за ветки кустарника. Впрочем, ребятишки одолевают этот путь легко, в несколько прыжков.

Мы рассказали им, что родник существовал здесь и раньше, только на поверхность выходил вот там, где ныне свалка. Надо ее расчистить. Мы поведали им, как любовно и заботливо относились к роднику члены АИК «Кузбасс». Это поразительно, что над красногорским родником звучала речь на языках большинства народов планеты: финская, английская, немецкая, сербская, литовская, венгерская, польская, шведская, чешская, французская, латышская, болгарская, эстонская, голландская, испанская, арабская, ирландская, румынская... И образ родника аиковцы увезли с собой в Америку и Европу, в Новую Зеландию и Австралию, чтобы рассказать о нем своим детям и внукам.

Было светло на душе от этой встречи. Она совершенно необходима для достойного завершения сюжета «Песни о Бумажном Змее», которая нам сопутствовала в этом повествовании:

*А воздух целебной смолою настоян.
 Мальчишки! Мы нового Змея построим!
 Он будет на тот — на погибший — похожим.
 Но планки прочней в основание положим.
 Надежней привяжем добротные нити.
 Проверим крепление, чтоб не подкачало...
 Мальчишки, смотрите! Мальчишки, замрите!
 Звезда по вечернему небу упала
 С какой-то планеты, пока что не слышной,
 Пока что не видной. Что общего с нею?
 Там так же бегут по планете мальчишки
 И так же пускают Бумажного Змея.*

*Приветствуя Небо, с Землей не прощаясь,
 Ступенями ветра взбираясь отважно,
 Мальчишки, пускайте его, не смущаясь
 Ни тем, что он Змей, и ни тем, что Бумажный!
 Вам снится пространство и легкость в полете,
 Летаєте в снах, это значит — растете.
 Вы опытней стали, а значит — взрослее.
 Мальчишки! Пускайте Бумажного Змея!
 Чтоб верилось вам, чтоб сбывалось и пелось
 У самой черты, за которою — зрелость.
 Мальчишки! Пускайте Бумажного Змея!*

10

При возвращении к активной жизни родника стал важен еще один этап. Я хотел, чтобы мои старые друзья — санитарные врачи Кузбасса, герои и действующие лица моих прежних книг «Труженица Томь» и «Река родная», пришли ко мне на помощь и подтвердили чистоту родника на Красной Горке официально, в результате специальных и тщательных лабораторных исследований.

И они пришли на помощь. Заслуженный врач России, ветеран санитарной службы, один из авторов программы экологической безопасности Кузбасса Надежда Николаевна Сафонова мобилизовала на это дело своих учеников. Заместитель главного врача городской санэпидемстанции Вячеслав Иванович Зайцев подробно расспросил меня о роднике, его местонахождении, интенсивности стока. Санитарный врач Людмила Ивановна Иванова приехала со специальной посудой, мужественно (на тонких каблучках) одолела крутой спуск к роднику, долго и тщательно его осматривала, взяла необходимые пробы. Мы помогли ей подняться обратно. (Сейчас на спуске к роднику прорублены ступени.)

Не скрою, я очень переживал. С результатами экспертизы родниковой воды связывал судьбу музея-заповедника «Красная Горка», судьбу будущих книг (да и вышедших тоже). Переживал за планы и надежды вновь обретенных друзей — сотрудников музея. Да что там! Волнует сам порядок слов: «Родник», «Родина», «Россия», «Возрождение».

И вот Вячеслав Иванович Зайцев сообщает мне: вода в роднике чистая. Позднее получаю на руки

два официальных документа: бактериологический анализ воды и химический анализ воды. Никаких противопоказаний! И мои претензии на то, что вода в роднике целебна и уникальна по вкусовым качествам, санитарные врачи не отвергают.

Какой великолепный экскурсионный маршрут складывается от коммунального моста (хоть старого, хоть вновь построенного). Лестница возле макета шахтерской лампы-символа Рудничного района. Обелиск, воздвигнутый в честь первооткрывателя кузбасского угля Михайлы Волкова. Возрожденный родник сразу за хвойным массивом. Дома-памятники архитектуры, построенные по проекту Ван Лохема. Домик Рутгерса, уже частично отремонтированный. За Чертовым логом, в историческом двухэтажном здании — бывшей конторе «Копикуза» — институт углехимии. А под ним та самая Горелая гора, на которой Михайла Волков нашел каменный уголь двести восемьдесят лет тому назад.

Здесь исторический центр города, здесь самая значительная его географическая точка, удобная для обзора и философских размышлений:

74

*Построенные нами города
 Не прячут бед былых за новизною,
 Чтоб мы не забывали никогда,
 Какой за них заплачено ценою.*

*Пора, пожалуй, голову склоня,
 Признаться с благодарностью сыновней,
 Что это город создавал меня,
 Выстраивал по своему подобию.*

*Дарил восторгом и ввергал в печаль,
 Приказывал пройти огонь и воду,
 Чтоб я мучал душой,
 Чтоб различал
 В своем забое уголь и породу.*

*И всем хорошим, что я людям дам,
 Всем добрым, что со мной происходило,
 Я городу обязан,
 И друждам,
 И Женщине, которая любила.
 Живи, мой город, многие лета!
 В трудах эпохи
 Торжествуй и здравствуй!
 Твоя береговая высота
 Над временем летит
 И над пространством.*

*Отсюда вижу устье и исток,
 Природы материнство оцущаю.
 И все, что для меня отец сберег,
 Я сберегу
 И сыну завещаю.*

2000 год

Литературная
студия

ПРИТОМЬЕ

Олеся УСТИНОВА

ВИД СВЕРХУ

1

Макар Бедов сидел, как всегда, на своем балконе и, как всегда, с высоты своего шестого этажа в бинокль смотрел на улицу. У него не было правой руки и обеих ног. Калекой его сделал взрыв на шахте, где он проработал всю жизнь. И вот уже пятнадцать лет балкон и бинокль были его единственной утешью. Правда, иногда дочка, у которой он жил, выделяла ему денег с пенсии, тогда Макар упрашивал зятя купить водки, хотелось забыться.

Зять у него еще какой-то приторможенный, боится жены, как огня. Та же постоянно пилит мужа и отца. «В кого она такая злая?» — думал Макар. Покойная мать была доброй бабой, сам Макар скандалил редко, да и то немного и когда выпьет. Может, злая от того, что Бог детей не дал? А может, от того, что с калекой жить приходится. Пятнадцать лет живет и никак-то не помирает. Но что он виноват, что у него такое крепкое здоровье?

Раньше частенько приходила мысль перекинуться через перила балкона. Но что тогда скажут о дочери, что о них скажут? Осуждение, косые взгляды и все такое... теперь свыкся и ждал, что смерть сама его найдет. Тяжело. Больше всего на свете хотелось умереть побыстрее. Что для него жизнь? Что ему ждать от нее?

Макар понимал дочь и не осуждал ее. Знал, как ей тяжело с отцом-калекой. Один уход за таким чего стоит. Он проклинал свое бычье здоровье, но уже не плакал, когда оставался один, как частенько бывало с ним раньше. Он был благодарен дочери за то, что вытаскивала его из дома инвалидов, из этого ада. Вытаскивала и не сдавала обратно. Ну а то, что ей не всегда удается скрыть обиду на отца за то, что тот так долго не умирает, так это и любой бы обиделся, любому бы надоело.

75

2

А чтоб такие мысли не бродили в голове, особенно по ночам, Макар с рассвета и до темна просиживал на балконе, устроившись на сиденье, сделанном специально для него. По приспособленной жердочке, перебирая единственной рукой, он добирался до балкона, устраивался на сиденье. Затем просовывал бинокль между прутьями балконных перил и все смотрел, смотрел... хорошо, что жили они в центре, и почти весь город был как на ладони.

На улицу его давно уже не выносили. В лифт на кресле-каталке заехать было очень трудно, а про спуск по лестнице нечего было и говорить. Да и потяжелел Макар от сидячей жизни. Ну ничего, чем балкон не улица: воздух свежий — кури сколько хочешь, да и видно дальше.

Телевизор можно посмотреть иногда. Жалко старенький «Рекорд» сдали, когда новый цветной покупали. Хороший купили, импортный. Жалко цветной целый день попусту жечь. Вещь дорогая, да и капризная: уже два раза ломался.

Больше всего Макар любил смотреть на маленьких детей, как те внизу играют, веселятся, бегают на двух ногах. Он с головой уходил в их детские забавы, в азарт их простеньких игр. От души переживал, когда какой-нибудь карапуз, забегавшись, падал и то ли от боли, то ли от обиды начинал громко плакать, зовя маму или бабушку, которые его выгуливали. Макар тогда бормотал под нос, почти шепотом:

— Ну, вставай, вставай на ножки. Ударились мы сильно. Ну ничего, ничего. Ну, давай, вставай на ножки и беги. Вот так, вот умница ты мой...

Со страстью самого фанатичного болельщика следил он, если дети организовывали какую-нибудь игру. Это был самый страстный болельщик. Он болел сразу за всех и хотел, чтобы все были победителями, чтобы все радовались, чтобы всем было хорошо.

А однажды в их двор забрел щенок. Забрел, да так и остался здесь жить. Безродный, бездомный, худющий, словно год не ел, но, судя по его виду, ничуть не опечаленный этими фактами. Он был такой забавный и смешной, такой хороший, что Макар сразу полюбил это беззащитное создание.

Все в щенке радовало и забавляло Макара. Его пестрая окраска — тут бело, тут серо, а тут рыжего клочок; ничуть не меньшая пестрота его кровей, намешанная от всех пород на свете; умение щенка удивляться самым простым вещам и оставаться равнодушным к тому, что любого бы напугало, обрадовало, заинтересовало.

— Ой ты молодец! Вот как мы умеем, — наведя на щенка бинокль, смеялся Макар.

Разговаривать ему даже в семье приходилось не часто, поэтому он быстро нашел общий язык с этим щенком, подружился с ним уже через неделю.

Он бросал вниз на лужайку перед домом то кусочек колбасы, то косточку, то хлеб. Делился всем, чем его кормили. Щенок быстро догадался, кто о нем заботится. Задирая голову и наострив свои полустоячие уши, смотрел на Макара. Крутил головой то в одну сторону, то в другую, наверно, удивляясь довольно странному виду своего добродетеля, каким виделся снизу ему Макар со своим биноклем. Но какая разница, как ты выглядишь, главное, что ты делаешь.

Макар с великим удовольствием поселил бы щенка у себя в квартире и... Хотя, впрочем, он сам здесь был поселен, можно сказать. Им самим каторга, а он еще о щенке думает...

Рано утром Макар потихонечку, чтобы не разбудить никого, выбирался на балкон, прихватывая с собой хлебца или еще чего-нибудь съестного. Щенок уже поджидал в эту рань.

Съев все, что кидал ему Макар, он начинал свои игры. Задрал высоко зад, аж хвост трубой, вставая, согнув передние лапы и положив на них голову, он вдруг резко, насколько это ему удавалось, вскакивал и бежал, сам не зная куда, даже не глядя в ту сторону, куда бежит. Не заметив, ударившись о дерево, попавшееся на его пути, он останавливался как вкопанный и смотрел какое-то время на это дерево с таким удивлением, что у Макара от смеха слезы выступали. Затем он, тряс головой, прыгал в сторону Макара и громко лаял, глядя на него, явно приглашая поиграть вместе. Макар с деланной строгостью надувал щеки, становился на

мгновение сердитым и строгим, кричал за это, по-своему, шепотом на щенка.

— Ну-ка тихо ты! Все еще спят, а ты тут расшумелся. Разбудишь всех...

И опять не мог удержаться от смеха до слез, глядя на своего меньшего друга.

Дети тоже любили Шарика, как его теперь называл Макар. Шарик частенько пытался поиграть с детьми, но мамы и бабки, выгуливавшие этих детей, не давали играть с таким безродным, бездомным, наказывали детей. Шарика за это тоже доставалось от «добрых» бабушек, которые гнали его всем, что под руку попадалось.

Шарик же не обижался ни на кого. Прогоняли от детей, он тут же придумывал игру с палкой. Боролся с ней, катался по траве, таскал ее со своей детской, щенячьей неуклюжестью на радость и утеху Макара.

Частенько в разгар игры останавливался и, задрал морду с высунутым языком, некоторое время смотрел вверх на Макара, опять приглашая к себе. Потом опять забывался в своей игре.

Макар только подмигивал ему: «Давай, браток, давай, милый», — улыбался песику и опять слезы текли из глаз. Он был очень благодарен щенку за эти приглашения.

Через полтора месяца Макар уже чувствовал себя единственным и полноправным хозяином Шарика. Подросший пес этому не противился. Да и чего противиться, когда у тебя, как и положено собаке, есть хозяин и друг. Получалось теперь, что вроде и не бездомный.

Они подолгу смотрели друг другу в глаза сквозь расстояние шести этажей. Макар хвалил Шарика, учил его жизни, иногда отчитывал. За дело, конечно. А тот смотрел так внимательно, таким умным взглядом, что Макар ни на минуту не сомневался, что Шарик его слышит, понимает и слушается. Ну пусть не слышит, но понимает — это точно.

Теперь, когда Макар ложился спать вечером, он хотел проснуться утром.

Был ясный солнечный день. Солнце светило так, что Макару частенько приходилось отнимать глаза от бинокля, чтобы таким образом дать им отдохнуть. И по-

этому он не слышал то...

преисподней

Черная и

те игры со ст

ку перед дом

Машина

ро исчезла,

Задние л

обще трудно

кровавом м

передними

лапы разьез

(другими сл

злая, неведо

острыми гво

Он огляд

ту боль, кото

голосом. До

И опять

силится упо

Макар в

Они показы

шей машин

им малыш

знали, что д

— Чего в

но себе под

Многие

приятного з

Макар с

бы хоть как

него. Он уп

ревернутая

ими культя

Когда н

Сейчас он б

ка. Они был

только на М

— Что ж

Мимо пр

позвякивал

чок, невысо

нибудь, как

сто один из

злую шутку

этому он не увидел, как во двор въехала машина. Он услышал только визг тормозов и страшный, словно из преисподней, крик своего друга.

Черная иномарка наехала на Шарика, когда тот в азарте игры со старым спущенным мячом выскочил на дорожку перед домом. По ней и машины-то ездили раз в год.

Машина, вильнув, набрала скорость, так же быстро исчезла, как появилась.

Задние лапы Шарика были раздроблены. Да и вообще трудно было разглядеть и понять в том темном и кровавом месиве, где лапы, где хвост. Шарик пытался передними лапами подняться, убежать от этого. Но лапы разъезжались на асфальте, а его заднюю часть (другими словами это и не назовешь) словно какая-то злая, неведомая сила вот только что прибила наглухо острыми гвоздями к земле.

Он оглядывался назад и пытался укунуть, прогнать ту боль, которая его сейчас мучила. Он скулил неземным голосом. Дорожная пыль успевала впитывать кровь.

И опять Шарик на разъезжающихся передних лапах силится уползти от этой беды, от этой злой силы.

Макар видел, как засутились мамыши и бабульки. Они показывали друг другу пальцами в сторону уехавшей машины и быстро, закрывая ладонями глаза своим малышам, вводили тех в сторону, подальше. Они не знали, что делать. Да и что они могли сделать?

— Чего вы стоите? Ну чего вы? — бормотал привычно себе под нос Макар. — Что стоите? — задыхался он...

Многие проходили и отворачивались от такого неприятного зрелища.

Макар силится перелезть через перила балкона, чтобы хоть как-то помочь своему другу. Не получилось у него. Он упал на пол и беспомощно, как черепаха, перевернутая на спину, шевелил лихорадочно тремя своими культями, хватаясь целой рукой за что попало.

Когда наконец смог подняться, посмотрел вниз. Сейчас он без бинокля смог рассмотреть глаза Шарика. Они были полны слез. И эти глаза сейчас смотрели только на Макара и умоляли. Умоляли о помощи.

— Что же вы? Что стоите!

Мимо проходил мужичок с рюкзаком, в котором позвякивали пустые бутылки. Обыкновенный мужичок, невысокого роста, но видно, что не алкаш какой-нибудь, как часто бывает с людьми такого рода. Просто один из тех бедолаг, с которыми судьба сыграла злую шутку.

Он подошел к Шарiku, посмотрел на людей. Начал размахивать руками, показывая то на песика, то на дорогу.

Шарик взглядом молил его помочь, пытался подползти, страшно скулил и тянул тому то одну, то другую лапу, отдавая этому весь остаток своих щенячьих сил.

Опять мужичонка оглянулся на людей — никакого участия.

Тогда он вытащил из цветочной клумбы кирпич, которым та была огорожена, и подошел к Шарiku. Погладил его. Шарик немного успокоился, только мелко трясся и иногда порывался укунуть то, что сзади. Мужичок что-то сказал ему и опять погладил. Шарик успокоился совсем. Он положил голову на асфальт. Но, как будто что-то вспомнив, вдруг поднял голову и посмотрел вверх. Последний раз они смотрели друг другу в глаза. И Макар увидел разницу: если пять минут назад Шарик просил своего друга о помощи, то теперь он прощался.

Макар зажмурился и смог только услышать два глухих удара. Взяв за передние лапы бездыханное тело Шарика, мужичок отнес его на лужайку и положил под куст сирени.

Повернувшись после этого, он смущенно посмотрел на людей, разводя руками, то подымал их, то опускал, указывая на Шарика, пытаясь, наверное, объяснить, что песика бы закопать надо. Вы, мол, местные, у вас лопаты найдутся. И все разводил руками и качал головой: надо же случиться такому несчастью...

Толпа собралась быстрее, чем можно было ожидать. Бабки, прохожие, видевшие, как мужик кончал Шарика. Начался крик. Макар с шестого этажа слышал: убийца, садист...

А мужик сам не свой, что вдруг стал центром внимания сразу такой большой толпы, попятился в растерянности, засеменял боком, напуганный. Сам не рад тому, что ввязался в эту историю.

— Садист! Убийца! Пьянь несчастная!.. — доносилось до Макара, у которого наконец прорвались слезы.

И опять:

— Садист! Убийца!.. — теперь бабки знали, что делать.

«Хоть одна добрая душа и добрые руки», — думал Макар, глядя, как убегает мужичок. И хотя всю жизнь Макар считал себя вроде неверующим, первый раз в жизни он просил у Бога счастья этому мужичку. И еще просил, когда настанет час ему умирать, чтобы смерть была легкой и быстрой.

Через две недели Макар умер во сне.

Кирилл САЗАНОВ

РАКУШКА

— Ты не знаешь случайно,
откуда в ракушке ветер?
— Заблудился в ее лабиринте и сам не заметил.
— А еще, ты послушай, похоже на шум прибоя...
— Забегала в ракушку волна изумрудной струей.
— Ну о чем ты, смешной,
здесь же тысячу лет пустыня,
А вода... неужели она сохранилась поныне?
— Навсегда. Я слышал, что когда еще не было суши
Кто-то время скрутил по спирали
и сделал ракушкой.

РОССИЯ, XX ВЕК

Чтобы выжить в этот час,
Будем пить холодный кофе,
Будем пить холодный кофе
И поглядывать в окно.
Потому что за окном
Мир толпится на Голгофе,
На кресте матерый профи —
Так уж тут заведено.

Все готово, все в делах,
Каждой службе есть работа.
Люди мечутся, как блохи,
Видно, чувствуя, что там,
Где открытое окно
С видом прямо на Голгофу,
Некто пьет холодный кофе —
Кто-то видит этот срам.

Что за странное время,
еще холода возвратятся,
А посмотришь в окно
и увидишь июньский закат.
Лишь деревья стоят и беззвучно искрятся
Серебристой листвой.
Им, наверное, снятся,
Как и мне, предвесенние сны,
Чтоб на чистой тетради зимы
Набросать свои черные ветви
И на них прилетевших грачей,
Как заглавные буквы апреля.

Здесь край мой, сотканный из дыма,
Дождя и снега в октябре.
Чем дальше, тем необозримей.
И всадник старится в седле —

Дорога к дому — рвы да склоны.
То былль, то сказка, то разлад.
И осыпаются иконы,
И каменеет циферблат.

Когда найдет он ту, что ищет,
Нацупав образ без лица
Сухой рукою мертвеца,
То не вздохнет и не услышит,
Что путь был пройден до конца.

г. Таштагол

78 Иван ЗАМЯТИН

ИСТОПНИК

Завтра тонны угля на лопату —
и в тачку.

Под котлом, чтобы пламя
дышало и пело.

И «спасибо» мне скажет
моя сибирячка,
И отвечу: «Обыкновенное дело...»

Мне не важно — то день или ночь,
или вечер,
Или зимнее утро с морозцем
ядреным.

Я в жаре и в пыли,
а укрыться здесь нечем,
Жар вывозим на свалку
в бадье прокаленной.

И, с растяжкой выплону
пыль из кишок,

Я присел на часок,
Я усох на чуток.
Но сгоревшие тонны угля
дали жар.

Так же вертится шар...
И от плеч валит пар...

Она горе
И этим
Его же э
Он был п

И вот об
Приревн
И стала
Та, что
А за те

О злоб
Ты ви
Но ть
Впер
А я сп
И добр
Мне п
И в че
Не ст
Меня
И я па
Где на

Резвя
На гол
Да не
Вы мн
Что и
Шаро
Хоть
Не за
Разно
Ведь
И пол
Стих
А вед
И пус
Давно
Танцу
Мест
И не с
И ска

ОН И ОНА

Она горела ровно и светло
И этим светом многих согревала.
Его же это нестерпимо жгло.
Он был таким, каких, увы, немало.

И вот однажды Он Ее избил.
Приревновал.
И стала головнею
Та, что за чистый свет Он полюбил,
А за тепло назвал своей женою.

О СЕБЕ

О злора, к жизни стимулятор,
Ты видишь все и все ругаешь.
Но ты меня, как эскалатор,
Вперед, надеюсь, подвигаешь.
А я спешу неторопливо,
И доброты запас нетленный
Мне помогает быть счастливым
И в чем-то необыкновенным.
Не стимулятор-эскалатор —
Меня доселе ноги носят.
И я пашу, как экскаватор,
Где надо и когда попросят.

СОВМЕСТИМОСТЬ

Резвятся виш на голове,
На голом черепе.
Да не одна, а двадцать две,
Вы мне поверите?
Что из того, что череп лыс,
Шарообразен?
Хоть разбегись —
Не зашибись —
Разнообразие!
Ведь начинаешь ты сгола
И получается —
Стиха не съест, он не халва,
А ведь рождается.
И пусть на лысой голове
Давно не стриженной,
Танцуют вошки — двадцать две! —
Места насижены.
И не обижены оне,
И счастлив череп тот вполне.

г. Таштагол

Наталья РАВКОВСКАЯ

НА СВИДАНИЕ

В зимнем небе звезд мерцанье.
Я сегодня иду на свиданье.
По старинке, как много лет назад,
На ресницах тают снежинки.
На морозе щеки горят.
Ай, да мороз!
Ой, да зимний вечер!
Вот и он с букетом роз
Идет навстречу.
Добрый вечер, добрый вечер.
Теплой ладонью мою руку пожал,
В зрительный заходим зал.
Не фильм, а срам.
В свои годы мы такие не смотрели.
Одеты еле-еле.
Все, я ухожу.
Можно, я вас до дому провожу?
В лунном свете
Стоит сосна в серебряной накидке.
Проводите, только до калитки.

БЕРЕЗОНЬКА, ПРОСТИ

Середина лета вот уже в пути.
Веников на зиму надо запасти.

К роце подхожу,
С изумлением на нее гляжу.
Облегченно так вздыхаю,
Аромат ее вдыхаю.

Во они красавицы стоят,
Стройные, нарядные, словно на парад.

Ты, березонька, прости,
Хочу я веников на зиму запасти,
Потому уж очень не скупись,
А со мною поделись.

По осени, прекрасно это знаешь,
Все равно красу свою теряешь.

Дары твои не канут даром.
Обдам я веник в баньке паром
Зимой и в холода и стужу
Простуду выгоню наружу.

Ты, березонька, прости,
Дай целебных веточек твоих,
Хочу я веники сплести.

г. Таштагол

Игорь КУЗНЕЦОВ

РОССИЯ

Очнись, распятая страна!
Молитесь, люди, — мы воскресли.
Блеснут соборов купола,
А птицы в небе землю крестят.

Я наблюдал: перед толпой
Ты молча шла в венце терновом.
Была избитой и босой,
И не было пути иного.

Но мы поднимаемся с колен.
Я в это буду свято верить.
Достаточно изо дня в день
Страданиями время мерить.

Колокола уловит слух.
Крестами иней на ресницах,
Да будет серебро светиться
И трижды прокричит петух.

ДЕТСКИЕ МЕЧТЫ

Увидев снежные громады,
Невольно взволновался вдруг —
Тягучий сладостный испуг
Уже испытанный однажды.

И показалось мне, что лед —
Застывшая вода морская
И что одежда ледяная
Стихии непокорной жмет.

Еще мне верилось, что вьюга —
Суровой Арктики гонец.
А я — не крохотный птенец,
И что достойны мы друг друга.

Я вышел в полночь. Скрипнул снег.
Звенели звезды. Ночь дремала.
И незаметно закрывала
Минут летящих легкий бег.

Дыша, горел алмаз в эфире,
То — к Богу мой призыв ночной.
Как совершенно в этом мире
Все сотворенное Тобой.

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Июль насильно укрывает пледом.
Испарина... Стихорожденья муки.
И глас Творца, чей лик еще неведом.
И над блокнотом дрогнувшие руки...

г. Кемерово

Татьяна ВЕСЕЛКИНА

Я устала зависеть,
я просто хочу лишь чуть-чуть
Не смотреть на твою
черно-белую память в альбоме,
Телефон твой в блокноте
в сотысячный раз зачеркнуть
И подумать:
«А ведь у меня есть еще кто-то кроме...»

Я устала бояться однажды тебя не найти
В веренице из дней:
день за днем, день за днем... Мне бы нужно
С корнем вырвать слова
и охапкой к тебе принести,
Но улыбка твоя недоверьем сквозит или хуже.

Я устала быть гордой,
я просто хочу быть с тобой...
Руки! Губы! Да как вы его отпустили?!
Мне б подняться к тебе,
только тень натянулась струной
И взлететь не дает...
А удерживать хватит ли силы?..

Не дай мне окрылиться —
Возьму и улечу.
Найдешь ли по крупницам
Меня, свою-ничью?

Буди меня чуть слышным
Прикосновеньем глаз,
Губами... или — тише, —
Так, как никто до нас.

Черты впечатать в память
Пока с тобой... зачем?!
Дотронься... и руками
Пойми: я — насовсем.

Я зимой у
От зелен
Я проснул
Не боясь н
Пусть вче
Раны рван
Я закрыл
И не боль

Я гибну н
С улыбко
Могу оди
Исчезну р
В тиши з
В грехах
Ты будеш
Ты ошиба
И мгла в
Укором с
Но пройде
На полно

Юрий МИХАЙЛО

И БАТЯ

Ушли год
В вечерн
Себе на д
Картошк
В чай пол
Вот буде
В родной
Где тиши
И будет
Калитъс
А истина
Мне стан
Под кры
Что накр
Жизнелю
Начало и
У печки с
Где хлоп
Исток лю

* * *

Я зимой устаю от белого,
От зеленого летом — ничуть.
Я проснулась по-летнему смелая,
Не боясь новый день спугнуть.
Пусть вчера я была заплаканной.
Раны рваные на душе
Я закрыла как бы заплатками —
И не больно почти уже.

* * *

Я гибну на своих глазах
С улыбкой мраморной.
Могу одно тебе сказать:
Исчезну рано я.
В тиши звенящей растворюсь,
В грехах покаявшись.
Ты будешь думать, я вернусь...
Ты ошибаешься!
И мгла вдруг для тебя сверкнет
Укором совести,
Но пройден жизни оборот
На полной скорости.

г. Кемерово

Юрий МИХАЙЛОВ

И БАТЮШКА, И МАТУШКА

Ушли года весенние
В вечернюю зарю.
Себе на день рождения
Картошки наварю,
В чай положу смородины.
Вот будет славный пир
В родной избе на родине,
Где тишина и мир.
И будет печка, охая,
Калиться до красна,
А истина глубокая
Мне станет вдруг ясна:
Под крышей доброй, строгой,
Что накрывал отец,
Жизневороту строгому
Начало и конец,
У печки старой, опытной,
Где хлопотала мать,
Исток любви безропотной:

Не брать, а отдавать...
Испив чайку душистого,
Присяду на крыльцо,
Чтоб свежестью лучистой
Овеяло лицо,
На улочке с соседями
Обсудим жизни ход,
И в сердце привередливом
Совсем растает лед.
Знакомыми дорожками
Поселок обойду.
Он живо помнит прошлое:
И радость, и беду.
Уходит все — он рядышком,
Как негасимый свет.
Он — батюшка и матушка,
Их дорогой совет.

81

ЖЕНЩИНЕ

Из наблюдений тонких, глупых, тайных,
Из ощущений странных, словно сны,
Из шорохов и запахов случайных
Твой соткан мир. В нем грани не ясны.
В нем ты одна, пугливой дикой лани
И осторожней молодой лисы,
В нем пламя неосознанных желаний
Рождают страстной юности часы.
В нем все твое: чужие вздохи, боли,
Обрывки чьих-то фраз и чей-то смех.
Твой мир, что дикий лес, где пахнет волей,
Где рядом святость-страх и смелость-грех.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ ДОЖДЬ

Опять грустя бормочет,
О чем, не разберешь,
Душевный, непорочный,
Сентиментальный дождь.

О чем-то добром, нежном,
Чего так долго ждешь.
Он друг мечты, надежды,
Сентиментальный дождь.

Из юности и детства,
Минуя лесть и ложь,
Идет, лаская сердце,
Сентиментальный дождь.

* * *

Лист осенний —
Дней сгоревших след...
Нет спасенья
От себя и лет.
Обнаженность
Неба холодна,
Обреченность
Сладостна до дна.
Горсткой листьев
В бездну упаду,
Где лучистый
Бьется свет во льду...

г. Березовский

Светлана ГРЯЗИНА

* * *

Почему для меня эта осень — как смерть?
На опавшие листья боюсь посмотреть.
Вроде все, как всегда, вроде все, как у всех.
Только больно в груди. Это слезы сквозь смех.
Это слезы и осени дождь на лице...
Дело — в шляпе, верней — в обручальном кольце.
Ты на жизнь без любви навсегда обречен.
Ненавижу за то, что с другой обручен.
Я опять на ветру, словно осени лист.
Одиночества зов: то ли крик, то ли свист...
Скоро будет зима, холоднокровна, чиста.
Всем надеждам черта, за чертой — ни черта.
Не дождавшись весны, я боюсь замереть.
Почему для меня эта осень — как смерть?

* * *

Как тяжело с душой писать,
Рыдать, кричать из каждой строчки,
Бороться, петь, мечтать, искать —
Все на разрыв, до самой точки.
Ведь легче слово подобрать
В стихах, что никого не будят.
Вот просто сесть и написать.
Но кто читать все это будет?

г. Березовский

Ольга ГАРИФУЛИНА

* * *

Слова, слова — пустые звуки,
Вам чувств вовек не описать.
Вам не поведать боль разлуки
И путь слезы не показать.
Вам не подвластны тревоженья,
Сомненья, ревность и печаль,
И сердца частые биенья,
И пуританская мораль.
Не показать вам сочность красок
И запахов в тиши ночной —
Лишь в имени Его прекрасном
Я слышу целый мир порой.

г. Березовский

82 Татьяна ИВАНКОВА

* * *

Мы смотрим на собственный крах,
На то, как в глубокой тревоге
В засаленной рясе монах
Беззвучно кричит нам о Боге.
Забыли мы имя свое,
Что значит Россия, забыли.
Не помним, как сладок полет,
Ведь крыльев давно нас лишили.
Мы смотрим на собственный крах,
Как тонем, барахтаясь в иле.
Читает молитвы монах
У братской огромной могилы.

г. Березовский

Владимир ЗВЯГИН

ЗАРИСОВКИ С НАТУРЫ

Здесь когда-то была деревня,
А осталось четыре двора.
Вековые стоят деревья
Со следами от топора.
Видно, кто-то срубить пытался,
Да не больно остер топор.
Нет уж дома, а тополь остался
Сторожить деревенский простор.
Тут же, рядом, колодец забытый.

И трав
И стои
Зелене
Ну а, м
Годы пр
Все верн
Все при
Здесь, к
И поня
Зачерпн
Люди кл

Еще кол
Тумана
Но дым
Подскаж
Спешил
Пожарч
Такой и
Нужды
Вмиг ра
Молчит
А на ст
Дымятс

Я слушал н
Наедине ост
И у порога
Под неподви
Я слышал с
Тумана без
И лай собак
И сонный л
Пронесся ве
Не стало ни
Я сделал ша
Притихла н
Ночь слуша

Когда я
Не веда
Я жали
Искал у
Береза
Меня по
А этого
Чтоб др

И трава, как в лугах, глуха.
И стоит он, вокруг обшитый
Зеленеющей стежкой мха..
Ну а, может быть, в полдень жаркий
Годы прежние оживут:
Все вернется и станет ярким,
Все припомнится, как наяву...
Здесь, как прежде, полно народу,
И понятно мне, почему,
Зачерпнув из колодца воду,
Люди кланяются ему.

Еще колышется над садом
Тумана белая фата,
Но дымный след, вплетаясь рядом,
Подскажет — в доме суета.
Спешит хозяйка спозаранку
Пожарче печку истопить.
Такой и скатерть-самобранку
Нужды нет к празднику дарить.
Вмиг разомлев от ранней топки,
Молчит крестьянская изба,
А на столе уже, как сопки,
Дымятся круглые хлеба.

Я слушал ночь. Она меня забыла,
Наедине оставшись с тишиной.
И у порога тень моя застыла
Под неподвижною луной.
Я слышал скрип калитки осторожной,
Тумана бег над жухлою травой,
И лай собаки, вялый, бестревожный,
И сонный лепет рожи молодой.
Пронесся ветра потаенный трепет,
Не стало ни движенья, ни огня.
Я сделал шаг — один, другой и третий,
Притихла ночь:
Ночь слушала меня.

Когда я считался неправым,
Не ведая, стану ли прав,
Я жалился чутким дубравам,
Искал утешенья у трав.
Береза меня понимала,
Меня понимал иван-чай...
А этого было немало,
Чтоб духом не пасть невзначай.

д. Ижморка

Надежда ГРОМКОВА

Когда бывает листопад
И на исходе лето,
Всегда о звездах говорят
Два стареньких поэта.

Один, бывало, говорит:
— Давай поспим немножко,
А утром встанем до зари
И поглядим в окошко.
Вчера какой-то великан,
В лиловый плащ одетый,
Из золотого кошелька
Опять бросал монеты.

83

— Да это ж все сплошной обман! —
Сердился друг серьезный. —
То дрались месяц и туман
И вниз кидали звезды!
Была та битва нелегка.
Упал туман на елку
И правый бок проткнул слегка
Вершинкою-иглой,
Сломал каблук от сапога
И сделал передышку,
А месяц поточил рога
И спрятался за шийку.
Ты головою не качай.
Я сам прекрасно слышал,
Как ель, когда мы пили чай,
О них шепталась с крышей.

Когда бывает листопад
И на исходе лето,
Всегда о звездах говорят
Два стареньких поэта.

г. Кемерово

Виктор КОВРИЖНЫХ

ГРАФОМАН

*Наша Родина прекрасна
И цветет, как маков цвет.
Окромя явлений счастья
Никаких явлений нет.*

*Из редакционной почты
Н. Старшинова*

1

...Позвонил редактор и попросил зайти.

С озабоченным лицом, дымя сигаретой, редактор рассматривал какие-то бумаги.

— Вот ознакомься. Из горкома переслали...

Это были письма. Одно из аппарата ЦК КПСС в адрес нашего горкома. На официальном бланке с круглой печатью — две строчки машинописного текста: «Провести разъяснительную работу с автором письма. Сообщить о принятых мерах». К официальному распоряжению прилагалось письмо самого автора, отправленное им по адресу... Впрочем, это надо выделить отдельно и набрать жирным шрифтом:

«Москва. Кремль. Красная площадь. Генеральному Секретарю Коммунистической партии товарищу Горбатову Михаилу Сергеевичу (лично в руки)».

— Заметь, Горбатову, а не Горбачеву, — не удержался редактор, — фамилии толком не знает, а в Москву лезет со своей писаниной...

В обратном адресе указывались координаты: Грамотеино, такая-то улица, дом и фамилия самого автора — «Зеленко Петр Акимович, пламенный борец за мир во всем мире».

В письме, которое начиналось «Здравствуйте, многоуважаемый товарищ Генеральный Секретарь Михаил Сергеевич...», корявым почерком и с массой орфографических ошибок пламенный борец сообщал, что он «капитально подорвал здоровье на стройках советского хозяйства» и теперь, «не жалеючи сил, отдает последние силы укреплению мира на нашей Советской планете посредством писания стихов». Далее он жаловался, что их нигде не печатают, что возвращают без всякого объяснения. А зачастую его стихи бесследно исчезают в недрах редакции — «их, наверно, присваивают себе». Жаловался автор на черствость и нежелание прислушаться к нему «бюрократов» от лите-

ратуры, которые, по его разумению, «ничего не смыслят в поэзии и в политике Партии, но берутся судить о качествах стихов». В конце письма следовала просьба оказать содействие в публикации «...моих патриотических стихотворений в газете «Правда».

Отдельно, на четырех вырванных из школьной тетради листках, помещались предлагаемые газете «Правда» стихи Зеленко, написанные от руки. Руки, не ведающей азов чистописания, а её хозяин — норм и правил грамматики. Тот же корявый почерк, ошибки и смысловые ляпы, которые нормально грамотному человеку, даже если очень захотеть, не получится придумать и написать. Первое стихотворение под названием «Я — патриот» начиналось громкими строками:

*За Москву, за Москву
я отдам голову!
А коль надо, и сердце отдам!!!*

Заканчивалось оно столь же громогласно, но уже с оттенком некоторого своеобразия:

*Над красной Родиной флаг
висит теперь не просто так, —
за мир на битву нас ведет!!!*

Ничем не лучше были и остальные «творения борца за мир во всем мире»: набор рифмованной чепухи, неудержимой патетики и полуграмотных строк, оканчивающихся, как правило, тремя восклицательными знаками. Правда, среди этой трескучей риторики попадались строки неожиданные, с пародийной двусмысленностью. Автор, видимо, в порыве пламенных чувств пытался выразить нечто возвышенное и яркое, но в силу своей неискушенности и неумения владеть письмом это приводило к обратному эффекту:

*И где есть я на свете,
даже пьяный в канаве
я люблю свою Родину-Мать!!!*

— Чушь собачья!.. Бред какой-то... — сказал я, прочитав стихи Зеленко.

— Табуретке понятно, что бред, — согласился редактор, — только учти: письмо на контроле в горкоме, да и в ЦК, наверно, помнят... В общем, поезжай в Грамотеино и поговори с этим графоманом... Узнай заодно, что он за гусь такой, работает ли?.. Только будь с ним поделикатнее — не ровен час обидится да накатает жалобу в Москву или в ООН... А может, он псих? Подожди-ка!..

Редактор взял психоневрологический листок, чтобы подождать и Зеленко П. А. в значился и ранее.

В Грамотеино с собой письмо потратил на поиск, лась на самой оклеившая левая весенняя дорожкины улицы и остановился по письму, прожидом, а — домины на улицу, а двумдался в ремонте думчивой старости.

Я предусмотрел, чтоб проверить, довало, и я смеялся соскабливать грязь скребком. В окошечке на крылечке, в темном платке, в длинной юбке, валенки. Смотрелательно. Лицо, щим подбородок. С проступившими глазами лицо слез и смотрело отту.

Я спросил, зомович.

— Нет его...

Голос был грубым, будто вовсе и не проскрежетала.

— Он что ж, внутренне я думаю, Зеленко уехал, поскольку предчего полезного.

— На работу придете...

Она повернула голову в последний раз, тем же глухим голосом.

— А вы кто?

— В некоторых литконсультантах пишу...

Старуха стала меня, словно по ответствия ска...

Редактор взялся за телефон и стал звонить в психоневрологический диспансер. Там его попросили подождать и спустя минут пять сообщили, что Зеленко П. А. в списках клиентов не значится. Не значился и ранее...

В Грамотеино я отправился после обеда, захватив с собой письмо и стихи Зеленко. Около часа потратил на поиски нужной улицы, которая оказалась на самой окраине поселка. С трудом преодолевая весеннюю грязь и лужи, я добрал до середины улицы и остановился перед домом, где, судя по письму, проживал Зеленко. Точнее, это был не дом, а — домишко, смотрящий одним окошком на улицу, а двумя — во двор. Домишко явно нуждался в ремонте и от него веяло ветхостью и задумчивой старостью.

Я предусмотрительно громко подергал калитку, чтоб проверить, есть ли собака. Лая не последовало, и я смело прошагал до крылечка и стал соскабливать грязь с ботинок о торчащий рядом скребок. В окошке мелькнуло чье-то лицо, и вскоре на крылечко вышла высокая худая старуха в темном платке, вязаном зеленом жакете и в черной длинной юбке, из-под которой выглядывали валенки. Смотрела старуха сурово и недоброжелательно. Лицо ее было потемневшим, с выпирающим подбородком и с заострившимся носом. С проступившими на щеках скулами и с запавшими глазами лицо словно бы ушло в глубокое подполье и смотрело оттуда настороженно и подозрительно.

Я спросил, здесь ли живет Зеленко Петр Акимович.

— Нет его...

Голос был под стать ей: глухим и скрипучим, будто вовсе и не голос, а тяжелая амбарная дверь проскрежетала в осенних сумерках.

— Он что же, не живет здесь? Уехал куда? — внутренне я даже обрадовался в надежде, что Зеленко уехал насовсем и нет нужды встречаться, поскольку предчувствовал, что общение с ним ничего полезного и хорошего не даст.

— На работе он... После пяти будет, вот тогда и придете...

Она повернулась и вознамерилась было уйти, но в последний момент оглянулась и, глядя в упор, тем же глухим голосом спросила:

— А вы кто будете-то?.. Поэт что ли?..

— В некотором роде да... А вообще-то я — литконсультант, работаю в газете и приехал по письму...

Старуха стала более пристально рассматривать меня, словно пыталась обнаружить приметы и соответствия сказанному мною.

— Я бы подождал его, а вы бы рассказали мне о нем, где работает...

— Где, где!.. На пилораме работает!.. Подсобником... — сердито оборвала старуха. После чего еще некоторое время изучала меня, а затем, видимо, убедившись в моей благонадежности, неожиданно помягчевшим голосом пригласила войти...

Комната, куда я вошел, оказалась кухней: печка, посудные полки на стенах; справа от входной двери стояла железная кровать, аккуратно заправленная темно-синим суконным одеялом; налево от двери — кухонный стол перед окном. Убранство следующей комнаты — спальни или зала? — закрывали глухо задернутые шторы на дверях. Я присел на стул в углу перед столом, а старуха, кряхтя и вздыхая, восселась на кровать. Кровать заскрипела под ее весом, и я поначалу даже не разобрал: то ли старуха что сказала, то ли это пружины заскрипели?..

Пока я оглядывал комнату и лихорадочно соображал, с чего начать разговор, старуха вдруг снова сделалась мрачной и погрузилась в молчание, словно затаилась во глубине своих то ли дум, то ли воспоминаний. Я осторожно спросил, кем доводится ей Петр Акимович.

— Брат... Младшанький...

Ответив мне, она встрепенулась, будто воскресла, и неожиданно оттаявшим воркующим голосом, в котором даже появилась некоторая мелодичность, стала рассказывать о своем брате. Она будто ждала этого часа всю жизнь, чтоб поведать нечто важное и сокровенное, которое томилось в ней, перебродило и вот, прорвавшись наружу, заговорило, отчего речь старухи стала похожей на журчанье ручейка, бегущего по цветным блестящим камешкам.

Оказывается, что «младшенький брат» живет у нее с полгода, после того как «возвернулся из неволи», куда угодил на четыре года за поджог казенного имущества в пьяном виде. А до этого он жил в Киселевске, работал на шахте и много зарабатывал. Был женат. Только вот жена оказалась «форменной аферисткой и вертихвосткой». Работала жена его, Нюрка, кондуктором на автобусе и «таскалась напропалую с шоферами», а затем отсудила себе дом, купленный Петей, а самого выгнала на улицу с одним чемоданом. После этого «Петя стал шибко выпивать и скитаться по разным углам и общежитиям», с работы его уволили, увольняли его и с других шахт,строек и «гарнизаций», куда он устраивался работать. Словом, не жизнь, а хождение по мукам... «Хорошо, что детей не нажил, а то бы вместе с ним горюшко мыкали по белу свету...»

Говорила старуха неторопливо, с паузами, во время которых замирала и делалась будто каменной. Затем неожиданно вздрагивала всем телом, словно ее током ударило, и снова начинала рассказывать о мытарствах горемычного братца. О том, что «он смирный и добрый, мухи не тронет». Только люди не понимают этого и «помыкают им, как хотят».

— Жизнь-то прожил, а на старости-то и податься некуда... Ни угла свою, ни семьи... Гол, как сокол!.. — вновь возникла пауза, а затем послышалось всхлипывание и шмыгание носом. Утираясь концом платка, старуха опять поведала мне, как Петя на «елехтричке в арестанной робе из неволи воротился»:

— На улице холодишша, а он в резиновых сапогах... И все имущество — рюхзак да сорок рублей в кармане... Поглядела я в рюхзак-то и чуть не заплакала... В рюхзаке-то евоном — майка, полотенце, два куса хозяйского мыла да тетрадки... И ничегошеньки-то больше нет!.. Говорю ему: чтой там у тебя в тетрадках-то? А он говорит: стихи... Я, говорит, поэтом стал. Я, говорит, без стихов жить не могу, одна радость в жизни осталась... Это, значит, стихи эти самые писать, вот... Он сердешный, знать, в неволе-то и начал писать... Знать, затомился в темнице-то, затосковал по воле да ласкам, вот и ударился в стихи эти самые...

Старуха умолкла, продолжая еще некоторое время всхлипывать и воздыхать, а затем окаменела, уставясь неподвижным взглядом в пол. Мне отчего-то стало жаль горемыку Зеленко, хотелось пожалеть и старуху и сказать ей что-нибудь сочувственное. Вместо этого я попросил дать мне его тетради, чтоб почитать стихи. Почему-то возникло острое желание непременно отыскать в его стихах признаки таланта. Очнувшись, старуха наклонилась и вытащила из-под кровати рюхзак.

— Да вот они... Тут и лежат стихи евоные... Посмотри, сынок, мож, чо дельное пишет?.. Самато я не понимаю... По мне лишь бы складно было...

В рюхзаке помимо тетрадей было несколько книжек. Литературу Зеленко читал серьезную и даже политическую: «Антидюринг» и «Материалы 24 съезда КПСС». Остальное же было поэзией: томик Пушкина, избранные сборники Некрасова, Маяковского, Щипачева, Долматовского. Был также Блок и невеста как попавший сюда Велимир Хлебников в тонком переплете с тисненой обложкой, издательства «Детгиз». На обратной стороне обложек книг значилось: «Личная библиотека П. А. Зеленко». Ниже стояла роспись. Роспись хозяина библиотеки была весьма примечательной:

размашистой и витиеватой. Очень элегантно была роспись, словно автор только и делал, что всю жизнь тренировался ставить росписи, заранее видя себя раздающим автографы бесчисленным толпам поклонников и почитателей его творчества.

Я вынул наугад две тетради — общую и обычную ученическую. На общей печатными буквами было написано: «Про Родину». В самом низу обложки уже меньшим шрифтом начертано: «Автор П. А. Зеленко». Я решился начать с другой тетрадки, озаглавленной «Про любовь». Открыв первую страницу, я чуть не ахнул — на меня... глянули глаза!.. Они были нарисованы над стихотворением. Я стал листать следующие страницы, и со всех на меня взирали глаза!.. Причем не только сверху, но и внизу стихотворений, сбоку и даже между строк выглядывали. «Мистика какая-то», — подумалось мне. Заметив мое недоумение, старуха заговорила:

86 — Это-ть он так глазки рисуешь... Спрашиваю его: Петь, ты почто глазки стихам подрисовал-то?.. А он мне и говорит: это, дескать, душа моя смотрит. Чудной... А еще, бывало, как начнет разговаривать, а я и не пойму: то ль мне чо говорит, то ль сам с собой разговаривает?.. Да так чудно говорит, ну прям артист в кино!.. Да все какими-то учеными словами, да так складно, что и не разберу... — лицо старухи, до этого остававшееся в потемках, прояснилось и на губах обозначилось подобие улыбки. — А другой раз как задумается, так по цельному часу в потолок глядит... Будто буквы каки видит. А потом как вскочит и к столу! — вон где ты сидишь, сынок, — и давай писать... Пи-шить, пи-шить, а сам губами шепчет что-то... Ну прям, дите малое...

«Любовь» в стихах Зеленко была придуманной, пасторальной, написанной неумелой рукой и позамимствованной из песен и народных сказок. С жаркими поцелуями и объятьями непременно под березкой или рябинкой; с собиранием всякой растительности то на лугах, то во лесах, то по бережкам чистых речек. Почти во всех стихах пели соловьи, свистели соловушки и голосили жаворонки. Было и обилие садов, садилов и аллей парков, где обязательно цвели белые яблони и груши, и даже «кудрявый дуб», вокруг которого «девушки водили хоровод, поя лирические песни». А еще было много роз. Они росли и пахли не только в садах, садилах и на подоконниках, но даже там, где их невозможно представить: за околицей, на лугах и берегах речек:

*Мы встречались с тобой под березкой,
ярко розы у речки цвели...*

Попадали
кой-то Маш
ни цыган».
и даже при
аляповатост

Бр
по

Под каж
минанием
ми и часы:
нина ходила
Тетрадь
виг героя».
шел в недо
тать дальш

См
по
Та
ср

Как гер
и не сообщ
думал над
дошло, что
лагом Зеле
цлагеря. П
личия, я р
ее, перели
поэмы был
ли Смокот
на втором
последней
бежал из
и пал сме
бою, пото

Осталь
роям, арт
и Партии.
Только на
род». Не
лись мне:
ним свои
школы и
«Красаве
роход». Н
но утверд

Попадались и ромашки, рифмовавшиеся с какой-то Машкой и ей под окном «на гитаре пел песни цыган». Некоторые строки здорово позабавили и даже привели в умиление своей наивностью и аляповатостью:

*Брали с дерева веточки клена,
после нежно сплетали венки...*

Под каждым стихотворением стояла дата с упоминанием года, месяца и числа. А под некоторыми и часы: «1986 г. 2 апреля. 11 часов. Пока Антонина ходила в магазин».

Тетрадь «Про Родину» начиналась с поэмы «Подвиг героя». Уже по прочтении первых строк я пришел в недоумение и мне ужасно стало скучно читать дальше.

*Смертельно раненный солдат
попал в немецкий концлагерь.
Так оказался он в плену,
сражась за русскую страну...*

Как герой попал в плен? Подробности автор так и не сообщил ни в начале, ни в дальнейшем. Долго думал над словом «концлагерь», потом до меня дошло, что, видимо, по аналогии с ГУЛАГом и Сиблагом Зеленко изобрел свой вариант названия концлагеря. Прочитав еще пару страниц ради приличия, я решил ограничиться концовкой. Я нашел ее, перелистав добрую половину тетради. Конец поэмы был печальным. Герой (то ли Смокотин, то ли Смокотин — ударение регулярно менялось: то на втором слоге, то на французский манер — на последнем, в зависимости от рифмы), видимо, бежал из плена, совершил массу великих подвигов и пал смертью храбрых, «сражась» в неравном бою, потому что:

*Рыдали мать и генерал,
и на могиле реял флаг!*

Остальные стихи оказались посвящениями героям, артистам и выдающимся деятелям культуры и Партии. Одно было посвящено нашему городу. Только называлось оно почему-то «Беловский город». Некоторые строки в нем как-то приглянулись мне: «Нам город надобно беречь. Мы уплотним свои ряды, чтоб не изранила картечь больницы, школы и сады». А две строчки даже растрогали: «Красавец цинковый завод дымит трубой, как пароход». Кое-как осилив написанное, я окончательно утвердился в мысли, что у Зеленко — неокон-

ченное начальное образование, и понимание поэзии у него сведено к умению говорить в рифму и укладываться в размер. Мне стало грустно, словно я был виноват, что не нашел в стихах Зеленко таланта...

2

— А вот сам Петр идет...

За окошком промелькнула тень, послышалось шарканье ног на крыльце, отворилась дверь и в комнату вошел Зеленко: щупленький, невысокого роста, в резиновых литых сапогах, в коричневой фуфайке и в шляпе, из-под которой торчали рыжие бакенбарды. Под мышкой он держал продолговатый ящичек.

— Возрадуйся, Антонина! — звонким бабьим голосом с порога заговорил он, — Я тебе, как обещал, ящик под рассаду сладил!.. — Поставив ящик у кровати, он разулся и стал расстегивать фуфайку. Лишь повернувшись к вешалке, он увидел меня...

— Ага!.. — воскликнул он и вдруг замолчал, растерянно глядя на меня и на свои раскрытые тетради. Зеленко заволновался: губы зашевелились, глаза начали часто моргать. Задрожали и руки. Одной он судорожно продолжал расстегивать пуговицы, а другой суетливо и нервно следом застегивал их... Наконец он все-таки разоблачился и, ни слова не говоря, юркнул в соседнюю комнату.

— Ишь, заволновался-то как... — заворковала старуха, — каждый день писем ждет, ждет... А никто не пишет... — протяжно вздохнув, глядя задумчиво в сторону, добавила. — В газетах-то все умные люди пишут... С дипломами... А у Пети-то и нет грамотки никакой... Разве ж возьмут?.. Да и тюремщик он... Разве ж можно тюремщику-то в газету?.. — махнув рукой, старуха, горестно вздохнув, умолкла.

Спустя минуты три вышел Зеленко в чистой рубашке, приглаженный и причесанный, и сел за стол напротив. На вид ему можно было дать не больше 45 лет, и он скорее годился в сыновья старухе. Передо мной сидел довольно бодрый человечек с круглым личиком, со слегка порозовевшими щеками, по-детски вздернутым носиком и пухленькими губками. Лишь у глаз, которые оставались слегка прищуренными, и у кончиков губ — еле заметные морщинки. Это было скорее лицо подростка, словно перенесенное сразу в пожилой возраст, минуя зрелые годы. Волосы у Зеленко были светлыми и реденькими, сквозь них проглядывали крупные залысины. Но главным украшением были бакенбар-

ды! Неожиданно огненно-рыжие, пышные, опускавшиеся до самого подбородка!.. То ли эта детскость в лице, то ли лысоватость, но бакенбарды не принесли лицу Зеленко мужества и вдохновенного вида, как, наверно, хотелось. Было что-то крикливое, по-петушиному задиристое и вызывающее в лице его с этими бакенбардами. Они, как генеральские пуговицы на гимнастерке новобранца, смотрелись слишком вычурно и не по уставу.

Видя, что я молча продолжаю разглядывать его, Зеленко опять начал волноваться. Заерзал беспокойно на стуле, брови его то удивленно взлетали вверх, то обреченно падали к переносице, губы зашевелились, а глаза беспомощно забегали по сторонам. Заволновались и руки: правая начала отбивать нервную дробь пальцами, а левая, как бы сама по себе, начала искать пристанища. Она то бессильно ложилась на стол, и тогда Зеленко смотрел на нее с недоумением, не понимая, зачем она здесь, то ныряла под стол, то пряталась в кармане брюк, наконец она юркнула за спину и Зеленко прижал ее телом к стене, чтобы она ненароком не выскочила и не совершила каких-нибудь глупостей.

— Да вы успокойтесь, — сказал я Зеленко.

Он замер, испуганно глядя на меня, а затем растерянность удалилась с лица его... На лице теперь появилась элегическая мечтательность; он слегка откинул голову назад, наклонил ее чуть вправо, а затем начал преображаться...

Я специально подробно описываю его внешность и переходы настроения, внезапные, со всей гаммой переживаний в мимике и жестах. Мне он показался очень забавным и странным человеком, и я только удивлялся, как он сумел выжить и сохраниться среди серого однообразия будничной жизни.

...Элегическая мечтательность сменилась холодной надменностью. На меня глядел уже не жалкий растерянный человек, суеющий и волнующийся, а некий барин, аристократ, утомленный бесконечным вниманием света. Во внешности и в позе обнаружились и нега, и грациозность, и даже спесивость. Поглядывая на меня как бы свысока, он с достоинством, лениво и очень внятно представился: «Зеленко Петр Акимович, советский поэт». Сглотнув остатки волнения в горле, он буквально изумил меня следующим: «Позвольте спросить вас, с кем имею честь?..»

От неожиданности я растерялся и, невольно подражая ему, слегка заикаясь, назвался, сообщив, что «я — литературный консультант из газеты, прибыл с визитом по поводу его письма».

— Значит, консультант... Так... так... — продолжал играть роль барина Зеленко. — Почему же так поздно прибыли, товарищ консультант?.. Пять месяцев назад я отправил в вашу газету два письма со стихами, а вы только сейчас надумали приехать. Вы всегда так работаете с авторами?

Видимо, он наивно полагал, что буквально следом должны примчаться курьеры или полномочные представители, чтоб вести с ним, автором, конфиденциальные переговоры по условиям публикаций его «творений» и обсуждать размер гонорара. О каких письмах он говорил, я не знал. Может, он и отправлял в нашу редакцию стихи, но мне их не показывали. Скорее, в отделе писем, прочитав его чепуху, решили не беспокоить меня и отправили стихи Зеленко в корзину или, в лучшем случае, списали в архив.

— Ваших писем в редакцию я не видел. Возможно, их списали в архив, — при слове «архив» Зеленко чуть вздрогнул и несколько приободрился, — а прибыл я к вам по другому письму, отправленному вами в Москву на имя Генерального Секретаря...

— Как вам?! — спросил Зеленко, придя в страшное изумление. — Почему вам?! Как мое письмо оказалось у вас?.. Неужели вам доверили?.. — последнее он произнес почти шепотом, продолжая делать круглые глаза.

Кажется, он всерьез думал, что к нему должны прибыть никак не меньше, чем председатель правления Союза писателей страны или, на крайний случай, секретарь обкома по идеологии.

— Видите ли, — начал я успокаивать Зеленко и возвращать на место, — в ЦК работают очень занятые люди, и такие письма, как ваше, приходят тысячами каждый день. Не могут они отвечать по каждому письму. Физически невозможно... Вам сделано исключение: письмо переправлено в нашу редакцию, и нас попросили поговорить с вами относительно ваших стихотворений...

— Так я и знал!.. Стихи не понравились... — трагическим голосом произнес Зеленко и разом обмяк, лицо внезапно состарилось, и он стал выглядеть даже старше своих лет. — Неужели я что не так написал?.. Неправильные идеи выдвинул или политические акценты не там поставил?.. Я же за страну стараюсь. За сохранение мира на земле борюсь... — в задумчивости то ли меня, то ли себя вопрошал упавший духом Зеленко.

— Скорее не акценты, Петр Акимович, а удадения... Стихи еще сырые и требуют серьезной доработки... Да и с русским языком вы не очень-то в ладах: много ошибок, много неграмотных

оборотов речи...
тесь сказать од...
ное и, извините

— Да что ж...
вдруг оживший

— Чуть ли не...
давно стали пи...
стихосложении...
деете, отсюда и

— Не верю...
мои о главном...
пять лет пишу...
правильные... и

«Нет, его не...
дой подумало...
стихи, отправл...

— Значит...
шо! — развер...
уса решил под...
дую строчку...
Вы пишете: За...
Нет такого сл...
ударением на...
грамотно, как...
мер другой...

— Вот, вы...
му... А народ...
Все равно же...
осекся и, сле...
извольный на...

— Народ...
поскольку не...
ский язык и н...

— А у Пу...
музыка. Напе...
ворит, что это...
начал осажива...

— Во вре...
койным, стал...
новое в обих...
Я не был увер...
становления...
рей, на чутье...
языка допуск...
в слове «му...
ный эволюци...
ются, меняю...

Кажется...
объяснил ем...
меня недове...
эволюционн...
чал выдвигат...
крытия в обл...

оборотов речи, смысловых неточностей... Пытайтесь сказать одно, а получается другое, непонятное и, извините, даже нелепое...

— Да что ж там непонятного-то?! — прервал вдруг оживший Зеленко.

— Чуть ли не в каждой строчке!.. Вы, верно, недавно стали писать и многое еще не понимаете в стихосложении, Петр Акимович. Письмом вы не владеете, отсюда и неумение грамотно выстроить речь...

— Не верю я вам, товарищ консультант!.. Стихи мои о главном говорят, а вы этого не видите... Я уже пять лет пишу, и люди говорят, что они хорошие и правильные... И им все понятно, о чем я пишу!..

«Нет, его не так-то просто убедить!» — с досадой подумалось мне, и я достал из кармана его стихи, отправленные в Кремль.

— Значит, вы не верите мне на слово?.. Хорошо! — развернув листки, я с дотошностью нотариуса решил подвергнуть критическому анализу каждую строчку. — Вот первое ваше стихотворение. Вы пишете: За Москву, за Москву я отдам голову. Нет такого слова «голову»! Правильно — голову с ударением на первом слоге!.. Если слово читать грамотно, как надо, то уже и рифмы нет, и размер другой...

— Вот, вы и читайте по-вашему, по-грамотному... А народ прочтет по-своему, как написано. Все равно же понятно, что голова, а не... — тут он осекся и, слегка смутившись, покраснел за произвольный намек, который чуть не высказал вслух.

— Народ, конечно, поймет, но будет смеяться, поскольку неграмотно... Надо все же уважать русский язык и не коверкать слова в угоду рифме!..

— А у Пушкина, между прочим, есть музыка и музыка. Напечатано, между прочим! И никто не говорит, что это неграмотно! — с некоторым ехидством начал осаживать меня Зеленко новым доводом.

— Во времена Пушкина, — стараясь быть спокойным, стал я убеждать его, — это слово было новое в обиходе, с неустоявшимся ударением. — Я не был уверен в правильности трактовки истории становления слова и полагался не на знания, а, скорей, на чутье и логику. — ...Нормы литературного языка допускали в то время плавающее ударение в слове «музыка»... А затем, есть и закономерный эволюционный процесс в языке: слова меняются, меняются и ударения... Понятно вам?..

Кажется, я слишком по-казенному, мудрено объяснил ему, так как он продолжал смотреть на меня недоверчиво и подозрительно. Признав, что эволюционный процесс происходит, он тут же начал выдвигать свои версии и претендовать на открытия в области лингвистики.

— Вот ведь «музыка» стала «музыкой», а почему «голове» не может стать «голову»? А потому, товарищ консультант, если бы так сказал какой-нибудь знаменитый поэт, то все бы сказали, что это правильно. Мол, идет процесс. А коль скажу я, то вы сразу на дыбы!.. Неграмотно, мол! Слова коверкает!.. А может, я уже начал процесс эволюции?!

Я оказался в затруднительном положении от его логики и почувствовал, что исчерпал все аргументы, и не знал, как еще убедить его в ошибочности выдвигаемых им версий.

— Да не будет этого!.. Со словом «голова» процесс давно уже закончился!.. Даже если знаменитость, лауреат Нобелевской премии напишет, как вы, его тут же освистят и опозорят!.. Черт с ним, с этим ударением! Послушайте, что вы пишете дальше: а коль надо и сердце отдам!.. Вы уже голову отдали, как вы можете затем сердце отдать?.. Посмотрели, значит, ага! — головы мало, нате еще сердце вдобавок!.. Разве ж такое возможно? Так ведь по частям можно себя отдавать. Посмотрели, что головы мало — берите руку, ногу, тазобедренный сустав!.. Ведь так получается!.. А это же — нонсенс, бессмыслица!..

— Есть смысл, — спокойно заговорил Зеленко, — вы не поняли мой образ, товарищ консультант. «Сердце» — это образ моей поэзии, души!.. Видя мою растерянность, Зеленко воодушевился, и глаза его засверкали торжеством победы. Теперь уже он владел инициативой и представал учителем, распекающим незадачливого ученика.

В некотором замешательстве от его напора я машинально перевел взгляд на раскрытые тетради и мне показалось, что нарисованные глаза смотрят на меня снисходительно и насмешливо. Будто глаза богов, наблюдающих за моими тщетными попытками постигнуть их суть... А Зеленко между тем продолжал:

— Это вы, товарищ консультант, не видите образа, а другие обязательно заметят и скажут: Зеленко прав... Стоит только напечатать, и люди поймут, что сердце — образ, и догадаются, о чем речь!..

— С чего вы взяли, что они непременно должны понять?! Ведь ваш образ никак не проявлен!.. Ни намеками, ни другими словами! Нет этого ни в начале, ни в дальнейших строчках!.. Ваше «сердце» остается обычным... функциональным органом, и люди даже не заподозрят, что это образ... Символ, да еще поэзии!.. Нельзя в такой теме, как Родина, допускать подобные ляпы!

Зеленко не собирался сдаваться и стал с горячностью отстаивать свои «нетленные» строки. Са-

мым весомым доводом было следующее: «А вы вот напечатайте, и читатели скажут: прав я или нет!»

— Не печатают в таком виде стихи даже в стенгазетах!.. Тут же одни нелепости и... газетная риторика!.. Вы послушайте только, что дальше пишете: над красной Родиной флаг висит теперь не просто так!.. Что за инверсия? Глупость корявая, а не инверсия!.. Почему у вас Родина красная, а не флаг?! И почему он у вас висит?.. Тряпка может висеть, сосулька, но не флаг! А флаг — символ державы! Он должен реять, трепетать на ветру!..

— А если ветра нет?..

От неожиданности я опешил и растерянно заморгал глазами: действительно, почему бы и нет?.. Нет ветра — и флаг висит, будь он хоть над горисполкомом, хоть над Кремлем... Я вдруг почувствовал, что начинаю мысленно соглашаться с Зеленко, и мне стали видаться его строки вполне логичными и даже оригинальными, с глубоким смыслом, который я не в состоянии пока постигнуть... Зеленко с упорной настойчивостью продолжал наседавать на меня. И чем больше он говорил, тем сильнее входил в азарт:

— Когда в стране солнечно и безветренно, то флаг висит. Зачем ему трепетать, коль нет надобности?.. Вот если ветер начнется, то есть враги на нашу Родину полезут, то флаг затрепещет, то есть будет призывать на борьбу!.. Вы опять не поняли моего образа, товарищ консультант. А что красная Родина, так она на картах красным и розовым цветом искрашена... И вообще... мне кажется, что вы неправильно разговариваете о поэзии!.. Вы просто не хотите меня печатать и придумываете всякие отговорки!.. И я знаю, почему. Вы боитесь чужого таланта!.. Вы боитесь, как бы он не помешал вам!.. Потому что когда появятся мои стихи в газете — ваших статей и стихов никто читать не станет!..

С трудом выйдя из минутного оцепенения, я тупо взглянул на вконец распалившегося Зеленко. Он пребывал в праведном гневе и торжествовал!.. Теперь это уже был не барин, нет — пламенный трибун! Оратор, которому доверили выступить с заключительным словом на партсъезде! С гордым видом, откинув назад голову, он метал пламенные изобличающие речи, размахивая в такт правой рукой! Своим звонким бабьим, переходящим на фальцет, голосом он буквально всверливал в мои уши амбициозные слова о своей исключительности и правоте. Глаза пылали торжествующим пламенем, бакенбарды взъерошились и стали походять на огненных злых петухов, готовых вот-вот сорваться с места и заклевать меня насмерть!

Внутри меня закипело, уже не сдерживаясь, глядя с ненавистью на его упоенное самомнением и непомерным тщеславием лицо, на его рыжие бакенбарды, благодаря чему он, видимо, вообразил себя Пушкиным, заговорил зло, резко, приподымаясь над столом:

— Да что вы о себе возомнили?! Черт с ней, с грамотой! — научитесь!.. Только есть вещи, которыми не научишься!.. Не купишь и не сколотишь на пилораме!.. С чего вы взяли, что вам непременно надо писать?! Кто вам внушил, что у вас есть талант?! Господь, что ли, приснился и подсказал?! — последнее я почти прорычал ему.

Кажется, я попал в цель. Барин исчез. Передо мной сидел внезапно осунувшийся, съжившийся, жалкий человек с пожилым сморщенным и растерянным лицом. Глаза беспокойно заморгали, губы беззвучно зашевелились, сияясь что-то сказать, а руки засуетились, ища себе места...

— Разве нет таланта? — упавшим глухим голосом спросил Зеленко. — У меня нет таланта...

Смысл сказанного мной, видимо, окончательно дошел до него. Брови удивленно поползли вверх, глаза округлились, а на лице появилось детское выражение испуга и беспомощности. На меня смотрел беззащитный ребенок, глубоко и несправедливо обиженный, у которого разом отобрали самое дорогое и единственное, что у него было... И вдруг... слезы хлынули из глаз, он заплакал. Буквально зарыдал, захлебываясь и вздрагивая всем телом от душившего его горя, не стесняясь слез, не закрываясь руками... Следом заревела молчавшая все время разговора старуха. Во мне как-то разом все перевернулось, обожгло жгучей щемящей болью и стало вдруг невыносимо стыдно за свои резкие слова. Из тетрадки уставились глаза, полные немого укора и осуждения. Утираясь концом платка, старуха плачущим голосом принялась жалобиться и причитать:

— ...никому-то не нуже-ен!.. Ой, господи!.. Пишет, пишет и все зря-я-я! И никому-то не надо!.. Да пошто люди пошли таки-и-и!.. Бессердечны-и-и! Сыночек, поговори ты со своим начальником... Да пусть возьмут в газету-у... Да хоть ма-а-аненький стишок... Хоть одну строченьку-у-у!.. Хоть одну букву-у-у!.. Ведь как он мается-то, сердешный-ый!.. Он же умрет с тоски-и-и... Он же руки на себя наложит-и-ит...

— Не смей, Антонина! — вдруг вскричал Зеленко. — Не смей унижаться! Не нужны нам подачки! — Он встал, скрестил на груди руки, и глаза запылали возмущенным благородством. — Обойдемся без вашей помощи, товарищ консуль-

тант! Я вам буду благодарен!.. Пусть голос задрожит, — пусть читать мои консультации как не понаблюдает, будет стыдно!

Я не знаю, что есть у печати таинственности... на попятную присылать...

— ...мне вать...

— Ничего, сможете поговорить!.. стану! Уже и заборач...

— Тогда объединенные приглашены верно, буд...

— Не надо поля ягоды...

Детское не ведало, час готов от газеты Зеленко. Как встать? Я молча просьбе р...

— Вот не пишете не ответят нитым пис...

— Ах, заговорил дет из-за бояться — Зеленко н...

— Спасибо бормотавдой, весь не замечал неожидан заблудился возвраща...

тант! Я вам все равно не верю! Я все равно назло вам буду писать!.. И народ про меня еще узнает!.. Пусть не сейчас, пусть через год, пусть... — голос задрожал и на глаза вновь навернулись слезы, — пусть после смерти, а люди узнают и будут читать мои стихи!.. И вы еще пожалеете, товарищ консультант, как хотели погубить поэта Зеленко, как не понимали моих стихов и ругали их... И вам будет стыдно...

Я не знал, что сказать в утешение и в оправдание. Надо было извиниться и утешить его, сказав, что есть у него отдельные строки и даже строфы с печатью таланта, но чувство своей правоты и убежденности... Как-то не хотелось вот так вдруг идти на попятную, и я ограничился тем, что предложил присылать на мое имя в редакцию его новые стихи:

— ...может, и получится что-нибудь опубликовать...

— Ничего у вас не получится. Вы все равно не сможете правильно понимать меня... — в Зеленко заговорил каприз. — И в газету вашу писать не стану! Уже писал, хватит!.. Я их лучше на столбах и заборах развешу!..

— Тогда приезжайте к нам на заседание литобъединения... Хотите, я вам заранее письмо с приглашением вышлю? Там будут наши поэты и вам, верно, будет интересно пообщаться с ними...

— Не нужны мне ваши поэты!.. Все вы одного поля ягода!..

Детское упрямство не контролировалось им и не ведало пределов. Глубоко обиженный, он сейчас готов был отвергать все предложения и даже от газеты «Правда», вздумайся ей печатать стихи Зеленко. Мне решительно ничего не оставалось, как встать и уйти, недоуменно пожимая плечами. Я молча оделся и уже на выходе вспомнил о просьбе редактора сказать, чтоб не писал в ЦК.

— Вот еще что... Петр Акимович, пожалуйста, не пишите больше в Кремль... Они все равно вам не ответят... Они не отвечают даже очень знаменитым писателям...

— Ах, вот вы чего боитесь! — уже злорадно заговорил Зеленко. — Вы боитесь, что вам попадет из-за меня!.. С работы снимут!.. Можете не бояться — не напишу!.. Живите себе спокойно! Зеленко не такой поэт, чтобы мстить!..

— Спасибо хоть на этом... — рассеянно пробормотав, я вышел за дверь. Очутившись за оградой, весь в растерянных мыслях, двинулся прочь, не замечая, что иду в другую сторону. Лишь когда неожиданно вышел на берег реки, я понял, что заблудился. Дальше дорог не было и надо было возвращаться назад, но вспомнив, что придется

проходить мимо дома Зеленко, и боясь, что вдруг он выглянет в окошко и, увидев меня, будет опять злорадствовать, я, чертыхаясь, стал пробираться вдоль берега, держась за заборы огородов...

К автобусной остановке я вышел обляпанный грязью, к тому же на брюки и полы пальто нацеплялась уйма репья и собачьих колючек. У лежащей близ лужи привел в порядок обувь и одежду; вскоре подошел автобус, и я поехал домой, всю дорогу думая о Зеленко...

3

Наутро я зашел к редактору и рассказал ему о встрече, после чего мы стали готовить «отчет о проведенной разъяснительной работе». В нем, в частности, сообщили: «...Зеленко П. А. занят общественно полезным трудом на пилораме. Пишет стихи, но они пока не представляют художественной ценности и публикации не подлежат...» Я убедил редактора вставить слово «пока» — мне казалось, что этим словом я даю надежду Зеленко, возможность стать настоящим поэтом. Затем мы поставили под отчетом свои росписи, а редактор скрепил их редакционной печатью, предварительно дав мне на нее дыхнуть, так как сам «вчера хватанул лишку, а народ в ЦК ушлый, нюх похлеще всякой собаки будет...»

На заседание литобъединения Зеленко не приехал, хотя я оповестил его заранее письмом с приглашением. Не попадались стихи на столбах и заборах...

Спустя полтора года, когда я уже и думать забыл о Зеленко, на мое имя в редакцию пришло письмо. В обратном адресе значился только один город: Воркута. Вскрыв конверт, я вынул номер многотиражной газеты «Труд шахтера» объединения «Воркутауголь». Как все многотиражки, «Труд шахтера» был двухполосным, с тиражом 1000 экземпляров. На второй полосе, в правом нижнем углу, под рубрикой «Творчество наших читателей» я обнаружил стихотворение. Называлось оно «В угольном забое». Внизу стихотворения указывалось имя автора: Петр Зеленко, зольщик котельной.

Нету неба надо мною, —
Это я сижу в забое...
Ловко уголь от породы
Отделяет молоток.
Среди тысячи народа
Я обратно одинок...
Я работаю в забое,
Грусть душевную тая...

Я б страну закрыл собою, —
Никому не нужен я.
Снова вижу, как в газете
Сообщают буквы строк:
Нету мира на планете!... —
Выручай же, уголек!..
Выдаем стране мы в срок
Нашей шахты уголек!

Последние две строчки скорее всего принадлежали редактору многотиражки, озабоченному выполнением плана по углю шахтой. Они были зачеркнуты синей пастой и отсюда выходила стрелка, указывающая на чистое поле с края полосы, где помещались написанные от руки первоначальные, правильные, по мнению автора, строки:

*Принимай, родна земля,
сердце полное угля...*

Ниже печатными буквами следовало: «Исправленному верить. Автор П. Зеленко».

Стихотворение тронуло меня, и я представил Зеленко плачущим, с детским беззащитным лицом. Чувство непоправимой вины овладело мной. Я еще раз прочел стихотворение и уже готов был спорить с кем угодно, что стихи пронзительны и

талантливы, несмотря на очевидные шероховатости и наивность...

Захватив газетку, я направился в кабинет редактора.

— Помнишь ли ты Зеленко? — спросил я с порога.

— ...Не припоминаю что-то...

— Да который стихи Горбачеву отправлял?

— А-а... Теперь припоминаю... И что с ним? В Союз писателей вступил? На Госпремию выдвинули?

— Стихи опубликовали!.. Вот... — я протянул ему газету.

Редактор внимательно прочел, улыбнулся, а затем задумался, медленно постукивая карандашом.

— Н-да... Сердце полное угля... А ведь он прав!.. Вот что значит вера... — многозначительно, после небольшой паузы добавил редактор и вновь задумался, глядя в окно.

Редактор знал, что говорил. В свое время он тоже писал стихи и неплохие, пока его по комсомольской линии не направили на учебу в высшую партийную школу.

— Молодец он все-таки!.. Герой!.. — прервал молчание повеселевшим голосом редактор. — А мы подтвердим!.. Где тут у нас печать? Ага, вот она!.. Ну-ка, дыхни. Сейчас мы...»

И он уверенно и твердо опустил печать на «Исправленному верить»...

г. Белово

Екатери

ЗАП

Случ
рил ей б
настенн

— А
Дом! Зд

Счас
вала за
шей дев
ключиц
телось
довалас

Попу
зами по
рамы по
ному. Н

Край
Верони
заж с де
и тропи
Картин

— А
не беле

Веро

— Н

на шага
Тут-

Пона
Не уди
лась. Д
кроме
чи с да
стлива.

Она
дол сит
и отяж
мосту
желты
соножк
хи, ещ
Све

нула н
сошла
духе, и

Екатерина ДУБРО

ЗАПРЕДЕЛЬНАЯ ВСТРЕЧА

(Глава из сказочной повести
«Первая и последняя»)

Случилось это тем утром, когда Замок подарил ей белую розу. Проснулась и увидела. В углу настенного выступа. Растет и благоухает.

— Ах! — выдохнула Вероника. — Спасибо, Дом! Здравствуй, белое чудо! Живи подольше.

Счастливая, прошла по залам, позаглядывала за шторы в поисках Печали — постаревшей девочки в прозрачном платье на тонких ключицах и хрупкой, как елочная игрушка. Хотелось показать ей розу: улыбнулась бы, порадовалась. Но не повстречались.

Попутно зашла в Картинную Галерею. Глазами поздоровалась с господином в тюрбане (без рамы полотно) и прошла к окну, полузашторенному. Нет, девочка Печаль не скрывалась и там.

Крайняя от окна картина была та, к которой Веронику влекло. И чем? Скромный летний пейзаж с деревянным мостком через небольшой пруд и тропинкой в заросли — заброшенного сада? Картина забытого воспоминания.

— А что там белеет за деревьями? Раньше не белело ничего.

Вероника приблизилась к картине вплотную.

— Нет, и сейчас ничего. Или?... — Отступила на шага три, продолжая вглядываться.

Тут-то и случилось.

Поначалу, однако, как бы и не случилось. Не удивилась, не встревожилась, не испугалась. Даже не поняла происшедшего. Ничего, кроме легкого волнения в предчувствии встречи с давно покинутыми местами, где была счастлива.

Она шла по росной траве, придерживая подол ситцевого цветастого платья, но он вымок и отяжелел; в босоножки набилась трава. На мосту у пруда, тоже заросшего и тихого, в желтых кувшинках, Вероника расстегнула босоножки и вытряхнула траву на замшелые плахи, еще не прогретые восходящим солнцем.

Свежо было, знобко. Вероника потуже стянула на плечах розовую кружевную косынку и сошла с моста на дорогу. Стрижи носились в воздухе, и птичьим гомоном встречала Веронику

роща. Сомкнула над нею ветви, дохнула терпко и повела. До поляны.

Кружилась голова, учащенно билось сердце. Пришлось присесть в то разноцветье, переждать телесную слабость. И обрадоваться:

— Кукушкины слезки! Колокольчики!

Трогала их. Порхали бабочки, а одна, рыжая, опустилась на Вероникино ситцевое колено, сложила трепетные крылышки — Вероника замерла.

— Да, но идти же надо?

Не успокоила поляна, опять остановиться пришлось, когда деревья внезапно расступились и взору предстал вдалеке на всхолмье белый двухэтажный особняк под красной — черепичной? — крышей, с белокаменной широкой лестницей в луг. На лугу паслась лошадь, и Вероникино сердце дрогнуло:

— Лошадь!

Тропа здесь раздваивалась — к особняку вела и поближе, налево, к беседке, белевшей под черепичным же куполом. Туда и свернула Вероника — вновь переживать взволнованность.

— Но чем?

Потому и колотилось так сердце, что она его не понимала.

Беседкой оканчивался луг, в низине текла река, глинистый берег круто обрывался ветхой деревянной лестницей с перилами. Все знакомое...

В беседке на круглом низком столе, с краю, стоял глиняный обливной кувшин, покрытый перевернутой кружкой, такой же, а посередине — ваза с синими цветами. Да с какими — с Вероникой дубравной! Тайным приветом. Как если бы здесь только что прибрано ко встрече.

Вероника опустилась в соломенное кресло-качалку и не выжидала уже, а ждала, потому что ясно: она позвана и ожидаема.

Ждала, да проглядела появление этого человека.

— Царевна, приветствую вас. Нет, нет, сидите! — поклонившись, человек опустился во вторую качалку.

— Доброе утро, — отозвалась Вероника. — Здравствуйте. Как называть вас?

— С вашего позволения, представлюсь позже.

Человек внешности броской, ибо высок, статен, красив, смел взглядом, уверенными жестами. Смуглый, черные густые волосы. Одет празднично — в черные брюки и шелковую белую сорочку-апах с оборчатыми манжетами. Как

если бы еще с вечера, из гостей возвращается поутру. На первый взгляд, молод, но со взгляда второго уже не утвердила бы, какого он возраста. Переменчивость во впечатлении столь явствовала, что Веронику это и отвлекло, и успокоило. Под усмешливый комментарий красавца:

— Ах да, обычный исследовательский интерес.

— Вы так осведомлены обо мне? — спросила Вероника. — Впрочем, простите, что разглядываю вас.

— Я тоже разглядываю вас.

А вот голосом слабоват, не по внешности. Такой голос у мужчин наводил Веронику на предположение о двойственности, скрытности натуры и, возможно, жестокости.

И вот сидят, помалкивают. Вероника уже заглядывала на реку в бегучем солнечном блеске, на лес за рекой. А лошади на лугу уже нет.

— Вы помните эти места, Царевна?

— Припоминаю, но не помню.

— Здесь вам некогда было хорошо. Вы жили в этой усадьбе. В этой беседке любили читать серьезные старинные книги и ждать встреч с тем, кто любил вас.

— А я?! — спросила молча. Подумалось обеспокоенно: не его ли ждала здесь? И незнакомец усмехнулся. Значит, ее мысли читаются? Этого еще не хватало! Или только которые с заинтересованностью? Надо проскальзывать помыслom. И «проскользила», думая это. Что надо держаться настороже, замкнувшись в спокойствии.

Незнакомец, наверное, может притвориться, но связь между ними уже установилась, и все заметно. Уловил же ее предосторожность и поменялся в обращении. Уже не ожидая ее вопросов, спросил:

— Вас уже не интересует мое имя?

Она повела плечом.

— И встречались ли мы с вами раньше — тоже?

Молча глядела на него.

— Вы успели позавтракать?

— Нет.

А мигom позже сердце дернулось в ожог: она вспомнила! Взрывным вопросом задетая, не «проскользила» в мыслях, и незнакомец опять усмехнулся при взгляде жестком и оценивающем.

Вот когда только вспомнила она все свое, предшествующее прогулке сюда! — Замок в Горах, картину. Сообразила, что произошло нечто чрезвычайное, чего не понимает и, в отличие от прежних ЧП, в которых удавалось сохраниваться, нынешнее вынесло ее за пределы

Замка и исход непредсказуем, а правила чужой игры неизвестны — и, стало быть, опасно. Вернется ли в Замок?!

Или задремала перед картиной? Садилась там на банкетку, нет? Может быть, снится это?

— Нет, не снится, — сказал незнакомец.

«Опять раскрыта, читает меня, — подумала. — Спohватись, сударыня, роскошь переполощенных чувств оставь для другого случая». Поднялась с качалки, вытянула из вазы влажный цветочный стебель и прислонилась к решетке, которой вкруговую забраны проемы между опорными круглыми стойками. Разглядывала простенькую красоту синих цветков, дорогих с детства — ее именинных! — а в замковом заточении уже не виденных.

— Ваши опасения, Царевна, не лишены оснований.

— Какие опасения?

— Касаемо возвращения в Замок. Вы угодили в пространственно-временной разлом.

— В другое измерение?

Он смолчал.

— Не на промельк ли этой вашей рубахи я столь опрометчиво задержалась у картины?

— Да.

— Тогда слушаю вас, сударь, — сказала она и вернула стебель в вазу, но осталась стоять, сцепив руки и, конечно же, светом одетая: наконец «зашторилась» и свечу в себе зажгла — ровное пламечко.

— Это наивно, Царевна, — усмешливо прокомментировал ее световые старания незнакомец. — Но, в самом деле, ближе к делу. Как я сказал, в этом особняке вы жили, и он ваш по-прежнему. Не желаете ли перенести разговор туда? Здесь скоро поджаримся.

— Нет, спасибо.

— А позавтракать? Я тоже голоден. Можно и здесь. Пожалуйста. — Возник столик с судками и едой под накрахмаленными салфетками. Незнакомец сдернул салфетки. — Прощу вас, Царевна.

— Спасибо, не хочется.

— Если вы опасаетесь за свою жизнь или сознание, извольте знать, что меня вы интересуете в натуральном состоянии — живой и сознательной по-своему, а не по внушению извне.

— Однако вы не пришли в мой Замок, а обманом и, значит, насильственно похитили меня оттуда.

Незнакомец вознедоумевал:

— Будьте точны, Царевна. Обман вашего

зрения и линия пространственного разлома, проходящая через ваш Замок, — при чем я? — И сделал жест к обеденному столу.

— Спасибо, не хочется. А вы завтракайте, я отвернусь, приятного аппетита, — но подумала, что отворачиваться нельзя. — Нет, прогуляюсь. Не возражаете?

— Возражаю, — отказал он, и столик исчез.

— Напрасно, — сказала она. — Мне-то и правда не хочется, не завтракаю я.

— Итак, о деле, — заговорил незнакомец. — Извините, не представился. Потому что имен у меня много. Выберу, пожалуй, такое: Тис Укси. Несколько экзотическое, зато...

— Зато определенное, — закончила Вероника. — Имя-перевертыш.

— Реакция у вас хорошая, Царевна.

— Благодарю за комплимент.

— Благом вы меня одарите, когда договоримся о сотрудничестве.

— С тем, кто ИСКУСИТ? В чем же?

— А выяснится по ходу дела.

— Дела?

— Беседа тоже дело, не так ли?

— Так. Размен чувств и мыслей на словах, по Далю. А еще: в хорошей беседе ума набраться, в худой свой растерять.

— Постараемся разменять с прибылью? Мне поручено войти с вами в прямой контакт и предложить на выбор несколько вариантов сотрудничества. Если понадобится, с наглядными примерами.

— Кем поручено?

— Кому служу.

— А кому вы служите? Не втемную же мне беседовать.

— А не при свечке разве? — сыронизировал собеседник.

— Ответ засчитывается, — согласилась Вероника. — Разумеется, при свечке, сударь. Авось разгляжу. Слушаю вас.

— Звучит, как музыка: «Слушаю вас».

— Вы лирик?

— Я прагматик. Как и вы. На что и рассчитываю.

— На что, на что?

— На ваш разум. На что еще человеку надеяться?

— Из Троицы вычленяете одно?

— А что вам она? Триада — это три ада. Тогда один — уже рай!

— Шутка забавная, но, правда, ближе к делу. Что мне предлагается? И в обмен на что?

— Боюсь, огорчу вас, но речь не об обмене.

— Вы хотите сказать, если не выберу ни одно из ваших предложений, на возвращение в Замок могу не рассчитывать?

— Туда вы в любом случае не вернетесь.

— И говорите о сотрудничестве?! Шутники, в самом деле.

— Как будто в Замке вы дома! Тоже в плену. Здесь же вы действительно дома. Разумеется, со скидкой на условность этого понятия, как и любого вообще. Особняк со всеми удобствами, с библиотекой, роялем, фонотекой. Чуть не забыл — с конюшней! С маленькой — видите мансарду под куполом? — обсерваторией. С радиосвязью и прислугой. В свободе личного передвижения в пространствах ограничений не будет.

— И все это тоже в любом случае?

— Нет, в случае сотрудничества с нами.

— С кем?

— С сильными мира сего.

— Чему обязана их выбором?

— Силе своего духа, умению жить в одиночку, мощной энергетике, с которой не умеете обращаться. Жизнь вхолостую — это разумно? Ни богу свечка, ни черту кочерга. Есть такая поговорка у Дали?

— Есть. А на что направлены ваши усилия?

— На улучшение мира. Вы против улучшения?

— Я за самоулучшение каждой разумной особи. А мир не мною создан, не мне и переделывать его.

— Вы тоже созданы, во-первых. Во-вторых, изменяясь, изменяете и мир. Где логика вашего протеста?

— Логически можно что угодно обосновать и опровергнуть. Сударь, конкретнее.

— В общих словах, это концентрация психической энергии в целях всевозможного воздействия на сознание человека и любое общество, а также подготовка к переходу в иные миры.

— Зачем?

— Нет предела познанию, а пределы земные есть. Наша планета в опасности, знаете? Человечество вынуждено будет покинуть ее. Но вряд ли успеет. Успеет — часть. По-вашему, нет смысла хотя бы частично сохранить человечеству?

— Как биологическому виду?

— Уж наверное, не только как виду, если отборным его экземплярам удастся преодолеть земное тяготение.

— Насколько я знаю, оно и сейчас обладает космическими кораблями.

— Под земным тяготением я подразумеваю все планетарные механические законы, цепящиеся материю.

— Какими же качествами должны обладать отборные части?

— Вашими тоже.

— Правда? — изумилась Вероника. — Измучили планету, загадили, отравили и драпака зададим? Отборными частями!

— Оригинально выражаетесь, Царевна.

— А какими средствами, сударь? Например, для меня из безусловных вещей первостепенная эта — никакой благой целью не оправдываются безнравственные средства к ее достижению.

— Это наивно. На любом примере вы убедитесь в условности такого принципа. Но что еще вам кажется безусловным?

Но вдруг утомление пало на Веронику. А может быть, напряжение отпустило. Или утратился интерес. Она села в качалку и замолчала. Что за выяснения, в самом деле, какая срочность, если все равно оставаться здесь? Успевается поговорить.

Такая перемена в Веронике ее собеседником... не предусматривалась, он прищурился, обдумывая иное направление беседы.

А Вероника увидела на подоле былинку, сняла ее и покачивалась теперь в кресле с нею в зубах. Хорошо, в длинном платье сегодня. И что лаз в Замке открыт с вечера из-за Кота-гулены, не возвращающегося уже три дня. И что в больничке нет зверья.

— Экие пустяки у вас на уме, Царевна. В такой час!

— В какой? — заставила себя спросить, почти дремотная. То есть уже из своей тишины.

— В решающий, — ответил... кто?

— Можно называть Тисом? Ничего звучит?

— Как вам угодно, Царевна. Вам отдохнуть, может быть? Удаюсь.

— Как вам угодно, Тис.

— Мне угодно договориться с вами.

— Шутить изволите? Какие договоры? Не на равных мы. Кстати, уточните, а если не «договоримся», что ожидает меня? Уничтожение?

— Не знаю. Но страдания энергетичны, тоже подпитка кое-кому от вас. В Замке есть подземелье и трансфизические разломы, в этом особняке тоже можно провалиться сквозь пол.

— Ясненько. Что дело темное, — вразяжку произнесла Вероника, смежая веки. Тьма под

ними завспыхивала — ух ты, световой фейерверк. Но погас, и по центру высветился ярко-зеленый овал. Напомнивший о таком же, по цвету и форме, камне на тюрбане старика с картины в Замке. Под птичий щебет, пчелиное жужжание поблизости...

А когда открыла глаза, увидела другого человека. Тиса, да, но без прежней надменности во взгляде. Смотрел на нее озабоченный, усталый человек, даже подосунул, что особенно подчеркивалось яркой белизной нарядной сорочки. Сказала:

— Вот вам, действительно, не мешает отдохнуть.

Нервно дернувшаяся Тисова щека подтвердила: да, перемены.

— Тис, правда, идите и сосните час-другой. Не убегу. Не знаю же, куда. И лошади уже нет, не ускачу. Да и не провалиться бы в другое пространство. — (Говорила под немигающим взглядом своего визави.) — На поляну схожу, ягодкой полакомлюсь. Съедобная здесь ягода?

— Съедобная, — ответил он, голосом тоже изменившимся: подсел, огрубел.

В тот же миг на столе возле Вероники рдела горка крупной земляники в расписной деревянной чашке.

— О, благодарствую. Знай-де наших? То есть ваших, да? И правда, съедобно. А вы?

Он покачал головой.

И вот она лакомится земляникой, а он, наблюдающий, покачивается в кресле, обхватив руками одно колено. Осваивает перемену в ее состоянии: не напряжена, не бдит, не боится, не горюет. Даже повеселела и не без подыгрыша. Надкусила ягодку и спрашивает:

— Уже искус начался? А запугиванье кончилось?

— Сударыня, вы утрачиваете чувство реальности.

— Сколько вам лет, Тис?

— Много.

— И мне много.

— Вы молоды и хороши.

— Мерси. В холоде стареется медленнее?

А какие температуры в здешнем подземелье?

— Вы хотите сказать, что отказываетесь от сотрудничества с нами? — спросил Тис.

— Судя по всему, да.

— Слишком общо говорилось, чтобы судить обо всем.

— Но достаточно для неприятия. Более чем. Насилия не приемлю ни в каком виде, безус-

ловно и принципиально. Нет сотрудничества на таких условиях. Наверное, и между собой у вас не оно.

— Не признаете иерархию как принцип?

— Чего?

— Все иерархично. Закон эволюции.

— Признаю, — ответила Вероника.

— Не признаете революционного пути? Тоже законный способ продвижения.

— Куда? — но таким тоном спросилось, что ясно: никуда. Исправляясь, уточнила: — Я не революционерка. И стало быть, поплачусь за инакомыслие? Сильным мира сего слабо допустить инакомыслие в слабых мира сего? Или нет, они боятся тех, кто не от мира сего, да?

— Царевна, мне нужен второй. Мне партнера не хватает так же, как и вам. Соратника. Вам не с кем осуществиться по способностям. Даже поговорить по интересам не с кем. Предлагаю партнерство.

Веронике ответить бы, но опять втянутся в диспут, поэтому лишь поблагодарила:

— Спасибо. — (И опять дернулась Тисова щека.) — Однако! — сказала. — Жа-ра.

Поднялась с качалки пристраивать на ромбиках штакетниковой крашеной решетки кружевную косынку, и та распростерлась над качалкой большой розовой бабочкой.

— Ну уж, — устало отозвался Тис, и солнце в мига три—четыре попригасло за вдруг набрякшими среди ясного неба тучами, а с реки повеяло свежестью.

— Даже так? Благодарствую, сударь.

Покачивалась она теперь в креслице, обхватив одно колено руками. Заметив это, рассмеялась и убрала руки с колена.

— Уже и сидим одинаково! Пробный жест к партнерству?

Тис не улыбнулся.

— Только, — продолжала она, — мой жест справа, а ваш слева. Символика не просматривается?

— Сударыня, я жду ответа на свое предложение.

— Сотрудничество, партнерство — это все замечательно и чего бы лучше. Да не хватает мне этого. Увядаяю на корню! — (Вероника засмеялась.) — Но, сударь, должна основа этому быть, общие устремления. Разве в одну сторону мы с вами смотрим? Искуситель и я, безыскусная?

— Ой ли? Но у меня много имен, я сказал. А с вами мы одной стихии.

— Тис, а что у вас вдруг с голосом? Подсел.

— Зато мужественнее, не правда ли? — (И Вероника отметила это замечание, ведома Тису сия деталь ее наблюдений!) — Напился ледяной воды. — Он кивнул на кувшин. — Родниковой.

— Я не слышала.

— Вы и сейчас не слышите чего-то у себя за спиной.

— А что у меня за спиной?

— Оглянитесь, увидите.

— Не буду я оглядываться, — отказалась она, дрогнув-таки.

— Почему? С вашим-то опытом ужасов.

— А не хочу. Слабое же у вас горло, Тис. Южанин?

— Сударыня, мы не договорили. Я сделал вам предложение. Сильный мужчина с некоторыми, скажем так, способностями. Умной и сильной женщине, чьи дарования пропадают втуне. Чего вообще достичь в жизни, познать в одиночку? Даже обычных, повседневных радостей и удовольствий у вас нет. Но будут, если сейчас сделаете правильный выбор.

— А вы не допускаете того, что он уже давно сделан?

— Вынужденный.

— Не более чем тот, к какому вынуждаема сейчас.

— Но сейчас от него зависит ваша жизнь уже буквально: быть или не быть.

— Хорош партнер: или согласись, или умри. «Жизнь или кошелек!» Фи, сударь, фи.

Тис побледнел, не раскачивался уже. Потянулся к кувшину с водой:

— С вашего позволения, сударыня.

— И совсем осипнете.

Впрочем, к чему-то его новый голос взывал Веронику, цепляя, тревожа память.

— Вы когда-нибудь улыбаетесь, Тис?

— Сударыня, я понимаю, такие вопросы вряд ли разрешимы с лету. С вами, уточнил бы я. Поэтому вам предоставляется срок для окончательного решения. Сейчас жду от вас только согласия опробовать этот вариант.

Вероника хмыкнула.

— Вас формулировка покорила? Но поговариваете же: «Попытка не пытка».

— Так осведомлены, сударь?

— И более того.

— Что вы имеете в виду?

Тогда он поднялся с качалки, приблизился к Веронике и положил свою руку на грудь ей. Вероника руку отшвырнула, положил опять. Холодно спросила:

— Пробы начались? До согласия даже? Это тоже входит в предлагаемое партнерство?

Говорила, но уже догадывалась и, отшвыривая эту руку, рванулась встать. С силой удержанная этой же рукой, совсем уже ледяным голосом произнесла:

— Вы забываетесь, сударь!

— Зато опомнитесь вы, сударыня. — Тис наклонился к ней, в висок губами, и проговорил: — А теперь скажи мне: «Возненавижу!» — Резко отпустил ее, зардевшуюся, и отошел к выходу из беседки. Остался стоять там, затылком и спиной в прислоне к косяку одному, в другой упираясь ногами. Не входное пространство уже, а этакая буква «и».

«Расставим точки над «и», — машинально подумалось Веронике. Признаться, ошеломленной.

— Так это вы? — спросила.

— Кто — я?

— Не знаю.

— Но хотите знать?

— Разумеется.

— Узнавайте.

Возле него полыхнуло в воздухе красное пламя. А вообще свет точечной мошкаркой роился, куда ни глянь, — и белой, и черной. Закрyla глаза ладонью — та же искристая мошкара; но недолго — опять засветился по центру зеленый овал.

Эти руки и этот голос она знала по своим снам, и давно. А недавно, отбиваясь от объятий того, чьего лица не видела, яростно же и пообещала:

— Возненавижу! — как последнее средство защиты, смехотворное, конечно, однако и проверенное — на Спортсмене, въявь и во сне. Сперва во сне. А наяву посмеивалась:

— Изыди!

Наяву Спортсмен, со вздохом отстраняясь, вразумлял ее:

— Ну, и что бы тебе не заметить их? — (Его рук не заметить.) — Как «не замечают» другие женщины. «Ах, ах!» — но уже потом, и не в таких пустяках, как сейчас. Ну что бы и, правда, тебе не забыться на минутку? Разговариваем, внимание отвлечено. Уж крадусь, крадусь... Нет, заметила! — и поучал, как ведут себя в подобном положении настоящие женщины, нимало забавляя Веронику, преспокойную.

Но по расставании в его облике снился уже не только он, но и некто — в обликах разных, даже знакомых, однако с этими, спортсменовскими, порывами и жестами, — явно чужак,

вороватый и похотливый кот: молча поприкасался наскоро и исчез. Иногда не молча. На весь день и дольше оставалась испачканной, усматривая, согласно своим представлениям, причину сих приближений в себе самой, и расстраивалась, потому что причину эту не находила: не комплексовала телесно, вбодре и во сне не разохочивалась до излишеств, кои — все, в чем смысла нет. Да и смешно, наконец. Ежели со стороны-то взглянуть. Со стороны и смотрела.

Вероника открыла глаза — Тис опять сидел, покачивался.

— Виноват, — сказал, — но этим жестом сейчас я отвечал на ваш вопрос. С удовольствием, правда. — (Эта усмешка!)

— На какой вопрос?

— О моей осведомленности вас касаемо.

— И что с этого вам?

— Надежда.

— На что?

— А энергичное обещание возненавидеть?

Славненький росток возможного взаимопонимания, ежели за ним поухаживать. За ростком. Той самой общей основы, которую давеча вы отвергли начисто. «Возненавижу!» — это восхитительно.

— Мало ли что скажется.

— Но не во сне, и вы знаете это.

— Да. Но в ситуациях крайностных...

— Не лукавьте, Царевна.

— Не спешите, сударь, с выводами. — (Но зарделась: ничего себе подозреньице!) — У кого как, но у меня слов мало для определений. Поэтому к каждому своему выражению причувствываюсь, проверяю на точность, помотивно. Ненависти во мне нет, не надейтесь.

— Хоп, — согласился Тис. — Следовательно, и любви нет. Тоже неплохо.

— Что в любви понимает насильник?

— По-вашему не понимает, а по-своему что-нибудь да понимает.

— Ну да: насильник присваивает все, на что глаз положил, вплоть до уничтожения. А тот, кто... — но опять усталость внезапно объяла Веронику, губы и веки смыкались, мысль цепенела. И уснула бы она еще раньше, кабы теперь не опасалась этого больше всего.

— Я ни при чем, — уточнил Тис. — Простое переутомление. Перепад атмосфер.

— Тогда снимите его с меня.

Он молчал, и она прибавила, чуть ли не по слогам:

— Если только... ничем... не взыщется.

— Даже сейчас цель не оправдывает средства?

— Да, — веки сомкнулись: засыпала.
Но не заснула. Осталось впечатление, будто выкупалась в нежности — в сияющем океане дивно-сиреневого света. И прежде любовалась им, напивалась радостью, теперь же и освежилась сказочно.

— Спасибо, — сказала, век не размыкая. — Дышу озоном.

— Я ни при чем, — ответил Тис.

— А кто?

— Наверное, вы сами.

— И не я. Значит, вы и не шевельнулись, чтобы выполнить мою просьбу? И уснула бы? А тогда что?

— Ничего. Выспались бы и проснулись.

— А вы?

— Подождал бы.

— И все?

— А что еще, по-вашему? Мне выгодно не испортить отношений с вами.

— Чем?

— Не теряю надежды на наш союз.

— Вы с ума сошли, сударь.

— Главное, не сойти бы вам, сударыня.

— Хотя и не уснула я, но ощущение, будто сон вижу.

— В принципе, сон и есть. И здесь, и в Замке, и во сне. Напоминаю...

— Тис, я помню. Тоже порученный вам вариант — это ваше предложение?

— Нет, мое давнее желание. Повторяю: мы одной стихии. Не встречал еще такой женщины. Кроме той одной, давным-давно, в этих вот местах. Кого любил, но она меня не любила.

— И каковы же... последствия?

— Говорят, от любви до ненависти один шаг. Я сделал два шага: женщин возненавидел, но ее разыскал.

— Тогда же?

— Сейчас.

— Чтобы отомстить?

— Поначалу — да.

— А теперь?

— Мстить не хочу. Но и расставаться не хочу.

— Личные желания позволяют вам? Как обстоит с этим в вашей Иерархии? Вольно ли?

— Нет, не вольно. Но мы отвлеклись. Мое личное предложение, будучи принятым, убеждает вас на время. А там... Обстоятельства меняются.

— Но ответственность ляжет на вас?

— Да.

— А если не покорюсь, вас накажут?

— Да.

— Почему именно вам поручено?

— Потому что мы с вами связаны извечно.

— Изуверство, однако. Или вам предвкушалось самому привести «приговор» в исполнение? Та самая месть?

— Будет вам, Царевна. Касаемо же снов, хочу обратить ваше внимание на тот факт, что в тех пространствах у каждого из нас свое, скажем так, руководство, своя цензура, своя стража, а также феи и демоны. Помимо них не случается ничего. Это к тому я, чтобы вы не переоценивали моего... пронырства. Не очень-то пронырнешь.

— И стража неподкупная? — спросила Вероника.

— Ну-у... — Тис засмеялся, впервые, а она не видела, не открывала глаза.

— Значит, можно подкупить?

99 — Но тоже с ведома кого-нибудь из вашего личного персонала.

— На что же он подкупается?

— Во-первых, может ошибиться. Во-вторых, о чем я и хочу вас уведомить, Царевна, у него, вполне информированного о своем объекте, собственный выбор сподручных, выражусь так, средств. Образов в том числе, масок, которые и выбираются ими. Для своих задач в работе с нами — их объектами.

— Если я правильно поняла, вы в моих снах гостили на законных основаниях и вели себя там в рамках дозволенного?

— Да.

— Хорошенькое дело!

— Ваше мужское начало, сударыня, ваш внутренний мужчина — вот с кем вы имеете дело во сне. Все снящиеся вам мужчины — это он. Наяву тоже. Ревнивый, я бы сказал.

— А моя внутренняя женщина?

— О ней у меня предвзятое мнение, от высказываний воздержусь.

— Да уж, не лебедушка, — сказала Вероника.

— Ну, почему же, — заступился Тис за Вероникину «женщину».

— Ох, мои женщины противные. С мужчинами-то слажу, а с теми... А вам со своими хлопотно? В знакомстве? Если не секрет.

Тис долго молчал, но ответил-таки.

— Я не привык говорить о себе. И вообще говорить, а так много — подавно. Не живу столь растратно. Но случай особый, и скажу о своих «женщине» и «мужчине», что они не дружат. И пусть. Ваши глаза не отдохнули?

— Отдыхают. В таком, знаете ли, тумане сиреновом, светящемся, красоты неопишущей. Океан нежности. А вы этого сейчас не видите?

— Нет.

— Жаль. Но глаза не открываю, чтобы не возвращаться сюда. Играю в прятки. Открыть бы их, а я в Замке. В Голубом Зале принимаю вас гостем. Или нет, в Библиотеке: мое любимое место. Сидим, разговариваем о Книгах и... о качестве жизни. Своих мужчин и женщин пере-знакомили... Или молчим, — и замолчала, остановленная толчком мысли: а ведь впервые, пожалуй, в жизни ей так интересно разговари-вается!

Открыла глаза и увидела Тиса вновь другим.

Но этот Тис встретил ее улыбкой! Чуточной, мимолетной, в знак приветствия.

— С возвращением, Царевна. Увы, сюда же.

А она в ответ не улыбнулась, вновь толкну-тая — уже предчувствием. Неведомо чего, го-рестного. Ощущение несчастья охватило ее. И как побледнел он, увидела.

— Что с вами? — спросила.

— А что с вами? — спросил он. Она сказала:

— Я пройду. На полянку. Можно?

— Как вам угодно. Жду вас здесь.

— Спасибо, — она встала и пошатнулась. Он дернулся было поддержать, она жестом остано-новила порыв. И вышла из беседки. Оглянулась:

— Во времени я ограничена?

— Как вам угодно, Царевна.

Ей и угодно бы задержаться подольше, да не стала. Впрочем, чувство времени утратилось. Жизнь вместились в нынешние часы, а солнце еще в зените. (Ни облака на небе, лишь над бес-седкой завис тучевой серый зонт.)

А поляна расцвела ромашками, васильками, расстелилась разнотравьем — под рисунок ее платья, для пчел и бабочек.

Однако где это географически?

Одну земляничину сорвала и съела, а кус-тик с тремя крупными с собой прихватила.

— Привет! — окликнула ящерку. — Куда спешишь?

Звенели кузнечики.

Горестное предчувствие не отпускало.

— А что веселого-то?

Ну, так сразу бы загоревать.

— А не причувствовалась сразу.

Вот именно: как в дурном сне. Теперь про-снулась. В другой реальности.

— И не гадай, ничего иного не накликай.

Сорвала лопух.

— Прости, лопушок. Отвыкла от солнца, при-кроешь меня панамкой, — и он улегся на ее голове, на волосах, по пояс распущенных в ту-гом жгуте, перевитом белыми бусами.

Кожа на белых обнаженных руках порозове-ла. Все ощутимо, четко, зримо — реально.

Вернулась в беседку. Тис сидит, как сидел. Протянула ему земляничный кустик на ладони:

— Прошу.

И опять он побледнел. «Да что же он так блед-неет, Господи?!» — подумала она, и его дернув-шаяся щека напомнила ей: читаема. Но было все равно.

Ягоды Тис взял, кивнув благодарственно и с явной предосторожностью, дабы не коснуться ее ладони.

— Спасибо, что приняли. Съешьте!

Съел.

— И что же дальше? — спросила она. — Не разбежаться ли нам по домам? Или ко мне в гости. В Замок, а? Это в ваших возможностях?

— Нет.

— Но не век же нам заседать здесь.

— Пойдемте в дом.

— Там кто-нибудь есть?

— Прислуга.

— Оттуда никто не выходил.

— Второй вход с противоположной стороны, в сад. Чтобы сократить расспросы, скажу вам, что меня могут отозвать и будет лучше, если в дом сопровожу вас я, а не другие.

— В самом деле лучше. А если не пойду?

— Унесу.

— Это интересно. Но знаете что? Должна вас тоже предупредить. Я понимаю абсурдность таких предчувствий, но вот причувствовалась к себе, как вы присоветовали, и нет отзвука во мне на весь этот предсказываемый кошмар. А когда так, ничего и не бывает.

— Следовательно, — предположил Тис, — согласитесь на наши условия, и кошмара не будет.

— Нет, другое. Как если бы вернусь домой. О чем и предупреждаю, чтобы вы в своих пла-нах учитывали и такой вариант. Наверное же, не сносить вам головы за срыв... акции?

— Не сносить.

— Вот и подстрахуйтесь. И вправду, не ос-тавить ли вам меня на других?

Тис глядел на нее, глядел и говорит:

— Поразительная вы женщина, Царевна. Я-то как раз обдумываю...

— А вот и не тратьте время!

— Взбе- без разбора вас губила

— В то

— Ко в

«Нечто

Вспорх

протянула

тилась на

хала крыл

— А сей

ку, — сле

Что и

ника улыб

— Тис,

— Нет.

— А че

— Мис

на, вам се

изнесите,

— Мое

мрите! Во

Я

Во

Л

И

А

Н

О

П

Нико

— А м

— На

— На

— На

ше? А по

оно прои

— Чт

— Де

— Ца

Кто же

дится му

ва, а глу

— В

— Ме

— Ти

— Ва

— Оч

потать в

— Сх

— За

— Взбешусь от вашей доверчивости. Ко всем без разбора. К проходимцам и проходимкам! Она вас губила и губит!

— В том числе и по отношению к вам?

— Ко всем! Эта ваша искренность!

«Нечто новенькое: эмоции в Тисе?»

Вспорхнула зеленоватая бабочка, Вероника протянула раскрытую ладонь, и бабочка опустилась на нее. Пошевелила усиками, потрепыхала крылышками и затихла.

— А сейчас, — попросила Вероника врасстяжку, — слети-ка на плечо к тому человеку.

Что и исполнила бабочка. Тис замер, Вероника улыбнулась.

— Тис, вы стихи сочиняли когда-нибудь?

— Нет.

— А чем занимались и занимаетесь с интересом?

— Многим. Голографией, например. Царевна, вам сейчас вспомнилось стихотворение. Прочитайте, пожалуйста.

— Мое детское! Бабочка напомнила. Тис, отомрите! Вот, улетела. А стишок такой:

*Я сердце кладу на ладонь —
Возьмите, пожалуйста, вот.
Летит мотылек на огонь
И крылышки он обожжет.
А может, и вовсе сгорит
Нелепый ночной мотылек.
Он думает, к счастью летит.
Просто иначе не мог.*

Никогда его не вспоминала.

— А мотылек по-прежнему летит на огонь?

— На что же еще лететь?

— На цветы хотя бы.

— На дерево тис вылетел вот, да чем лучше? А потому что — на огонь. В здешнем краю оно произрастает?

— Что?

— Дерево тис.

— Царевна, на черное пламя вылетели вы. Кто же кладет свое сердце на ладонь? Засидится мухами, расклюется вороньем. Не жертва, а глупость. Растрата.

— Вас это волнует?

— Меня это бесит.

— Тис, вы не забыли мое предупреждение?

— Вас это волнует?

— Очень. Не хватало еще и по службе схлопотать вам нагоняй.

— Схлопочу и так.

— За что? Рубашечкой из лесу побелели, я

искусилась и трансфизанулась: дело сделано. Пусть благодарность вынесут.

— Положим, до искуательства пока не дошло.

— Ну так приступайте.

— Вы, Царевна, кокетничаете и храбритесь по неведению, предполагая примитивный набор соблазнов и страшилок. Зная вас и опыт вашей жизни, только кретин сунется к вам с тряпками, бриллиантами, снедь, амурами и прочим туманом и прахом. Но в чем-то вы уязвимы, как никто другой, в два счета сломать. Молчите? И помалкивайте. А в ответ на только что подуманное вами повторяю: для меня важны сознательные перемены в образе жизни и мышления.

— Вон какая формулировочка этому!

— Чему этому?

— Слому психики.

— Психика — система гибкая. Не допустите слома.

— Сами же только что о нем говорили!

— Говорил, но не иду на это.

— А без разницы — оговорено или исполнено.

— Не перегибайте, Царевна.

— Да мы тогда пробуксуем до морковкиных заговин! Как будто сознание меняется за несколько часов!

— И за минуту изменится, и мгновенно, — возразил Тис. — А буксуем, потому что мне нравится с вами разговаривать.

— А знаете, — и Вероника засмеялась, — мне тоже, с вами. Почему бы нам не поменять интерьер? Нет, нет, на мой! В Замке. Трансфизанемся туда, а? Подыщите там работу себе. Или в командировки... подзалетать. Общаться будем. Подскажете кое-что. Любопытные вещи случаются, выстраиваю ахинеийские гипотезы, а... — и смешалась. Не ожидала от Тиса такого жеста. Вообще никакого: сидят враскачку и беседуют враскачку. Наверное, ее стража на поляне осталась, в ромашках!

Рывком поднявшийся Тис шагнул к ней и подал руку.

— Зачем?

— В дом пойдем.

— Зачем?

— Или унесу? — Тис наклонился взяться за нее. Она возмутилась:

— Вы что?! — и оттолкнула его.

— А что? — но оттолкнулся. — Не босиком же пойдете. Сломался каблук у одной босоножки. Унесу. Не откажите в удовольствии. Вас носили на руках мужчины?

— Носили! — Вероника поднялась на ноги, а

каблук подломился. Спросила: — Не вы ли у меня дома прячете мои тапки?

— Ах, ваше высочество, к лицу ли вам мелкие укусы?

Вероника вспыхнула.

— Простите.

Каблук повредился, наверное, на мосту, продавился там в расщелину между досками; на тропе тоже цеплялся за корневища.

— Снимайте босоножку, приколочу каблук.

Рядом они впервые стояли. (Если снов не учитывать.) По грудь она ему. Отковыляла в сторонку, сняла босоножку, держала в руке.

— Беру? — спросил Тис.

— А нельзя как-нибудь этак? — вертанула босоножкой в воздухе.

— Мне хочется самому.

Пожала плечами.

— Берите.

Взял босоножку и удалился из беседки.

А то, поутихшее было, горестное предчувствие вернулось к Веронике, взывом, под Тисово, от дома по лугу, возвратное приближение. Продлилось оно чуть дольше, и она бы поняла, чего ждать.

Приняла босоножку.

— Спасибо.

Он поклонился и отшагнул к своему креслу, но не сел.

Вероника в Тисово отсутствие подложила под ободья своей качалки деревяшку для устойчивости, села, теперь безраскачная, застегнула красный ремешок на босоножке, приговаривая: — Небось радиопередатчиков навмонтировано в каблуках и в каждом гвоздике...

В общем, отшучивалась, перемогала предчувствие.

— Вы готовы? — спросил Тис.

— К чему?

— Последовать в дом.

— Шутить изволите?

— Так расценил я ваше приглашение общаться.

— У меня дома! В Горах! И не притворяйтесь, что поняли иначе!

— Понял я по существу, а остальное уже детали.

— Ничего себе «детали»!

— Да, и настаиваю на этом. К чему свожу свои усилия, тем и одарен вами, сударыня. От приглашения к общению один шаг до сотрудничества: уже сообщены, уже основа.

Стоит, покачивается с носка на пятку, руки в брюки и вежливо, менторски разъясняет первокласснице ее проступок.

— Казуист! — Вероника швырнула лопухом в Тиса. Тот перехватил на лету лист и улыбнулся. — Еще и улыбается! — и сама засмеялась: — Я, видите ли, перевербовываю его, а он...

Тис глубоко вздохнул:

— Заседание продолжается, — и сел, нога на ногу, с лопухом на носке лакового черного штиблета. — Радиопередатчик в каблуке, сами понимаете, мне ни к чему. Но в вашем Замке я оставил шарик.

— Какой? Где?

— Хрустальный. Не обнаружили?

— Может, взял кто-нибудь? А его назначение?

— Увидели бы кое-что, понаблюдали. Может, и меня бы когда. Но теперь уже воочию разглядывайте.

— Я поищу, — сказала она. — Спасибо.

Он покачал головой.

— Оставьте свои ощущения, сударыня.

— Это вы, сударь, приглушите свой рассудок: господин, да не один, — но сказалось уже неспокойно. — Тис, но если мы вправду достигли некоего, скажем так, рамочного соглашения и, сами говорите, несущественны детали, тогда почему общаться на этой территории, а не на той? Уступите даме. Или вы не рыцарь?

— Я не рыцарь.

— Жаль. Но все-таки вы запомните мое приглашение.

— Ох, Царевна, с огнем играете.

И вдруг резко встал.

— «Дома», «домой»... Что вам там? Какая разница, где, если не с кем? Там разваливаются государства и любой жизни цена ломаный грош. Там губят красоту те, кому вы, девочкой, преподнесли на ладошке свое сердце. А сама с чем осталась? Куда запропали ваши Рыцари и Принцы? Хоть одну Прекрасную Даму довелось узреть? Выкладываетесь перед ближними, а они? Пока вы, сударыня, пытаетесь уллучшиться и очиститься, под вашу скалу закладывают взрывчатку, — и сорвался на «ты»: — Даже себя не сумела еще полюбить! Что тебе человечество, которому все равно конец один, и не солнечный? По-твоему, милосердно продлять его агонию?

И тут Вероника внезапно для себя, просто разрядиться понадобилось вкрай, громко сказала:

— Да будет Свет! — и повторно: — Да будет Свет, да будет!

— Ну, и зачем? — устало отозвался Тис. — Сваримся.

Потому что солнце, хлынув лучами, прожгло тучевой зонт над беседкой, вмиг накалило воздух.

— Укроемся в доме?

— Нет.

Но и зной ей не выдержать.

— Ти-ис, — потянула примирительно, — Тис, вы же можете и другим способом защититься? Пожалуйста, а?

— Поторгуемся, — ответил он.

— Боюсь свариться до конца торгов.

— Повелите обратно.

— То есть?

— «Да будет Тьма».

— Нет!

— Но мною бы — да?

— Но почему тьму-то?

— А что? Сумерки? Тучи?

— Ладно, жаримся. То есть одна я, а вы себя овейте, осените, прохладите. А мне отдайте лопух.

— С обуви?

— Пусть.

— Вы всегда свои подарки забираете обратно?

— Ладно, пусть останется вашему штиблету на память, — пробормотала Вероника, смежая веки. Огненные круги плыли.

— Сколь сговорчивы вы, Царевна. Мне нравится.

— Только не вздумайте нашатырем отхаживать меня, когда отключусь: сразу шок.

Свой голос Вероника слушала, как сквозь вату.

Затем резко посвежело, затем Тиса услышала, нормального звучания:

— И что бы вам, сударыня, светлый призыв произнести один раз? Нет, переусердствовали, увлеклись.

— Я еще учусь, Тис. Оживаю, спасибо.

— А чтобы поторговаться, Царевна.

— И не отступитесь?

— Никогда не отступлюсь.

— Лучше бы рассказали, куда я попала. И чем вы здесь, и всюду, заняты. А то так и не узнаю. Я умею хранить тайны. Чужие.

— От кого? Мы с вами сейчас транслируемся на все миры. Даже для первоклассницы, по меньшей мере, странно забыть об этом свойстве звука в Пространстве.

Вероника тотчас открыла глаза. Боже мой, а тогда Тису и вправду грозит...

— А вот этого не надо! — почти зло велел он.

— Чего этого?

— Того самого. Чем вас сломать в два счета, но чего я не выношу, как вы нашатыря. От чего в бешенство прихожу. Не вздумайте же подсунуть это под нос, сударыня.

— Тис, я не понимаю.

— Поймете. Вот вам и моя цена. Поторговались.

— Ладно, Тис, сображу после, успокойтесь. Ну, и перепады.

Но он не успокоился. Последовали ошеломительные демонстрации.

Но прежде состоялся блиц-опрос, с напряжением разжимавшейся пружины. Тис предложил, как приказал, поиграть в треугольники.

— В триады те самые. Называю одно слово, вы дополняете его двумя, навскидку. — И тотчас огласил первое слово: — Разум!

Вероника дополнила:

— Воля и Любовь.

— Бог! — назвал Тис.

— Природа и Человек, — дополнила Вероника. — Нет! Минуту позвольте на обдумывание? Не автомат же я.

— Сразу, — отказал непреклонно Тис и назвал очередное слово: — Дьявол!

— Смерть, — дополнила Вероника. — Время.

— Хм... Пространство!

— Время. Движение.

— Мысль!

— Слово и действие.

— Познание!

— Познающий, Познаваемое.

— Личность!

— Маски. Слуги.

— А теперь играем в четверицу. Что такое, по-вашему, Зло? Три ипостаси.

— Ложь, Ненависть, Разрушение. Нет, я подумаю?

— Дальше! Любовь?

— Святой Дух, Вместимость, Нежность.

— Ненависть?

— Уничтожение. Всё.

— Добро?

— Своевременность. Всё. Но я хочу и ваши определения узнать!

— Время у нас еще будет.

Вот чего Вероникой совсем не предчувствовалось! По-над чем неведомым, куда и заглянуть страшно, шла по натянутому канату, и только в движении спасение; задержись, промедли — сорвешься вниз. А движение сейчас — этот разговор, стремительный, напряженный смыслом тоже пока неведомого ей поиска. Не она растягивала пружину.

— Что такое нежность? — спросил Тис.

— Боже мой! Нежность — это нежность.

— Чётче.

— Высшая степень любви.

— Чётче!

— Самопожертвование. Оправдание. Неприязнанность. Благодарность. Сострадание. Сорядность. Нежность!

Тис изломал брови:

— Такая крошка? Дальше...

— У меня кружится голова, — сказала Вероника.

— Тоже мне канатоходчица, — бросил реплику Тис. — Хорошо. Я искал в ваших определениях, помимо прочего, интересующее меня в вас движущее вами во взаимоотношениях с миром чувство.

— Одно?

— В его спектре. Спектр просматривается, но само чувство вами не названо. Значит, растворено в других чувствах и не осознано.

— Ну, и что?

— Опасно.

— Для кого?

— Для всех.

— Значит, недоспрошена. Свои ведущие чувства я знаю. И, кажется, догадываюсь, о чем речь, равно как и ваша вспышка из-за чего.

— Да.

— И оно несвойственно вам?

— Разумеется.

— Но не искони же?

— Не помню. Сударыня, вы столь щепетильны в вопросах морали. Обманывать никого не станете, даже жулика и отпетую лжицу. Даже врага.

— Вы — враг? — быстро спросила Вероника.

Тис запнулся, но продолжил свое:

— Но жалеть кого-то почему-то позволяете себе.

— Чувства воле неподвластны.

— Высшая степень высокомерия — вот ваше ведущее чувство, сударыня. Человека, бога по природе, жалеть, как зайца с перебитой лапой или гусеницу какую! И жалеть мышь, пойманную котом! Вызов богам, сударыня.

— Вы-то почему задеты, Тис? Памятуя о ненависти, росток коей поприветствовали во мне, приветствуйте тогда и жалость. Где логика-то? Особенно у сильных мира сего — противобогов. Революционеров!

Долгий взгляд Тиса не предвещал ответа, и Вероника свою тираду заканчивала уже для себя: вслух лучше понимается.

— Есть жалость-презрение, унижающая, но есть жалость-сострадание, жалость-нежность. Кто не улавливает разницы, пусть и не обобщает.

— Пусть, — усмешливо согласился Тис. — Но всегда ли и вы улавливаете разницу между состраданием и вредительством?

— Наверное, не всегда: не богиня, вестимо. Но объяснили бы, сударь, о чем стараетесь столь пристрастно? И чему обязана?

— Не чему, а кому. Себе, разумеется, — ответил Тис. — Подвожу к пониманию назревшей необходимости переориентации психологических и ментальных установок. Ибо физически уже в иных условиях, иных обстоятельствах. Хотите или не хотите, а в них оставаться. Поэтому лучше захотеть. А чтобы этот процесс прошел безболезненно и ускорился, мы с вами рассматриваем уже наработанные вами же предпосылки к такой переориентации. Могу передать вам лопух — швыряться.

— Могу и чашей с ягодой.

— Пожалее? Их.

— И белую сорочку, — прибавила Вероника. — Когда вы наведаетесь ко мне в гости, в Замок, я имею в виду, тоже сможете пошвыряться, если захочется. И если, впрочем, не отбуду оттуда.

— Вы уже отбыли.

— Сударь, мне надоели похищения. В принципе, да, нет разницы, где жить, если собственный Дом уже выстроен, а он, подлинный, вне досягаемости для посторонних. Но и в досягаемых пределах... Ладно, оставим эту тему.

— Нет, не оставим. Было бы из-за чего рваться, и куда? В тюрьму.

— Вот именно, есть из-за чего: чтобы самой освободиться из тюрьмы, — обрадовалась Вероника удачной подаче.

— Тогда вам без разницы, из какой тюрьмы освобождаться — тамошней или здешней.

— Вы тоже здешнюю таковой признаете?

— Нет.

— Вы не в тюрьме?

— Нет.

— И еще раз, будьте любезны.

— Нет, не в тюрьме.

— Сударь, вы упустили шанс основательно поколебать мои устремления отсюда! Не вообще бы, а временно, конечно. Вдруг бы да задержалась? В разведке как бы. И для диверсии. Чтобы совершить совместный побег! С вами. Вот бы основа для партнерства! В Горах не находится пока напарников, тоже все «свободные».

— Царевна, я забыл сказать, что вы можете взять оттуда вещи. Даже живых существ.

— «С вещами на выход!» Ну-ну. Вы и ваше руководство так любезны. Может быть, и свиданки с близкими будут разрешены?

— Таковые у вас есть?

— Что за манера — отвечать на вопросы вопросом?

— Не уподобляйтесь же мне в этом. Я спросил, близкие у вас есть? Ждете с кем-нибудь встречи?

— Жду. И жду известий.

— Вам это важно?

— Да. Очень.

И вдруг Веронике показалось, что Богданов уже на подступах — там, в Горах!

— Нет, — разуверил ее Тис. — Он там, где и положено ему, по вашим законам, быть. С вашей же, сударыня, помощью.

— Что вы имеете в виду?

— Уйдя от вас, он выбросил пистолет в пропасть.

— Выбросил все же? — обрадовалась Вероника.

— И был схвачен в Долине блюстителями порядка. А не выброси, мог бы отстреляться и уйти.

— До каких же пор отстреливаться?

— А пока ловят. И кто? Кому самим находиться бы за решеткой.

— Но он жив?

— Они ему прострелили ногу.

— Нога зажила?

Тис поприглядывался к ней этак прицельно-оценивающе-неприятно и сказал:

— Тогда с него и начнем.

— Что начнем? — она встревожилась. — Не надо ничего начинать!

Пояснил:

— Кино смотреть будем.

Сначала в пространстве, метрах в полутора от Вероники, выткалось световое матовое напыление, как бы между Тисом и нею, на уровне их голов, скрыв лица.

Или не напыление, а предрассветный туман? Проступила низкорослая, чахлая растительность, затем пустырь, кирпичный забор, проволочно заключенный поверху, со сторожевыми вышками. Бараки. Почти темно. Койки в два яруса, на крайней от входа, нижней, мужчина в майке сидит, ногу бинтует.

— Это он?

— Не узнаете?

— Я бородатым его видела. До сих пор нога не залечена?!

— Не в санаторий угодил, сударыня.

На прикроватной тумбочке у Богданова высилась стопка книг. Закадровый голос Тиса прокомментировал:

— Изю всех сил готовится к встрече с вами. Мешает нога. Понимая, что встреча в нынешнем тысячелетии и даже столетии ему не светит, мечтает о побеге. Любой ценой. И, вероятно, заплатит ее. А смысл, скажите мне?

Экран погас, и проступило лицо Тиса.

— Тис, где эта зона?

— На Земле, вестимо.

— Трудно уточнить?

— Бессмысленно. Смотрим дальше. А эту свою «ближнюю» узнаете? Тоже, однако, при свече! Это у нее дома.

У Амот то есть. В темной комнате на полу, вокруг свечи, на коленях люди молодого и среднего возраста. Один люд, правда, явно дремал — лбом в палас. Амот в платке, под подбородок повязанном, шевелит губами.

— Молится за страну, — пояснил Тис. — Публично, разумеется. Самоуполномочилась. Озвучить?

— Не надо.

Экран погас, Тис продолжал говорить, жестко:

— Испугами и страданиями она, конечно, не обделена, и то ли еще будет. Любительница непристойных частушек и анекдотов. Знаете же? И сама в анекдот угодила, а с нею и все вы. Представьте, идет по зимней улице, по тротуару, а на нем, глядь, крест распластан, с распятым человеком. Да не с простым, а со Христом самим. Тут как тут заплечные свидетели — этого анекдота мастаки-соблазнитель. «Иди к нему!» — велят. Упирается: живой, больно Ему, плачет. «Вот поэтому и пройдешь!» Дескать, так она ко Христу приблизится на веки вечные, повязанная виной этого своего поступка, который тогда уже как бы подвиг, ее жертва. Прощла! В сапожках. Потрясенная, делится теперь своим впечатлением с народом. «Прощла по Кресту», — называется событие. Вроде как уже Свисьше избранница на несение света заблудшим во тьме.

Помолчал, но молчала и Вероника, и он продолжил:

— Спросить бы кому: что значит — прошла по кресту? Не святотатство ли вообще — ногами попать крест, любой? Вроде нести его положено, а? Не говоря уж о таком Кресте. Нет, вопроса не возникло. Первая молитвенница теперь в округе! И не за себя, светлую, разумеется, а за всех живущих. Ваши слова, сударыня: всем живущим. Помните, выступали перед нею с этой поправочкой, раскладывались-выкладывались? Вот уж за кого общество должно благодарить в первую очередь вас: ваш выкормыш! Сударыня, куда вы приглашали меня? На какую бы работу? Там у вас потопчешься по Христу — и чирикай о Боге, искуплен уже и свят!

Вероника сказала:

— За Амот я уже расплачиваюсь.

Тис развеселился:

— Чем? Выкраденными ею вашими рисунками и дневниками? Да уж, «расплата»: укрепа воровке, разор вам и обман «всех живущих»!

В воздухе вновь выткался зыбкий экран.

— Нет, — сказала Вероника и зажмурилась.

— Что так? Наведаемся к Принцу.

— Не хочу.

— Тогда к Мадам.

— Нет.

— А куда хотите?

— Так — никуда.

— А в Замок заглянем?

— Нет.

— Ну, нет так нет. К слову, о Коте. Его задрагал другой кот, черный, астральный жилец вашего Замка. Это его царапины вы обнаруживаете иногда на руках.

— Он же и снился?

— Да. Тоже жалели!

— И что?

— Ничего. Подкидыш, на службе. Стража порога, знаете? Да, а может, к Перту заглянем?

— Нет!

И тотчас то смутное нечто, памяти касающееся едва ли не с первых минут здешнего Вероникиного присутствия, никак не различимое в общем состоянии припоминаний, в одной точке осветилось: Перт!

— Да, — подтвердил Тис, — это его ждали вы в этой беседке. Но тоже не любили.

— И никого, что ли?

— Разве что как одного из всех живущих? Нас и всех нормальных мужчин ваше сестринство, естественно, не устраивало.

— Мое тогдашнее имя?

— Рона. Откройте глаза, Царевна.

— Не хочу.

— Тоже? Но я хочу их видеть.

— Я устала. Подводите итоги.

— Чему? Это ваша забота — итоги. Вероника. Рона... Открывайте глаза.

Так произнес это, просто попросил и тоже устало. Она открыла.

— Вот и хорошо. Сейчас скажу вам важную для себя вещь. Отважусь.

Кажется, встал бы, уже взялся за кресельные подлокотники. И замер, глядя вбок. Взглянула туда и Вероника.

У входа стоял портретный господин из замковой Картинной Галереи! Тот смуглый старик в тюрбане с зеленым камнем! В желтом кафтане и коричневых сафьяновых сапогах. Живой!

Вероникин радостный порыв к нему совпал с его словами:

— Я за вами, сударыня Вера. Загостились.

Едва не упала она в своем порыве, вставая и спеша к прищельцу. Тот и локоть кренделем выставил — взяться ей под руку.

106

Она вспомнила о Тисе — этот удар горестного предчувствия! — обернулась и обмерла.

Тис стоял. Неподвижный. С вяло опущенными руками. Очень бледный.

Их взгляды встретились. Она шагнула к нему. Сомкнула свои руки на его шее, щекой ко груди приникла.

— Не смей! — сквозь зубы проговорил Тис. — Возненавижу!

— Прости, — тихо попросила она. — Прости. — И услышала его дернувшееся сердце, толкнуло ее в висок, а щеке стало горячо.

— Прости, — повторила шепотом и разомкнула руки.

Уже отошли от беседки — Вероника и ее вожатый, когда вослед вскрикнул Тис:

— Не уходи!

А вожатый повелел:

— Не оглядывайся, Царевна.

И она не оглянулась...

г. Юрга

СЛОВА
ОТ КОТ

Евгений ХА

День с
И прод
Если к
Нужно

Вечер
И они
Безусл
Потом

Потом
Под бе
Бескон
Нам во

Потом
По зак
Если к
И т. б

По л
И р
Бог
И н

СЛОВА, ОТ КОТОРЫХ ТЕПЛО

Евгений ХАРЛАМОВ

* * *

День соткался из синего ситца
И продолжит еще ворожить.
Если к жизни всерьез относиться,
Нужно жить. Обязательно жить!

Вечер звезды безмолвные выбьет,
И они подтвердят, что рассвет —
Безусловно единственный выбор,
Потому что другого-то нет.

Потому что, позвольте заметить,
Под безумства февральской пурги,
Бесконечно кружиться планете
Нам во благо и нам вопреки.

Потому что земному — вершиться
По законам, конечно, земным...
Если к жизни всерьез относиться
И т. д., и т. п., и засим...

* * *

По мягкому снегу иду
И радуюсь четкости хода:
Бог миловал, в этом году
И не было гололеда.

А что еще нужно сейчас?
Хорошего солнца, пожалуй,
Терпенья и воли запас,
И доли везения малой.

Ведь все остальное трудом
Мы сами, мы сами добудем.
Пусть даже возьмем подо льдом,
Но души свои не остудим.

* * *

...И письма Чехова,
Антон Павловича,
Читал я с наслаждением вчера.
Они созвучны были
Помыслам моим,
И понимал я безусловно,
Как Чехов мне необходим...

...И в голос Чехова,
Антон Павловича,
Я вслушивался жадно,
Следя за каждым словом,
Им произнесенным.
И с жизнью чувствовал себя в ладу,
Над жалким бытом вознесенным...

...И мыслям Чехова,
Антон Павловича,
Душа моя внимала не спеша,
С ним соглашалась,
Верила ему.
Так близок был он
Сердцу моему...

Александр КУРИЦЫН

НА ВЕРШИНЕ ПИРАМИДЫ

* * *

Облезлый кот пирует на помойке,
Которую он в битве захватил.
За корку хлеба и огрызок слойки
Ободранною мордой заплатил.

Но всем известно, как непрочно счастье...
Огромная собачья голова,
Возникшая над ним с раскрытой пастью,
На хлеб насущный отняла права.

Бездомный пес, урча, вломился в ящик,
Лопатит мусор в поисках еды.
Хотя бы корочку! Ну хоть замшелый хрящик!..
Кто знал, что он был в шаге от беды?

Удар тяжелой суковатой палки
Пришелся по костлявому хребту.
Недавний властелин помойной свалки
Невольно позавидовал когу.

Стремительно, как в молодые годы,
Он прыгнул вниз, издав истошный вой,
А человек, всесильный царь природы,
Уже нырнул в контейнер головой.

Теперь контейнер, повидавший виды,
Хоть и поставлен явно не за тем,
Стал для него вершиной пирамиды,
Как, скажем, Менатэп и МММ.

Он наконец-то вырвался из круга.
Отныне он здесь царь и господин.
Несет в контейнер вклады вся округа,
А пользуется ими он! Один!

ЧТОБЫ ПОВЕЗЛО

Не повезло тебе, Россия.
В который раз не повезло.
Не внешний враг тебя осилил —
Здесь, слава Богу, пронесло.

Ты слез солеными дождями
Святую землю полила.
Своими сломлена вождями,
Из коих многих прокляла.

Премудрый шейх из Эмиратов
Привел к расцвету свой народ.
А наши — хуже супостатов —
Все делают наоборот.

Всем россиянам до оскомы
Старинный афоризм знаком,
Что первый блин бывает комом.
У наших что ни блин, то ком.

Уж слишком круто замесили,
Спеша нажраться поскорей.
За то, что скомкали Россию,
Слепить бы ком из пекарей.

Найти бы гору, да покруче,
Туда злосчастный ком поднять,
Поддав ногой, отправить с кручи
И сразу все проблемы снять.

Хватило б воли и усилий
Убрать с дороги это зло.
Ну распрямись, встряхнись, Россия,
Чтоб наконец-то повезло!

В ЗИМНЕМ ПАРКЕ

Пустыни белые поля,
Кой-где поросшие полынью.
Трещит промерзлая земля
Под снегом, под холодной синью.

И солнце стылое с небес
Роняет скупо свет неяркий
На гладь полей, на дальний лес,
На тропки в одичалом парке,

Где бодрый пожилой народ
С лицом, укутанным по брови,
Пытается из года в год
Догнать ушедшее здоровье.

Частенько здесь брожу и сам.
Мне б на диване поваляться,
Но трижды в сутки по часам
Пес меня водит прогуляться.

Конечно же, он прав, мой пес.
Я на него не обижаюсь
И, невзирая на мороз,
Покорно в шубу обряжаюсь.

А впереди еще февраль,
Метель заколбродит в марте,
Но уж заголубела даль,
А там уж и весна на старте.

г. Белово

Иван КЛИНОВОЙ

* * *

Дату поставь под письмом,
Запечатай конверт...
На зло отвечай добром,
Чаще корми мольберт,
Рыбок и двух щенков
(Им с тобой повезло),
Помни, как много слов,
От которых тепло...

* * *

Не помогает мне таблетка,
Боль головную не унять,
Не получается. Соседка
Пришла еще сто рэ занять.

А день, по-моему, обычный.
В окне моем — шоссе и ЛЭП,
Немного снега, дом кирпичный
И старый магазинчик «Хлеб».

Но в этом мире нет чего-то,
Чему бы радовался глаз,
Кругом у всех одна забота:
Набить карманы про запас.

А я скучаю... Так скучаю
Без этих рук, без этих глаз,
И, словно компас, начинаю
Искать тебя... где ты сейчас?

И все соседкины беседы
Про цены, грипп и мордобой
Мне надоели. Эти беды
Не стоят боли головной.

Мне просто нужно раздвоиться
И одного меня отдать
Тебе, но тот, другой, боится:
Вдруг он потом не сможет спать?!

На подоконнике безбожном
Цветет нездешний бальзамин,
И в этом мире невозможном
Я остаюсь совсем один.

г. Красноярск

Владимир ШУМИЛОВ

ОГОНЕК ЛЮБВИ

Под окошками мальвы в цвету.
Снова лето под окнами бродит.
Замечает твой дом за версту
Всякий, кто по деревне проходит.

Между шторок лучится заря.
Плечи трогает лучик отвесный.
В твоей жизни все было не зря,
Лишь любви не хватало небесной...

Заблестят поневоле глаза,
Взгляд былою мечтой озарится.
По щеке заискрится слеза,
И бесследно в ночи испарится.

Под окном твоим мальвы в цвету.
Это лето по садику бродит.
Всякий видит твой дом за версту,
А на зов огонька не приходит.

НОЧНАЯ ТИШЬ

Закат угаснет, и повеет
Прохладой свежей от реки.
В ночной тиши душа замлеет,
Зажгутся в окнах огоньки.

Нет-нет ночная крикнет птица,
Костер взметнется, как петух,
И будет у костра уютиться,
Пригнав табун коней, пастух.

В селе собака вдруг залает,
Чужого чуя у двора...
И всё устало замирает,
Чтоб новый день начать с утра.

г. Кемерово

Александр СОРОКИН

ЕДИНСТВЕННАЯ

Желанье счастья в меня вдохнули боги...
Боратынский

Не схимница и не святая —
сестра, любовница, жена.
Волос распущенных густая
на плечи падает волна.

Такой тебя во сне я встретил,
а то, что было наяву,
по пустырям разносит ветер,
как небылицу и молву.

Мне снится ладного покроя
твой сарафанчик без затей
и красноречие немое
походки праздничной твоей.

В своей прокуренной берлоге,
богами счастья одержим,
других встречая на пороге,
я обхожусь теплом чужим.

И в каждой ты живешь незримо,
и не даешь покоя мне,
и всякий раз проходишь мимо,
и гасишь свет в чужом окне.

О ЧЕМ МЫ СПОРИМ

В час заботы неземной,
у бездомного причала
мир наполнен тишиной —
это музыки начало.

И когда я, чуть дыша,
оглашу пространство словом —
будет под случайным кровом
жизнь бесцельно хороша.

Будет стол неприхотлив,
узкий круг друзей просторен...
Так о чем тогда мы спорим,
жизни праздную отлив?

г. Москва

Геннад

Соне
зающие
ми, поп
ленький
чихнула
пальчик
«Хор
иначе м
Станови
Давай-н
советов
ротник

Дем
аккура
дероб,
и ветр
фигурн
овальн
личка
очень-
чем. М
порасс
шие т
такое
а вдру
то еди
«Ж
ка, —
Как та
душно
самом

«М
ской

* А

Геннадий ЛУНЕГОВ

СОНЕЧКА

Сонечка обеими руками поправила постоянно сползающие очки. Эта привычка именно так, двумя руками, поправлять их осталась у нее еще с детства. Маленький носик ее забавно сморщился, но она не чихнула, а только узенькой ладошкой с выгнутыми пальчиками судорожно потрясла перед лицом.

«Хорошо, что сдержалась, — подумала она, — иначе меня бы заметили, а я этого ой как не хочу! Становится прохладненько, так немудрено и простыть. Давай-ка, подружка, закутаемся поплотнее», — посоветовала она самой себе, поправляя поднятый воротник бежевого плаща и плотнее укладывая кашне.

Демисезонные туфли и берет, едва скрывающий аккуратную стрижку русских волос, дополняли ее гардероб, не способствующий комфорту в столь сырую и ветреную осеннюю погоду. Невысокая стройная фигурка девушки полностью скрывалась за большим овальным памятником неизвестно кому, так как табличка была с другой стороны. Впрочем, ее это не очень-то интересовало, просто ей заняться было нечем. Можно, конечно, побродить между оградок и порассматривать могилки, как это делали шнырявшие туда-сюда вездесущие старушки. Но для нее такое занятие не слишком-то интересно, к тому же, а вдруг среди этого сонма памятников она потеряет то единственное, зачем сюда пришла.

«Жаль, книжку не захватила, — пожалела Сонечка, — можно, конечно, и мысленно стихи почитать. Как там у нашей Аннушки?»* — думала она, равнодушно рассматривая скорбную женскую фигурку на самом верху овального памятника:

*Я чувствовала смутный страх
Пред этой девушкой воспетой,
Играли на ее плечах
Лучи скудеющего света...*

«М-да-а, этой безвкусице далеко до «Царскосельской статуи». Наконец пожилая ухоженная женщина

* Анна Ахматова.

медленно поднялась со скамейки. Это послужило примером и для ее молодой спутницы. Они обе еще на минуту задержались у оградки и потихоньку удалились в сторону выхода с городского кладбища. Ту, что постарше, Сонечка никогда раньше не видела, но догадалась, что это Его мать, а ее молодую спутницу Сонечка не хотела, даже боялась здесь встретить. Вдруг начнутся расспросы, и неважно, из праздного ли любопытства или из деланного сочувствия. А Сонечка не любила, когда ей лезли в душу. Она одной рукой придерживала висевшую на плече сумочку, другую, сжатую в кулачок, прижала к груди и мелкими несмелыми шажками направилась к могилке, от которой только что отошли обе женщины. Скамейка, которую они освободили, казалось, еще сохраняла тепло их тел, и продрогшая девушка почти перестала дрожать. Сонечка смотрела на знакомую фотографию. У нее дома была точно такая же, ее вместе с последним и единственным письмом прислал ей из «района боевых действий» Саша: берет набекрень, на погонах едва просматриваются три бугорка расположенных треугольником звездочек, еще один треугольник, состоящий из полос тельняшки, выглядывал из-под камуфляжной формы. Вид у него задорный, подстать улыбке, расплывшейся до самых ушей.

Около полугода назад ее подруга, точнее, хорошая знакомая еще по институту, девица довольно бойкая и привыкшая к лидерству и потому не терпящая возражений, решила познакомить Сонечку с двоюродным братом своего мужа. Она решительно отмела робкий Сонечкин отказ, мотивируя свою настойчивость тем, что она, Сонечка, и Саша, так звали двоюродного брата мужа, очень подходят друг другу, и потому она не может их не познакомить. Саша к тому времени окончил какое-то военное училище, недолго прослужил в Сибирском военном округе, а в начале лета его вместе с частью отправили воевать на Кавказ.

Тогда Сонечка все же не согласилась на уговоры своей институтской подруги, а в середине лета на нее как будто что-то нашло. Она взяла адрес и написала письмо туда, на Кавказ. Правда, потом жалела

и надеялась, что письмо не дойдет, потеряется в пути. Однако ее надежды не оправдались, и письмо нашло адресата, да и с ответом задержки не случилось, как будто он находился не на войне, а где-то рядом — в санатории на отдыхе. Так они познакомились. Заочно. Их письма друг другу не содержали описаний собственных достоинств и каких-либо просьб. На этом их сходство заканчивалось, в остальном же они были такими разными. Она откровенно, даже слишком откровенно, как с близким другом, поделилась с ним своими мыслями, не требуя ничего взамен и не «вешаясь на шею». Он же деликатно, что больше свойственно гуманитариям, чем военному, обошел некоторую неловкость ее положения как первой написавшей ему, и как будто не она, а он имеет смелость писать ей. Она и не думала присылать ему свою фотографию (по правде сказать, она давно и не фотографировалась), зато он прислал ей свою, на которой он снялся под ослепительно ярким южным солнцем. Он не писал о проблемах армии, не бравировал перед девушкой, как часто делают военные, и не стремился одержать «эфемерную» победу в этой странной войне. Он писал о красоте той далекой земли и о том, насколько та земля стала бы еще прекрасней, если бы ее не терзала война. С кем воюют?.. Зачастую трудно судить, чего больше у этого гордого народа — благородства или подлости, и еще — у них не принято уставать и жаловаться и им свойственна поразительная выносливость и терпеливость. С таким народом выгоднее жить отдельно и в дружбе, чем воевать. За что воюют?.. Об этом можно только догадываться. На всех без исключения войнах кто-то всегда наживается. Ясно одно — эти красивые и суровые горы без наших общевойсковых операций сильно бы выиграли. В обоих письмах не было высказано и намека на выяснение отношений и будут ли они иметь продолжение. Но и он, и она каким-то непостижимым образом между строк сумели прочесть друг у друга то, что невозможно в первом письме передать словами. Это сродни эффекту двух камертонов, настроенных на одну частоту, и нужен лишь импульс, чтобы они зазвучали в унисон.

Сонечка сидела на скамейке немного наклонясь

вперед и всматривалась в фотографию. Памятник словно бесследно растворился, как всегда бывает с окружающими предметами, если долго смотреть в одну точку. Вспоминать ей особо было нечего, и думала она почти ни о чем.

Вдруг сзади кто-то легонько потрогал ее за плечо. От неожиданности девушка вздрогнула, а обернувшись, увидела улыбающуюся физиономию женщины неопределенного возраста, в грязно-серого цвета болоньевой куртке, в платке и с полиэтиленовым пакетом в руках со всякого рода снедью, собранной с посетителей этих мест. Сонечка терпеть не могла кладбищ и раньше никогда на них не ходила, однако она сразу догадалась: нужно дать этой больной разумом женщине на упокой или на поминовение души, или как там это еще называется. Девушка рассеянно покопалась в своей сумочке, побрякивая массой тех несъедобных мелочей, которые обычно есть в сумочках каждой из женщин. Сонечка не нашла лучшего выхода из затруднительного положения, чем протянуть в раскрытую ладонь смятую купюру. Ей самой стало стыдно такого поступка, а дурочка, не меняя улыбающегося выражения лица, пробормотала что-то непонятное и побрела к стоящей неподалеку группе людей. Когда дурочка отошла достаточно далеко, Сонечка достала носовой платок и сморщив носик попыталась стереть с руки само ощущение прикосновения холодной и влажной руки профессиональной кладбищенской побирушки.

Неожиданно у калитки остановились двое подвыпивших парней. Они липко и откровенно рассматривали девушку и тихо, как им казалось, принялись спорить: кому из них первому подойти к ней и познакомиться. Тот, что повыше, в сером демисезонном пальто, втолковывал второму, коренастому в кожаной куртке:

— Да ты и пары слов связать не можешь, а все туда же прешь.

— Тут ни к чему болтать. Девчонки они ведь такие, они ласку любят, а ты только трепаться мастер, — отвечал ему второй.

В этом возрасте спор обычно не приводит к компромиссам, поэтому более сильный плечом оттер

своего приятеля от калитки и подмигнув ему шагнул в оградку.

— Такие места одной посещать не годится, а вдвоем будет веселее. Может быть, познакомимся? — обратился долговязый к девушке.

Сонечка молчала. Она отвернулась в сторону, но ледяной ветерок с предательской настойчивостью все равно доносил до нее тошнотворный запах только что выкуренной сигареты, смешанный с запахом винного перегара и какой-то острой чесночной закуски. Не дождавшись ответа, парень положил тяжелую руку девушке на плечо и ближе наклонился к ней, стараясь заглянуть в глаза. Сонечка недовольно передернула худенькими плечиками, и рука, лишившись опоры, свалилась мимо скамейки.

— А мы тут своего приятеля пришли помянуть, — сказал парень девушке, обернувшись к другу и буд-то оправдываясь перед ним за неудачную попытку познакомиться. — А к кому вы пришли? — спросил неудавшийся ухажер, не оставляя надежд еще наладить контакт с девушкой и вслух прочитал написанное на табличке. — Надо ж, совсем мало пожил парень. Значит, теперь одна? И я один. Давайте же познакомиться. Костя! — И парень протянул ей руку. — Ну давайте же вашу руку. Ну!..

В холодном осеннем воздухе повисло безнадежное молчание.

Тогда Костя рассказал анекдот, над которым они с другом немного принужденно посмеялись, а в ответ опять никакой реакции.

— Ну и торчи тут одна, все равно этот твой уже не встанет. А такого парнягу, как я, только по лотерее выиграть можно, и то — редкий случай.

Снова молчание.

— Ну и пошла ты к черту! — взорвался неудавшийся ухажер. Он еще с минуту постоял и, смерив девушку презрительным взглядом, обнял приятеля, и они двинулись прочь. А приятель обернулся и бросил через плечо: — «Мыбра!» Затем, повернувшись к неудавшемуся ухажеру: «Как она тебя отшила! Правильно, что я не пошел. Ишь какая, ученую из себя строит — в очках, — кривляясь, показал он. — Не по

ней, значит, мы...» К счастью, дальнейшие словоизлияния парней поглотило расстояние.

Сонечка же, понемногу приходя в себя, подумала, что иногда всего лишь молчанием в споре или в иной острой ситуации можно одержать победу. И если хамство таким образом можно победить, тогда молчание подобно пощечине, а моральное действие от такой победы порой сильнее и эффективнее всего прочего. Еще она думала о том, что Саша, несомненно, не был хамом, потому как лицо, судя по фотографии, у него хорошее, открытое. И почему в так называемые горячие точки посылают гибнуть именно хороших парней, а не наоборот, ведь это не выгодно ни стране, ни родителям, ни девушкам, наконец.

113 — Ну чего, родная, задумалась? Озябла совсем, вон даже носик покраснел, — отвлек ее от мыслей участливый старческий голос, принадлежащий полной круглицей старушке в цигейковом полушубке и в теплом платке. На щеке, у самого подбородка, у нее была большая бородавка с растущими на ней белыми волосами. Эта большая бородавка старушку несколько не портила, даже наоборот, «придавала определенный колорит и завершенность образа», как сказал бы Сонечкин преподаватель искусствования. Старушка одной рукой облокотилась на оградку, а в другой держала довольно объемистую сумку и с интересом разглядывала девушку.

— Мне не холодно, бабушка, — ответила Сонечка.

Но старушка, вновь оглядев девушку с ног до головы, упрямо помотала головой.

— Ножки тонюсенькие, того и гляди сломаются, и в такую мозглую погоду ты их ничем не прикрыва.

— Да что вы, бабушка, на мне же колготки, они хорошо греют, — ответила Сонечка, будто оправдываясь. Но старушка опять недоверчиво покачала головой. — А ноги у меня не худые, а стройные, так что зря вы, бабушка, — не без кокетства добавила Сонечка, глядя на свои плотно сжатые колени.

— Стройнота! — добродушно передразнила старушка, продолжая неодобрительно покачивать головой, — молодая совсем, тебе детей еще рожать и потому простывать никак не годится.

Старушка бесцеремонно открыла калитку и усе-
лась рядом с девушкой на скамейку, скамейка кач-
нулась и как будто еще глубже ушла в землю. Ста-
рушка широким уверенным взмахом руки поставила
себе на колени сумку и достала из нее цветастый
термос.

— Ну-ка, дочка, попей чайку горячего, согреешь-
ся и на душе полегчает.

Сонечка обеими руками поправила очки, обхва-
тила ладонками горячую и парящую крышку от тер-
моса с чаем и осторожно сделала глоток.

— Ого! — Сонечка протянула крышку обратно, —
это не чай, это грог какой-то! У меня даже в ушах
зажгло!

— Пей, дочка, пей. Чай этот полезный, на травах
настоянный и самогоночки чистейшей немножко там
для сугрева, — и старушка категорично, но мягко
вернула руки девушки с чаем обратно к ее губам и
заставила выпить горячий напиток до конца. Потом
сунула в руку горячий пирожок. Теперь старушка
одобрительно глядела на девушку и добрые морщинки
разбегались от ее глаз по всему лицу. — Вот так, —
сказала она. — Теперь и я с тобой вместе погреюсь,
а то и меня ненароком вдруг холодом проберет.

Щеки у Сонечки зарделись румянцем, она то и
дело поправляла свои запяевшие и вовсе не жела-
ющие держаться на переносице очки и вдруг прыс-
нула от смеха в ладошки.

— Ой, бабушка, я совсем пьяная сделалась!

— Видишь, как кровь-то разыгралась. Сейчас к
тебе никакая простуда не пристанет. Послушай, доч-
ка, кем он тебе приходился? — кивнула на памятник
старушка. — Муж?

Сонечка на мгновение застыла и неожиданно для
себя почему-то утвердительно кивнула головой. Она
не испугалась своего обмана, только сразу ей стало
спокойно-спокойно, а на глаза навернулись слезы.
Они двумя прозрачными бисерками повисли на рес-
ницах, потом сорвались и покатались по горячим
щекам. Сонечка и сама почему-то поверила в то, о
чем она поведала старушке, и, поникнув головой и
близоруко щурясь сквозь слезы, протирала платоч-
ком мокрые очки.

— Поплачь, дочка, поплачь. Я тоже к своему при-
шла перед зимой еще раз попроведывать. Потом,
уж в самую зиму, по снегу сюда не проберешься.
Мы со своим столько прожили и пережили... а вспом-
нить все равно приятно. Он на германской был ранен
тяжело. Я дождалась. Травками исцелила. Всю жизнь,
несмотря на тяготы житейские, игрались мы и бало-
вали, как молодые... И тебе, милая, желаю так же,
чтобы без ссор. Только работы поменьше, чем у
нас. Да-а. Твой-то болел или при исполнении?

— При исполнении! — по-бабьи вздохнула Сонеч-
ка, — Война.

— О-хо-хо! Это ж доколе правителям-то разным
народ свой на войне губить не надоест? Хороший,
видно, был, вон лицо какое ясное.

— Да, хороший. — Сонечка замолчала.

О чем-то своем молчала и ее соседка по скамейке.

«Странно, неужели это и был мой избранник, дан-
ный мне Всевышним? Только как-то бестолково он
мне его дал. Непорядочно это с его стороны. Ой,
прости меня, Господи, — посетовала про себя неве-
рующая девушка. — Так немудрено и до богохуль-
ства докатиться, а это уже с моей стороны будет
непорядочно.»

— Сколько же годков тебе, доченька? — отвлек-
ла ее от мыслей старушка.

— Ой! — махнула у груди рукой девушка, — ста-
ренькая я. Двадцать четыре — четверть века почти!

— Раненько ты овдовела. Я со своим, почитай,
сорок лет прожила. А ты еще молоденькая и най-
дешь свое счастье.

— Ой! Вряд ли! Я ее, — она показала на себя
пальчиком, — очень даже неплохо знаю.

Старушка улыбнулась на такие ее слова и засоби-
ралась.

— Заболталась я тут с тобой. Посиди пока одна,
только долго, милая, не засиживайся, чай, не лето.
А я к своему пойду.

Они попрощались, и Сонечка осталась одна. Не-
вдалеке слышался невнятный говор обычных посети-
телей этих печальных мест, шуршали листья под но-
гами спящих туда-сюда невесть чем занятых людей.

«Ну вот, посидела я с тобой, Саша, и спокойнее мне стало, — думала девушка, — пора и мне домой. На похороны я не пришла, ты уж прости, сама не знаю, что на меня нашло и удержало дома. Помню, мне тогда сильно нездоровилось. Ты извини, но больше, наверное, я к тебе не приду. Все, встала и пошла! Всего раз была у тебя на могилке. А как я ее нашла? Сегодня выследила, как сыщик, вернее сыщица. Ты не подумай, что я слабенькая — это только с виду. На самом деле я сильная. О-о, какая я сильная! Ой, начала бахвалиться, извиняюсь — вино подействовало. Раньше за собой такого не замечала, а вот сейчас есть. Так и запеть недолго, ой! — девушка достала косметичку и чуть-чуть подправила едва заметный макияж (краситься она не любила), потом торопливо спрятала все в сумочку и встала. — Все-все, я пошла».

Сонечка прикрыла за собой калитку и, не оборачиваясь, зашуршала туфельками по опавшим листьям в сторону ворот. Серые с утра облака опустились заметно ниже, угрожая ранним снегопадом, и Сонечкины ножки в тонюсеньких колготках заторопились домой — они все быстрее и быстрее семенили к видневшейся недалеко за голыми ветвями деревьев автобусной остановке. То ли холод усилился, то ли кончилось горячительное влияние бабулиного чая, но к посадке в автобус девушка сильно продрогла. Зато в автобусе ей повезло — место досталось впереди, теплое-претеплое и до того сонливое, что вскоре, чтобы не прозевать свою остановку, ей усилием воли пришлось вытягивать себя из тягучего и липучего сна.

На улице Сонечку нетерпеливо поджидал соскучившийся по ней и еще более окрепший холодный северный ветер. Он радостно расхлестывал в стороны полы ее плаща и обжигал холодом только что согревшееся тело, наверняка думая, что это доставит ей удовольствие. Но девушка не приняла навязанной ветром забавы и вовсе заспешила домой.

«Домой! Там хорошо с заботливой и ненавязчивой мамой. Так и будем жить по-прежнему вдвоем и не пустим никого в свой маленький мирок. И никто нам не нужен».

Не всегда спокойствие дается тому, кто его желал и заслужил, и когда уже в безнадежном отчая-

нии человек махнет рукой на весь остальной мир и жаждет покоя всей неудовлетворенной душой своей. И трудно человеку в том состоянии понять, что отрицание покоя и есть настоящая жизнь, нужно лишь разобраться, какие по характеру чувства сейчас бушуют в жизни рядом с тобой и в тебе, и попытаться примирить их. Не побаловала судьба спокойствием и нашу Сонечку...

Когда она зашла домой, хмель совершенно улечился, и она не без удовольствия заметила в зеркале прихоруженные свои порозовевшие щечки. А мать, улыбнувшись одними глазами, с гордостью посмотрела на дочь и про себя отметила:

«Хоть не красавица, но до чего мила!»

Потом она вплотную подошла к дочери и спросила:

— Доча, ты где так долго была?

— У знакомых, — не моргнув глазом, солгала Сонечка.

Мать промолчала, а потом протянула ей телеграмму и спросила:

— У тебя что, роман? — и наклонив голову к плечу с участливым любопытством смотрела на дочь.

Сонечка равнодушно взяла бланк телеграммы и нога об ногу неторопливо скинула туфли. Потом она поднесла листок под свет бра и вдруг почувствовала, что привычный ей мир стал рушиться, как карточный домик, а сердце толчком подпрыгнуло, и перед глазами взад и вперед бегали строчки машинописного текста. Все, что сейчас происходило, казалось, происходило не с ней, а с совершенно другой девушкой, незнакомой и недостижимой, где-то там, в исчезающе-звонящей дали. Почему-то вспомнилась поговорка: «Этого быть не может, потому что не может быть никогда...»

Мать же во все глаза смотрела на дочь, пытаясь понять, что с ней происходит, и что-то спрашивала. А Сонечка видела только огромный, заслонивший весь мир лист телеграммы, и короткая строчка текста продолжала бегать перед глазами и от этого казалась длинной-предлинной: «Был плену вылетаю отпуском Саша».

пос. Кедровка

Тамара СТРАХОВА

Душман

(Документальный рассказ)

Чего только о нем не рассказывали! Например, такое: приехал новенький, то ли туркмен, то ли таджик, ну, словом, в национальной одежде — тюрбетейка, халат полосатый. Важно так идет. Вальяжно. И вдруг Бульба с криком: «Душман!» — выскакивает из-за угла и со всего размаха налетает на среднеазиат. Далее — кувырком в кусты. И оттуда — друг за другом — на четвереньках. Большинство отнеслось к этому со смехом. Кроме таджика (или туркмена) да его родственников. Возможно, после этой истории Бульба (поскольку с Белоруссии приехал) и стал Душманом, а может, просто потому, что служил когда-то в Афганистане.

Щупленький, с прищуренными глазками, похожий на драчливого петушка, иногда Душман надевал голубой берет, придавал практически всегда нетрезвому лицу многозначительность и сверлил взглядом толпу в поисках очередной жертвы.

Жертвой, впрочем, чаще всего оказывался он сам и терпеливо носил ссадины и синяки, разбитые губы и швы на бровях. А «жертвы» Душману являлись всюду: то спекулянты водкой наколют, то свои же братцы-афганцы обвинят в невесть каких грехах и морду начистят. Летал бедный Душман от крепких кулаков, как мячик от сетки к сетке. Чего искал? Чего хотел — сам не знал. Да вряд ли узнает когда-нибудь. Вот бывает у человека такой характер. И все тут. Поперечный, одним словом.

Подкатывает как-то вечером Душман к неизвестно за что вдруг полюбившейся ему незнакомой компании и начинает «выяснять отношения». «Да пошел ты, козел!» — бросает ему в лицо один из них. «Это я — козел? Это я?..» — возмущается Душман. «Оппонент» тем временем скользит взглядом по щупленькому Душману и лениво так и снисходительно роняет: «Да ты и на козла-то не похож». «Это я не похож, это я?..» — возмущению Душмана нет границ, да что с него взять? Поперечный, он и есть поперечный.

Пил, впрочем, Душман всегда с одной компанией и изменял ей крайне редко. Компания была настолько стабильна, что каждый вечер являла собой словно живую фотографию: справа — красавчик Луи (имя настоящее) и далее по курсу: Юра с ослепительной улыбкой, добродушно-потный Сапер, смакующий одни и те же анекдоты, Леха-москвич, добытчик спиртного, черноглазый Валера с юной женой, похожей на него, словно сестра на брата, пышноволосяный Славик, хронически обмывающий одну и ту же попку. Ну и, конечно, Душман. Женщин, кроме жены Валеры, не приглашали. Да если бы и пригласили, какая женщина смогла бы выдержать такое обилие сквернословий и сальных анекдотов? Гуляли, как правило, «с размахом». А какой «размах» без драки? Заводилой, естественно, был Душман. Талант такой у человека, ну что подделаешь! Разнимал, если сам не дрался, Леха-москвич. Однажды сцепились Леха и Душман. Леха при наличии кое-какой силы свалил Душмана на землю, наступил ему ногой на горло и закричал: «Убью гадину!» Но изловчился Душман и заехал Лехе со всей силы по близлежащему интересному месту. Взвыл Леха. И не пил три дня. Душман же гордо не попадался Лехе на глаза, потом напился вдрызг и во всеуслышанье перед Лехой покаялся. Простил Леха, поскольку проверил накануне свои мужские способности, совершенно успокоился, да и не зол был характером. Да и вся компания, протрезвев, являла собой очень мирное зрелище.

Так они и останутся в моей памяти: справа — красавчик Луи с повреждением шейного отдела спинного мозга, держащий прикуренную кем-то сигарету двумя еле гнущимися руками (полный паралич ног и частично рук), дальше по курсу: старлей Юра, поменявший собственные зубы на полный рот ослепительного металла, Сашка-сапер с ампутированными чуть ли не от бедер ногами, Леха-москвич, несколько лет сопровождающий по клиникам и санаториям парализованного после Афгана брата, Валера, чья жена давно забыла, что такое ласки мужа, ибо после ранения нижняя часть его тела потеряла способность двигаться и чувствовать, Славик, обмывающий свою дорогостоящую импортную коляску, на которую он копил деньги почти два года. Ну и, конечно,

Душман, инвалид, лежащий там, в А... может, в... му, где л... чем говор... и качали... ведливост... да тащил... запутался... чая свои к... чишь! И в... станут же... сточенно

Надежда

Семе... лам, за... В их по... самых об... Емелья... сшить: д... рии, на... вать. А... вала хо... да обло...

— Ез...

лочки и... на. — Д... уже пр...

И во... пошел... вался «... станции... метров.

Креп... нут чер...

Душман, с перебитым позвоночником, летающий на инвалидной коляске от компании к компании и объявляющий постоянную войну. Кому? Тем, кто остался там, в Афгане, или тем, по милости которых... А может, все-таки миру, такому жестокому и нелепому, где лучше, чтобы тебя били по пьяной морде, чем говорили глупые и жалкие слова, смотрели вслед и качали головами? Чего ты ищешь, Душман? Справедливости? Да нет ее. Ты это понял еще тогда, когда тащил раненого друга и с ужасом заметил, что запутался в его кишках. На что ты надеешься, получая свои каждодневные шишки и синяки? Ответ! Молчишь! И все молчат. Им просто нечего сказать. Не станут же они колотить себя в грудь кулаками и ожесточенно кричать: «Это я, это я на козла не похож?!»...

г. Ленинск-Кузнецкий

Надежда Усольцева

ДНЕВНИК КИБОРГОВ**

День первый

Семен Демьянович приехал в Казанск по делам, заказанным его Анастасией Емельяновной. В их поселке днем с огнем нельзя было сыскать самых обычных швейных иголок. А его дражайшей Емельяновне приспичило постельное белье шить: дешевле, чем покупать, да и запасы материи, накопленные годами, надо было использовать. А последняя иголка у «Зингерки», как называла хозяйка древнюю швейную машинку, возьми да обломись в самом начале работы.

— Езжай, Семен, в город. Проветришься да иголочков купишь, — отправляла мужика Емельяновна. — Да зайдешь к племяншу. Как они там? Давно уже про себя знать не дают...

И вот Семен Демьянович вышел из автобуса и пошел напрямик в магазин, который так и назывался «Все для дома». Находился он рядом с автостанцией, и пути до него было не более сотни метров.

Крещенский морозец подгонял его. И уже минут через тридцать иголки лежали в кармане. На

всякий случай и ниток прикупил, хотя хозяйка не наказывала.

— Авось сгодятся, в хозяйстве это вещь нужная, — думал Семен Демьянович. — А иголкам наша мать рада будет, целый десяток купил, до смерти хватит шить ими. — И он поспешил племянша попроведовать.

До автобуса оставала еще уйма времени. Ходил он к ним в поселок всего дважды: утром и поздно вечером.

Долго звонил Семен Демьянович в дверь племяншовой квартиры. Никто так и не отозвался. Тогда он позвонил в дверь напротив. Полуглухая бабка приложила к уху ладонь:

— Каво надо-ть? — как все глуховатые громко спросила она.

117 — Так вот, к премяннику приехал, а его нет, — тоже прокричал Семен Демьянович. — Люська-то его дома должна быть, поди так же не работает...

— Люська-то, — ответствовала бабка, — да, не работает. Так она уехала к матери в гости. А Колька-то на работе до ночи буде...

— Ах ты, елки-палки, — в сердцах бросил Семен Демьянович, — надо же, не повезло...

Он вышел из подъезда и остановился в раздумье: куда податься. На улице не лето, долго на морозе не проторчишь.

— Тьфу ты, — он плюнул под ноги. — Чего ж делать-то? — вслух размышлял он. И вдруг его осенило, схожу-ка к Митричу, дома, поди, сидит, где пенсионеру болтаться в такой мороз.

С Митричем Семена Демьяновича свел лет пять назад случай. Как-то на базаре в ряду торговцев, продававших немудреный хозяйственный скарб, он разговорился с мужиком своего возраста, грубоватым, со всклокоченными волосами, одетым в старенький сюртучок. Тоже родившийся, как и Демьянович, в деревне, мужичок нашел общий язык с новым знакомым. Он зазвал его в гости, где их приветила живая тогда еще Нюра. Попотчевала их, и они долго сидели на крыльце старенького дома Митрича, вспоминая деревню, кляня перестройку, судача о крутых русских, о том, что народ стал недобрым и несострадательным.

Потом еще как-то Семен Демьянович года два назад побывал у Митрича, когда уже тот похоронил Нюру. Он не знал ни фамилии его, ни имени: Митрич да Митрич.

Выход из положения обрадовал Семена Демьяновича, и ноги его заспешили по дороге к домику случайного своего знакомого. Занесенный снегом домишко только посверкивал стеклами окон, как глаза из-под шапки, покрытой морозным куржаком. Тротуар был очищен от снега, из трубы шел столбом дым.

— Стал быть, дома, — обрадовался Демьянович, толкнул дверь, и она открылась.

— Ишь ты, не боишься так-то вот незакрытым сидеть, — громко произнес гость, входя в комнату, — нынче-то всяких хватает, и за десятку пришьют...

— А, Семен, — повернулся хозяин, — здорово, — он приподнялся с табурета и протянул руку гостю. — А чего бояться-то, — продолжил, — тут рядом соседи, народ надежный. Да и что со старика брать. Каким ветром-то занесло?

— Так вот... — Семен Демьянович изложил свои дела.

— Ну коль так, проходи. Мне-то веселей будет, а то все сижу пень пнем, поговорить не с кем. — Он открыл старый буфет, достал бутылку самогона, порезал сало, хлеб.

— Садись, Семен, — пригласил гостя.

Выпили по первой, по второй, а потом как по маслу пошло. Митрич полез в буфет за второй бутылкой.

— Пей, — уже повеселевшим голосом заставлял друга, — пей, у меня много, сам произвожу.

— Так уж хватит бы, чего-то у меня последнее время сердчишко барахлит, — робко сопротивлялся Демьяныч.

— Пей, какое там сердчишко, один раз живем, — и набулькал еще по полстакана. Выпили.

— Ты знаешь, Демьяныч, как хреново-то одному жить. Как Нюру-то схоронил, совсем отшельником стал, думаю, с ума сойду, если так вот еще годик прокукую в одиночестве. Надумал тут соседку через дорогу посватать...

— Ну и как?..

— Как? А никак. Она, стерва старая, не хочет ко мне. Ты, говорит, пьешь много. Да и чего мне к тебе идти, штаны что ль стирать?

— Смотри-ка, Митрич, правда, змеюка, — голова его резко упала на грудь и послышалось слабое похрапывание.

Митрич не заметил, что его друган заснул.

— Я и говорю, змея толстая, я ей отомщу как-нибудь. Она еще меня попомнит, — грозился он, — а ты че это, Демьяныч, — он толкнул гостя, — никак задремал? Пошли, пошли, — он растолкал его, приподнял и, пошатываясь, дотащил до кровати и бухнул его как есть в пиджаке, сапогах поверх одеяла. Сам, глотнув еще самогона, улегся на старый протертый диван. Комната заполнилась храпом.

118

День второй

Митрич проснулся рано от того, что стал зябнуть. Поднялся. Голова была тяжелая, гудела. Подошел к столу. Вылил недопитое из бутылки в стакан, опрокинул его в рот. Стало теплее. Подошел к печке, выгреб золу и затопил по новой. Гость его тихонько лежал на кровати.

— Надо-ть будить. Эй, — позвал громко, — вставай, ехать, однако, пора. Дома, поди, потеряли.

Семен Демьянович молчал. Толкнул его в плечо. Лежащая на груди рука плетью упала вниз.

— Эй, Семен, — испуганно позвал еще раз, — вот набрался-то, вставай, вставай.

Семен Демьянович не шевелился.

— Вот те на, хренова картинка, — в страшной догадке произнес Митрич, — робко приложил ухо к груди Семена. Там было глухо. — Ах ты, так твою мать, однако, помер! — Он бегом накинул фуфайку и побежал к магазину, где работал единственный на весь околоток телефон.

— Але! — кричал он в трубку. — Это «скорая»? В чем дело, в чем дело?! Тут у меня человек помер. А может, еще живой. Адрес? Так счас, счас. Пишите: Угловая, 35.

Он бросил трубку и понесся домой. Через полчаса приехала «скорая». В темноте они с трудом

отыскали дом Митрича. Приехали молодой врач и медсестра, женщина лет сорока.

— Где ваш больной?

— А тут-тут, — беспокойно мельтешил Митрич, вот он, на кровати.

Врач взял руку Семена Демьяновича и тут же положил ее обратно. Приоткрыл веки и заглянул в зрачки:

— Поздно, батя...

— А чего ж делать мне?

— А чего хотите. Мертвых мы не возим. А если бы забрали, то деньги платить надо бы. Оплатите — увезем.

— Как деньги?!

— Так вот. Заплатишь, дед, и увезем... А если нет, то уж извиняй...

Они хлопнули дверью, и Митрич услышал только, как газанула машина.

— Чего ж делать-то? — метался хозяин. — Вот горе-то свалилось на мою голову. Надо домой, его родным сообщить, — сообразил он. Осторожно проверил карманы, но кроме иголок и ниток ничего не нашел. Он знать не знал, где его друган живет.

— Вот влип, — совсем растерялся Митрич.

Накинув фуфайку, он опять помчался к телефону.

— У меня тут труп лежит, — пояснил он, набрав «02». — Кто такой? Да знакомый один умер... Какие деньги... Нету у меня денег. Алле, алле... — из трубки послышались гудки...

Митрич чуть не заплакал от безысходности. Он опять поплелся домой. Сел за стол с разбросанной грязной посудой и пустыми бутылками, обхватил голову руками и запричитал:

— Вот дурак старый, как быть теперь?..

Немного успокоившись, он поднялся, подошел к кровати, где лежал уже остывший Семен Демьянович.

Ты уж прости, Семен...

Он натянул на покойного шапку, пальто и поволол к двери. Открыл ее, вытащил тело в коридор,

открыл кладовку и затащил туда. Потом вернулся в комнату и целый день сидел в напряжении. Не ел, не выходил на улицу. Только еще выпил полстакана самогона, чтобы снять напряжение. К вечеру созрел план, и Митрич спокойно заснул, заведя на всякий случай будильник на пять утра.

День третий

Проснувшись от трезвона, он сразу и не вспомнил о случившемся: заспал. Но как только ноги коснулись пола, его как током прошило: в кладовке-то мертвый Семен. Митрич быстро оделся и вышел в сени. Тело, схваченное морозом и смертью, не гнулось. Он бревном вытащил его на крыльцо и взвалил на спину. Тихонько, чтобы не скрипел шибко снег, направился к дому напротив. Стояла жуткая тишина. Только послышалось, как брехнула где-то собака, и лай ее звонко в морозном воздухе отдался по всей улице. Осторожно пнув калитку своей несостоявшейся «невесты», Митрич вошел во двор, поднялся по ступенькам и положил тихонько тело перед дверью. Потом, перекрестившись, хотя в Бога никогда не верил, так же осторожно перешел улицу и вошел домой, на сей раз закрыв дверь на крючок.

Начало понемногу светать. Тетка Лиза, проснувшись, решила вынести золу и занести ведра два угля. Она взяла зольник, откинула крючок на двери веранды и толкнула ее плечом. Дверь чуть-чуть приоткрылась. Она вновь нажала: не поддается. Догадавшись, что что-то мешает, поставила зольник на пол и всем телом надавила на дверь. Та с трудом поддавалась и немного открылась. Тетка Лиза протиснулась, глянула вниз и чуть не заголосила на всю улицу. Но вопль застрял у нее в горле. Придя в себя, она с трудом отодвинула тело в сторону, открыла полностью дверь и затащила его на веранду. Навесив замок, быстро пошла в соседний дом.

— Ты что такую рань, Лизавета, — удивленно спросила не проснувшаяся еще как следует подруга ее.

— Ой, Сонюшка, что скажу-то.

— Господи, на тебе лица нет, что приключилось-то?

— Сонюшка, я покойника нашла... — шептала тетка Лиза.

— Да с головой-то у тебя в порядке ли? Какой такой покойник?

— Да самый обыкновенный, на крыльце лежал, — она запричитала. — Что делается-то? Сонюшка, как быть-то?

— Успокойся. — Сон у подруги как рукой сняло. — Счас я оденусь.

Вдвоем они вернулись в дом тетки Лизаветы.

— Да, подруга, дела так дела, — увидев покойника, ахнула Софья. Она до последнего не верила сказанному, думала, что по старости у той с головой что-то происходит.

— Что делать-то будем? На дворе уж светло. Народ ходит.

— Может, в милицию сообщить?

— Ладно, сиди дома, я позвоню. — Тетка Соня, стараясь идти медленно, обычным шагом, чтобы не привлечь внимания, пошла к магазину.

— Вы что там, на своей улице, с ума посходили? — услышала она в трубке в ответ на свое заявление. — Что у вас десятки трупов там валяются? — и трубку на том конце положили.

Ужас охватил тетку Соню от пришедшей в голову догадки: покойника подложили! — Ох, все это неспроста. И когда она изложила версию подруге, та онемела от страха.

— Ой, Сонюшка, — еле прошептала она, — делать что-то надо. — Голова ее уже ничего не соображала.

— Что-нибудь придумаем, подожди, подожди немного. Дай сообразить, — успокаивала тетка Соня. Немного погодя, она внесла предложение: — Подождем до темна, а потом вынесем его в переулок, ну туда, где свалка за Семеновыми.

Январский денек короток. Стемнело быстро. Но бабенки не торопились, мало ли, в такой ранний

час, несмотря на темноту, глаз у улицы много. И только ближе в полуночи, вытащив из сарая санки, они взгромоздили на них тело, прикрыли одеялом и, оглядываясь, повезли жуткий груз на помойку.

День четвертый

Тело Семена Демьяновича обнаружил младший Кузьменок ближе к обеду. Он прибежал домой с расширенными от страха глазами:

— Мамка, а на помойке дядька мертвый лежит.

— Тьфу на тебя, — махнула рукой мать.

— Мам, не вру, правда, правда. Мы с Мишкой пошли очистки выбрасывать, там его и увидели, — возбужденно тараторил Ромка. — Мишка мамке своей тоже побежал рассказывать...

Через полчаса на помойке собралось пол-улицы. Народ судачил, собравшись вокруг умершего. Отправили гонца звонить в милицию. И тот вскорости вернулся совсем растерянным и ничего не соображающим.

— Знаете, что мне менты сказали? Говорят, вы на своей Угловой все психбольные. Они даже разговаривать со мной не захотели.

— А может, сжечь его, — предложила одна из бабенок, — если он ничейный, никому не нужен, кто ж его хоронить будет...

И народ принял это дикое решение без возмущения, только взяться за это никто не решился. Все стали расходиться. И бедное тело Семена Демьяновича, застывшее и совсем бесхозное осталось лежать на помойке. Оно лежало до позднего вечера, пока один из жителей не выдержал и не позвонил знакомому:

— Слушай, помоги, там у нас на помойке мертвец лежит, никто не забирает. А ребятня-то бегают. Заведи свой газон, отвези его в морг что ли. Заплачу уж...

День пятый...

День шестой...

Люди и киборги продолжали жить.

г. Анжеро-Судженск

** Для неосведомленных: киборги — люди-роботы, внешне ничем не отличающиеся от человека, но не обладающие человеческими качествами души.

Нина

СА

Уже
фессорск
какой не
шляпчон
на тощем
рожилам
рить муд
своего «п
порой оч
мого кум
«Про
своей ба
рану и п
дывать с
вольны.

От н
воду и п
помощи
цать уп
свое род
да пода
известн

За ус
одежонк
домности

Сань
ка к его

Вот п
ке окол
к старор
ные пал
ложитс
под мап

Хозя
ной пл
посерб
стый ча
всю дол

От ж
совсем
вый по

Нина КРАСОВА

САНЬКА — БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК

Уже которую зиму Санька-бич обживает профессорскую баню. Владелец-дачник, конечно, никакой не профессор, а бухгалтер. Но неизменная шляпчонка, круглые очки и светленький костюм на тощем теле внушают почтение поселковым старожилам. Нежная «антилегентность» и умение говорить мудро вызывают умиление, а желание иметь своего «профессора» заставляет закрывать глаза на порой очень даже шкурнические поступки обожаемого кумира. Ну, да это не грех.

«Профессор» позволяет Саньке зимой жить в своей баньке, за что последний обязан блюсти охрану и порядок, вовремя расчищать дорожки, скидывать снег. Саньке это даже в радость и оба довольны.

От нечего делать Санька рубит дрова, носит воду и помогает по хозяйству всему жаждущему помощи населению поселка. А это дворов пятнадцать упрямых стариков, не желающих покидать свое родовое гнездо, да с десяток тех, кому некуда податься, или тех, кто просто страшится неизвестной городской жизни.

За усердие подкармливают, снабжают кой-какой одежонкой и за доброту да столь редкую в его бездомности трезвость называют «Божьим человеком».

Санька — мастер на все руки, и потому тропка к его жилью всегда натоптана.

Вот и сейчас он сидит на низенькой табуреточке около окошка и прилаживает новую подшивку к старому прохудившемуся валенку. Его проворные пальцы ловко управляют с дратвой, и она ложится ровненькой строчкой, словно выходя из-под машинки.

Хозяйка валенка, дородная старуха в поношенной плюшевой жакетке, примостилась напротив, посербивая настоящий на таежных травах душистый чай, который Санька знахарски готовит себе всю долгую зиму.

От жарко натопленной печи и от чая Михеевна совсем разопрела. Жакетка расстегнута, а пуховый полушалок лежит на коленях. На ее толстом

обмякшем лице все крупно, и даже поблекшие глаза неопределенного цвета большие и добрые. Она ласково наблюдает за работой и густым басом с легкой одышкой поучает Саньку:

— ...Это ж все денежки. Скопил бы, избенку купил. Да с твоими руками и самому хоромишку построить — делать неча. Аль к какой вдове б пристроился. Счас трезвые мужики в ба-а-льшой редкости. Не мальчик, чай. Сколь по чужим баням мыкаться? Годы человеческие катючие. А тут семья б была, детки. Я вот сама-то давно ли еще в девках парням головы кружила...

Санька наизусть знает всю жизненную историю Михеевны и не слушает, а лишь согласно кивает головой. Мысли его далеко.

121 Семьи Санька не знал никогда. Самые нежные его воспоминания были связаны с детским домом. Когда он пытался представить свою мать, то всегда память подсовывала ему образ сухонькой Нянь-лизы, которая учила его когда-то есть ложкой кашу. С отцом было и того сложнее — с мужиками в детском доме было туго. А кочегар, дед Егор, с вечно похмельными глазами на образ отца не тянул. Но все это как-то не тяготило Саньку.

Что бы там ни говорили о детских домах, это был ЕГО дом. А плох он или хорош, каждый судит по-своему. Санька же вообще ни о чем не судил. Он просто с пеленок наслаждался жизнью. Со спокойным удивлением он взирал на мир пронзительно голубыми глазами, вбирал его, растворялся в нем, улыбался светлой радостной улыбкой ему навстречу.

И только когда Саньку кто-то пытался обидеть, улыбка его становилась немного растерянной. «Вы что же, люди? Зачем причинять друг другу боль? Ведь так прекрасно жить и любить!»

Одним словом, обижать его было совсем не интересно, и скоро даже самые отъявленные хулиганы стали обходить Саньку в своих не всегда безобидных шалостях.

— ...Да вот, хоть Зойку Нефедову возьми. — Вывела Михеевна Саньку из воспоминаний. — Пятый год вдовствует, а блюдет себя. У нас тут все, как на картинке. Сколь к ней дачники подкатывали, винты закручивали! И-их! А она никаких тебе

хухры-мухры не позволяла. Это уж тебе всяк скажет. А баба видная, хозяйственная. И детенков в порядке держит. Детки — они не помеха. Зойка молодая и тебе еще успеет парочку народить...

— Все правильно говоришь, Михеевна. Получай свою обувь в полной исправности. А про Зойку я подумаю.

— Вот-вот, подумай.

Санька смотрел, как удаляется Михеевна с валенком под мышкой раскачиваясь, словно матрос на палубе, по узенькой тропке. О Зойке он не думал. Он думал о том, что небо стало выше и сугробы наливаются тяжелой влагой, вбирая в себя лучи повеселевшего солнца. Что по насту нужно натаскать хвороста несколькими немощным старушкам, чтобы хватило на все лето для растопки. Что пора готовить провиант и пересмотреть одежду.

Весна! С ее первыми признаками с Санькой всегда происходят странные перемены. В его долговязой крупной фигуре появляется несвойственная ему суетливость, синие в мохнатых ресницах глаза начинают соперничать по чистоте с высоко распахнутым небом, а улыбка то и дело ломает четко очерченную линию рта. Он просто на глазах молодеет, и старухи, глядя ему вслед, вздыхают: «Затаежился наш Саня...»

Тут уж Санькины подопечные не ударят в грязь лицом. Глядь, то одна, то другая бабка тянутся к узелку к «профессорской» баньке. А в узелке сухарики, топленое маслице, творожок.

— Возьми, милоч, в тайге, чай, пригодится. Не обидь, сынок.

Санька берет. Не обижает. Сухари сыпает в холщовый мешок, маслице складывает в бидон и закапывает в снег для сохрану, а вот с творогом священнодействует по собственному рецепту. Растирает его в миске, хорошо солит и лепит маленькие лепешечки. Потом выкладывает их на газету и сушит у печки.

Хорошо будет по вечерам у костра положить в рот эту соленую прелесть и запивать дымящимся травяным чаем.

Как только зачернеет дорога и вокруг деревьев появятся первые проталины, Санька рано поутру

встает на самодельные лыжи и идет к своему летнему жилищу.

Ходить ему туда и обратно приходится несколько раз. За зиму он как-то незаметно обрастает новым скарбом, одежкой, всем тем, чем жертвуют сердобольные старушки за его труд и ласку.

Возвращаясь за очередным мешком с поклажей-провизией, Санька набирает по вытаившим взгоркам только что проклюнувшуюся черемшу и разносит этот первый таежный дар по своим старушкам-подружкам и не только старушкам. Вот в каком-то дворе блеснут из-под платка глаза-печалинки:

— Может, останешься, Саня?

— Нельзя мне, — улыбается Санька, — тайга заждалась. Я еще загляну...

122

В это лето у Саньки появился друг-напарник по его бродячей жизни. Был то громадный пес неизвестной породы: рыжий, лохматый, лопоухий и совершенно не признающий никаких преград. За его стремительность Санька обозвал нового друга Самострелом. И кличка эта, видно, псу понравилась.

Подправив еще по весне прирушенное зимою хозяйство, подлатав землянушку и навесы, друзья зажили привольной таежной жизнью, давя живицу, собирая травы и корни и пропадали целыми днями на небольших ручьях, выуживая осторожного хариуса.

Так и прокатилось бы короткое сибирское лето в веселых заботах, не случись той оказии.

Ранним утром шарил Санька по дну ручья в поисках ручейника. Рядом нетерпеливо скакал Самострел в предвкушении рыбалки. Солнце чуть приподнялось из-за лохматых елок и освещало дно ручья, помогая различать среди камушков лениво двигавшиеся трубочки с личинками. Вдруг прыгающий луч наткнулся на что-то и засверкал, отражаясь, как от зеркала. Санька протянул руку и на ладонь его лег тяжелый камушек с неровными краями, с желтым металлическим блеском.

— Елки-моталки... — прошептал Санька и легкая испарина прошла по его спине. — Золото!..

Напрасно пес скулил и звал хозяина на рыбал-

ку. Тот до метра обшарил метром обшарил рыбалку, но

Когда со разглядеть голодные др сидел чуть и удивленно у огня Саньк слюну. Нет, лый день, п перь молча. Такого нев наблюдал р было настро что с друго даже малей на грудь, л ему, по со мочь, разве ло, и псу поскуливат

Санька ся. Какая-т ро, заставл как при ли он нашел первого) от не давали

Санька Вынул кам сунув в пу лок полки. нил, что в Выйдя, по стал выкл

Ночью ных мысл сто физич нания о д были свет ином свет

Ну вот рода Н-ск

ку. Тот до позднего вечера сантиметр за сантиметром обшаривал дно ручейка, забыв не только рыбалку, но и еду.

Когда солнце село и трудно стало что-либо разглядеть среди речных камушков, усталые и голодные друзья вернулись к землянке. Самострел сидел чуть поодаль костра, наклонив голову набок и удивленно-внимательно глядел на возившегося у огня Саньку, лишь изредка сглатывая голодную слюну. Нет, не нравился ему сегодня хозяин. Целый день, подобно утке, плюхался в ручье. А теперь молча помешивает в котелке кашу. И молчит! Такого невнимания к себе Самострел никогда не наблюдал раньше. И все его собачье чутье сейчас было настроено на хозяйскую волну. Чувствовал, что с другом что-то происходит, но не улавливал даже малейшего сигнала, чтобы броситься к нему на грудь, лизнуть в щеку или еще как-то по-своему, по собачьи, выразить свое сочувствие, помочь, развеселить. Но сигнала так и не поступало, и псу оставалось лишь сидеть и досадливо поскуливать, выражая свое недоумение.

Санька и сам не мог понять, что с ним творится. Какая-то противная дрожь сотрясала его нутро, заставляла руки трястись, а голова пылала, как при лихорадке. Тяжелые камушки (а за день он нашел еще два, только раз в десять меньше первого) оттягивали нагрудный карман куртки и не давали забыть о себе.

Санька в сердцах сплюнул и пошел в землянку. Вынул камни, минуту подержал их на ладони и, сунув в пустую банку из-под кофе, задвинул в уголок полки. И сразу как-то стало легче. Он вспомнил, что весь день не ел сам и не кормил собаку. Выйдя, потрепал подбежавшего пса за холку и стал выкладывать кашу из котелка.

Ночью не спалось. Обрывки самых разнообразных мыслей копошились в голове, и Санька просто физически ощущал это копошение. Воспоминания о детском доме, хоть и редкие, но всегда были светлыми. А сегодня вдруг все предстало в ином свете.

Ну вот что он, воспитанник детдома № 18 города Н-ска, имел своего? Собственного? А ничего!

Имя ему дали «Санька» потому, что нашли его лежащим на саночках. Это уж потом в документе записали Александр Иванович Найденов. Найденовых Ивановичей в детдомах всегда хоть пруд пруди. Вот и выходит, что чужое это имя. А вместе с именем и одежда; и комната, в которой он жил вместе с такими же, как он, найденными и отказными и отнятыми у непутевых родителей; и учебники, по которым Санька впервые учился складывать слово «ма-ма», — все было чужим. Все принадлежало всем и никому отдельно.

Эта мысль так поразила Саньку, что он даже подскочил на своем роскошном травяном тюфяке. Нащупав в темноте на полке забытые охотниками еще с осени сигареты, он вышел к дотлевающему костру. Пес лениво потянулся за ним.

123 Вообще-то Санька не курил. Но сейчас вдруг очень захотелось всласть затянуться горьким душистым дымом, почувствовать в голове легкое кружение и избавиться, наконец, от всей этой назойливой чепухи, что заливают душу едкой желчью.

Утром проснулся с легкой головной болью, но, пересилив желание полежать, стараясь не смотреть в тот угол, где стояла баночка со злополучной находкой, вышел из землянки.

Солнце еще только пробивалось сквозь густой таежный гребешок. Над распадом поднимался туманец. Санька выполоскал рот остатками вчерашнего чая, избавляясь от противной горечи выкуренных сигарет, и, собрав удочки, свистнул Самострела.

В течение трех дней он упорно старался ни о чем не думать и целыми днями продирался по таежным ручьям, пока не поймал себя на том, что мало интересуется поплавком, а внимательно вглядывается, вбирает в себя глазами каждый камушек, отмытый чистой родниковой водой, выискивает среди чудного многоцветья заветный рудный отблеск. И боится его. И жаждет.

Ну что ж, клин клином вышибают. И вечером, надрыв бересты, Санька принялся мастерить лоток. Как-то так происходило, что виденное однажды намертво впаивалось в Санькину память и

даже многое время спустя руки могли точно воспроизвести что угодно; словно всю жизнь только тем и занимались. Подобные лотки Санька видел на Магаданских приисках, куда когда-то заносила его бродячая судьбина. Теперь пригодилось.

Вот уже почти месяц Санька настырно перелопачивал дно и бережки ручья. Первое время везло. Баночка хоть и медленно, но наполнялась. Но вот уже несколько дней на дне лотка не оседало ни крупички. Санька злился. Вечером, попивая чаек, он вдруг вспомнил точно такой же вечер у костра на далекой Колыме.

После вахты это были святые часы. Кто тянул чифир, кто сигарету. Здесь же у костра чинились прохудившаяся обувка и разорванный рукав рубашки. Рассказывались и слушались невероятные старательские байки о баснословном фарте и жутких таинственных убийствах.

— Золото — это страшная сила, братки. — старик Пахомыч шевелил угольки в костре. — В чистых руках оно сколь добра сотворить может! А попадись злему человеку — беды не оберешься.

— Тебя, Пахомыч, послушать, так и жить не захочется, — оскалился мелкий мужичонка в непомерно большой клетчатой кепке, за которую получил кличку «Олег Попов».

— Золотишко — оно завсегда благо. Вот я получу свой пай и поеду домой. С деньгой-то меня всякая баба примет, как родного. И не посмотрит, что я рожей не вышел. Не как раньше. Э-эх, и заживу же я барином! Костюм куплю с блестящей, корочки лаковые. Завалюсь с кралей в кабак: «Подать сей минут коньяк-шампанское с ананасами...»

— Надолго же тебе так твоего пая хватит! — морщит в усмешке Пахомыч свое лицо, похожее на печеное яблоко.

У костра завязывается спор о том, как лучше использовать заработанные таким трудом на прииске деньги. Спор, который незаметно перетекает в рассказ о каком-то шибко фартовом парне.

— Дурак он, ваш знакомец, — глубокомысленно заявляет Олег Попов. — Кто ж с самородком к государству суется?! Там только посветись! Стодохлых собак на тебя навешают — жизни рад не

будешь. Нужно искать ювелира-частника. Лучше, конечно, еврея. Еврей сам государства боится и выгоду свою не упустит. Вот и получается, что волки сыты и овцы целы.

— Кончай, хвилософ, баланду травить. Айда, братки, на боковую. — Пахомыч, как обычно, первым поднимается от костра.

Сегодня с утра идет веселый теплый дождик. Быть грибам. Санька нежится под навесом на ворохе пахучего сена.

Давным-давно, когда Санька уезжал из детского дома в ремесленное, Няньлиза подарила ему книжку «Новый Завет». О существовании Бога он никогда не задумывался, но читать об Иисусе нравилось. Ему нравился этот человек, не имеющий своего крова, бродивший по земле с товарищами и говоривший такие правильные слова о жизни. Ему казалось, что живи Иисус сейчас, они могли бы подружиться и вместе бродить по бесконечным дорогам. Санька до слез огорчился, перечитывая главы суда и казни, и искренне радовался воскрешению Христа из мертвых.

Сейчас он читал об искушении: «Опять берет Его диавол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если, пав, поклонись мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему служи. Тогда оставляет Его диавол, и се, Ангелы приступили и служили Ему». Санька откладывает книгу и пытается представить картину только что прочитанного. Вот уже не Иисус, а он, Санька, стоит на вершине горы и перед ним расстилаются все красоты мира, и это его вопрошают: поклонись ли? А если взаправду? Что стоит поклониться? Спина, чай, не переломится. Хорошо Ему было отказываться. Он и так знал, что все Ему принадлежать будет. Как-никак, а Сын Божий. И на казнь идти не страшно было, потому что знал — воскреснет.

От таких мыслей Саньке вдруг сделалось не очень хорошо. Словно вот так, ни за что, ни про что предал он лучшего друга. Покосился на лежащую рядом книгу и погладил ее: прости, друг, не подумал. Но легче от этого не стало.

А ночью п...
ешке нар...
надобно, к...
в городе ку...
нарожаешь...
Тво-о-о-е-е!
чание слова...
чальные оч...
вите, как п...

В городе...
цам в поиск...
годы, прове...
ошалел от г...
потью. Нак...
здания он п...
кая. Ювелир...
го, поглазе...
когда в за...
шел к окош...
нявый муж...

— Вот т...
мужчине тр...
это... в руч...

Последн...
пицу, на Са...
вание выра...
го, изменил...

— Мину...
Выбежа...
рыл дверь...
крыто» и з...

— Знач...
смотрим.

И уже...
цах, смотре...
костью из...
кому росту...

Через...
ювелир ус...
ными глаз...

— Золо...
лото. Что...

— Заче...
— А з...

каком так...

А ночью приснился Олег Попов. Он сидел на краешке нар и шептал с присвистом: «К частнику надобно, к частнику. Деньгу зашибешь, квартиру в городе купишь, на Зойке женишься, детишков нарожаешь и все ТВОЕ будет. Не обчее, а твое. Тво-о-о-е-е!» Санька вслушивался в сладкое звучание слова «твое», а где-то рядом качались печальные очи Христа и невидимый хор пел: «Живите, как птицы. Живите, как птицы...»

В городе Санька долго бродил по шумным улицам в поисках ювелирной мастерской. Отвыкнув за годы, проведенные в глухомани, он совершенно ошалел от города с его суетой, многолюдием и копотью. Наконец (о, радость!) на щитке у огромного здания он прочел надпись «Ателье. Парикмахерская. Ювелирная мастерская». Потолкавшись немного, поглазев на образцы перстней и дождавшись, когда в закутке никого не станет, Санька подошел к окошечку, за которым восседал тучный чернявый мужчина с холеным лицом.

— Вот тут у меня... посмотрите... — и протянул мужчине тряпицу с завернутым самородком. — Я это... в ручье, в тайге нашел...

Последний, брезгливо развернув, глянул в тряпицу, на Саньку и опять на тряпицу. В одно мгновение выражение его лица, надменно-упитанного, изменилось, и он вскочил из-за конторки.

— Минуточку!

Выбежав из-за загородушки, мужчина приоткрыл дверь в закуток, перевернул табличку «открыто» и захлопнул дверь. Щелкнул замок.

— Значит, говоришь, в ручье. Посмотрим... посмотрим.

И уже вертел самородок в толстенных пальцах, смотрел на него в лупу, капал какой-то жидкостью из пипетки, а Санька дивился его маленькому росту, толщине и проворству.

Через несколько минут, довольно хмыкнув, ювелир уставился на Саньку черными пронзительными глазками.

— Золото это, молодой человек. Самородное золото. Что будем делать? В милицию звонить?

— Зачем в милицию? — оторопел Санька.

— А затем, что там быстренько выяснят, на каком таком «ручье» ты его нашел.

— Да я правда нашел. Думал, что вы купите и дело с концом. — Санька аж вспотел. Никаких дел с милицией ему иметь не хотелось, хоть совесть его и была чиста. — Понимаете, мне бы немного денег. Одеться там, инструмент купить...

— Так, так. Видите ли, молодой человек, — покупатель немного подобрел и перешел на «вы», — мне рисковать из-за такой малости нет никакого резона.

— Ну так, если что, у меня ведь еще есть. И песок... — неожиданно для себя ляпнул Санька.

— И сколько же это «еще»? — в глазах ювелира засветилась и тут же погасла искорка интереса.

— Ну, со спичечный коробок, — соврал Санька, уловив эту искорку и уже слегка оправившись от испуга.

— О! Это уже деловой разговор. — Ювелир опять вышел из-за конторки и вынес два стула. — Давайте присядем. Вас как зовут?

— Санька... Александр то есть.

— Слушайте, Александр, я вам сейчас заплачу за это золото четыреста рублей. Больше не могу. Сами понимаете, товар левый. Да вам никто и не даст больше. А вот в милицию препроводят за будь здоров. Но это так — отступление. А через недельку вы привезете все остальное. Я деньги к тому времени найду. И на будущее договоримся. Согласны?

— Согласен. — на душе у Саньки потеплело.

— Вы подождите немного, я за деньгами схожу.

Ждал Санька минут двадцать и уже не на шутку беспокоился, как ювелир появился из боковой дверцы за шкафом, широко улыбаясь и неся в одной руке деньги, а в другой — початую бутылку коньяка.

— Вот и обмоем сделку, чтобы крепче была.

— Спасибо, я не пью, — смутился Санька, запихивая в карман деньги. Руки слегка дрожали. Слышанное ли дело — четыреста рублей! Он отродясь больше сотни в руках не держал. Ювелир даже рот приоткрыл от удивления.

— Я тоже не пью, но по такому случаю не грех по граммулке.

— Да я с детства спиртное не переношу. Даже с лекарством. Вы уж извините...

— Вот как? А я, знаете, чутко позволю... — и, плеснув в стакан, выпил мелкими глоточками.

На том и разошлись. Санька шагал по асфальтированным улицам и уже не замечал ни шума, ни толкотни. Его заботило только одно: как бы не перепутать день свидания с ювелиром. Ах, какой милый толстячок! И еще Санька прикидывал, сколько получит за оставшееся золото. Он купит в поселке дом и ружье, станет ходить на охоту вместе с бывальыми охотниками. И, может быть, даже женится и у него будут дети.

Эти мысли не покидали его и тогда, когда он ехал в душном автобусе, и тогда, когда вышагивал по едва заметной тропе к своей землянке, где его дожидался верный Самострел.

Саньку нашли рыбаки. С верховой, нагуляв жирок, покатила белая рыба, и мужики ставили по омуткам сетешки, чтобы зимой побаловать себя пивком с рыбкой после упаристой баньки. Выходя

после лова из распадка, они-то и услышали надрывный песий вой. Сробели.

— Да никак это Санькин пес надывается, — вспомнил один из рыбаков, и они пошли на вой, осторожно пробираясь сквозь валежины.

Санька лежал, раскинув руки, перед входом в землянку. Изорванная в клочья рубаха вся была бурой от крови. Его голубые глаза, уже потускневшие, были широко распахнуты в высокое равнодушное небо. Весь израненный, пес сидел рядом и, задрав морду, выл и выл, словно взывая к Божьей справедливости. В землянке все было перерыто и разорено. Здесь явно что-то искали.

Хоронили Саньку в поселке. Бабки стеной встали перед участковым и не отдали своего безродного благодетеля в чужие казенные руки.

На могилке поставили тесаный крест, на котором мальчишки стеклышком выжгли: «Санька — Божий человек».

д. Юго-Александровка

126

XXXXXXXXXXXX

XXXXXXXXXXXX

Эдик АРТЕЕВ,
6-й класс, пос. Вер

Вы вид
Кузнеч
А чудак
А хитру
А водо
Пещерн

Я сам т
И полз
Потом д
Про ко

На Бер
Такая б
На озер
Повсюд

Как?! Б
Природ
Тогда я
Заноче

А я сегод
Какое ог
Зашел я
И начал

Я встал о
Но сон м
Пошел я
И в ванн

Лежал я
Потом не
Приснил
И стая б

Они кри
Вставай,

СВЕТАИЦА

Эдик АРТЕЕВ,
6-й класс, пос. Верх-Чебула

МОЕ ЛЕТО

Вы видели кузнечика?
Кузнечика в лесу.
А чудака-воробушка?
А хитрую лису?
А водопад таинственный —
Пещерную красу?

Я сам туда карабкался
И ползал в темноту.
Потом друзьям рассказывал
Про кости там, в углу.

На Берчикуль приехали:
Такая благодать!
На озере крупнейшем
Повсюду тишь да гладь.

Как?! Вы еще не видели
Природную красу?
Тогда я вам советую
Заночевать в лесу.

ОГОРЧЕНИЕ

А я сегодня опоздал,
Какое огорчение!
Зашел я в класс, не постучал,
И начал объяснение:

Я встал сегодня в 6 утра,
Но сон меня склонил,
Пошел я умываться
И в ванну угодил.

Лежал я там чуть больше часа,
Потом не выдержал — заснул.
Приснились мне два водолаза
И стая бешеных акул.

Они кричат мне: «Ты, засоня,
Вставай, немедленно проснись!»

Будильник уж устал трезвонить,
Петух охрипший смотрит ввысь.

А там две стаи пролетают:
Вот облака, вот журавли.
И я за ноги птиц хватаю,
Чтоб вмиг до школы донесли.

И вот я здесь, спешил во сне
Я к вам, что было мочи.
Как?! Вы не верите все мне?
Я сам себе — не очень.

127

О ЧЕМ РАССКАЗАЛА МНЕ ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА

Однажды ночью я вышел на улицу и посмотрел на небо. На нем было много туч и что-то яркое виделось среди них. Это была одна звездочка. Я сел на крыльцо и долго смотрел на нее.

Примерно через час будто из души вырвалось: «Полярная». Да, это была Северная Звезда, мне почему-то сразу стало печально. Это, оказалось, потому что звезда не умела разговаривать. Я молча продолжал смотреть на нее. И вдруг! Она, словно околдованная моими рассуждениями, слетела вниз и села передо мной. О, боже!

Звезда молвит: «Привет, Эдик. Отчего такой печальный?» Я не мог говорить, лишь сквозь зубы пробормотал: «Откуда ты знаешь, как меня зовут?»

«Звезды все знают», — блеснула она.

«Тогда я прошу тебя, звезда, расскажи мне какую-нибудь историю». Она согласилась и начала: «Однажды со мной произошел случай...»

«Смешной?» — перебил я ее.

«Не знаю, но точно, тебе понравится. Была ночь, я, как всегда, летала над таинственным Севером и повстречала Северное сияние. Мы с ним стали играть в переливание цветов. У Северного сияния были синие, зеленые, белые и красные с желтыми, а я была блестящая. Вдруг мы увидели вспышки на Земле. Это были люди, они фотографировали нас.

Через семь дней и ночей стало приезжать много народа на кораблях, самолетах и вертолетах, на бортах которых было написано: «Все на Север, все на чудо». Мы с Северным сиянием

долго думали, что же это значит, а потом, вечером, наконец, поняли, что ЧУДО — это МЫ.

Ты догадался сейчас, о чем я говорю?»

«Ты хочешь сказать о том, как люди нашли тебя и Северное сияние?»

«Да, какой же ты догадливый! Но это еще не самое главное. Когда я освещала Север, то увидела замерзающего оленевода-ненца. Он и его олень уже выбились из сил, идя по глубокому снегу.

Тогда я решила попробовать помочь им. Я пустила искорку на него и его оленя, и они стали сразу же увереннее, сильнее и быстрее. Его олень взмыл к небесам и протрубил песнь жизни. Я была очень рада и поняла, что быть ЧУДОМ — это делать людям добро, спасать их жизни, радовать людей, животных и птиц».

За эту ночь я узнал и понял много интересного от звезды и мне стало сразу легче жить.

Никита ЗАЙЦЕВ,
2-й класс, г. Кемерово

Жил-был маленький гном.
Построил себе он пряничный дом:
Леденцовое было в доме окно,
На стене шоколадное было панно.
И была у гнома собака —
Великая забияка!
Она съела в доме окно,
Ночью сгрызла панно,
К утру доела весь домик...
Остался на улице гномик.
Мораль: кормить надо лучше собаку,
Не будет она забиякой.
Останется целым дом
И будет счастливым гном!

Ксения ОРЕЛЬСКАЯ,
шк. № 69 г. Кемерово

ГОВОРЯЩЕЕ СЕРДЕЧКО

На стене была нарисована улыбка. Она нарисовала ее, когда поняла, что дед Мороз не кто иной, как вечно пьяный дядя Вася с восьмого этажа. Кому же она непослушной ручкой писала письма в далекую снежную Лапландию?... Это был первый шаг во взрослую жизнь. Она отдала

холодной бетонной стене свою детскую улыбку и радостный звонкий смех.

Вторым шагом в грязную взрослую жизнь для нее стал развод родителей. Бедная девочка! Она металась из угла в угол в своей маленькой комнате, с ужасом слушая звон бьющейся посуды. Горячие слезы попадали ей в рот — иначе она закричала бы. Она взяла в руки кисточку — и рядом с улыбкой появилась слеза. А после третьего шага на клеточных обоях появилось маленькое говорящее сердечко.

Третий шаг был, пожалуй, самый трудный и болезненный. Если не было денег — все тело пронзали биллионы крошечных киллеров: началась «ломка»...

Она сидела на полу и смотрела на три рисунка — три больших шага в большую взрослую жизнь. Она не смеялась — кто же смеется в такие времена? Она не плакала — слезы давно сменились апатией в глазах. Она даже не страдала. Маленькое говорящее сердечко замолкло... На полу замер бездушный истукан, статуя, робот... Просто часть комнатного интерьера.

Катя АРНДТ,
гимназия № 17, 7-й класс,
детский дом «Рябинка», г. Березовский

ПРО МАЛЬЧИШЕК

Непоседливы мальчишки...
Лучше бы смотрели книжки,
И не затевали драку,
А читали про собаку,
Что учная была,
Взять шпиона помогла.
Не катались бы на лыжах,
Были бы к тетрадкам ближе.
Не пинали бы футбол,
Пыль стирали, мыли пол,
Не ходили б на свиданье,
Занимались рисованием,
Сдали бомбочки, свистульки,
Пистолетики и пульки,
На уроках бы не спали,
Все писали и писали,
Взрослых слушались всегда,
Не шалили никогда.
Будь мальчишки тише мышек...
Так и не было б мальчишек.

Юлия МАСЛОВА,
8-й класс, шк. № 69 г. Кемерово

Рос н
Рядом
На су
Прил
И при
Накл
И пол

Погр
Но п
Взял
Посм
И ск
С зор
Зонт
Град
Брат
«Пом

Блед
В не
Нет
Ноч
Я си
За о
Спят
Но м
Лам
На м
Но м
Поч

Я отлом
Возьму
И бледн
Минут
Щемяш
Скатаю
Раздам
И вдру
Грехов

КАБАЧОК

Рос на грядке кабачок,
Рядом с грядкой был сучок.
На сучке сидел сверчок.
Прилетел к нему жучок
И принес воды бачок.
Наклонили на бочок
И полили кабачок.

БРАТ И ГРАД

Погулять решил мой брат,
Но пошел внезапно град.
Взял тогда братишка зонт,
Посмотрел на горизонт
И сказал: «Не страшен град —
С зонтом я, хоть на парад».
Зонт раскрылся быстро, но
Град проделал в нем окно.
Брат подпрыгнул и икнул:
«Помогите, караул!»

Юлия МАСЛОВСКАЯ,
8-й класс, школа № 5, г. Березовский

* * *

Бледноликая луна
В небе сумрачном зависла.
Нет теперь ни сна, ни мысли.
Ночью у окна одна
Я сижу. Мне очень грустно.
За окном темно и пусто,
Спят отец и мать.
Но мечта меня спасает.
Лампа бледный свет бросает
На мою тетрадь,
Но не говорит она,
Почему мне не до сна.

СЧАСТЬЕ

Я отломлю кусочек неба,
Возьму у звезд немного света
И бледной пыли у галактик,
Минут у осени и лета,
Щемящей дали у признаний.
Скатаю в ком, дам имя — «Счастье»,
Раздам всем грешникам усталым
И вдруг пойму: его не хватит:
Грехов так много... счастья мало.

Анастасия ШУКЛИНА,
школа № 1, г. Березовский

ВЫ...

Вас прельщает звон монет.
Он вас и погубит.
Счастья в мире просто нет
Тем, кого не любят.
Вы красивы и милы
В дорогом наряде.
Вы воскресли из золы
С пустотой во взгляде.
Ваши чистые глаза
Посещают слезы
Не всегда, лишь иногда —
В лютые морозы.
Падший ангел вы, увы!
Вам бы помолиться.
Но у вас опять балы —
Надобно рядиться...

129

Катя ФРАНК,
15 лет, студия «Свеча», г. Юрга

* * *

Танцевал мороз с зимой,
Над Юргой металась вьюга:
«Он не твой жених, а мой,
А еще звалась подругой...»
Я сказала: «Он же старый.
Вьюга, он тебе не пара.
Лучше во поле лети,
Ветру голову крути!»

Миша КРЕБС,
11 лет, студия «Свеча», г. Юрга

* * *

Клад таится в сундуке
На огромнейшем замке,
А сундук — на деревце.
Кто найдет — пусть делится.

* * *

Я спешил на день рожденья,
Чтобы вкусно там поесть.
Но пришел без приглашенья
И не знаю, где мне сесть.
Дверь захлопнув на ходу,
Вышел я, и слезы градом:
Сроду больше не пойду
В дом, где мне совсем не рады.

Лена КЛЕПОВА,
14 лет, студия «Свеча», г. Юрга

* * *

*«Я лежала в больнице и видела там пятиме-
сячную брошенную девочку...»*

Девочка в палате,
Брошенная дочь.
Белые халаты
Рядом день и ночь.
Не помочь словами —
Я сижу, реву:
Я сама без мамы
Много лет живу...

Ярослав БАЛАШЕВ,
14 лет, студия «Свеча», г. Юрга

* * *

Третий год в детском доме живу,
Все мне здесь до травинки знакомо.
Я друзей погулять позову
Вокруг нашего детского дома.
Я с друзьями иду, не спешу.
Мне «привет» закричат из окошка,
«Ты задачу решил? Дай, спишу!»
«Погоди, погуляю немножко!»
Здесь друзья, и учитель здесь мой,
Но бывают такие минуты,
Что отчаянно тянет домой,
В дом, которого нет почему-то...

Наталья ПРОХОРОВА,
16 лет, студия «Свеча», г. Юрга

* * *

Просыпаюсь — и ветка сосны
Барабанит тихонько по раме,
Я кричу через годы и сны —
Ты прости меня, милая! — маме.
В ветках летнее солнце пылает,
Спит пока еще весь интернат.
Все, что есть, я сейчас отдала бы,
Лишь бы мама вернулась назад.
Вот собака бежит на крыльцо,
Хлеб вчерашний на нем обнаружив.
...Мне бы счастье увидеть в лицо,
Но оно с интернатом не дружит.

* * *

Дождик льет, по деревьям стекая.
Я в саду от печали кричу.
Почему я всегда не такая,
Какой быть перед всеми хочу?
Почему все кричат: «Ты плохая!»
Почему всем мешаю в пути?
И, себя объясняя стихами,
Я друзей не умею найти?
Почему так сжимаюсь от крика,
Почему не смиряюсь с судьбой?
И дрожит под дождем земляника:
Тоже плачет сама над собой.

Елена БРЫКИНА,
15 лет, школа № 31, г. Осинники

* * *

Тихо дождь стучит по крышам.
Я под шум его иду.
Ничего в ночи не слышу,
Вижу только темноту.
Вдруг звезда зажглась ночная,
Поманила меня вдаль.
Я пошла за ней, не зная,
Что звезда — ночной фонарь.
И с тех пор, под дождь шагая,
Как бродяга, по ночам
Я созвездия считаю,
Улыбаясь фонарям.

Фаина СЛ

ГР

С автор
далекие с
начале. По
но. Вместе
в ту пору
ковских б
красоты н
хия и глуб
тельными
мень и ха

Спусти
А вот выб
могла нам
ления Фа
красивая
ла выбра
портом. Н
саму эту
встреча, н
автором р
ной работ
мы и пред

Широк
га, пропл
видно тор
кость. Так
непосвящ

Площа
мьей Сер
лонии и з
шорская
сколько в
рых доми
ко семей

На др
званием
царских
иска. Сов
ких хреб

Фаина САМОЙЛОВА

ГРАЖДАНКА НАЧАЛЬНИЦА

С автором этого очерка мы познакомились в далекие семидесятые, а точнее — в самом их начале. Познакомились, можно сказать, случайно. Вместе с друзьями-писателями решили мы в ту пору порыбачить на Кие в районе Шостак-овских болот, неподалеку от Чумая. Места там красоты неопишущей. Река, богатая рыбой. Тихие и глубокие ее плесы перемежались стремительными перекатами, на которых играли таймень и хариус.

Спустились мы туда на резиновых лодках. А вот выбираться оттуда было сложновато. Помогла нам начальник женской колонии-поселения Фаина Алексеевна Самойлова, молодая красивая женщина со статной фигурой. Помогла выбраться, как говорится, гужевым транспортом. Не запомнить эту добрую услугу, да и саму эту женщину было трудно. И вот новая встреча, но уже с подполковником милиции — автором романа о ссыльных поселениях, о сложной работе с поселенцами, отрывок из которого мы и предлагаем нашему читателю.

Валентин Махалов

Широко раскинулась мрачная хвойная тайга, проплывающая под винтами вертолета. Не видно торных дорог. Жилье человека такая редкость. Такой далекой и недоступной кажется она непосвященному в ее секреты человеку.

Площадка, куда приземлился вертолет с семьей Серушковых, находилась в стороне от колонии и жилого поселка. Здесь когда-то стояла шорская деревенька, от которой осталось несколько вросших в землю по самые окна старых домиков. В них доживают свой век несколько семей.

На другой стороне речушки с громким названием Бурная, видны следы старого, еще с царских времен сохранившегося золотого прииска. Совсем недалеко за ним ряды пологих мягких хребтов. Кое-где они выбрасывают к небу

причудливые отвесные скалы, а в некоторых местах круто обрываются речными террасами. И все это покрыто тайгой! На первый взгляд она угрюма и молчалива. Но это далеко не так. Часто слышен трескучий крик кедровки, да где-то дятел постукивает клювом по сухой коре...

Встретил семейство Серушковых сам начальник колонии Николай Ефимович Борданов, с виду суровый человек с насмешливым взглядом.

— Посмотрите на эту сопку, — показал он рукой, — внимательно посмотрите. Видите наклонные поперечные полосы на ее склоне? Это в давние времена старатели и каторжники долбили на склонах спиралевидные канавы. По ним вода с горы спускалась и, набирая силу, промывала грунт, обнажая золото.

— Старатели — это само собой, а вот каторжане, как они жили в тайге? — недоверчиво посмотрела на Борданова Ирина Алексеевна.

— Именно каторжане. Остатки цепей, кандалы и сейчас можно найти почти в каждом шурфе. Ну, все, — махнул он рукой. — Вещи ваши погружены на машину. Можно ехать домой.

Неровная, избитая тракторами дорога шла по берегу ручья. Огромные сосны, окутанные вечерними сумерками, стояли, словно часовые, вдоль узкого каменистого берега.

— Вот ваш дом, он совершенно новый и пустой, — кивнул Борданов в сторону небольшого строения. — Располагайтесь. Свет есть, телефон проведен и даже завезли вам дрова. А в субботу ждем к нам в гости...

Новая колония-поселение была построена за полтора года. Длинной широкой лентой протянулись по высокому берегу речушки Бурной жилые и производственные помещения, двумя клиньями углубляясь в короткие долины между сопками. На одном конце ленты были жилые бараки осужденных, на другом — поселок сотрудников. Между ними были размещены штаб, школа, детский сад, магазин и больница. На фоне огромных, густо покрытых тайгой сопки колония казалась группой игрушечных домиков, стоящих рядами на отутюженной бульдозерами, желтой от глины и песка площадке.

— Мы специально не оставили здесь дере-

вьев, — пояснил с неприступно суровым видом технорук Меркулов, приехавший в тайгу на строительство колонии вместе с Бордановым, — надо чтобы между домов хоть немного протягивал сквозняком ветерок. А то от комаров и другой мошкеры спасения не будет.

— Верный и глубоко порядочный человек этот Меркулов, — сказал Борданов, — Когда мы жили за Уралом, он был заместителем начальника крупнейшей колонии по режиму и оперативной работе. За групповой побег его сняли с должности. Жена была у него красавица, но не душой. Вместо того чтобы поддержать мужика, заявила: «Тони сам. Меня на дно жены рядового работника не тяни. Я жить хочу, а не прозябать». Вспорхнула и уехала куда-то на запад. А он пал духом, стал пить; был уволен из органов. Сотрудники, бывшие его подчиненные, отвернулись от него, и он как бы оказался на обочине жизни. Попал в больницу. И вот нашлась тогда бабенка-санитарка из больницы. Она поселила бывшего подполковника у себя в квартире и стала за ним ухаживать, как за ребенком. Вот уже десять лет живут они вместе и, похоже, он счастлив.

В небольшой чистенькой квартирке Серушковых встретила жена Борданова — приветливая хозяйка. На ее худом, испещренном лучистыми морщинками лице сверкали бирюзовые глаза, взгляд которых в былые времена, наверное, «разил» парней. Увидев на пороге гостей, она, мило улыбаясь, пошла навстречу, вытирая мокрые руки полотенцем.

— Проходите, будем знакомы. Коля, гости к нам, — позвала она мужа.

Николай Ефимович вышел из соседней комнаты в домашнем наряде: в тапочках на босу ногу и спортивном костюме. На столе уже дымилась сибирские пельмени и стояли соленые и маринованные грибы.

— Петровна у меня мастерица по грибам и пельменям, — гордо сказал он, жестом приглашая гостей к столу.

— Будешь тут мастерицей, — смущенная похвалой мужа, ответила хозяйка, — сорок с лишним лет мотаемся по лагерям. — И глянула любовно на мужа, смахивая у него что-то с плеча. — Давно пора на пенсию, а он никак не уgomонится. Вот опять построил новую колонию.

— На том свете отдохнем. А без тебя, Алена, я бы ничего не построил. В нашей работе одному не выжить. Приходишь иногда домой издерганный, злой от неудач, а тебя встречают мяг-

кие глаза и родная улыбка. И все куда-то уходит. Так или нет? — наклонился он к жене и подмигнул, давая понять, чтобы она чаще подкладывала гостям пельменей. Высокий, плечистый, он на работе часто хмурил брови, а здесь, в домашней обстановке, лицо его приняло добродушное выражение.

Каждое совещание, проводимое Бордановым, по окончании превращалось в своеобразное собеседование. Молодых сотрудников часто интересовало само слово — золото.

— Наверное, есть оно еще здесь, в этих краях, — сказал задумчиво Борданов, посасывая трубку. — Прежний оперативник Николай Прокурин постоянно смотрел себе под ноги, боясь запнуться за самородок, и все у меня допытывался про золото. Тогда я ему сказал, что шорцы, коренные жители этих мест, черпают золотой песок совочками около каждого ручья, что вытекает из горы. Так он за неделю все окрестные ручьи около сопки излазил.

— Ну а шорцы? — спросила заинтересованная Ирина Алексеевна, — они что, правда дикари? И ничего не умеют делать?

— Несправедливо так о них говорят. Это дети природы. Они все умеют, и правдивее людей я не встречал. Они охотятся и живут дарами тайги, которую мы у них отбираем и губим. Мне не забыть тех дней, когда мы сюда приехали, — усаживаясь поудобнее, продолжил он. — С нами было сто поселенцев. Со всех сторон высился дремучий лес; его надо было валить. Над нашими спинами висели комариные тучи, застойную тишину с тягучим звоном стригли кузнечики. И все это царство загудело, застонало, вздрагивая верхушками вековых деревьев. Эхом отозвался рокот бензопил и сочный, работающий стук топора. Деревья дрожали, скрипели и с треском валились на землю. Трелевочники, окутывая сизым дымом окрестные сопки, тащили бревна на берег, где стояла колония. Непуганое зверье и птица любопытно таращили глаза и только потом, шарахаясь, уходили вглубь, за сопки. Мошкеры и гнус одолевали работающих, мириадами прилипая к потным лицам, рукам, лезли в глаза, рот, нос. Люди чихали и в каждую свободную минуту бежали к дымокурам, где задыхались чадом, но другого спасения от мошкеры не было.

— Бедные осужденные, — вполголоса произнесла Ирина Алексеевна.

— При чем здесь осужденные? На их месте

могли быть и другие. На всех не лучше. Не всей Сибири осужденные заключили.

— Это не сдала.

— Не ч. запасае. А ко они, у.

Ирина невольном. странный восходств. ния своим. Однако уз. превосход. перед кот. нальную э.

— Хот. глазами, может да.

Около. — Вы.

ню, — обр. где рань. реждаю: с.

— Хор. тил звень.

К вече. Осуждени. работали.

— Вот кой в гол. было бол. ность. Не. привык, душно от. даниям. Л. вые мозо. Алексеев.

— Я с. людей, д. зала она.

Прове. условно-д. сеевна ув.

— Да. личное д. Нины Ш.

могли быть другие люди, не попавшие под карающий меч закона, как сейчас модно говорить. На всех народных стройках условия были не лучше. Не комары, так холера, грязь, вши. По всей Сибири работают леспромхозы. Там нет осужденных. Стране нужен лес... много леса, — заключил Николай Ефимович.

— Это жадность человеческой природы, — не сдавалась Ирина Алексеевна.

— Не человеческой, а природы вообще. Белка запасает орехов в десять раз больше, чем ей требуется. А сколько пчелы съедают меда, и сколько они, умницы, его заготавливают?

Ирина Алексеевна старалась не поддаваться невольному уважению, которое внушал ей этот странный человек, и стыдилась признать его превосходство. Тот подавлял ее поверхностные знания своим небрежно-высокомерным обращением. Однако узнав его поближе, она поняла, что его превосходство — это богатый жизненный опыт, перед которым им, начинающим свою профессиональную жизнь, следует преклоняться.

— Хотите, я вам покажу, — хитро блеснув глазами, предложил он, — как человек за день может дать двойную норму. Идемте на улицу.

Около штаба стояли человек пять осужденных.

— Вы будете копать фундамент под пекарню, — обратился к ним начальник, — на месте, где раньше стояла землянка шамана. Предупреждаю: если что найдете в земле, несите в штаб.

— Хорошо, гражданин начальник, — ответил звеньевой.

К вечеру фундамент под пекарню был готов. Осужденные в кровавых мозолях на руках — работали без перекуров.

— Вот она, тяга к золоту, — с легкой усмешкой в голосе сказал он, однако в этой реплике было больше горечи, чем зла на людскую жадность. Нет, он не был жестоким от природы, но привык, работая с осужденными, более равнодушно относиться к человеческой жизни и страданиям. Поэтому его не особо тронули кровавые мозоли на руках осужденных, но на Ирину Алексеевну они произвели сильное впечатление.

— Я считаю нечестным играть на слабостях людей, даже во имя чего-то большего, — сказала она вечером мужу.

Проверяя списки осужденных, не подлежащих условно-досрочному освобождению, Ирина Алексеевна увидела знакомую фамилию — Махонин.

— Давно он здесь? — спросила она, листая личное дело осужденного, у своей помощницы Нины Шевцовой.

— Пришел первым этапом.

С фотографии личного дела на нее смотрел угрюмый сорокалетний человек, в котором трудно было узнать того осужденного, которого десять лет назад она пыталась защитить в суде. У этого третья судимость и тоже за убийство.

— Конченный человек со страшными глазами, — сказала Нина, кивая головой на дело. — Я читала приговор. Не успел освободиться и сразу же в ресторане убил человека. Я его на днях встретила и старалась не глядеть ему в лицо. Но по его глазам видно, что он убийца.

— Есть такой старый, много раз опровергнутый предрассудок: будто мысли человека отражаются на его лице или, как говорят, глаза — зеркало души. Неправда это, — сказала Ирина Алексеевна, оторвав голову от личного дела Махонина, — на лице отражается только боль или неудача, или отчаяние. Другое дело, что бывают люди, одаренные особым чутьем; они видят как бы насквозь, замечают скрытые перемены, ловят знаки, непонятные для других. Вот этого человека, — кивнула Ирина Алексеевна на дело, — я видела много лет назад. Среднего роста парень, худощавый, с неопределенными жизненными взглядами. Особенно мне запомнились наколки на руках. Их было так много, что руки казались неестественно синими. И еще запомнилось: он так рвался на свободу!.. Судя по этой фотографии, это уже сформировавшаяся личность... А может, это и не он, — добавила она с сомнением.

— У тебя в зоне есть Владимир Махонин? — спросила она вечером у Анатолия.

— Да.

— Что он за человек?

— Вор в законе... кличка — Махоня. Числится инструментальщиком в тракторном, но не работает. Все за него делают шестерки. По характеру очень жесток, замкнут. Его даже вольные побаиваются.

В кабинет начальника спецчасти вошел среднего роста, с широкими плечами и крепкими мускулами осужденный. Его пронизательные глаза металлически поблескивали.

— Вызывали? — спросил он, тщетно пытаясь сохранить обычную небрежность тона.

— Осужденный Махонин? — спросила Ирина Алексеевна, стараясь как можно внимательно рассмотреть осужденного.

— Да, — не то хмыкнул, не то что-то буркнул Махонин, теребя синими от наколок руками шапку.

— Вы помните суд по вашей второй судимости?
— Когда вы меня хотели защитить? — проговорил он как бы нехотя, и по его сжатым губам скользнула невеселая улыбка.

— Значит, вы меня узнали?

— Сразу же, в первый день вашего появления в колонии; хотя вы очень изменились. Я около магазина поздоровался, а вы только кивнули, скользнув по мне равнодушным взглядом.

— Вы стали другим, Махонин. И все равно я хочу задать вопрос. Почему опять судимость? Почему опять зона?

— Судьба! — с легкой усмешкой пожал он плечами и, немного замаявшись, уточнил: — Наверное, я просто подавлен судьбой... с небом в клеточку.

— Не верю. И знаете почему? — внимательно посмотрев осужденному в глаза, сказала Ирина Алексеевна. — Я помню глаза того парня, каким были вы много лет назад; я видела в них тоску по свободе... Что это было? Игра или крик души?

Тусклый вечерний свет падал на голову Махонина, смягчая насмешливое, самоуверенное выражение лица и подчеркивая трагические складки у его рта.

— Вы же знаете, что душа немая, у нее нет голоса, она не может кричать, — не желая идти на откровенность, ответил осужденный.

— Кто этот человек... ваша жертва?

— Жертва? — переспросил он. — ...Это брат Пахана, того самого, что из меня сделал людоеда, — он выговорил эти слова странным, глухим голосом, как бы оглядываясь в прошлое, потом немного помолчал и, запинаясь, продолжил, — на самом деле это было не убийство, а самооборона. Они и в ресторан меня специально пригласили. Но никто не стал разбираться, раз у меня ярлык людоеда на лбу, — нехотя, но с горечью заключил он и с невероятно оскорбительной усмешкой неожиданно сказал: — Не будет нас, зеков, — вы, менты, без работы останетесь.

— Давайте поговорим о вас лично. Вы лучше меня знаете, что менты здесь ни при чем. А вот вы? Имейте мужество назвать все своими именами. Вас прищемила жизнь, а вы и лапки вверх — мол, судьба! Весь белый свет возненавидели, — Ирина Алексеевна, не щадя его самолюбия, язвительно усмехнулась, — чувствуется, и товарищи вам не нужны. Так, одни шестерки.

— Здесь нет товарищей — одни волки, —

жестко, но с убежденностью возразил он. — Жизнь моя окончательно загублена; я не признаю никаких законов, и даже воровских, хоть и сам «в законе». Я ненавижу всех; да, меня боятся, знают, что я из тех, кто способен на многое, — внезапно его гнев схлынул, он замолчал, склонив тяжелую голову, и потом как-то безнадежно выдохнул: — Жизни нормальной, человеческой не знаю. Из женщин помню только мать, руки матери, да и то стал забывать.

Ирина Алексеевна слушала короткую исповедь не перебивая. Да, слышать такие слова было еще горше, чем прежнюю его грубость. В затянувшемся молчании, кажется, было слышно, как бьется его сердце.

— Все, Махонин, зависит от вас. Нормальная человеческая жизнь и семейное счастье — все может быть впереди.

— Не надо меня утешать, гражданка начальница, — махнул он рукой, — вы перепутали направления, — с горькой иронией продолжил он. — Жизнь у меня не впереди, а вся позади. Меня отверг закон, а я отвергаю все остальное.

Казалось, осужденный вложил в эти слова какой-то особенный смысл. Затем Ирина Алексеевна заметила, как неимоверным усилием воли он сменил свои эмоции на холодную апатию и с пренебрежительным видом вышел из кабинета. Ирина Алексеевна с сожалением посмотрела ему вслед. Его суровая внешность, угрюмый нрав, как бы бьющая через край физическая сила и опасное своеволие, не признававшее никакого закона, делает его человеком опасным, и даже страшно подумать, что может сделать он.

— Пройдет немало времени, возможно, годы, — сказала она своей помощнице на другой день после нелегкой беседы, — которые все-таки смогут излечить его уязвленную гордость; а пока будет он, вероятно, жить по законам волка-одиночки.

Стояли последние дни осени. Утрами, идя на работу, Серушковы чувствовали под ногами похрустывание подмерзшей почвы. Мелкие льдинки, как тонкое стекло, звенели и рассыпались под ногами.

— Скоро зима, а по погоде даже и не чувствуется, — сказал Анатолий, поднимая на руки сына. — Ну что? Идем в детсад?

— Сад, — повторил малыш, ухватывая отца за шею.

Освеще
по-осенне
жественн
сокий поч
волосы, а
ницами и
чивыми, д
нии появ
а когда на

Ирина
когда Ана

— Ты

запирая т

— За

сказал он

тракторн

ке обнару

ним захо

— А к

— Про

заработк

мы с соб

наши раб

— А м

— Бор

чером. Я

необычна

— Да

звалась

У сам

ное с ко

высотой

ведущая

лано ма

вещать т

чан со ст

принадл

в мазут

щеры. М

ло само

В это

творный

дыма и

того тел

При

шие ув

ленного

зжмур

ческого

— Ч

брой ус

на свид

— В

Освещенный утренним солнцем, ярким, не по-осеннему озорным, муж казался особо мужественным. Стройный, широкоплечий. Его высокий почти квадратный лоб, темные густые волосы, а глаза серые, опущенные густыми ресницами и поэтому кажущиеся постоянно задумчивыми, даже когда он улыбался. В его поведении появлялась твердость, ровная и жесткая, а когда надо — сила.

Ирина Алексеевна уже собиралась на обед, когда Анатолий вошел в спецчасть.

— Ты за мной? Я... сейчас, — сказала она, запирая тяжелые дверцы сейфов.

— За тобой, но не на обед, — озабоченно сказал он. — У меня не совсем обычное дело. За тракторным парком, в замаскированной землянке обнаружили женщину. Нам, мужикам, одним заходить туда нельзя, скажет... домогались.

— А кто эта женщина?

— Проститутка, по-видимому... Приезжают на заработки... к поселенцам. Гражданских женщин мы с собой не можем взять, а вы с Ниной обе наши работницы.

— А начальник? Что он?

— Борданов на лесосеке. Вернется только вечером. Я не могу вам приказать, но слишком необычная ситуация, и я прошу по-человечески.

— Да что приказывать, — с готовностью отозвалась Нина, — идемте, а обедать будем потом...

У самого подножья сопки лежало вывороченное с корнями дерево. Около большого корня высотой метра в два виднелась небольшая дверь, ведущая в углубление в горе. Над дверью вделано маленькое оконце, достаточное, чтобы освещать то, что там находилось. Деревянный топчан со старыми телогрейками вместо постельных принадлежностей, колченогий стол и старая, вся в мазуте скамейка составляли мебель этой пещеры. Металлическая печка стояла в углу около самого входа.

В этом небольшом помещении стоял тошнотворный запах водочного перегара, табачного дыма и гнилостный запах пота и давно не мытого тела.

При тусклом свете, присмотревшись, вошедшие увидели сидящую на топчане неопределенного возраста женщину, которая невольно зажмурила глаза на хлынувший свет электрического фонарика.

— Что вам от меня надо? — скривив в недоброй усмешке рот, спросила она, — я приехала на свидание к мужу.

— Ваши документы?

Достав откуда-то паспорт, она протянула его оперативнику, предварительно забрав оттуда помятый листок из школьной тетради, который неуверенным движением руки засунула под грязную миску.

Подойдя к столу, Ирина Алексеевна взяла в руки листок и развернула. Корявым почерком хозяйка записывала фамилии или просто имена осужденных, кого она «обслуживала» в долг. Таких набралось около пятидесяти. Против некоторых фамилий стояли двойные и даже тройные цифры «тарифа».

— Вам придется пройти с нами в штаб, гражданка Красухина Мария Евсеевна, — сухо и официально сказал оперативник и, не выдержав, спросил: — Это правда, что вам всего тридцать лет, как по паспорту?

— У женщин возраста не спрашивают, — попыталась улыбнуться тридцатилетняя старуха, но, взглянув на суровое лицо молодого оперативника, осеклась. — А... э...зачем я должна идти? Я скоро уеду, вот только полочки дождусь.

— Пойдемте, — не скрывая брезгливости, повторил Анатолий.

Немного как бы подумав, она поднялась и, злобно сверкая накрашенными до вульгарности глазами, пошла к выходу, сильно припадая на одну ногу.

— Инвалидка! — шепнула изумленная Нина, которая все это время стояла за спиной контролера Ручкина, зажав пальцами нос.

Перешагнув порог землянки, Красухина остановилась и внезапно повернула назад. Достав из-под кучи тряпья недопитую бутылку, вылила все в стакан и залпом выпила. Немного постояв, упершись руками в стол, она тяжело плюхнулась на топчан, покраснев всем лицом. Неожиданно у нее по лицу потекли пьяные слезы, смешиваясь с выделениями из носа и густой косметикой.

— Да что мы с ней возимся, — со злостью сказал Ручкин, — а ну вставай, красотка, пошли... а то силой поведем, — добавил он решительно.

Подталкиваемая Ручкиным, пьяная женщина вошла в оперативную часть и уселась на стул с самым независимым видом, скорчив при этом презрительно-кислую мину. Ее щеки, вероятно, когда-то тугие, нездорово обвисли. От пьянства выжелтелись белки, помутив глаза. Обтрепанная, неряшливая одежда усугубляла ее непривлекательность и говорила о бедности и

самых дурных наклонностях. Весь вид невольно вызывал презрительную жалость и стыд за то, что такое существо, а иначе ее и не назовешь, может носить имя женщины.

— Это с такими вы в зоне работали? — вполголоса спросила Нина, кивая на Красухину.

— Нет, — невесело покачала головой Ирина Алексеевна. — Там, за колючей проволокой, они чистые, сытые, да и здравого смысла у них в голове побольше, чем у этой...

Услышав эти слова, Красухина резко повернулась на стуле, как бы разглядывая говоривших. Внезапно она разъярилась и зашипела на женщин, словно загнанная в угол кошка.

— Да, там сидит одно отрепье человеческое. Х-ха, это вы меня критикуете? Да вы сами в десять раз хуже любой проститутки.

— Слушайте, милая, — спокойно сказала Ирина Алексеевна, — я не оскорбляла вас, не позволяла себе пренебрежительно говорить о ваших убеждениях, а вы...

— Да пошла ты ...!

— Вас уже сейчас можно отдать под суд за хулиганство, не считая того, что вы могли заразить осужденных венерическими болезнями.

Впервые тень страха пробежала по отрешившемуся лицу. Приподнявшись со стула, она хотела что-то сказать...

— Что тут у вас произошло? — спросил вошедший Борданов, оглядывая своим невозмутимым взглядом подчиненных и, увидев задержанную, не смог сдержать возгласа удивления: — Матильда?! Ты опять здесь? Полгода назад родной матерью клялась, что не появишься здесь.

— Дела! — пыталась улыбнуться Мария-Матильда. — Приехала по приглашению.

— Сколько обслужила? — грубо, с оттенком цинизма, спросил начальник.

— Сколько обслужила — все мое. Было бы больше, да вот кум помешал, — кивнула она с меньшим цинизмом в сторону Анатолия.

— Как попала сюда? Я же давал команду гнать тебя поганой метлой, близко не подпускать к машине.

— Мир не без добрых людей, — хохотнула она, — а потом между мешков с мукой да под брезентом можно и без разрешения проехать.

Наутро, сядя в кузов той же грузовой машины, она, чтобы привлечь к себе внимание, громко сказала:

— Мерзавцы! Всю осмотрели, всю ощупали, всю обвертели, но ничего не нашли, я умею прятать.

— Давай, мотай отсюда, — добродушно сказал Ручкин, — до тебя дотронуться противно, не то что обыскивать.

Одобрительный смех раздался в группе осужденных, стоящих недалеко от машины.

* * *

К предстоящей зиме поселок Подгорный подготавливался основательно. Перед каждым домом громоздились огромные поленья дров, которые, казалось, ничуть не уменьшались, а наоборот, росли, несмотря на то, что над каждым домом поднимались дымы.

Выпавший толстым слоем снег неожиданно прибавил массу забот оперативной службе. В зоне, в лесосеках стали появляться случаи массового употребления спиртных напитков. Известно, каким путем, но в колонию рекой полилось спиртное.

136 Анатолий приходил домой поздно, уставший, разбитый неудачами. Едва поужинав, он валился с ног.

И все-таки добился своего. Старый охотник-шорец рассказал осужденным, что из одной старой лесосеки прямо через перевал и тайгу можно за какие-нибудь два часа дойти до прииска Негаданного. Воспользовавшись лыжами охотника, осужденные с канистрой за плечами несколько раз успели пройти по «великому» лыжному пути.

На какое-то время поступление спиртного в зону прекратилось, но потом вспыхнуло вновь, а пьянки стали продолжаться.

— Давайте подумаем вместе, — предложил начсоставу Борданов.

— Некогда тут думать, — с авторитетным видом сказал замполит Левушкин, — работать надо и все.

— Удивляюсь людям, — сказал Николай Ефимович, — которые говорят, что им некогда думать. Я считаю, что если человеку некогда думать, значит, он не хочет думать, вот и все.

Со старым шорцем беседовали двое: Николай Ефимович и Анатолий.

— Есть на прииске один пройдоха, — сообщил он, — его и охотником не назовешь, но тайгу хорошо знает. Так я думаю, что он теперь вашим зекам водку приносит.

— Так что, его и поймать нельзя?

— Почему нельзя, — можно. Поймать можно только на одном месте — на перевале, а к перевалу есть несколько троп. Он идет одной тропой, а уходит другой.

— Это место на перевале, где можно устроить засаду, знакомо мне, — сказал Павел Ручкин. — В свое время я с отцом несколько раз охотился в тех тестах; и, по-моему, знаю того, кто носит водку. Это Ефим Урикин, на редкость жадный мужик. Ради денег не гнушается ничем. «Деньги — не грибы, растут и зимой» — его любимая поговорка. О таких, как он, говорят «за копейку и мать родную продаст». Только он, гад, без оружия не ходит. А в тайге ему терять нечего.

— Возьмите с собой ружья, — посоветовал начальник.

Ирина Алексеевна смотрела, как Анатолий тщательно собирается в тайгу. Она хорошо знала мужа, чтобы не заметить морщинку между бровей на его старательно спокойном лице. Очевидно, дело очень серьезное.

— Будь осторожен, — почти умоляюще попросила она, провожая его за порог.

— Ну если она, осторожность, не будет граничить с трусостью, — пошутил он, и, заметив тревогу на лице жены, добавил: — Я же не один иду, а с Ручкиным...

По старому лыжному следу они дошли до места. Перевал, на который они поднялись, зарос гигантскими соснами и кедром. Но гордые таежные великаны почти не закрывали далее и между их кронами были видны вершины соседних гор. Внизу ветра не было, однако здесь вершины деревьев плавно раскачивались, глухо и жалобно поскрипывая. Звук стонущих деревьев удивительно гармонировал с окружающим пейзажем.

— Вот это место, где он должен появиться, — сказал опытный таежник, — только нужно сидеть тихо и даже не курить. Всякий шум и запах здесь, на перевале, можно издали учуять, как бы не вспугнуть!

Найдя уютную и ровную площадку под старым кряжистым кедром, Анатолий, привалившись к большому камню, сел на поваленный ствол дерева. Ручкин прошел вперед и скрылся в молодом сосняке.

Прислушиваясь к таежной тишине, Анатолий опасался одного — быть обнаруженным. За думами невольно накатывалась дремота. Вдруг он услышал нечто такое, что заставило его встрепенуться. Как рукой сняло усталость и дремоту.

Кто-то большой и тяжелый медленно приближался. Потрескивали ветки, стронутые ногами идущего, слышалось глухое бормотание и фырканье.

«Что, тяжело взбираться в гору с грузом спиртного?», — злорадно подумал оперативник, притаившись за стволом кедра. Руки невольно сжали ружье. «Только бы не ушел назад», — мелькнуло в голове, и сердце заколотилось так, что, казалось, его стук слышит приближающийся человек. А тот подходил все ближе и ближе, как бы разговаривая сам с собой голосом сварливого старика. В нем слышалось недовольство, жалобы; чудилось, человек на ходу ворчит.

Анатолий припал плечом к дереву и, готовый задержать нарушителя, старался его рассмотреть. Темный силуэт вырастал и все чаще мелькал меж деревьев. «Что-то уж очень vysok!» — подумал он.

Раздвигая грудью кусты, на площадку вышел старый, большой лось. Огромные роскошные рога украшали его горбоносый профиль с обвислыми ушами. От камня пахнул ветерок. Он донес запах человека в ноздри лесного великана. Зверь вздрогнул, угрожающе всхрапнул и вытянулся распушенной резиной, словно воспарил в воздухе; кинутые на спину рога, чтобы туловище стало обтекаемым... Вот и все — больше ничего, и только слышен треск веток. Если бы на снегу не осталось следов, Анатолий сам себе не поверил бы, что лось был вот здесь, перед самым носом, — таким стремительным было его исчезновение.

Доставщика спиртного задержали только на третий день. Во избежание нежелательных встреч с обитателями тайги стали брать с собой собаку, сибирскую лайку.

— А не вспугнет она нарушителя? — спросил Анатолий, — а то все труды пойдут намарку.

— Не вспугнет, ручаюсь. Этой собаке цены нет, — любовно поглаживая по голове собаку, ответил Ручкин. — Постороннего за версту чует.

И действительно. Несмотря на то, что на перевале стояла мертвая тишина, изредка нарушаемая шелестом сосновых игл, Найда забеспокоилась, глядя вниз, к подножию перевала.

Предупрежденный знаком Ручкина, Анатолий отошел в густую тень кедра. По охотничьей тропе, вверх по склону, тяжело дыша, на широких лыжах поднимался человек. За плечами, туго оттягивая ремни, висел рюкзак.

Выйдя на ровную площадку, он остановился и, отдуваясь, перевел дыхание. Затем достал из-за пазухи большую тряпку и стал вытирать струящийся ручьем по раскрасневшемуся лицу и шее пот. Внезапно он замер, чутко, как живот-

ное, насторожился. Перед ним, буквально в двух шагах стоял оперативный работник колонии-поселения.

Уркину, а это был он, хватило одного мгновения, чтобы оценить обстановку и принять меры безопасности. Рывком он вместе с лыжами повернулся назад и, наверное, на большой скорости спустился бы с перевала, но его взгляд упал на собаку и старшину Ручкина, стоявших на его пути.

В это время начальник колонии вместе с Ириной Алексеевной проводили бригадное собрание с лесорубами, которых собрали после работы в одном из общежитий. Усталые люди наслаждались теплом, непритязательным уютом, тишиной. Настроены спокойно и даже умиротворенно; негромко переговариваются, беседуют о пустяках.

Решительным ровным шагом вошел Борданов в комнату общежития, пропуская вперед себя Ирину Алексеевну. С приходом начальства все подтянулись, улыбки исчезли с лиц, и сама комната, только что такая оживленная и шумная, как будто приобрела деловой вид.

— Знаю, что вы устали, но то, с чем мы пришли к вам, очень важно, — начал выступление Николай Ефимович. — Много, очень много лет человек берет себе лес, и во взаимоотношениях с тайгой сложились почти вековые традиции. Не любит тайга водки.

В комнате произошло какое-то движение. Лица некоторых осужденных спрятались за спины товарищей.

— Поэтому даже в царские времена, — продолжал начальник, делая вид, что не заметил маскировочные движения некоторых, — не допускали пилить лес человека, перемешавшего сосновый запах тайги с сивушным перегаром. Тверд закон у коренных, бывалых лесорубов. Раньше было поверье, говорящее о коварности тайги к пьяному. Захмелевшего человека того и гляди окроенит острым суком, схватит за ноги болотным засосом, а хуже того — перебьет позвончик сосной... Чисто по-человечески обращаюсь к вам. Водка вам в тайге — не попутчик. У вас тяжелый труд, и уважайте его, уважайте свои рабочие руки.

«Удивительный человек Николай Ефимович! — с уважением подумала Ирина Алексеевна, слушая простую задушевную беседу. — Натура его непредсказуема, как осенний день: то снег, то солнце, то дождь. Он просто многолик. Сейчас он удивил всех простотой и обходительностью, а некоторое время назад был до оскорбительности жесток и насмешлив. Одного у него не от-

нять: в уме и организаторской хватке ему нет равных».

Потом они вместе с начальником вышли из общежития в ночную темноту.

— Вот и наши вернулись, — поприветствовал он Анатолия и Ручкина. В свете электрического фонаря она увидела лица: у обоих были спокойные и сосредоточенно усталые, но при всем этом довольные.

— Тут не может быть никаких сомнений в успехе операции, — сказал Борданов, — достаточно одного взгляда.

* * *

Близился Новый год, к встрече которого по традиции готовятся заранее. В спортивном зале новой школы поставили елку, там будет карнавал, а на следующий день — новогодний утренник для детей.

— Нам надо закупить призы и подарки на Новый год, — обратилась Ирина Алексеевна к Борданову.

— Завтра с утра берите машину. Сделайте все покупки, а в два часа на железнодорожной станции у поезда заберете этап — двадцать человек.

Дорога на железнодорожную станцию Буракса шла по зимнику через прииск Негаданный. Оба населенных пункта находились в соседней области.

Ранним утром колонийский газик петлял по крутым склонам гор и неглубоким долинам распадков. Несколько раз приходилось пересекать один и тот же ручей, вернее, исток реки Звонкой, и даже в некоторых местах ехать по его каменистому руслу. Там, где находились ключи, были обширные наледи, исходившие паром. Кусты и нижняя часть деревьев около таких мест густо одеты воздушным куржаком.

Ближе к перевалу дорога стала намного трудней.

— Таежные дороги известны — камни да рытвины, — нарушил молчание шофер-поселенец, краем глаза наблюдавший, как Ирина Алексеевна при преодолении ям и объезде корней хватается за скобу около бардачка, боясь, что машина вот-вот сорвется с крутого склона.

Изменилась и погода. Уже полнеба над сопками было затянуто густой пеленой туч. В воздухе появились первые снежинки.

— Похоже, будет снегопад, — озабоченно сказал шофер, поглядывая на мрачное небо и

объезжая тенью ренькая машина, ливаясь на землю всеми свистами.

Уставшая из кабины, Алексеевна шубку, зябко сапожек.

— Сейчас жок, а там глядев вно мне эти ту хотя, как не, почти

Дорога вниз, спустились уже в крупные хребты.

Поезд, почти на доредав личку, торопился.

— А гдиль, с некий, оглядываясь.

— Я к Алексеевну по решению жи, и вот нию-посел сят километр.

Изумление и на лице дающий в и он внове.

— А обОбед

не согласен Великан пробормотался скрытно.

— Запорой и з направл толщей с же к гор высоким, тель, пон раться до приминал немного н

объезжая торчащие кругом корни. Наконец, старенькая машина, дымя от перегрузки, переваливаясь на неровной дороге с боку на бок и скрипя всеми своими суставами, выбралась на перевал.

Уставший шофер остановил машину. Выйдя из кабины, он закурил и показал рукой. Ирина Алексеевна, кутаясь в новенькую котиковую шубку, зябко постукивала каблуками модных сапожек.

— Сейчас будет крутой спуск, широкий ложок, а там до прииска рукой подать, — и, поглядев вновь на небо, добавил: — Не нравятся мне эти тучи, уж очень они какие-то зловещие, хотя, как видите, ветра даже здесь, на вершине, почти нет.

Дорога с самого перевала круто уходила вниз, спускалась в долину. К прииску подъехали уже в сплошной пелене падающего снега, крупные хлопья которого мягко ложились на землю.

Поезд, на котором привезли этап, опоздал почти на два часа. Молчаливый прапорщик, передав личные дела и осужденных под расписку, торопился на встречную электричку.

— А где конвой? — спросил высокий сутулый, с невероятно толстыми губами осужденный, оглядываясь вокруг.

— Я конвой, — спокойно сказала Ирина Алексеевна и, немного помолчав, добавила, — по решению суда вы освобождены из-под стражи, и вот на этой машине мы поедем в колонию-поселение. Здесь недалеко, всего шестьдесят километров.

Изумление, овладевшее другими, отразилось и на лице задавшего вопрос. Его пустой, блуждающий взгляд наполнился каким-то смыслом, и он вновь спросил:

— А обедать мы здесь будем?

— Обедать будем дома, как доберемся. Вы что, не согласны? — обратилась она к осужденному. Великан по фамилии Малышкин недовольно пробормотал что-то невнятное в ответ и постарался скрыться за спинами своих товарищей.

— За полдня навалило столько снега, что порой и за зиму не увидишь, — сказал шофер, направляя машину по двум еле заметным под толщей снега канавкам в сторону перевала. Ближе к горам снежный покров стал настолько высоким, что достигал бампера. Опытный водитель, понимал: во что бы то ни стало надо добраться до колонии, тараном на медленном ходу приминал хрустящий под колесами снег. Сдав немного назад, он вновь метр за метром про-

двигался вперед. Колеса машины, попав в старые и невидимые под снегом колдобины, каждую минуту грозили перевернуть машину вместе с пассажирами.

Прекратившийся снегопад сменился крепким морозом. Осужденные прятали замерзшие руки в тонкие карманы телогреек, за пазуху и, теряя при этом равновесие, болтались в кузове. Один из осужденных, не выдержав такой болтанки, громко выругался. Остальные замерли, ожидая реакции «конвоира». Ирина Алексеевна понимала, что им тяжело, да и ей самой было не легче. Выйдя из кабины, вернее, встав на подножку машины, она просто сказала:

— Ребята, все равно надо ехать вперед, домой. Это тайга, а с ней шутки плохи. Давайте терпеть.

Двадцать человек искоса смерили ее удивленным взглядом.

Темнота медленно поднималась из глубины распадка на перевал, настигая машину с людьми.

— Кажется, приехали, — сказал вконец измученный шофер, — вылазьте, гражданка начальница. Мы на перевале. Дальше ночью ехать бессмысленно и равносильно самоубийству.

— Что будем делать? — стараясь не показывать своего волнения и неуверенности, спросила она, вглядываясь в надежде увидеть подмогу. Нервы ее были на пределе, того и гляди сорвется.

— Как что? — сказал шофер, нутром чувствуя ее состояние, — костры будем жечь, греться.

Перед группой обросших мхом деревьев, образовавших сплошную стенку, стояла широкополая пихта.

— Вот здесь хорошее место для костра.

Они долго стояли, всматриваясь в чащу. Сонно покачивались деревья, а за спиной, поскрипывая снегом, переминались с ноги на ногу двадцать пар.

— Давайте действовать, — после некоторого молчания встрепенулся Малышкин, — а ну, братва, носим сюда лапник, да побольше. — Утопая по колено в снегу, он пошел к пихте, обтоптал дерево и, задрав вверх голову, сказал: — Костер будет что надо!

Осужденные носили охапки хвойных лап, маленькие елочки и другие деревца. Все это складывали к основанию разлапистой пихты и шли снова. От непривычного напряжения у них неприятно дрожали ноги и из-под мокрых ша-

пок струился пот, они хватали снег и жадно затапливали его в пересохшие рты.

Густой дым костра сначала взметнулся в небо, потом длинными полосами стал ложиться на верхушки деревьев и сопки. Огромные языки пламени взметнулись вслед, охватив сразу все дерево. Благотворное тепло поползло в разные стороны, отогревая замерзших людей.

Ирина Алексеевна оглядела своих невольных спутников. Лица их вроде бы бесстрастные, неподвижные, но глаза, уставленные в костер, тусклы и тревожны. Определенно скисли; не ожидали, что жизнь в колонии-поселении начнется вот с такой передыжки.

Едва лишь забрезжил серый рассвет и немного стала видна полоса дороги, осужденные без команды забрались в кузов машины, которая тронулась и тихо пошла, вернее поплыла к спуску с перевала, утопая до самой кабины в пушистом снегу. Спуск оказался намного трудней подъема, и это понимали все — и водитель, и пассажиры. В любой момент машина могла сорваться с откоса. Забыв о морозе и гололеде, осужденные были готовы выпрыгнуть из кузова.

— Смотрите, трактора! — не своим голосом радостно заорал Малышкин, встав в кузове во весь рост. В этот момент заднее колесо грузовика соскользнуло с колеи и попало в промоину. Осужденный от толчка вылетел из кузова в глубокий снег распадка. Отделавшись легкими ушибами, он вновь забрался в машину, не отрывая глаз от приближающейся помощи.

Навстречу шли три трелевочника. С вечера вышедшие из Подгорного, они торили дорогу, пробиваясь к перевалу. В кабине первого рядом с трактористом сидел Анатолий. В руках держал добротные валенки и тяжелый тулуп.

— Здорово, мужики! — бодро поприветствовал он замерзших осужденных и шутливо спросил: — Ну как вам понравился первый глоток таежной свободы?

— Ничего, терпимо, — нестройным хором ответили теперь уже настоящие поселенцы.

Переодевшись в теплую одежду, Ирина Алексеевна отогрелась. Начало ослабевать нервное напряжение, приходила дремотная усталость.

Через два часа машина, тяжело переваливаясь с боку на бок, вошла в поселок. Около штаба их уже ждал Борданов с группой сотрудников.

— Ну, путешественница, с прибытием! Жуликов не растеряла? ...Испугалась, поди? — Непонятно, чего было больше в его голосе —

насмешки или товарищеской теплоты; стоял он, широко расставив ноги, улыбался прищуренными глазами, насмешливо скривив нижнюю губу.

Среди подарков и призов Ирина Алексеевна привезла два ящика фруктов: один на подарки, другой — для своей семьи.

— Витаминам детям, надолго хватит, — сказала она мужу, разворачивая яблоки и мандарины.

На следующий день, возвращаясь с работы, они застали дома кучу гостей. Виктория привела половину детсадовской группы, чтобы показать те подарки, что привезла им мама, а заодно угостить фруктами, которые многие из них отродясь не видели, не то что ели в таежной глуши. В считанные часы от фруктов и конфет не осталось и следа, только разбросанная кожура да разноцветные фантики.

* * *

140 Утро началось размашистым росчерком солнечных лучей. Они, как маленькие зайчики, слепили глаза, забираясь даже в души людей и наполняя их радостным предчувствием. Конец зиме!

— Товарищ парторг, — полушутя, полусерьезно сказал вошедший в спецчасть Борданов, — нужна ваша помощь. — Усевшись на свободный стул, он рукой провел по усталому лбу. — В ремонтных мастерских медленно идет работа. Больше месяца три трелевочника стоят на ремонте. Прошу вас провести беседу со слесарями, объясните им, что если через неделю трактора не выйдут из гаража, может сорваться сплав. Вот здесь, — протянул он сводки, — показано, во сколько обходится один день простоя техники.

— А замполит?.. Он не обидится, что я сделаю его работу?

— Нет, — махнул рукой начальник, — Левушкин с умным видом, наклонив голову, сидит у себя в кабинете, — и, стараясь унять разбушевавшееся негодование, язвительно добавил, — точь-в-точь, как Владимир Ильич при написании книги «Грозная катастрофа и как с нею бороться». Говорит, что готовится к сессии в вузе.

Тракторный парк находился за жилой зоной, около подножия сопки. Вывороченные с корнем деревья громоздились за его высокими стенами. В боксе около одного из тракторов на корточках вокруг так называемого «чифирбака» сидели несколько осужденных. Закопченная до черноты кружка с крепким чаем медленно переходила из рук в руки.

— Собирается Ирина Алексеевна класть в ящик конфет. Какое место, где «Вот здесь»

Внезапно гнетущую дыхание неприятно начинает. Оглянувшись дышащих ским вожшего Тятю логрейка. замасленн Алексеевна

Она могла раскрыться, ей столько с концом?! Непромыслимая в ста какую-то утопающую лась впер ствывая при верно, у ч силой лю,

В ответе нял ввер обмотать тяжелый рука пер насильни ся крик б нием еще Алексеев рела на н жавшего еся холо, не челове

Он вздохнул локтя и п ридору п она молча ная хват повлекла

— Куд страха го руку, за

— Соберите людей, — попросила дневально-го Ирина Алексеевна и подошла к верстаку, рас-кладывая данные Бордановым документы на ста-нине. Наклонившись, она искала в цифрах то место, где указана стоимость простоя трактора. «Вот здесь», — подумала она, выпрямляя спину.

Внезапно она ощутила всем своим существом гнетущую тишину, прерываемую возбужденным дыханием нескольких человек. Почувствовала, как неприятный холодок ползет по спине, а сердце начинает биться все сильнее, все отрывистее... Оглянувшись, она увидела полукруг тяжело дышащих мужчин. Их глаза дико горели плот-ским вожделением. У одного, недавно прибыв-шего Тятькина, в руках была развернутая те-логрейка. Нервно перебирая пальцами грязную замасленную вещь, он глядел в глаза Ирине Алексеевне с жадностью законченного негодяя.

Она медленно отступила к верстаку, широ-ко раскрыв потемневшие от ужаса глаза. Кажется, ей никогда еще в жизни не требовалось столько самообладания, как сейчас. «Неужели конец?! Не может быть!» — с быстротой молнии промелькнули мысли в ее голове. Руки, уперши-еся в станину верстака, машинально нащупали какую-то железяку. Схватившись за штырь, как утопающий хватается за соломинку, она пода-лась вперед и глянула в глаза Тятькину, чув-ствуя при этом дикую злобу, возникающую, на-верно, у человека, когда он сталкивается с темной силой людского зверства.

В ответ Тятькин, злобно оскалившись, под-нял вверх приготовленную телогрейку, чтобы обмотать голову жертвы. Внезапно послышался тяжелый топот бегущих ног. Жесткая сильная рука перехватила телогрейку вместе с рукой насильника и вывернула ее наизнанку. Раздал-ся крик боли. Махонин, откинув резким движе-нием еще одного осужденного, шагнул к Ирине Алексеевне, которая, бледная, как смерть, смот-рела на него с меньшим ужасом. Лицо подбе-жавшего было жестоким, суровым, а сузивши-еся холодные глаза, казалось, принадлежали не человеку, а безжалостному зверю.

Он взял Ирину Алексеевну за руку выше локтя и по образовавшемуся молчаливому ко-ридору повел ее на выход. Выйдя из гаража, она молча попыталась освободиться, но желез-ная хватка осужденного стала еще сильнее и повлекла ее по направлению к штабу.

— Куда вы меня ведете? — срывающимся от страха голосом спросила она и снова дернула руку, заставив ее отпустить. Махонин стоял

перед ней безмолвно и неподвижно с бледным лицом. Затем, покачав головой, сказал:

— Ты зачем сюда пришла?.. Что, не знаешь, кто у тебя муж?

— Как кто?! И что это все значит? — обре-тя смелость, спросила она.

— У тебя муж кум?.. Кум! — почти крикнул он хриплым голосом. — Ты что, не знаешь, что у зеків страшнее кума врага нет, и они могут ему мстить по-разному. И хотя твой муж — хо-роший мужик, он все равно кум!

Ирина Алексеевна молчала, непонимающе глядя на осужденного, который, спрятав руки в карманы телогрейки, исподлобья в упор смот-рел на молодую женщину. Постепенно его сло-ва дошли до ее сознания, и она, покраснев от неловкости, сказала:

— Простите меня! Я думала, что и вы... тоже.

Махонин недобро усмехнулся и, кивнув го-ловой, сказал окрепшим голосом:

— Иди!..

Она почти бежала к зданию штаба, боясь ог-лянуться. Но спиной чувствовала, что этот «вор в законе» еще далеко не конченный человек.

Постепенно отойдя от пережитого, Ирина Алексеевна углубилась в документы. Резкий те-лефонный звонок прервал ее работу. Звонили из санчасти:

— Вашей дочери необходимо сделать при-вивку от клещевого энцефалита.

— Раз надо — делайте.

— Вам надо прийти, так как она не дает делать укол.

Никакие, даже материнские, уговоры не мо-гли подействовать на испуганную дочь. Широко раскрыв от ужаса глаза, она начинала громко плакать и биться при приближении медсестры со шприцем. Наконец, обессиленная и притих-шая, она, спрятав лицо, прижалась к материнс-кой груди. Легкий укол вызвал короткий вскрик.

— Ну вот и все. А ты боялась, глупышка, — оторвав от себя дочь, Ирина Алексеевна хотела поцелуем успокоить ее и тут увидела обильно текущую из носа кровь.

Примочки, микстура несколько ослабили кро-вотечение, но остановить совсем не могли. Уже поздно вечером Ирина Алексеевна вбежала в квартиру начальника колонии. Ее прерывистая речь выдавала крайнее нервное напряжение, и только усилие воли предотвратило истеричес-кий приступ беспомощности. Связавшись по ра-дии с управлением, Николай Ефимович вызвал вертолет, который должен был прилететь к обеду

следующего дня. Отчаянию Ирины Алексеевны не было предела. К счастью, кровотечение прекратилось, но дочь лежала на диване вялая, бледная.

— Завтра полетишь в город, — успокаивал ее отец, пряча тревогу за ласковой улыбкой.

Дочь в ответ кивнула головой и слабо улыбнулась. Неторопливо разговаривает с дочерью отец, чувствует нежность, огорчается оттого, что мало слов у человека, трудно выразить заветное, выношенное.

— А папа тебя на руках понесет к вертолету, — целуя дочь в лобик, пообещал отец.

Ранним утром Анатолия срочно вызвали в зону. Там возникла групповая драка.

— Я успею к вертолету, — крикнул он на ходу, выбегая из дома.

Яркий день набирал силу. С белесого неба вовсю светило солнце, и от его лучей кристаллики снега, слепя глаза, как бы исчезали вглубь сугроба. Стволы деревьев выглядели нечеткими, размытыми. Отовсюду слышался неумолчный шорох оседающих сугробов, насквозь пропитанных водой.

Время шло быстро, и все-таки день казался бесконечным. Страшное напряжение и жгучее опасение за дочь заставляли Ирину Алексеевну отсчитывать секунды, а не минуты.

Не дождавшись мужа, она с Викой на руках пошла к вертолетной площадке, которая находилась в двух километрах от поселка. Проваливаясь по колено в рыхлый снег и не в состоянии вытереть мокрое от пота лицо, она боялась лишний раз тряхнуть лежащую в забытьи на руках дочь. В последние десятки метров она прилагала все силы, чтобы не упасть самой.

Внезапно за спиной послышался шум идущего трактора, на трелевочной пластине которого лежал осужденный с забинтованным лицом. Рядом, придерживая лежащего, сидели медсестра и оперативник Серушков.

Прилетевший вскоре маленький вертолет не взял на борт Ирину Алексеевну с больной Викторией. Он взял осужденного Тяпкина, которому во время драки сломали челюсть...

Как только установилась летняя дорога, Ирина Алексеевна с Викторией выехала в управление.

О том, чтобы дать разрешение на перевод, начальник управления полковник Дудков и слышать не хотел.

— У нас живут и работают сотни офицеров с детьми, и никто из них не жаловался на здоро-

вье. Если хотите, давайте вашу дочь положим в любую больницу, но переводиться в другую область не разрешу. Ваш муж — лучший оперативник в управлении. Кстати, я вам обоим подписал приказ о присвоении очередного звания.

— Я не могу рисковать здоровьем дочери, — пыталась доказать Ирина Алексеевна.

Но лицо Дудкова было невозмутимо. Он слушал ее доводы и в такт кивал головой.

— Значит, надо увольняться из органов?

— Как хотите, Вы как женщина для лесных колоний особой ценности не представляете. Нам нужен ваш Серушков. А если говорить откровенно, — сказал он, заглядывая в папку, — то в вашей просьбе кроются какие-то тонкости, которых нам пока не понять.

— Я вынуждена обращаться выше, — не поняв последней реплики, со слезами в голосе сказала Ирина Алексеевна, — но в Подгорный с дочерью не вернусь.

— Уволим за прогул, — равнодушно сказал Дудков, — а жаловаться можете хоть в Организацию Объединенных Наций. — Сказав эти слова, он наклонился над бумагами, давая понять, что разговор окончен.

Возмущенная таким самоуправством, Ирина Алексеевна, держа за руку дочь, пошла по коридору управления на выход. Совершенно неожиданно ее взгляд остановился на табличке «Медицинский отдел».

— Вам надо было сначала прийти к нам, а потом к начальнику, — сказал начальник медицинского отдела майор Скоров.

— Чем вы можете помочь, — обиженно сказала Ирина Алексеевна, памятуя, как вертолет, забрав осужденного, оставил ее с ребенком на площадке.

— К сожалению, это было так.

— Что ж получается, что благополучие и здоровье осужденных важнее наших?

— Никто не собирается проводить такое сравнение. Это просто стечение обстоятельств. Дежурный врач, выслушав сообщение Борданова, сочла не опасным для жизни носовое кровотечение, а здесь была в опасности жизнь осужденного. И все-таки за формальный подход к делу она наказана.

В поликлинике обследование Викторией проводила врач Фролова, получившая в свое время наказание. Сделав все анализы, она пригласила Ирину Алексеевну на беседу.

— Практически Вика здорова, только очень

слаба. Все-таки горы ослабили ее иммунитет. Вам бы поближе к врачам перебраться, а еще лучше — в деревню, где парное молоко и свежие яйца. К сожалению, это невозможно.

— Почему невозможно? Я как раз прошу дать согласие на перевод в сельскохозяйственную колонию.

Написав заключение, врач вручила его обрешей надежду матери со своими извинениями.

С медицинским заключением Ирина Алексеевна вновь добилась приема у начальника лесного управления. Лицо полковника еще хранило запомнившееся ей с предыдущей беседы выражение холодной безучастности, но ни гнева, ни вражды в нем не было. Прочитав медицинское заключение, он отложил бумагу в сторону и сидел, глядя на робеющую Ирину Алексеевну полузакрытыми глазами в ожидании, что она скажет.

— Я прошу, — робко, но достаточно громко сказала она, — дать нам согласие на перевод.

— Куда?

— В другую область.

— А кто такие, — раскрыл он личное дело, — Акимова и Антипов? Ваши протеже? Они забросали меня своими требованиями о вашем переводе. Так что вам нет смысла прикрываться здоровьем ребенка, — жестко блеснул он глазами.

И Ирина Алексеевна удивленно вскинула глаза, в которых загорелась радость.

— Я не ожидала, что те, кто послал нас учиться, ждут и не забыли. Это руководители сельскохозяйственной колонии, которая по своей сути деревня, но это наш с Серушковым дом.

— И далеко от города, от ресторанов и кафе эта деревня? — недоверчиво и с некоторой насмешкой в голосе спросил Дудков.

— Больше пятидесяти километров. Ну откуда у вас такие о нас мысли, товарищ полковник, что мы рвемся к ресторанам и кафе?

— Только в деревню и не ближе, — заключил он, подписывая рапорта. Только теперь в его голосе впервые прозвучало чисто человеческое удивление.

п. Новоивановка Чебулинского района

Василий ПОПОК

ДЕРЕВЕНСКИЙ ДНЕВНИК

Мой приятель, сорвавшись несколько лет тому назад с закрытой кемеровской шахты, поселился в деревне. Купил за восемь «лимонов» расчетных пустующую хату, немощная хозяйка которой уехала доживать к детям.

При хате банька, дровяник, сарай с сеновалом, в кладовке полный набор инструмента — от лопат и вил до рубанков с фуганками.

Усадьба с большим забурьяненным огородом года два оставалась бесхозной. Ничего, шахтера работе руками учить не надо — поправил крышу, переложил печку. Дальше — засадил целое поле картошки, завел цыплят, поросенка и собаку для охраны и общения. И живет уж который год — отрастил бородищу лопатой, сам седой, а борода черная.

Жалеет, что жена в городе осталась — молодая бабушка смотрит за внуком и только на лето приезжает.

Человек он бригадный, разговорчивый и быстро перезнакомился с соседями. В городе уже почти не бывает. Но я к нему заезжаю иногда. Тяпнем после бани по полстакашка, и он рассказывает про сельскую житуху.

Несколько таких рассказов я, как могу, воспроизведу.

ГЕНКА

Этот — бобыль. Знаешь, кто такой бобыль? Знаешь, конечно. Ну, один живет весь век. По молодости, правда, женат был. И дети были. А где они сейчас, и не скажет — давным-давно разъехались с бабой, бросила она его.

Мать померла уж года четыре. А отец сразу после войны — сделал их с сестрой — и отвезли на кладбище.

Коммунист. В партию его, правда, не принимали никогда. Но коммунист, можно сказать, идейный — не любит «кулаков». Загубили, говорит, Советский Союз.

Сестру не жалуется. «Торгашка». К тому ж городская и богатая — машину имеют с мужем и дачу. А та Генкой, вечно грязным, брезгует. Редко заезжает попроведать.

Покойную маманю Генка тоже осуждал за «кулацкий дух». Та корову держала и огород. Надоит молока — везет в город или дачникам. Так же с картохой — еще молодую продаст, эдак дороже. Деньги на сберкнижку.

Когда пропали они у нее в «перестройку», Генка смеялся — так, мол, тебе и надо. А маманя снова стала копить и дома прятать. Генка неделю «лимоны» искал после похорон. Нашел в кухонном столе — оказывается, ящик стола был с двойной задней стенкой.

Не знаю, сколько нашел, но гулял мужик долго.

Потом стал всякое добро продавать. Вернее, менять за самогонку. Сначала корову. Дальше телевизор черно-белый. Холодильник. Плитку газовую. Осталось, короче, у них дома всего ничего — койка с панцирной сеткой и табуретка. Пролетарий, словом.

Да он в доме-то и не живет. Тесно, говорит. Домик-то в самом деле мал — в полный рост не встать. Так что живет Генка в сараюшке. И при матери там жил — в одной половине корова, в другой он.

Химический стаж выработал. Пенсия хорошая. По деревенским меркам так даже большая. И ничего ему не надо. Ну, посадит немного картошки, зимнего чеснока, чеснок он любит, через сельсовет угля выпишет для печурки, а так все больше посиживает на полусгнившем бревнышке у ограды. Мимо люди ходят. Кое-кто завернет покурить да поговорить.

— Раньше в нашем лесу чижей было — ох и пели, — любит рассказывать Генка. — Теперь и не слышать. Эх, загубили, гады, советскую власть...

НЕМЦЫ

Тут их много. И всех в семье тоже помногу. Беккеров чуть не пол-улицы — пятеро братьев с семьями и три сестры.

Хорошо живут. Торгуют скотом. Берут в совхозах за «наличку» (а директора, у которых все счета арестованы, и рады), подкармливают, режут и продают. В Кемерове на рынке у них теперь постоянное место и нанятые продавцы. Все поставили себе новые дома — два этажа, завитушки всякие, крыши цинковые, блестят.

Они и в колхозе неплохо жили — все больше шабашничали со строительными бригадами, тогда везде строили. Говорят, целый трест у них был. Чечены тем трестом руководили. И Беккеры вместе с чеченами все лето в отъезде, на промысле — то недалеко от дома, а то в Новосибирской области, в Томской...

На зиму чечены к себе на Кавказ, а Беккеры в деревню.

Отец у них Маркус Иванович. Из Поволжья,

из бывшей немецкой республики. В Отечественную войну их переселили в Сибирь. Большая тоже семья была, и Маркус Иванович младший, одиннадцатый ребенок по счету. Только он в живых и остался.

Лет десять или пятнадцать тому Беккеры возили отца в Поволжье. Нашли село, где жили предки. Поруганное село совсем стало. Но домик дедовский еще стоит. Чудом, можно сказать. А другое чудо — крюк в матице. На этом крюке когда-то качалась зыбка с маленьким Маркусом Ивановичем.

По-немецки уже Беккеры не говорят. Разучились. И в Германию, куда уехало несколько односельчан, не стремятся: «Мы теперь русские».

Только Маркус Иванович еще чувствует корни и даже акцент немецкий у него сохранился.

А в соседях у него хохлушка баба Аня. Муж-фронтовик привез ее сюда из самой Германии — там она, угнанная из украинского села на работы в «райх», целых два года вкалывала на военном заводе в городке Андегайме.

Недавно ей прислали деньги — компенсацию за труд от германского правительства. По десять, кажется, дойчмарок за каждый проработанный на чужбине месяц и еще полста, вроде как премия.

Маркус Иванович узнал — пришел. Повертел в руках радужные бумажки с портретами великих немцев. «Йохан Хётэ», — узнал поэта. — Была у нас дома такая книга».

Да и плакать. Ну и баба Аня с ним, она легкая на слезу...

КАНДИДАТ НАУК

Приходит ко мне время от времени один парень. Из местных. «Не надо помочь?» — говорит.

Помню, я как раз картошку копал. Ну, помоги, мол. В деревне это дело простое — день-полдня поработал, глядь, на бутылку с закусью получил.

Парень молодой, кость видно, что крепкая, и шустрый, мало отдыхает. Только пот с него сильно льет — видно, что слаб «после вчерашнего». Но все ж быстро мы с ним управились и большую часть выкопанного в погреб спустили, а остальное пока на просушку оставили.

Между делом я баню затопил, воду согрел. Париться уж не стали: помощник говорит, дескать, поздно, обмоемся и ладно.

Сели за стол. У меня самогонка наготовленная и цыпленок тушеный с картошкой. Ну, огурцы-помидоры.

Парня с первого стопарика взяло, глаза заблестели. И стал он рассказывать про жизнь.

Сам деревенский. Школу окончил с серебря-

ной медалью и в университете отличником был. Аспирантура, диссертация. Что-то про «социалистический образ жизни».

Женился, дочь завел. Жили с тещей, и она не одобряла его за сельские корни. Вилку не той рукой держишь, жуешь не так, пальто не догадаешься подать, лапоть. А сама в магазине работала завсекцией и, когда не надо «интеллигентную» изображать, мат через два слова на третье. Но ничего, до серьезных конфликтов не доходило.

Научная карьера тем временем у парня не задалась. Педагогическая — тоже, надоело за гроши студентов учить «истории политической мысли». Немного времени послужил в колледже. Какой-то иностранный, вроде какая-то американская секта за ним стоит. Платили и правда в «баксах». Но недолго — власть секты осудила, и колледж закрыли.

Податься с диссертацией по «социалистическому образу жизни» некуда стало, не в почете тот образ жизни. В почете другой — капиталистический. И в этом образе преуспела теща, начавшая после приватизации магазина зарабатывать просто-таки жуткие деньги. Сейчас у нее в городе не только магазин, но еще и несколько лавок — называются «бутики».

Жена с дочерью работой себя не утруждают — ездят по заграницам. Где только не были: и в Париже, и в Таиланде.

Наездились, набрались «культуры» и теперь мужа и отца, бывшего медалиста и отличника, а также кандидата наук, считают безнадежным неудачником и полной деревенщиной. Да и сам он теперь так считает. Уехал к матери-старухе, а вы живите, мол, сами.

Работы для него на селе нет — колхоз развалился окончательно, в школу идти стыдно, промышляет батраком-однодневником. Здесь огород вскопать. Там сено помочь накопить. Тут уголь стаскать в сарай. Под весну снег с крыш скидывает, осенью картошку людям копает. А то ездит в город и подрабатывает в бригаде грузчиков при тещином магазине.

Парень еще молодой и крепкий. Но при интенсивной работе начинает прошибать его липкий пот. Последствия заработков — обычно за помощь в деревне расплачиваются самогонкой или разведенным техническим спиртом. И это здоровья, конечно, не прибавляет...

— А вот рассказывала мне Ленка про Лиссабон, — мечтательно вспоминает кандидат наук.

— Ну-ку, ну-ка, — говорю ему, — какой он, этот Лиссабон?

И вижу — парню приятно.

ЛИРА

Такое у нее странное, никаким боком не деревенское имя.

Она некрасива — худа и носата. Черноволосая — не в роду. Это мать, белокурая и полнотелая русачка, прижила ее с армянином из бригады «грачей», строивших в совхозе разные хозяйственные сооружения.

Глаза у нее, правда, темные и блестящие, кожа бело-матовая, а зубы ровные и крепкие. В деревне таких зубов больше нет — вода тут, что ли, в скважине такая агрессивная, потому что годам к сорока половина баб либо дырами во рту светят, либо самым дешевым металлом.

Сельским трудом она не занимается. Как мать состарела, всю домашнюю живность пустили под нож. Даже курей. Всех забот по дому — огород с картошкой и «огородчик» с разной овощной мелочью — свекла, морковь да лук с чесноком.

Лира работает в городе и каждый день отправляется туда на автобусе в семь десять. Она продавщица. Начинала с продовольственного прилавка. Стояла в промтоварном. Теперь торгует в «бутике» — эдакой загородке в бывшем большом магазине.

Товар у нее «интеллигентный» — шампуни, одеколоны и разная косметика, в основном азиатская подделка под «европу». Идет он неплохо, потому что ярко и дешево. Так что зарабатывает Лира совсем не деревенские деньги — сто рублей в день — это у нее минимум — и одевается, ну прямо фотомодель.

Мать, пенсия у которой двести сорок, не нарадуется на дочь. Сейчас, правда, и матери пенсию повысили, но все равно далеко до дочерних заработков, которая получает четыре процента «числыми» с каждой продажи.

От автобусной остановки их домишко недалеко. Однако асфальт прямо у шоссе и кончается. Дальше расхлюпанная тракторами глина. И Лира вынимает из черной сумки с золотой надписью «Cardin» резиновые сапожки и меняет на них свои щегольские туфельки.

С местными мужиками, чумазами, загорелыми и нередко подвыпившими, Лира не общается. Проходит мимо них, табунящихся близ придорожной «пельменной», не глядя. Только полы полупрозрачной «разлетайки» пронесут за собой незнакомый и странный запах. Мужики принимают и крикнут: «Ишь ты, грачиха!»

...Домишко ихний стар, но еще ничего, стоит. Только вот в сенцах течет крыша, которую Лира каждый год ремонтирует, как может, рубероидом. У них две комнаты. В одной, она же и кухня, спит мать. А горница принадлежит Лире и тут, на

кустарной выделки комоды стоят черный телевизор «JVC» и видеоманитофон «Daewoo». Много кассет. А самая любимая — с «Титаником». Ее Лира смотрела раз двадцать.

ВОДОПРОВОД

Водопровод тут в каждом доме. Только система труб сильно запутана. На одной и той же улице разный напор. К примеру, у Кравченков прокладки в кране прямо рвет и сам Кравченко в огороде орошение сделал, даже картошку поливает.

А у Гришки, буквально рядом, из крана чуть-чуть писает — бочку целый час приходится набирать. Говорят, пробка где-то образовалась. Или у Кравченко «врезка» другая. Та, которая до Гришки не достает.

И до бабы Ани не достает. И до фронтовика Калабина, который вообще возит воду из речки на лошади.

146 Как начинается лето и приходит пора интенсивного полива, настает беда. И тогда приезжают ремонтники. Дня три они изучают обстановку. Изучив, начинают копать на месте старого порыва — он на дороге, в проулке между бабой Аней и Калабиным.

Порыв не подводит, из него сочится всегда. Два года назад он был прямо у калабинского забора. Выкопали большую яму, и она стояла так все лето. Закопали, когда там утонул поросенок и хозяин поросенка пенсионер Староверов пригорзил подать на водопроводчиков в суд. Наверное, все ж таки подал, это ж Староверов, а Староверовы сливуют в деревне принципиальными, поэтому, например, у них никто не просит займы — все равно не дадут.

Прошлым годом потекло под забором у бабы Ани. А она, грешным делом, даже обрадовалась, когда рядом навалили кучу глины — машины перестали под окнами ездить, сместилась дорога в сторону фронтовика Калабина.

Нынче получилось ни то ни се — порыв обнаружил себя как раз посередине проулка. На этот раз кроме трактора с ковшом приехало много начальства. Которое поменьше — на «бобике». Которое постарше — на «Волге». Должно, хвоста накрутили водопроводчикам, и они вырыли и зарыли яму в один день. Так что никто не утонул, никакая кошка или курица, а посреди образовался глиняный холм.

И теперь в проулке две дороги. Одна под забором у Калабина, а другая под забором у бабы Ани.

Калабин ночами ковыряет желтый холм и кидает глину в свою сторону — не хочет, чтоб рядом с его усадьбой ездили, думает, что глины побоятся. А баба Аня смотрит на такое соседское безобразие и ругается.

Воды в кране, впрочем, не прибавляется. Ни у Калабина, ни у бабы Ани, ни у Гришки. Ну, Гришке все по барабану — он по-новой с бабой развелся и пьет. А другие соседи недовольны: что ж это, блин, такое: у Кравченко орошение даже на картошке, а у нас в такую засуху еле писает из крана.

СЕДОЙ

— У меня каждый день «калым»! — хвалится он. И каждый день он пьяный. Это показатель благополучия — бутылка в день. Как раз хватает — ни перебора, ни недобора.

«Калым» — это какая-нибудь работа. Ну, к примеру, у Гришки картоха заросла травой, никакая тяпка не берет. Значит, надо дергать вручную.

Жена от Гришки ушла к матери после того, как он ее малость «погонял» по пьяному делу. Ушла и категорически отказалась от огорода. Мол, раз ты такой, ну тебя к лешему вместе с твоим огородом.

Жена-то ушла, а технический спирт, которым они приторговывали, остался. И за спирт Гришка нанял «калымщиков». Поутру они дергают «красный корень», лебеду и осот, а с полудня уходят «на обед», после чего разбредаются кто куда.

Седой идет обычно к дальнему мостику и заливается в прибрежную осоку. К утру оклемается и идет к «пельменной» искать новый «калым».

Седым его зовут за цвет волос — пепельно-белый. Они все в семье такие блондинистые. Только старшие сестры с возрастом потемнели и превратились в русых и даже темно-русых, а «Седой» каким был, таким и остается.

Сестры у него правильные и зажиточные. Все поголовно городские и занимаются бизнесом. Седой один в родительском доме. Своего брата, единственного и непутевого, сестры ругают и жалеют.

Непутевым он стал по чистому недоразумению. Вез на тракторе силос через шоссе и заснул. Тележка в кювет. Трактор набок. Не приняли во внимание, что «Седой» ко всякой работе безотказный, и уволили.

Седой то пастушит, то на сенокосе добрым людям помогает, то в лесхозе санитарными рубками занимается. А как мать померла, стал «калымить». И к вечеру всегда вдупель пьяный.

Но ведет себя хорошо, не буйствует и не дерется. Раз, правда, допился, что начала ему мерещиться всякая всячина. Вроде, гоняются за ним. И он прятался от преследователей куда ни попадя. Даже в бетонную трубу, что под мостиком, залазил.

Приехали сестры и отвезли Седого в психушку. Седой быстро там освоился и через неделю приехал «на побывку». За спиртом к Гришке — психические кореша решили скинуться на День шахтера.

Ну, спирт он до корешей не довез, сам и оприходовал...

Сестры, говорю, любят белокурого своего братьника. Возят ему продукты, покупают дрова и уголь на зиму. И даже одевают: ходит Седой в шкарных джинсовых костюмах фирмы «Wrangler» — сестры в шмотках понимают, вся их жизнь прошла на базаре.

Седой в деревне нарасхват. Кому жердей в лесу нарубить. Кому поросенка завалить. Или в бане пол сменить. Никакой работы он не чурается. Так прямо в своей «джинсе» и лезет в хлев или в подбанную яму.

А просит он за «калым» немного — пару стаканов разведенного и чтоб поговорить.

— У меня каждый день «калым», — рассказывает Седой.

БАБКА ШИРИНА

147 Очень активная бабка. Везде промчится. С утра на почте побывает и весть пронесет: «Пензия после пятнадцатого будет и начнут давать с заречки — с Татариин». (За речкой когда-то татарский улус был, ну и прозвали Татариин.)

В сельсовет забежит. Новая весть: «Уголь, бабки, не выписывайте, плохой уголь, а хорошего и не ждите — не будет, Кедровский разрез всю добычу за границу пустил, на валюту».

В совхозной конторе побывает — там на первом этаже, где раньше профсоюзник сидел, теперь газовые баллоны заправляет Мишка Беккер с женой. Опять важная новость: «Мишку на операцию ложут, будут желудок вырезать, скоро все без газа останемся».

Телевизор она смотрит день и ночь. И все про всех знает: «Тулеев-то заявил — простите этого чемпиона, который меня хотел убить, жалею, говорит, хороший он спортсмен».

А мне всегда дает советы. Баловство это все, говорит, что ты калины вокруг усадьбы насаждал, какая тебе выгода от этой калины, ее в лесу полно. Ты, говорит, картошки сади побольше. Зимой ведро продал — вот тебе и бутылка, и хлеба булка. Или корову заведи, молоко будешь дачникам продавать — нынче покосов вокруг полно, все коров порезали и в совхозе их теперь половины нету против ранешнего, пустует зря земля, гуляет...

У самой бабки Шириной, правда, картошка вообще не родит, сорт, видно, надо менять, этот свое отслужил. Да и навоза огород просит. А где его взять? Скотины у Шириной нет и никогда не было. У нее две дочки-погодки, обоим за тридцать и обе сами, что коровы, — рослые, с вот такими буферами и зады шире печки. Безмужние, но с ребятиш-

ками. Работают в городе — одна посуду моет в столовой, другая штукатуром-маляром.

Зарабатывают мало, тратят деньги на что пошло — на краску для волос, на помаду, на трусы с узорами, и Ширина их поедом есть: «Вон бабки Иванихи Танька мужика отхватила, пять тыщ каждый месяц приносит, а чего там Танька против вас — козявка, а вам, давалкам, ничо не нать».

Девки только посмеиваются и мать свою нагло игнорируют: намажут губы, подведут ресницы и на выходные уезжают в город, оставив детям по паре пачечек лапши быстрого приготовления: мол, воды накипятите, залейте и через три минуты вам и обед, и ужин.

«Эх вы, блудни!» — плюется бабка Ширина и опять по деревне мчит. Не бабка — прямо электровеник.

С Иванихой они в ссоре. По весне у Шириной, как всегда, не хватило картошки. Пошла к Иванихе. Сговорились по тридцать рублей ведро (на базаре — пятьдесят уже было), десять ведер. Сто рублей сейчас, а остальное — с «пензии» или девки чего получают.

Картошка кончилась скоро. И деньги разошлись по другим долгам. Вот осень пришла, а на сердце тяжесть — с Иванихой не рассчиталась.

Заходит бабка Ширина к Иванихе время от времени и разговоры ведет: мол, как зять, сколько нынче принес, а премии у него тоже, небось, бывают, повезло твоей Таньке, такой мужик, а моим только жопой крутить, ох, и дорого ты, Анна, картошку-то продаешь, я тебе столько денег не отдам, я тебе по двадцать за ведро отдам, вот мое последнее слово, кулачка ты проклятая, у тебя все есть, даже теплица с подогревом, зачем тебе деньги, в могилу все равно не унесешь...

И дальше в этом духе.

С осени до весны Ширина с Иванихой в ссоре. А как потекут ручьи и прогреет солнышко — придет бабка Ширина к старой подруге и все деревенские новости расскажет. А потом картохи ведер с десятков попросит. В долг, понятное дело...

СМЕРТЬ ВАЛЕРКИ

Мужик был как мужик. Четверо их у Нэлки. От троих отцов. Все разные. Кто путевый, кто бесшабашный.

Валерка был срединка на половинку. Не запишошка, как Сашка или Витька. Но и не такой хозяйственный, как Генка, обменявший трехкомнатную квартиру в поселке птицефабрики на огромный деревенский дом-коттедж — такие лет двадцать тому строили передовым механизаторам — и выросший в хозяйство по уши, у него даже перепелки есть.

Впрочем, у Валерки тоже коттедж. Только получила его жена Роза — совхозная доярка.

Валерке, правда, было все это до лампочки. У него в голове роились разные планы. То отправиться куда-нибудь на золотые прииски и вернуться с двумя сберкнижками и на «ноль шестой» — нравился ему «жигуль» именно этой модели. То в тайгу уйти и шишкарить и сдать ореха тыщ на восемь. Или даже на десять. И купить видеокамеру — такую, как у двоюродной сестры Наташки, «джи-ви-си».

Еще он мечтал завербоваться в Чечню. Здоровья у него, как у трактора «Беларусь», — вырос на свежем воздухе и парном молоке, значит «ресурс» еще есть. Тоже можно заработать. Знакомые ребята, говорил он, понижая голос, до хрена «трофеев» оттуда вывезли.

Была у него наколка на среднем пальце — перстень в виде ромбика. Означает судимость. Которой, правда, у Валерки не было — взяли и вытатуировали себе с пацанами в «пэтэухе», где Валерка выучился на механизатора широкого профиля.

Короче, не было у него судимости, он понтовался и вид на себя напускал, рассуждая, кто у них в районе «положенец», а кто «авторитет» и за что «замочили» «вора в законе» Коростыля. Сам-то Валерка тихо-смирно работал на ферме — возил своим «Беларусем» комбикорм, сено, картошку коровам, а с фермы — навозную жижу на поля.

Зато у него была жена Розка. Старше его лет на пять. Статная красавица-татарка. Взял ее Валерка с двумя детьми. И не пожалел ни минуточки, потому что любила его Розка, как... Ну, не знаю — как. Своих детей, наверное, так не любила. Татарка, а покрестилась в православие, и они с Валеркой повенчались в церкви.

Ходила за ним Розка хвостом. Вытаскивала из разных компаний — придет и всех шуганет: «Не спаивайте мне мужа!»

Не раз в драку лезла разнимать: Валерка уже в разодранной рубаше, уже арматурину половчей, по руке, в куче строительного мусора выбирает — она, как тигра в стадо, в дерущуюся кодлу влетит, кого матом, кого когтями за морду, кого туфлей в лоб, всех разгонит к чертям и ведет всхлипывающего Валерку домой, вытирая ему платочком поочередно то кровь, то сопли...

Так они и жили. А потом поругались. Пятнадцать лет не ругались — и вот тебе. Обсмеяла Розка мужа за мечты его никудашные, за татуировку на пальце и вообще сказала, никакой, мол, ты не мужик, а так — говновоз колхозный.

Валерка в чем был, в том и ушел к матери. Нэлка равнодушно его приняла: «А, ты пришел?» — ей не впервой было сыновей от жен принимать, пускай живут, а там, глядишь, помирятся.

Неделю правда, ривали.

Накануне мы мрамор про Розку открытой.

Утром ки и упали.

На вселенские несомне.

Как хитроминки.

Все было со сметой.

третье — раза нал.

Розка весила — нинск. О

Нэлке, по ла мужи.

мужики, бабам, н

Вон с Настоящи

Раньше ничий. П

хозя, и просто л

Во вреботало с

сной. Во роптал:

сенокос дей, и с

то для ко высажен

за сенок В те

кедр в т невой та

места б ламленн

гриб-бор Ново

дось, б живали с

кедровн деревь

распуши

Неделю Валерка пил по-черному. На работу, правда, ходил. И Розку там видел. Но не разговаривали.

Накануне как умереть, вечером, пришел с фермы мрачнее тучи. «Смеется!» — сказал матери про Розку. Всю ночь ворочался и садился курить у открытой печки.

Утром оделся, вышел во двор, дошел до калитки и упал...

На вскрытии оказалось — обширный инфаркт, несовместимый с жизнью.

Как хоронили, Розка ни слезинки не пролила. Поминки справили в бывшей совхозной столовой. Все было чинно, как положено: на первое борщ со сметаной, на второе лапша с котлетой, а на третье — кисель. Водки «Губернаторской» по три раза наливали.

Розка объявление на автобусной остановке повесила — коттедж продает. Хочет уехать в Ленинск. Она тамошняя, кольчугинская. Приходила к Нэлке, плакала: жалко, говорит, Валерку, обсмеяла мужика, а мужиков обсмеивать нельзя — они, мужики, что дети малые, их беречь да беречь нам, бабам, надо. Повешусь, говорила...

Вон он, Шекспир. Вот они, блин, страсти где. Настоящие, заметь, не из книжки.

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

Раньше тут был лесхоз. Руководил главный лесничий. Потом лесхоз стал отделением другого лесхоза, и начальник стал называться не главным, а просто лесничим.

Во времена главного лесничего хозяйство работало очень много и всю округу обсадило сосной. Все поляны, опушки, залежи. Кое-кто возроптал: такие, мол, сенокосы загубили — тогда сенокосов не хватало, много было скотины у людей, и с лесниками надо было дружить, чтоб место для косьбы хорошее дал. Впрочем, пока сосны, высаженные правильными рядами, не поднялись, за сенокосы сходили и вот эти самые междурядья.

В те поры был даже заложен кедровник, хотя кедр в тутошних местах, на стыке лесостепи и черневой тайги, не водился отродясь — это всегда были места березовые да сосновые и в чистых, не захламленных буреломом здешних чащах царствовал гриб-боровик, какого в дремучей тайге нету.

Новопоселенный кедровник, лесхозовскую гордость, берегли пуще глаза и первые годы подсаживали свежие деревца взамен усыхавших. Теперь кедровнику без малого двадцать лет, отдельные деревья поднялись далеко за человеческий рост, распушились и им нипочем даже соседство боль-

шого, постоянно газящего большегрузами транс-сибирского шоссе.

Был при лесхозе питомник молодняка, откуда позволялось воровать какие угодно саженцы. Тащи и сади.

Деревня стащила много, и с той поры, считай в каждом палисаднике, кроме, конечно, недавно обустроившихся новосельных усадеб дачников и бывших шахтарчуков, вроде меня, свечками торчат тополя, карагачи да сосенки с лиственницами (над моей хибарой такая красавица стоит), краснеют розетками ягод разросшиеся ввысь и вширь рябины, шумит кустарниковый подлесок: бузина, отчего-то любимая кошками (они грызут бузиновую кору и, как от валерьянки, «тащатся» от ее запаха), блестит масляно-зелеными листьями роскошный первоцвет лета — сирень, неприступно стоит, как часовой на посту, колючая боярка, а с виду такой же недотрога шиповник стал приютом всякой птичьей мелочи — ни одной кошке не забраться в его шипастые дебри.

Был лесхоз постоянным источником дохода для деревенской молодежи — всякое лето в питомнике подрабатывали школяры: сажали молодняк, полили посадки, помогали на санитарных рубках, ловили в «зеленых патрулях» самовольных порубщиков и, поработав, несли в хату свою первую копейку. Какую, кстати сказать, сложно было получить в колхозе — там норовили обойтись натуральной оплатой да к тому же зачесть ее в родительский заработок и ничего не оставить на увеселительную поездку в близкий город — в цирк, в зверинец, в оперетту или на аттракционы в заезжий «луна-парк».

С реорганизациями последних лет лесхоз совсем похужал — леса не сажит, питомник закрыл. Нет и ухода за посадками — полынь над последним загоном сосенок поднялась выше молодняка. Рабочих в лесхозе почти не осталось, а те, кто есть, пилят старые березняки, раскряжевывают их в полешки и продают землякам на растопку.

Далеко на промысел не ездят, берегут тракторную солярку и браконьерствуют недалеко от лесхозовской конторы — прямо за речкой открыли нелегальную лесосеку, и бензопилы порой бесстыдно воют средь бела дня. Ближние перелески испорчены порубочными остатками насовсем. Да ладно бы старые березы губили, им и так уже срок выходит, каждое третье с дуплом или обломанной вершиной, так еще ведь в посадки стволы роняют: одну березу свалили, а с ней две сосны упало.

Лесничий смотрит на безобразия сквозь пальцы — будешь строжиться, так разбегутся и те немногие подчиненные, что еще терпят непуतेво малую лесхозовскую зарплату. Да и не одолеть ему старых

лесников — сам-то лесничий еще совсем салажонок, только-только после техникума.

Но поруководить, власть показать шибко охота. И он показывает ее деревенским старушкам. Как увидит при дворе березовый швырок, тут и подъезжает со строгим вопросом: «А где у тебя, бабка, билет?» (имеется в виду разрешение на порубку, называется «порубочный билет»).

Какой там билет! Смирные бабки пугаются и платят штрафы, не выдавая самовольных соседей-порубщиков. А то на будущий год ничего не привезут. Штрафы невелики, правда, по самому минимуму — рублей тридцать за все про все, чтоб оправдать лесничему зарплату.

Бабке Иванихе, у которой покойный муж когда-то тоже в лесничих ходил, грозный лесной хозяин выписал, однако, целых 67 рублей, — купила у мужиков за литр спирта и шматок сала на закуску, чтобы ограду поправить. Бабка аж покраснела с досады и показала начальнику дулю — вот тебе, не по совести поступаешь, платить не буду, у меня «пенсия» пятьсот рублей, с каких денег платить? Дуля была черная (как раз картошку копали), а давно не стриженный ноготь на большом пальце высунулся далеко-далеко и выглядел крайне оскорбительно.

В ответ на дулю покраснел сам молодой лесничий. Покраснел и пригрозил: «В суд, Иваниха, пойдем!» А та ни на волос не уступает: «Пойдем! Я там и расскажу, кто лес изводит. Твои же изводят — прямо в водоохранной зоне рубят. А ты по бабкам ходишь, рубли сшибаешь!»

Я ж говорю, у Иванихи покойный муж лесничим был, да и она при нем служила, так что она все лесные термины знает. В том числе и про сто-метровую водоохранную зону.

Квитанцию на штраф начальник, правда, выписал и в почтовый ящик (он к калитке у Иванихи прицеплен) бросил. Но вот уже месяц не заезжает и не зовет штрафницу ни в сельсовет, ни на суд. Может, все обойдется.

...А хороший был лесхоз и след после себя добрый оставил — все пустоши и прогалины заселились светлобокими сосняками, кедровник на выезде темнеет пушистой хвоей, а сама деревня по весне в зелени и сиреневом буйстве, сегодняшними ж тихими осенними днями в царственном багрянце и тленном, ненадежном лиственном золоте.

РЫБАЛКА НА «ПЕРЕПЛЮЙКЕ»

Речек вокруг деревни полно. Потихоньку они сливаются в одну, и все это водяное содружество медленно, плавно и извилисто течет в далекую кузбасскую матушку-Томь.

Говорят, наша деревенская речка в старые времена «давала дрозда» — после особо снежных зим сильно буйствовала, выходила из берегов и перла поверх моста. Правда, этот мост — так, не мост вовсе, а две проброшенные по ходу русла бетонные трубы, засыпанные гравием. И когда случалась эдакая половодная беда, школьники обходили разлив другим мостиком (такие ж две трубы и гравий), который у телятника, выше по течению за километр.

А я ее помню всегда вот такой — маленькой-маленькой. И по настоящему, казенному, имени ее не зову никогда — «переплюйка» да «переплюйка».

«Переплюйка» всегда была грязной — выше деревни стояли две фермы. Прямо в берегу животноводы устроили навозохранилище — просто вырыли бульдозером яму и спускали туда самосплавом жижу с ферм. Понятно, яма сочилась, дренировала, и вода в реке после нее воняла, как сама ферма. Собака у меня как-то искупалась близ телятника, так стеснялась потом ко мне подойти — чуяла, что он нее прет, как... Ну, не знаю даже сказать — как.

Теперь речка стала почти чистая. Фермы-то закрыли и разломали на кирпич. Оставшийся скот перевели в соседнюю деревню. Там близко хорошие выпаса. Навозохранилище понемногу засохло. Вот и посвежела речка.

И завелась в ней рыба. Гольяны со спичку, пескарики с палец и чебачки с половину ладошки. Пацанам радость — добычки они теперь!

Внук нынче упросил: сделай удочку. Ладно, сделал. А мальчишка-то совсем малой, недавно на ноги встал, просит: теперь рыбку ему поймай. Пошли на «переплюйку», размотали удочку, насадили самого бойкого червячка и, представьте себе, с первого заброса поймали гольяничка.

Посадили его в банку, принесли домой и выпустили в жестяную ванну, что стояла в огороде, около капусты. День прожил гольян в новой квартире. И одну ночь. Утром приехала бабка и с места в карьер затеяла поливать капусту. И гольян вместе с водой уплыл между грядок...

Сколько горя было...

А к осени пацанишка стал заправским рыбаком — штук по десять пескариков домой стал приносить каждый день да через день. Кошке Маруське в радость — как она цапала еще живую рыбу, как урчала над добычей, как утаскивала очередного пескаря в кусты — пригнув голову и хищно выгнув спину!

Пускай она «переплюйка», а все равно — река. Для внука — главная река детства.

Таисия

ВЫБ

Сег

Совета

ми в но

седате

бор. О

«Чт

Я и

росы о

увлече

сама в

жизнь.

чайный

на хор

челове

ляет л

гомон,

Кемеро

ное жи

Виктор

вета, з

социал

нужны

— Д

сты, мо

выступа

оценки.

Как вос

работал

Начина

лось, чт

вольств

ком-би

гимнази

ти. Как

чью соб

заберут

шо. Пла

О то

лсовет,

уникаль

рю, как

Или Ал

думает,

Геннади

Я получ

Таисия ШАТСКАЯ

ВЫБОР

Сегодня у нас в гостях депутаты областного Совета, совсем недавно ставшие профессионалами в новом для них деле: оба — заместители председателей комитетов, оба сделали серьезный выбор. Об этом — беседы с каждым из них.

«Что тебя заставило сменить мелодию любви?»

Я и не заметила, что заранее продуманные вопросы остались в стороне. Настолько искренне и увлеченно заговорила моя собеседница, словно сама в эти минуты хотела понять себя и свою жизнь. Два года назад — педагог, причем не случайный, по призванию, директор гимназии, что на хорошем счету, уважаемый в Березовском человек, депутат городского Совета, она оставляет любимый педколлектив, родной ребячий гомон, закрывает обжитую квартиру и уезжает в Кемерово, где ее ждут деловые бумаги, служебное жилье, бесконечные заседания. Избрали Нину Викторовну Зинкевич депутатом областного Совета, заместителем председателя комитета по социальной политике. Законодательной власти нужны профессионалы: приходится выбирать.

— Дети самостоятельны, сын и дочь — экономисты, мои критики, — говорит Нина Викторовна, — выступаю по радио или телевидению — жду их оценки. Муж погиб, когда они были маленькие. Как воспитывала? Да никак. Работала, работала и работала. Дети и работа — главное в моей жизни. Начинать надо с себя, тогда все получится. Хотелось, чтобы и дети, и педагоги шли в школу с удовольствием, выучилась на психолога (была химиком-биологом). Поставила цель — создать гимназию, коллектив стал островком стабильности. Как «болели» за меня коллеги на выборах! Ночью собрались, когда подсчитывали голоса. «Тебя заберут», — сказали. Работают и без меня хорошо. Планку не опустили.

О том, что попала на постоянную работу в облсовет, не жалею. Круг общения завидный, люди уникальные. Вот Алексей Петрович Маслов, смотрю, как он реагирует на замечания, предложения. Или Алексей Антонович Гребенников, он всегда думает, сомневается. А какая цельная натура — Геннадий Тимофеевич Дюдяев. Здесь интересно! Я получаю удовольствие от работы над законом...

— И не тоскуете о былом?

— Отмечали пятнадцать лет нашей школы-гимназии. Музыкант заиграл на саксофоне «Мелодию любви». И я расчувствовалась: зачем мне все это — казенные коридоры, бумаги, вечное недовольство избирателей? Лучшие годы там, где полторы тысячи ребятишек и сто пятьдесят взрослых. Но стоп. Жалобы пугают? Не превратись в отдел жалоб. Надо помочь? Помогай. Но главное, чтобы стало меньше этих жалоб и просьб, — закон. Он должен работать на человека. И экономику надо менять для человека.

— Можете сказать, что нашли здесь себя?

— Скорее, не потеряла. Здесь больше видишь негатива, в комитете по социальной политике особенно. Не потерять веру в людей, поверить в себя — значит понять эту работу.

Отчитывалась перед ветеранами Кемеровского района, дедушка и говорит: «Давай не про закон, давай конкретно». Мой округ — город Березовский и Кемеровский район. И там, и там — десятки поселков с конкретными проблемами, жители — мои избиратели. Они меня связывают своей верой в то, что я могу помочь.

Сгорела школа в Барзасе. Приехала туда с Бабиновым Сергеем Николаевичем, депутатом, понимающим в строительстве. Дети в сарае. Грязь. Учительницы озлоблены: «Что толку ездить да смотреть?» И вот школа в Барзасе — пусковой объект: небольшая, но для поселка хорошая, светлая. И люди уже встречают по-другому.

Приходят шахтеры с закрытых шахт. Я их детей учила, знаю, что вот этот — кавалер трех орденов «Шахтерской славы». Свою зарплату, начисленную до закрытия, получить не может. Хлопочу. И вот ответ: выставлено на продажу имущество бывшего треста, вырученные деньги распределят. По поводу дополнительной отраслевой пенсии для тридцати человек передала документы депутату Госдумы Петру Николаевичу Рубежанскому.

— Благодарные есть?

— Однажды рассматривала рисунки детей-инвалидов на тему «Моя мечта». До боли в сердце поразило изображение колеса и спиц. Так выразила Таня свою мечту о коляске. Сходила в департамент социальной защиты к Юрию Алексеевичу Гладкову, достала и привезла девочке коляску. И вот ее пересаживают с дивана в коляску, а глаза у нее умненькие, девочка хорошенькая. И вдруг покатались по ее щекам слезы радости. Об этом даже неудобно говорить.

Только избрали меня депутатом облсовета, пришла женщина с хлебокомбината. Ее сын был на

первой чеченской войне. Она ездила его искать, нашла в госпитале. Не сломился парень, как другие, выстоял, выучился на юриста, а вот с трудоустройством возникли проблемы. Когда удалось помочь, как он расправил плечи, как повеселел.

— Есть и огорчения?

— Нависла глыба снега. Вместо ЖЭКа ищут депутата облсовета. Первое, что говорят, «Мы за вас голосовали». Жэковские проблемы — вот где требуется обобщение частных бед. Выезжала в Березовский с Виктором Ивановичем Заузелковым по поводу реформирования жэковского хозяйства. Многих руководителей заменили, пришла команда молодых, один ЖЭК отдали в частные руки в порядке эксперимента. Стали ходить по домам, собирать квартплату, в городе стало лучше, жалоб меньше. Люди ведь как воспринимают власть? Как гарантию нормальной жизни. И это правильно.

— Закон о защите детей, принятый на последней сессии, что гарантирует?

— Нормальные судьбы обделенных семейным счастьем детей. Как бы ни было хорошо в детском доме, у детей там грустные глаза. Отсюда и акция «Найди меня, мама», и законы о льготах для таких мам. Права ребенка попирались — принят на этот счет закон, в частности, о праве на жилье. Чтобы эти законы работали, нужен уполномоченный при губернаторе.

Вообще проблема сиротства требует государственного анализа. Отчего бросают новорожденных? От бездуховности, от бедности? Но мы знаем разные семьи. Есть бедные, а детям в них хорошо. Отношение к матери — вот что важно. Нужно общественное мнение на этот счет. Почему принято сочувствовать, мол, одна с ребенком? Я осталась одна с двумя детьми и оба получили хорошее образование. От матери многое зависит. Сломалась, говорят, а она просто опустилась.

— Что заложено в молодые годы...

— Приходится слышать: «Молодежь плохая». Нет. Она просто другая. Не романтики — прагматики. И при этом как бы разделились: одни знают, чего хотят, у таких есть желание учиться. Другие не определились пока. У этих руки дела просят. Но нет сейчас престижа рабочих профессий. Шахтер! Это когда-то звучало гордо... Не упустить момент, не упустить таких ребят — разве не политика?

Беда с чего порой начинается? Неладно в доме. Ожесточается ребенок, дерзит, срывает зло. Привели как-то ко мне, директору, такого. Смотрит волчонком. Я невзначай его погладила: «Ну что у тебя?..» И вдруг мальчишка заплакал. Все рассказал. У ребенка нервы были на пределе.

— Всех не погладишь...

— Поэтому постоянно чувство несделанного. В школе — нагрузка, текучка. Здесь, в облсовете, каждое твоё слово есть груз власти. Это уже личная несвобода. Я изменилась. Сын и дочь говорят об этом. Долго на эмоциях жить нельзя, а я эмоциональна, поддаюсь сочувствию. Приходит как-то беженка из Казахстана, казашка, по-русски Нина. Мы так разжалобились с Зинаидой Федоровной Галиной, достали свои кошельки. Денег дали, накормили, на работу устроили. Потом узнаем: гуляет. На прием ко мне заявила другая: живем, мол, в избушке, дети три дня не ели. Я опять за свой кошелек. Оказалась пьянь. Дети и вправду сидели голодные.

Что таким закон? Они знают, что им должны платить «детские». Вот и весь закон. А должны ли? Не случайно все настойчивее говорим об адресной помощи.

152 — Кое-кто использует депутатство для обустройства личного благополучия...

— Я не люблю просить. Ничего и никогда. Что заработала сама, то и есть. И за детей ни разу не просила — сами определились. Квартиру в Березовском получила двадцать лет назад, кстати, в ней и дети прописаны, своего жилья не имеют. Много говорят о депутатских машинах. У нас, в облсовете, считая, все скромно, никаких привилегий. Созданы нормальные условия для работы.

— Есть ли удовлетворение от депутатской деятельности?

— Не всегда. Но главное вот что. Было время депрессий в шахтерских городах. Мужчины были унижены безработицей, безденежьем. Это отражалось на семьях. Сейчас все меняется. Кузбасс воспрял духом. Предприятия живут. Работа есть. Деньги платят. Одно людей беспокоит: вдруг все это вот-вот закончится? Вдруг что-то произойдет?

«Что не удастся, гвоздем сидит»

Сергей Васильевич Сафронов к своим сорока пяти годам познал немало: рос в шахтерском городе Осинники, служил в армии на Псковщине, где затем осваивал нечерноземные земли; работал на стройках, был студентом в Новокузнецке, где стал инженером-строителем; успел поработать в горкоме партии и в администрации родного города, где был также заместителем директора шахты «Алардинская» по строительству и директором муниципального предприятия «Водоканал». Сейчас — депутат областного Совета, заместитель председателя комитета по вопросам промышленности, транспорта, связи и управления собственностью.

— Человеческие ресурсы переходят в татарскую республику.

— Честно говоря, я не понимаю, почему Комитет интересов не одобряет этот закон. Я думаю, что это зависит от того, кто из нас сейчас Антон. Если же мы дадим на основе этого закона восемьдесят миллионов рублей Беляеву, Кривошеину, Гуняеву, Гуняеву, Гуняеву. Все это — с опытом, но для депутата это прием, и я не хочу. У меня пропуск службы в милиции, деда — рошо, плюс даже кураторство — кредо — респектабельное и крошечное творчество. Вот поступок. Скоро год, а я ощущаю, что не готов к сионизму. Сионизм — цифический, собственный, более в...

— Ко
ший для
экономи

— Бол
лось бы п
мут нужн
если он
мы пыта
ции лома
вал. Про
тов в Го
«метелл
ное в не
подписа
ства. На
му и к п
лей ущер
продают
без свет
тебя отм
же испо
чаться д

— Человек конкретного дела, руководитель, вы переходите вдруг на профессиональную депутатскую работу. Почему?

— Честно говоря, не собирался этого делать. Категорически. Но прошел год, стали убеждать: комитет интересен — экономика и собственность — от этого зависит все остальное. А председатель Алексей Антонович Гребенников загружен выше некуда на основной работе, в «Кузбассэнерго». Нас восемь депутатов в комитете и все руководители: Беляев, Крюков, Денисенко — генеральные директора, Гуназов, Клековкин, Коноваленко — директора. Все профессионалы с богатым жизненным опытом, но занятость на производстве — минус для депутатства. Если в округе можно наладить и прием, и помощь людям, то в комитете сложнее... У меня принцип такой — работать всерьез. После службы в армии оказался я на стройке, где наставник, дед-плотник, говорил: «Старайся делать хорошо, плохо само получится». Из-за этого деда я даже курить бросил и на всю жизнь выработал кредо — работать всерьез. В комитете дело сложное и кропотливое. Занимаемся не только законодательством в рамках Кузбасса, много документов поступает из Госдумы, сами обращаемся в нее. Скоро год, как я здесь, но только-только начал ощущать себя специалистом. Никто же депутатов не готовит. Всерьез и постоянно, то есть профессионально, здесь непросто работать. Много специфических вопросов. Нужно понять и проблемы собственности, и отраслей промышленности. Тем более в условиях реформирования.

— Комитет экономический, по идее важнейший для Кузбасса, но многое ли зависит в деле экономики от депутатов областного уровня?

— Больше, конечно, от Госдумы зависит. Хотелось бы попросторнее нишу иметь. В регионе примут нужный закон, но он может быть отклонен, если он противоречит федеральному. Например, мы пытались ужесточить порядок сбора и реализации лома цветного металла. Прокурор опротестовал. Прошло три суда. Бились через наших депутатов в Госдуме. Два с половиной года бродил «метеллоломный закон» в коридорах власти. Главное в нем что? Ограничить экспорт. Президент не подписал: ущемляется свобода предпринимательства. Наш комитет подготовил обращение в Госдуму и к президенту. Закон нужен: миллиарды рублей ущерба для России (принимают лом за копейки, продают за валюту), сотни смертей, села остаются без света. Морально, конечно, тяжело, когда от тебя отмахиваются, как от назойливой мухи. И все же используем любую возможность, чтобы достучаться до представителей федеральной власти.

— Есть ли результат! Ведь это главное.

— Принят закон об инвестиционной политике — появилось много инвестиционных проектов. Среди них такой крупный, как «Метан Кузбасса». Инвесторам предоставлены налоговые льготы. Пробурены экспериментальные скважины, в том числе на Ерунаковском угольном месторождении, получено подтверждение: извлекать газ можно. Кое-кого пугает американская технология, напрасно: у первопроходцев (американцев) все отлажено, рентабельно. Для нас благо — избавить шахты от метана, да еще с пользой от него. Результативен и закон о государственном заказе. Предприятиям и учреждениям Кузбасса требуются спецодежда, препараты, продукты, еще многое. А если централизованно закупать необходимое? Начали с бюджетных организаций. Прошли первые торги продукции сельского хозяйства и машиностроения. Рынком напрямую командовать нельзя. Нужно продумать, как перепрофилировать предприятия, как загрузить их. Аппетит приходит во время еды, а опыт — во время работы. Помогли Мариинской швейной фабрике получить заказ для железнодорожников, какое-то время предприятие продержалось. Помогаем Новокузнецкому авиапредприятию: оно сумело погасить долги, в нем пять самолетов, вертолетный парк для юга Кузбасса, ангар для обслуживания техники, а вынуждено сдаваться конкурентам из соседнего региона. Кузбасс — для многих лакомый кусочек. Наша задача — используя свои возможности, противостоять этому натиску.

— Создается странное впечатление: люди, голосуя, избирают своих депутатов, при этом все меньше и меньше верят им. Как вы чувствуете себя при таком отношении?

— Человеческая жизнь коротка. Хочется быстрых перемен. А депутат напрямую не влияет ни на что. Результат действия закона, особенно экономического, долговремен. Тот же проект «Метан Кузбасса» рассчитан на десять лет. Через полгода просто не может быть результата. Наверное, это скучно, но это так: законодательский инструмент — длительного применения. Есть, конечно, вопросы, где результаты очевиднее: те же социальные надбавки. Мы поддерживаем такие инициативы. Но даже чтобы новую лаву в шахте нарезать, нужен год, а то и больше.

— Раздражение вызывает несоответствие слова делу. А депутаты говорят и говорят. Что за структура такая? Что за система?

— Есть такие депутаты, особенно в Госдуме. Это те, кого избирали не по округам, кто подотче-

тен фракциям и партиям. Вот и говорят, и говорят. Но есть и такие, как Сергей Иванович Неверов. Как только в Осинниках какая беда, он тут как тут. Прямая связь налицо: это его округ. Депутаты областного Совета все подотчетны своим округам. Я, например, принимаю избирателей в Осинниках почти каждую субботу.

— **И есть удовлетворение!**

— Неудовлетворения больше. Руки коротки. К тому же чиновничий аппарат раздут, налоги на его содержание — тоже. Мешает перепихивание дел.

— **Вы тоже теперь чиновник...**

— Государственный служащий, которому проще разные двери открывать и, следовательно, помогать людям. Что не удастся, гвоздем сидит... В пятидесятые годы служил человек в Германии, где получил дозу уранового облучения. Не подпадает ни под какие льготы, даже обследования (оно дорогое) не могу для него добиться. Архив не подтверждает таких видов работы, которые солдат выполнял, и Германия уже не та... Хотя бы права на курортное лечение добиться...

— **В «Водоканале» у вас было шестьсот человек, на «Аларде» две с половиной тысячи. И там, и там остались конкретные дела. Здесь же и коллектив невелик, и результаты не видны. На что уходят лучшие годы!**

— В Малиновке, где «Аларда», остался жилой дом на девяносто семей, начали строить очистные. В «Водоканале» ввели новую технологию очистки воды — избавили женщин от адского труда. И там, и там наладили выплату зарплат. Думаю, и здесь мне не грозит опасность очерстветь, обрасти чиновничьим жирком. Я сел и поехал на своей личной «Волге», не дожидаясь ни служебной машины, ни бензина даже.

— **Семья осталась в Осинниках?**

— Я здесь живу в служебной квартире вдвоем с сыном. В Осинниках — взрослая дочь, у которой часто бываю, там мой округ.

— **В новом коллективе нашли общий язык с коллегами?**

— Я пришел в сложившийся коллектив. Было такое ощущение, что все хотят помочь мне. Это на лицах читалось. Прежде всего, руководитель аппарата Владимир Сергеевич Балахонов, его команда. Депутаты благожелательны. Нет политиканства, нет пустых словес. Все необходимые материалы под рукой. Вот, кстати, программа экономического развития Кузбасса (такой в масштабе России нет), из нее видно, что Кузбасс — динамично развивающийся регион. В этом безусловна заслуга губернатора. Убежден: годы его руководства войдут в историю Кузбасса положительной строкой. При том что мы потеряли миллиард рублей в пользу федерального бюджета, наши предприятия нашли возможность повысить (и выплачивать) зарплату. Его настойчивая идея. Долбит — и вот результат.

— **А у вас есть своя идея?**

— Считаю, что при большом внимании бюджету наша внутренняя экономика недостаточно окружена вниманием. Утверждают предприятия, подлежащие продаже, при этом нет детального экономического анализа каждого. Какой резон выставлять на торги то, к примеру, что создано не так давно? Оживили же «Азот». Нужен анализ состояния предприятий.

— **Вот и анализируйте...**

— У нас другие функции. Я бы сравнил работу нашего депутатского комитета с профилактикой в здравоохранении. Есть таблетки, есть хирургическое вмешательство, а есть предупреждение заболевания, когда результат отдален. Последнее — наша забота.

г. Кемерово

XXXX

XXXX

Ната

И

ся так

стве..

былих

предв

тором

А

де, то

селе

живае

сельск

десяте

В с

двое и

вут ка

чета С

типичн

две к

а пото

Се

рогой

собачн

—

так ни

вами,

том ча

потом

Вер

хотела

вать ли

—

А вот

значит

забор

к этом

тельск

Вер

рисова

ния, ко

школу.

период

тилась

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Наталья КИМ

КАЛИНОВСКИЕ СТРАДАНИЯ

И веселые, и грустные народные сказки начинаются так: «В некотором царстве, в тридесятом государстве...», или «Давным-давно...», или просто «Жили-были». Нашу фольклорную историю лучше всего предварить словами «живет-поживает». И не в «некотором царстве», а в расейском государстве.

А если уж полностью следовать исторической правде, то художница Вера Сидорова живет-поживает в селе Глубоком Топкинского района. Сказать, что наживает добра, при всем желании и уважении к труду сельского учителя вкупе с творческой и выставочной деятельностью невозможно.

В общем, Вера, ее муж Александр Филиппович и двое их сыновей (девятнадцать и семнадцать лет) живут как все. За десять лет, проведенных в Глубоком, чета Сидоровых ничем особенным не выделилась — типичная сельская интеллигенция: огород, куры, конь, две коровы. Утром подоить, прибрать, накормить, а потом уже и за рисование можно браться.

Сейчас Вера избавилась от крупной рогатой и безрогой скотины. Оставила только мелкую живность: собачку и кошечку.

— Решила, надо что-то одно выбирать, потому что так ни там, ни здесь толку нет. Пробегаша за коровами, рисовать уже некогда. Навоз покидаешь, потом часа два руки трясутся, за кисть не возьмешься, потому что рисую я кропотливо.

Вера выросла в семье сельских учителей. Мама хотела, чтобы она пошла по ее стопам — преподавать литературу и русский язык.

— Я говорила ей, что никогда учителем не буду. А вот работаю. Сельская интеллигенция. Это кое-что значит. Значит, что уже нельзя упиться, чтобы под забором лежать. Это обязывает. Причем я с детства к этому привыкла. А брат возмущался всегда: «Учительский, значит, святой, что ли?»

Вера окончила Беловское педучилище, отделение рисования, черчения и домоводства. После его окончания, конечно, попала по распределению в деревенскую школу. Потом был в ее жизни небольшой «городской» период, работа в бригаде оформителей. Так она встретила с Александром Филипповичем. Дети родились.

155

Сидорова Вера. «Самогонщица». ДВП, темпера.

В Кемеровское художественное училище Вера поступила, имея на руках двоих пацанов.

— Дикий поступок был по тем временам, — говорит она. — Родители возмущались: одному ребенку пять, другому три года. Но я хотела учиться, просто болела этим, и поступила на керамику.

Дети и муж остались в Топкинском районе. В принципе, недалеко. Можно было навещать семью в выходные. Если бы она попыталась счастья в Красноярске (Александр Филиппович, кстати, был не против), то, наверное, имела бы высшее образование. Но для нее главным было получить специальность, а не корочки. Да и дети далеко не отпускали. Вера окончила КХУ и осталась там преподавать. А между тем близкие оставались «в провинции», и разрываться между работой и семьей становилось все сложнее. К тому же муж пообещал Вере поставить печь для обжига, чтобы можно было заниматься керамикой.

Она вернулась, а печь не получилась. И дорого, и трудоемко. И даже если заработает, то все лампочки в Глубоком погаснут, потому что для обжига керамики требуется очень много электроэнергии.

— Деньги надо, руки надо. Я же — баба, сама печь не поставлю. Сначала в стрессе пребывала, а потом поняла: надо что-то делать. Начала с горя картинки малевать. Я эту живопись за две недели придумала. Вдруг. Были зимние каникулы. Я села и придумала пасечника. Сразу. И никому не показывала долго.

Сидорова Вера. «За водой». ДВП, темпера.

Потом нарисовала еще несколько картинок втихаря. А когда приехала моя подруга, я решилась. Ей понравилось, и мы сделали выставку в магазине «Медведь».

Картины Веры Сидоровой более чем узнаваемы. В них вплетены и лубок с его наивными сюжетами, и хохлома с ее яркими золотыми и красными всплесками, и оренбургское кружево с его затейливыми узорами. Это смешение жанровой композиции с народным орнаментом и здоровым чувством юмора создает неподражаемый букет. Симпатии публики Вера завоевала почти мгновенно. А вот коллеги относятся к ней неоднозначно. С одной стороны, нельзя не признать... А с другой — выставлаться с ней рядом рискнет не каждый. Веселые сочные картинки легко «забывают» соседей. Есть еще одна неприятность: художественная общественность никак не разберется, к какому виду искусства отнести «калиновские страдания» — к живописи, к декоративно-прикладному искусству или к книжной графике?

Красны девицы, подвыпившие гуляки, самогонщики, бабы с малыми детьми, свадьбы, деды на завалянке, сытые коты — все они жители Калиновки. Была такая деревня недалеко от Андреевки, где Вера родилась. В 60-е ее не стало: разукрупнили. В 90-е Вера Сидорова свойственным большим художникам способом возродила ее к жизни, густо населила и заставила многих проникнуться симпатией к сельской жизни.

— Я собрала в нее весь жизненный опыт, который накоплен в разных деревнях: это и Андреевка, и Зарубино, и Глубокое, и Верхний Калтан. У меня ведь есть такие картины, что если конкретные люди себя в них узнают, начнут обижаться. А так я все на Калиновку сваливаю. Прототипы моих героев даже в городе живут. Поругалась тут с одним и сослала его в Калиновку — написала «Сон Иван Ивановича».

Больше всего Веру удивляет то, что очень богатые люди, приезжая к ней домой, чтобы сделать заказ, чаще всего хотят получить свои портреты. Им, оказывается, приятно увидеть себя то в бане, то на покосе, то на гулянке в компании коренных калиновских жителей.

Бывает, некоторые граждане желают быть «вписанными» в уже готовые картины, но это, конечно,

исключено. Иногда, правда, Вера идет у кого-нибудь на поводу и делает что-то вроде авторских копий с изображением заказчика. Это если картины не слишком крупные. Бывали случаи и более занятные. Одна женщина купила у Веры работу «Витя плюс Галя»: на крыльчке сидит киномеханик с девушкой. Покупательницу зовут Галя, а ее мужа — Витя. В молодости он тоже был киномехаником, и женщина все пыталась выяснить, как Вера про их любовь узнала...

Чем еще отличаются работы Веры Сидоровой, так это оформлением. Они оправлены не в багет «как у всех нормальных людей», а в рамы из бересты.

«Одежду» для Вериных картин делает муж. Началось, понятное дело, все от бедности. Покупать рамы в магазине — дорогое удовольствие. И потом, до магазина, где их продают, из Глубокого еще доехать надо.

Александр Филиппович — человек с богатым жизненным опытом. Он и оперирующим хирургом работал, и на «скорой», и заведовал сельской больницей. А параллельно занимался декоративно-прикладным искусством и «оформимовкой». Он даже в художественных мастерских работал. Когда ушел из медицины, занялся резьбой, стал преподавать в деревенской школе искусств декоративно-прикладное искусство.

— Мальчишки, особенно поначалу, рисовать не любят, а вот вырезать, выпиливать им интересно, — говорит Александр Филиппович. — А уже когда в азарт входят, то и живописью начинают заниматься. С ними мы и туеса делали, и игрушки. Но поскольку жена рисует, встал вопрос оформления работ, поэтому собственным творчеством нет времени заниматься. Пока к одной работе раму делаешь, она уже другую нарисовала.

— Деревня — это, наверное, судьба. Ни хорошо, ни плохо. Невозможно все порвать, убежать. Детям надо образование давать. А там внуки пойдут, и так я, наверное, навсегда останусь в деревне.

Все это от безысходности. От бытовых трудностей,

Сидорова Вера. «В сених». ДВП, темпера.

которые
ваются не
выставку:
протолкне
то раз при
выставки
перестала
транспорт
И «кра
рет поста
иногда пы
ская. Вер

Веру л
самоделе
ного иску
бирская В
но. Но с
художник
вать не со

Кстати
больше та
пригласе
сибирске
ках ей не
рисовать,
Не поним
чему люд
Калиновке

— Я м
ся красит
это врож
мают. По
люблю м
лю. Сын
ровать, а
Мы с ним
вать: мал
мышка ка
чуть лучш
Даже алк
обязатель

Николай

«И

Жизнь
ны в заг
В смысле
шагнул д
хватило,
лирики. С
кому от н

которые в нашей стране по множеству причин оказываются непреодолимыми. Сложно вывезти работы на выставку: машину заказывать дорого, а в автобус не протолкнешься. Пассажиры орут, картины пинают. Как-то раз пришлось раму ломать, чтобы увезти работу с выставки обратно в деревню. Вера даже практически перестала писать большие картины. Делает более транспортабельные.

И «красит» тоже дома: отодвинет кровать, табурет поставит, и вперед. Семья привыкла, а заказчики иногда пытаются выяснять: дача это у нее или мастерская. Вера отвечает что-то вроде: «Живу я здесь».

Веру любят приглашать поучаствовать в выставках самодеятельных художников или декоративно-прикладного искусства. И во всекузбасском фестивале «Сибирская Веселуха» ее работы участвовали. Это приятно. Но она-то считает себя профессиональным художником. И диплом свой в дальний ящик откладывать не собирается.

Кстати, Вера заметила, что чем крупнее город, тем больше там ценят ее работы. Недавно она получила приглашение устроить персональную выставку в Новосибирске и, конечно, его приняла. А где-нибудь в Топках ей нередко намекают, что не стоило бы людей рисовать, что с пропорциями у них не все в порядке... Не понимают, что такое стилизация. спрашивают, почему люди такие коротенькие. Она отвечает, мол, в Калининке все такие. Не городские же.

— Я медленно работаю, кропотливо. Мне нравится красить так же, как вышивать или вязать. Видимо, это врожденная усидчивость. Мужики этого не понимают. Пока зрение позволяет, буду красить. До того люблю мелкие детали рисовать! Придумывать люблю. Сын говорит, что не мне надо книжки иллюстрировать, а к моим картинкам надо рассказы писать. Мы с ним иногда сядем и вместе начинаем придумывать: мало того, что в картинке человек сидит, а еще мышка какая-нибудь из угла выглядывает. Люди у меня чуть лучше, добрее получаются, чем на самом деле. Даже алкаши. Я если что-то увидела интересное, то обязательно нарисую. Может, не сразу, но сделаю.

г. Кемерово

Николай КОЛМОГОРОВ

«И ПЕСНЕ ПЛЫТЬ, И СЕРДЦУ МЛЕТЬ...»

Жизнь Владимира Поташева, чьи строчки вынесены в заголовок, менее известна, чем его стихи. В смысле биографических данных поэт этот не перешагнул даже четырех десятков лет, но и этого ему хватило, чтобы остаться в памяти русской сибирской лирики. Судьба его в чем-то созвучна и такому далекому от нас Франсуа Вийону, и более близкому к нам

Николаю Рубцову. Не хотелось бы проводить какие-то параллели между этими именами, да что поделаешь: Поташев родился перед самой Великой Отечественной войной, еще ребенком потерял родителей, рос и воспитывался в детском доме, воинскую службу, как и Николай Рубцов, проходил в морфлоте и даже почти в тех же местах. Как и его старший собрат по перу, всю дальнейшую жизнь не имел ни угла, ни пристанища, одевался во что Бог пошлет, питался от куска к куску... Весь этот жизненный неуют и неустроенность втянули его в трагический водоворот: он попал в среду криминальную, побывал в местах не столь отдаленных. Жизнь раздвоилась: один поток нес его через весь человеческий сброд, другой, светлый, — омывал и очищал радостью общения с литературой, с миром искусства. Как когда-то легендарный Франсуа Вийон, жизнью своей он дорожил всего лишь только тогда, когда перед ним лежала чистая бумага и карандаш.

Не избегаю слов потертых,
Простых, измученных, не новых.
На тех словах кровоподтеки
Всего былого...

Судьба трепала его по всем ухабам, но никогда он не плакался на эту благодатную для иного литератора тему. А сколько «гениев» разных мастей в прошлые и нынешние годы било себя в грудь и рвало на себе рубаху в поисках легкой славы и быстрого заработка на «блатной» тематике! Образовался даже целый пласт литературных и песенных поделок на эту тему, и даже своего рода бизнес, позволяющий сытно жить и процветать. Мы читаем и слушаем все это, смотрим и щедро платим кумирам, дорожа и смакуя даже ничтожные подробности их похождений, не задумываясь, стоят ли они того. Впрочем, как говорится, каждому свое.

Пусть тяжело от злых правдишек,
Что бьют с ухмылкой под дых, —
В тебе ж ниспосланная свыше
Одна, святая из святых.

Беру ту правду за основу
Всего, что мне предложит рок.
Пускай суровым будет слово
И трудным будет мой кусок...

Так заявлял Владимир Поташев, когда серединой своей изломанной жизни выбирал между окончательным падением во мрак и хрупкой надеждой на будущее. Прозябание в детском доме послевоенной голодной поры на родной Псковщине сделало его настороженным, часто и недоверчивым. Что уж тут говорить о более поздних мытарствах, которые не гладили его по голове! От земли произошедший, рус-

скою деревней вынынченный, он любил и эту землю, и деревню глубоко по-земному, что, впрочем, вполне закономерно.

Мне рук не мыть в крови лебяжьей,
Мне колос разминать в горсти
И на краю могилы влажной
Сказать последнее «прости».
И душу живу и повинну,
И тяжкую свою любовь —
Они твои от крови кровь —
Сложить к ногам, как должно сыну.

...К земле прислушаюсь: гудит.
Войду в хлеба неяркие.
Вот одинокая стоит
Сосна, и ворон каркает.
Суземые мои поля...
Кому пойду пожалуй —
Здесь от отцовского жилья
Щебенки не осталось.
Но здесь мне жить и помереть,
Лежать в недалней рощице...
А черну ворону лететь
Куда ему захочется.

В свете последних строк как не вспомнить традицию русских сказок, былин и песен о черном вороне, который то вьется над головой, то летит от села к селу, от города к городу уже не один век. Эта вещая птица летит и через пушкинские стихи, и через блоковские — вплоть до дней наших и дальше — в дни будущие... Этот образ — как бы образ самой судьбы, образ неизбежности. Именно ощущением неизбежности дышит пространство нашей истории, вся сущность и уклад многотерпеливой российской жизни, ее духа.

Владимира Поташева «открыл» Георгий Евсеев — заслуженный артист России, сам необыкновенно интересный и яркий человек, память о котором не сотрется в сердцах тех, кто его знал... Квартира Евсеевых в любое время суток привечала всякого, кто приходил сюда с чистыми помыслами и добрыми устремлениями. Так вот, в начале семидесятых на одной из «мальчишеских посиделок» появился довольно высокий, худощавый парень, который не сразу, но прочно вписался в нашу молодую полуночную компанию. Он больше молчал, чем говорил, пил крепкий «евсеевский» чай, курил, иногда глухо покашливал в костистый кулак... Мы уже знали, что он пишет, что работает в Кемеровской «драме» не то рабочим сцены, не то помощником осветителя. Георгий Александрович попросил его почитать свои стихи. Парень не ломался и прочитал:

Мое начало не окраина,
Где вечный лист иль вечный лед.
Я рос, где ивушка печальная
Из тихой речки воду пьет.

Я весь оттуда, там зачатъе,
Купель моя и колыбель.
И все печаль моя и счастье,
Беда и радость, боль и хмель...

Читал он чуть глуховато и немного в нос, читал еще и еще, и никто не перебивал его, а яркий свет евсеевской кухни подчеркивал бледность впалых щек читающего. Некоторые прозвучавшие стихи страдали длиннотами, неточными сравнениями и рифмами. И когда мы со свойственной молодости резкостью и категоричностью стали говорить обо всем этом, новый наш знакомый внимательно слушал и, пожалуй, даже иногда соглашался — критиковали-то ведь не случайные люди! Ясно чувствовалось, что цену себе он знает и готов стоять за каждую строчку, какой бы она неказистой ни была... После он немного рассказал о себе: родом он из срединной России, с берегов тихой обмелевшей за многие века Псковы. Как судьба занесла его в Сибирь, он не говорил, но спустя несколько лет после той памятной поэтической ночи, так написал о родной Псковщине:

Сторона моя горькая, мать опальная,
Все приемлю, что есть
И что было когда-то:
Колыбельную песнь и речь повивальную,
И призывную медь вехового набата!..

В стихах этих мне и до сих пор слышится не только признание в сыновней любви, но и память о древней новгородской и псковской вольнице, о свободолюбивых своих предках, долгое историческое время не признававших никакой власти над собой, кроме Божьей. И хотя большую часть сознательной жизни поэт провел среди сибирских снегов и просторов, многие его стихи обращены именно к «малой» родине, к ее просветленному облику: будь то среднерусская природа, воспоминания о деревне, о ее зримых приметах и людях.

Оттого мне, видать, и не спится:
Встану с солнцем — иду в поля.
Ведь земля для меня — земляца,
И пустырь для меня — земля.
Не огрею восторгом грубым,
Не пролью безутешных слез.
Знают руки и помнят губы
Землю эту, где жил и рос.

Встреч и разговоров с Владимиром Поташевым у меня было достаточно. Из той мрачной стороны своего бытия он вынес много жестоких впечатлений и воспоминаний, однако не дал себя нравственно иско-

веркать.
обитал с
свое не
тилетний
нуть хот
ное, и то
поэт в не
тожное в
и твердо

Предч
Он након
брал рук
тельство,
хами и г
горестны
тери-земл
напослед
шивает вз
дящий пок
ства, и м
на шумяш
некую изв
смертном
лейшим д

С
За
Ка
На
Го
Со
Чт
Че

Долгое
лами изда
комендаци
случае он
биографич
так и не п
тельских пл
дела тогда
ной: зачем

веркать. В самые последние годы все чаще и чаще обитал он по больницам: лагерный туберкулез делал свое непоправимое дело... Жалел ли он, тридцатипятилетний, о совершенных ошибках, пытался ли заглянуть хотя бы в ближайшее будущее?.. Было, наверное, и то и другое. Но, может быть, именно поэтому поэт в нем все более и более подавлял мелкое и ничтожное в себе, все более и более обретал цельность и твердость:

*Когда незрелые с ветвей
Плоды срываются — и к низу,
Когда последний воробей
К сухому лепится карнизу,
Мне время самое вздохнуть,
Рванув скрипучую фрамугу,
Пока ни скальпелем, ни плугом
Мою не развернули грудь.*

Предчувствие неизбежного заставляло его спешить. Он наконец-то жил надеждой на лучшую долю: собрал рукопись первой своей книги, сдал ее в издательство, много работал над неоконченными еще стихами и поэмой. Есть в его последних работах и горестный вздох, и даже некий негромкий упрек матери-земле: «Отчизна, горестью какой Меня одаришь напоследок?» Но осознание неизбежного уравновешивает вздрогнувшую, всколыхнувшуюся душу, шадящий покров смирения тихо ложится на мысли и чувства, и мы видим уже не надрыв, не взгляд исподлобья на шумящую и жадную до перемен жизнь, но только некую извечную умиротворенность, столь знакомую смертному человеку, когда он вдруг проникся светлейшим дыханием вечной истины:

*Сгребем ведилые в огороде,
Зажжем, посидим на меже.
Как тихо, как сиротливо в природе, —
Но это и нужно душе.
Горит моя поздняя роща,
Ссыпает листья в огород.
Что может быть чище и проще,
Чем этот извечный отход?..*

Долгое время никак не складывалось у него с делами издательскими. Его поддерживали, давали рекомендации на издание первой книжки... Но в одном случае он опять канул в какую-то свою очередную биографическую неизвестность, и поэтому его книга так и не появилась, а в другом — выкинули из издательских планов после звонка из идеологического отдела тогдашнего обкома партии по причине известной: зачем печатать неблагонадежного? А вдруг он

опять сядет, и сраму тогда не оберешься... Лишь в самом конце семидесятых удалось отстоять право на издание его первой многострадальной книжки, которая, впрочем, вышла уже посмертно и называлась «По небу птичья клинопись...» Все мы, за некоторыми исключениями, вышли к читателям кто под тридцать, а кто и более лет. Это горько, если учесть, что теперь молодых едва ли не на руках носят. И опять по-обывательски в чем-то развращают юные души, лепят и выпекают массовых вундеркиндов. Все напоминает очень знакомую ситуацию: тогда, при «застое», целыми классами принимали в октябрята и пионеры, теперь — в юные дарования! Будет ли какой-либо прок от всего этого, я не знаю. Но знаю, что стебелек, выращенный в уютной теплице, далеко не всегда выдерживает грозные ветры жизни — свидетельством тому сама реальность ее. В то же время, истинные таланты судьбами своими и творчеством всегда доказывали, что вырастали они не на тепличных грядках и не под снисходительные аплодисменты больших дядей и тетей.

159

*...Я дубы корчевал,
я скалы в щебенку дробил,
Я старателем был
и ваятелем был, и воителем.
Только отчую землю, видимо,
странной любовью любил,
Потому как по ней, по родимой,
прошел победителем.
И вот снова птицы прилетели издалика.
И чистые, как слезы прозрения,
Облака проплывали,
и я сказал: «Облака...»
И деревья вытянулись,
стройные на удивление.*

О «странной» любви к Отчизне еще Михаил Юрьевич Лермонтов пророчески молвил. И если вдуматься глубже, почему же эта любовь странная, то придешь к выводу, что ничего странного здесь нет. Ведь понятие «странный» может в себе заключать и другое: страна, сторона, странник! Странная любовь — значит, очень обширная, необычная, неохватная как само пространство России. Вспомним и цветаевское: «Москва! Какой огромный странноприимный дом!..» Здесь Россия и Москва — суть одно и то же, принимающее в себя всякого со стороны, из страны приходящего, то есть странника. Поэт — тот же странник с почти невесомым своим имуществом, запечатленным на страницах книг, в песнях, в легендах, в памяти. И даже если он уже и сам стал дымкой былого, все равно его путь, его отяжелевший усталый след влечет и влечет к себе наше зрение:

Дорога через жито.
И чибисовый лет.
А вот стоит ракита
И будто слезы льет.
И я на поле этом,
С мокринкою у глаз:
Все пето-перепето,
А будто в первый раз.
И так рыдать хотелось,
Да вот не привелось.
Но плакалось, но пелось
И Родиной звалось.

О страннике и поэте, теперь уже неотъемлемом
от всех нас и от русской сибирской поэзии,
о товарище нашем Владимире Поташеве мне и хоте-
лось сказать здесь.

Публикация Кирилла Колмогорова, г. Кемерово

Семен ПЕЧЕНИК

О БУРАВЛЕВЕ

К восьмидесятилетию

Евгений Сергеевич Буравлев был необычный, своеобразный человек-тайна. Широкоплечий, ширококо-
стный мужик, чалдон, кряжистый, высокий, статный и
в то же время манера его поведения — неброская,
вежливо-ласковая, мягкая. Он был немногословен, что
еще более добавляло загадочности.

Говорил он тихо, кратко, выдерживал паузу в нуж-
ных местах. Секретарь недавно созданного Кемеров-
ского отделения СП России, он держался просто и
независимо.

Помню, на одном из молодежных семинаров, про-
ходящих ежегодно в Кемерове, он раздавал коман-
дировочные деньги — проездные документы, вызы-
вая каждого к своему столу. Мы, естественно,
отвлеченно беседовали, обсуждали детали семина-
ра, заняты были своим общением и не очень прислу-
шивались к тому, что говорил Евгений Сергеевич. За-
нимался он этой работой потому, что бухгалтер
приболела. Собственно, это и был весь штат тогдаш-
него СП — он и бухгалтер.

— Леня Сербин, получи документы и деньги. —
Буравлев повторил дважды, трижды...

Леня вскочил, ему вручили командировочные, и
он снова вернулся к собеседнику. Буравлев нахму-
рился.

— Леня, получи оставшиеся деньги.

— Не надо! — буркнул небрежно Сербин. — Ме-
лочь!

Наступила пауза. Видно было, как лицо Буравлева
побагровело. Затем он рявкнул:

— Ты что, со швейцаром в ресторане разговари-
ваешь?!

Все притихли. Затем пристыженный Леня молча по-
дошел к столу, извинился, взял причитающееся...

Буравлев быстро отходил. Леня к тому же был
инвалидом. Все разрядилось спокойным голосом, ко-
торым он приглашал к столу уже следующего участ-
ника семинара...

Однажды мы с молодым тогда поэтом Евгением
Харламовым сидели в редакции газеты «Лес Кузбас-
са». Дело было 1 апреля, день был воскресный, но
очень хотелось кого-нибудь разыграть. Это было вре-
мя розыгрышей, когда каждый старался блеснуть сво-
им остроумием. Вдруг раздался телефонный звонок.
Евгений Сергеевич позвонил в редакцию и предложил
молодым поэтам записаться на радио, мол, ждут-не
ждутся там нас все, во главе с директором Култае-
вым. Трубка была положена. И тут Харламов мне
говорит: «А ведь сегодня 1 апреля, воскресенье». Мы
поняли, что нас разыгрывают. У одного из журналис-
тов голос был точь-в-точь, как у директора радио.
Один к одному. Он Буравлеву позвонил и заявил:

— Женя, ты прислал тут каких-то молодых по-
этов, они рвутся в студию, сломали замок, избили
сторожа — требуют, чтобы их допустили к микро-
фону.

Мы стояли у аппарата и слышали, как в трубку
незлобиво посмеивался Евгений Сергеевич. Впрочем,
были и другие розыгрыши. И нельзя сказать, чтобы
они были совсем безобидными.

В Буравлеве все было органично: и ладная фигура,
и убедительность слова и жеста, и мягкая уверенная
походка.

Мы знали, что он работает ночами. Поэтому ник-
то не приходил к нему с утра, ибо в это время он
спал.

Он знал, как нелегко живет начинающему лите-
ратуру, и поэтому первым делом говорил: «Сначала
на кухню. В первую очередь борщ, а потом стихи».
Однажды я присутствовал при телефонном разгово-
ре. Евгений Сергеевич отказывался от обкомовского
распределителя — ему предлагали прийти за продук-
тами в определенное время. И закончил декларатив-
ной фразой: «Я буду есть то, что есть простой на-
род». И это не было позой, так он поступал, так жил.
Лишь в последние годы своей недолгой жизни он про-
живал в 4-комнатной квартире на Советском проспек-
те. Он не преклонялся перед чинушами, однако «вы-
бивал» для небольшой горстки писателей (12 человек)
полагающиеся метры жилой площади, пользовался зас-
луженным уважением собратьев по перу. Но он не
был добреньким.

Я никогда не забуду сценку, когда один из «моло-
дых» (а тогда ходили в молодых долго-долго) убеж-

дал Буравлеву
но, знаком с

Крым и Рим.

его голосе.

не унижал с

он был дейс

сказал: «А Л

что тот, мол

ответил: «В к

Удержится -

Он был к

не приглаша

Времена

ми застольн

нормы пове

чем, он не

весьма рас

Буравлев.

жестким ро

— Ты чт

нившегося.

— Не м

— Мож

Помнишь,

зеркало?

— Нет,

оправдыва

— Пош

допровску

дика 3—4

Молод

нечно, это

В 1966

лодых авт

проходил

ны были в

ны. «Ком

газета, вы

том: «Ярс

Евгени

в светло-с

молодые

пригласил

одну кни

ную осно

кие и пар

Я под

спросил р

сий Дм

это кто т

за подск

объяснил

ние прис

В это

Сергееви

— Ну

дал Буравлева: «Пишу давно, публиковался многократно, знаком с Костровым, видел Пастернака, прошел Крым и Рим...» Какая-то истерическая нотка была в его голосе. Чтобы как-то остановить его, чтобы тот не унижал себя этими яркими заплатками (а человек он был действительно небездарный), Буравлев тихо сказал: «А Лермонтову кто помогал?!» А на фразу, что тот, мол, бросит литературу, пойдет в прорабы, ответил: «В казацких семьях мальчонку сажали на коня. Удержится — значит, казак... Нет, так нет».

Он был категоричен. Действительно, в литературу не приглашают.

Времена застойные частенько бывали и временами застольными. Один молодежавый поэт не выдержал нормы поведения, перепил и немного нашумел. Впрочем, он не помнил о своих подвигах и с утра сидел весьма растерянным, потирая шишку на лбу. Входит Буравлев. Вот пример его воспитательной работы жестким розыгрышем:

— Ты что тут сидишь, — обращается он к провинившемуся. — Тебя давно уже ждут в милиции.

— Не может быть! — в ужасе восклицает поэт.

— Может, может! — заявляет Евгений Сергеевич. — Помнишь, еще вчера избивал Сашу, а потом разбил зеркало?

— Нет, не помню, не было, — вяло, со страхом оправдывается гуляка.

— Пошел бы домой, собрался, смену белья взял, допровскую корзинку. Уже звонили из отделения. Года 3—4 отдохнешь.

Молодой поэт в ужасе покрывается потом... Конечно, это был розыгрыш жестокий.

В 1966 году в Кемерове состоялось совещание молодых авторов Сибири и Дальнего Востока. Семинар проходил под эгидой обкома комсомола. Приглашены были в качестве руководителей ведущие поэты страны. «Комсомолец Кузбасса», областная молодежная газета, вышла с заголовком, набранным красным цветом: «Ярослав Смеляков говорит с молодыми».

Евгений Сергеевич ходил веселый, помолодевший, в светло-сером пиджаке, с искорками в глазах. Мы, молодые литобъединенцы, жались по углам — нас не пригласили. Участники должны были иметь хотя бы одну книжку стихов. Дело было поставлено на солидную основу. Везде сновали секретари комсомольские и партийные, работники отдела культуры.

Я подошел к Василию Дмитриевичу Федорову и спросил разрешения присутствовать на семинаре. Василий Дмитриевич обратился к Буравлеву: «Женя, а это кто такие?» Буравлев сказал: «Мы еще вернемся за подснежниками», — загадочно усмехнувшись, объяснил: — Наш молодняк». Мы получили разрешение присутствовать на семинарах.

В этот момент к нам подошел Илья Ляхов. Евгений Сергеевич похлопал его по плечу:

— Ну, что нового, Илья?

— Стихи, — ответил тот и пропел, — Цветут в Кузбассе тополя. А в семинаре Соболя — евреи, брат, евреи...

Действительно, в семинаре принимали участие три «соболя» — Леонид Сергеевич Соболев, председатель правления СП РСФСР, Марк Соболев и прозаик Анатолий Соболев. «Вечно остришь», — заметил Буравлев и поморщился. Он не был борцом с «космополитами». Интересная деталь: в институте Буравлев занимался в семинаре Михаила Светлова. И когда на защите диплома Евгений Винокуров стал ругать стихи Буравлева, то Светлов сказал ему при всем честном народе: «Не знаю, как Женечка Винокуров, а я бы подписался под многими главами «Красной горки»... Об этом мне рассказал однажды сам Евгений Сергеевич и добавил тогда: «Михаил Светлов был в то время весьма авторитетен, меня сразу взяли выступать на Московском телевидении, а вскоре приняли в Союз писателей после издания двух книжек».

Сам Евгений Буравлев не был ханжой и мог иногда прилично выпить. Но при этом не стремился выделиться, не повышал голоса. При его росте и фигуре он был крепок в застолье, никогда не кичился и не хвалился, а наоборот, становился как бы скромнее, тише. Любил сразиться в преферанс, пошутить. Однажды меня пригласили сыграть во «взрослой» компании. Я согласился, хотя в карты играю посредственно, а в преферанс тем более. Поэтому, когда я сыграл неверно, нарушив пословицу: «Под игрока с семака, а под вистующего с бушующего», Евгений Сергеевич щелкнул меня шутливо по голове и вдруг заявил: «За такую игру канделябрами бьют!» Я растерялся, покраснел и прошептал: «Кандибоберами». Меня удивила его пихость в слове, азарт. Больше за карты я не садился.

Когда я познакомил Буравлева с Гаденовым — был этому не рад. Дело в том, что Геннадий Гаденов — человек очень талантливый, но очень и очень колкий и едкий. Он сразу начал эпатировать. Во-первых, он тут же перешел на «ты» и по-свойски назвал Буравлева «Женей» и заявил: «Борща хочу». Дело было на квартире у Буравлева.

— Леночка! — позвал Буравлев и представил Гаденова. — Это Гена. Он хочет борщу.

Леночка — Елена Склярова — жена Буравлева, примадонна театра оперетты. Гаденов лукаво оглядел квартиру, обстановку, затем супругу секретаря Союза писателей и спросил: «Это что, дочь твоя?» Буравлев смутился и, помолчав, сказал: «Нет». Но эпатаж, конечно, продолжался. Впоследствии Буравлев посвятил Гаденову шутливую поэму, которая начиналась со строчки: «Он по ночам с берданкой склад тарный сторожил...»

Однажды мне удалось написать серьезное стихотворение, и я, набравшись духу, подошел к Буравлеву и попросил его послушать. Стих назывался длинно:

«Рассказ переводчика в пересыльной тюрьме в 1945 году». Буравлев выслушал стихи и негромко произнес: «А что, неплохо».

Это было для меня наивысшей похвалой. Помню, ходил радостный, этот день надолго запомнил, а было это в 1967 году. Позже я еще ближе познакомился с Буравлевым и узнал его доброту. Впрочем, как я уже говорил, добреньким и сладеньким он не был. Когда он одобрил мои стихи, я не бросился к нему с просьбой о рекомендации стихов в печать, повторяю, я просто был счастлив оценкой мастера. Порой за его невозмутимостью проглядывала какая-то гранитность.

Так, при мне он несколько раз беседовал с матерью, говорил как-то жестковато. Впрочем, я никогда не лез и не вникал в его личную жизнь. Для меня это было табу, хотя свои житейские вопросы задавал ему, и он отвечал мне кратко и вразумительно.

Как-то проходя мимо букинистического магазина, я не удержался и купил за бесценок двухтомник Мих. Зощенко. Радостно прибежал к Буравлеву. Тот был в мрачном настроении. Решил подарить ему, т. к. у меня эти книги были. Буравлев книги взял, выслушал мою филиппику в честь Зощенко, а потом вдруг заявил:

— А ты знаешь, Сенька, есть время читать, а есть время писать.

Я лишь сейчас понимаю смысл этой фразы, а тогда до смерти Буравлева оставалось два года.

В начале семидесятых зашел я вечером к Евгению Сергеевичу с очередной партией стихов, которые правил по пометкам его тонкого карандашика. Всю правку он делал остро отточенным карандашом. Только я позвонил — мне открыл Евгений Сергеевич и, взяв за руку, проводил в комнату со словами: «А вот и он!» Оказывается, рассказывали розыгрыш, в котором я принял однажды невольное участие. В то время меня довольно часто склоняли по поводу и без повода. И вот Гарий Немченко разыграл Владимира Мазеева, бывшего тогда секретарем Союза писателей в Кемерове. Когда самолет приземлился в Анкаре (а Мазеев вылетал в Турцию), к нему подошел человек и сообщил: «Здесь Вас ожидает Семен Печеник». Владимир Михайлович побледнел и почувствовал себя нехорошо. «И здесь эти проклятые молодые, нету от них покоя!» Конечно, в Анкаре меня не оказалось, но мое имя стало «притчей во языцех». Тогда умели держать молодых в предбаннике. Поэтому неудивительно, что когда я вошел, все дружно рассмеялись — среди гостей был и Гарий Немченко, организовавший эту шутку.

Когда Буравлева просили прочитать что-либо из военных стихотворений, он отвечал однозначно: «Я не пишу о войне». У него было стихотворение с таким названием. Мы выступали однажды в Мариинске, и я

ему сказал: «Евгений Сергеевич, а эти строки разве не о войне:

*Но разве писнешь стишок,
Там, где костей мешок?..*

Разговор был при людях, как я уже сказал, на поэтическом выступлении, и Буравлев, улыбнувшись, сказал: «Проспорил». Он соглашался, когда видел, что не прав.

Этот человек, прошедший жесточайшую школу жизни, был и оставался до конца жизни романтиком.

Он говорил неоднократно, что мечтает уехать на остров Шпицберген (ясное дело!), где можно прожить жизнь с мужественными людьми. Буравлев организовал «флот» в Кузбассе. Это они, наши писатели, совершили поездки в глухие шорские поселки, где успевали и порыбачить, и поблуждать в тайге, хлебнуть таежной суровости и ласки. И что ни говори, а они несли туда писательское слово — то, что сейчас вытеснила «авангардная» поэзия. Буравлев во «флоте» был «старшим матросом». Были своеобразные форма и звания. Впрочем, писать об этом я не собираюсь, т. к. об этом гораздо интереснее написали и еще напишут сами участники. А Евгений Сергеевич до конца своей жизни писал роман «Отступник». Рукопись, к сожалению, утеряна.

Человек он был противоречивый: неуступчивость и жесткость в беседе с чиновниками у него сменялись невиданной ласковостью в общении с талантливыми людьми, причем это относилось и к рабочему, столяру, стекольщику, железнодорожнику и солдату, и, конечно же, к собратьям, талантам земли Кузнецкой — к В. Баянову, А. Саулову. Привечал он тогда и совсем молодых — А. Ибрагимова, В. Бокина, Н. Колмогорова.

Особой любовью у него пользовались дети. Лицо его теплело, глаза светились добром. Недаром он написал книжку про Маришку и Лопушка.

А когда вернулся из Магадана поэт Геннадий Юров, он написал:

*Спасибо, брат, за «Ключ Борискин»,
Порадовал под старость лет.
Есть здесь в поэзию прописка
И божьей милостью поэт.*

Я думаю, что эти строчки поддержали молодого в то время Юрова. Немногие умеют радоваться чужой удаче — в этом я убеждался неоднократно. А Буравлев — умел.

г. Кемерово

Алексей ПАТШИН

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» — 200 ЛЕТ ОТ ВЕЧНОСТИ»

Более восьми столетий тому назад, в период между 1185 и 1187 гг., было создано одно из величайших произведений мировой литературы — «Слово о полку Игореве». Невозможно переоценить значение этой поэмы, на долю которой выпала великая миссия: стать у истоков национально-патриотической темы. Той темы, с развитием которой, как особенной отличительной черты, принято увязывать особое место российской литературы в мировом литературном процессе.

Не будет преувеличением сказать, что во всей мировой литературе нет второго подобного произведения, которое бы вызвало к себе столь пристальное и неослабевающее исследовательское внимание. С самого начала ведущая роль в изучении проблемных вопросов «Слова» принадлежит отечественной филологии и академической среде в лице Санкт-Петербургской и Московских школ, но то, что с каждым годом география исследователей «Слова» растет, показательно. Так, наряду с учеными братских славянских государств Болгарии, Польши, Чехословакии, Югославии, традиционно тяготеющих к российской литературе, в исследовательский процесс оказались втянутыми исследователи Англии, Франции, Германии, Дании, Италии, США, Японии, Индии и ряда других стран. За относительно короткий срок «Слово о полку Игореве» было переведено не только на языки почти всех бывших союзных республик, но и практически на все основные языки мира.

В 1985 году в нашей стране был торжественно отмечен юбилей — 800 лет создания этого величайшего поэтического произведения Древней Руси. По этому поводу были проведены многочисленные научные конференции, на которых были обобщены и подведены итоги более чем полутравекового изучения памятника древнерусской литературы; специально к юбилейной дате были изданы несколько книг, написаны и опубликованы десятки статей и исследований. На XXII сессии (в 1983 г.) Генеральная конференция ЮНЕСКО, «признавая непреходящее значение этого произведения в становлении русской и славянских литератур»¹ и «учитывая широкую научную и культурную известность этого литературного памятника и то влияние, которое он, наряду с другими величайшими произведениями древних литератур, продолжает оказывать

на мировой литературный процесс»², призвала «научную и культурную общественность государств — членов ЮНЕСКО широко отметить эту знаменательную годовщину в истории мировой культуры»³.

«Слово» торжественно и знаменательно.

Органично вписавшись в литературный контекст своего времени, «Слово» оказало решающее влияние на всю последующую литературу славянских народов. Созданное на юге Руси, «Слово» «не потерялось, по выражению академика А. С. Орлова, на границе «дикого поля», оно обошло весь горизонт русской территории, не раз пересекло его окружность»⁴.

«Слово о полку Игореве» завораживает любого, кто хоть однажды соприкоснулся с ним. Вместе с тем судьба этого произведения неповторима. Почти сразу же после его выхода в свет, началось столкновение научных мнений и литературная полемика, в которую были вовлечены видные историки, археографы, филологи, поэты и ученые мужи своего времени: Карамзин, Шишков, Жуковский, Пушкин, Малиновский, Бантыш-Каменский, Грамматин, Максимович и многие другие.

В начале XIX века, когда мнимые поэмы легендарного кельтского воина и барда Оссиана, изданные в 1760 г. в Эдинбурге, обрели в Европе, а затем и в России, огромную популярность (вызвав целый ряд подражательной литературы от Радищева до Карамзина), «Слово» сближали с его лучшими творениями, а упоминаемого в поэме бояна сравнивали с Оссианом.

Затем, по мере изучения и перевода поэмы на другие языки, «Слово о полку Игореве» стали ставить в один ряд с такими выдающимися эпическими произведениями, как французская «Песнь о Роланде», испанская «Песнь о моем Сиде», раннегерманская «Песнь о Нибелунгах», древнескандинавская сага «Старшая Эдда», что позже дало повод Е. И. Осетрову обобщить: «Пропетая в конце двенадцатого века Игоревая песнь — свидетельство того, как был высок художественный гений Киевской Руси, не уступавшей в своих вершинных творениях выдающимся достижениям мировой цивилизации...»⁵

Героический эпос народов мира знает немало великих и высокохудожественных литературных произведений. Одним из древнейших известных на сегодняшний день научной общественности произведением, по-видимому, является «Сказание о Гильгамеше». Гильгамеш, главный герой древнемесопотамского эпоса, полупоэтический правитель шумерского города-государства Урук, обязанный

своим вторым рождением уникальной находке собраний глиняных табличек из некогда огромнейшей библиотеки среди развалин дворца Ашшурбанипала на холме Куюнджик, — герой в полном смысле этого слова. В нем наиболее полно и концентрированно отразилось мировоззрение той эпохи. «Образ Гильгамеша — обобщенное выражение процесса выделения личности из коллектива, его самоутверждения»,⁶ — показательную характеристику дал этому явлению А. Петросян. «В вавилонском эпосе ни один герой не доводит до конца своего дела, — после первых успехов они или гибнут или смиряются»⁷. Герой «раннего» эпоса смертен и корыстен. Он ищет бессмертия лично для себя и отправляется на его поиски. В равной степени можно сказать: он увлеченно создает мифы и охотно ими пользуется. Гильгамеш не смог открыть тайну бессмертия и от отчаянья кончает свою жизнь, осознавая и оплакивая свое бессилие перед капризами судьбы и прихотью богов.

Всемирно известные «Илиада» и «Одиссея» разворачивают перед читателем подробные картины быта (в том числе и походного) времен общинно-родового строя в период его разложения. Но «Одиссея» и «Илиада» утомительно подробны. Признавалось, что их содержание — богатый источник для историков, для тех, кто хочет воссоздать и реконструировать реальные бытовые картины минувшей эпохи в ее повседневной будничности. Считалось достоинством, что эти произведения являются своеобразной энциклопедией жизни догомеровского и гомеровского времени. У автора этих строк возникают подозрения, что их создатель даже в какой-то мере пытался подменить существующую реальность текстом. Схоластическая сверхзадача, попытке осуществить которую, тем не менее, нужно отдать должное. Произведение с подобной заданностью как бы поднимается над действительностью, оно надреально. Но как раз в этом месте их уникальность становится недостатком. У художественного произведения, и в то далекое время, и в наш век, всегда были иные, нежели описательные задачи. Буквальное, почти натуралистическое бытописание — это сниженная функция литературного произведения. Изначально художественное произведение принимает на себя иную — духовную миссию по формированию внутреннего мировоззрения читателя и предлагает ему в качестве поучительного примера прообраз идеала. Но несколько страниц, затраченных Гомером на описание изображений на щите одного из главных героев «Илиады» Ахиллеса⁸, — непозволительное расточительство изоб-

разительных средств и злоупотребление читательскими усилиями. Для сравнения возьмем описание щита древнерусских воинов в «Слове о полку Игореве». Одно слово — «червленые», и этого достаточно, чтобы им пройти через века. Это уже потом читательское воображение дорисовывает и выстраивает их то в стройные ряды, то разбрасывает яркими пятнами во время яростной и ожесточенной битвы, но они навечно уже «червленые», а не какие иные. Автор указал на главное и отличительное их качество; показал, а точнее, изобразил, и изобразил их столь кратко и образно, что они навсегда врезаются в память: червленые щиты старорусичей. По сути это один из тех приемов, на котором построено значительное количество ярких мест поэмы. По-видимому, это даже не прием, но естественная манера автора, его поэтический и художественный стиль. Столь же умело и художественно выразительно поступает автор и в иных случаях, зрительно-осязуемо выхватывая наиболее характерные качества того или иного предмета: Дон у него великий, русичи — храбрые, кони — борзые, стрелы — каленые, Святослав — грозный, половцы — поганые.

Автор мастерски владел эпитетом. В какой-то мере здесь частично кроется ответ: как ему удалось создать в конце XII века произведение столь необычайное по емкости и экспрессии. А ведь одно время из-за этих поэтических достоинств были попытки поставить под сомнение подлинность самой поэмы. Вот что писал по этому поводу крупнейший мыслитель современности, историк и литературовед В. В. Кожин: «...именно художественная зрелость «Слова о полку Игореве» явилась, по-видимому, главным поводом для сомнений в его древности»⁹.

Легион скептиков в своих сомнениях забывает простую малость: гений всегда одинок. Они не распределяются по эпохам, но формируют и создают их сами. Гомер, заслуживший от итальянского поэта эпохи Возрождения Данте высочайший титул «царя поэтов», думается, не был бы столь категоричен в оценке собственного творчества, доведись ему прочесть «Слово о полку Игореве». В Греции и Италии, где имперские умонастроения имели продолжительную традицию, настолько привыкли повелевать и задавать тон во всем мире, что все сотворенное ими грезилося самим поистине в царских масштабах и по античной наивности им одно время казалось: так будет всегда.

Что касается К. Маркса, давшего «Илиаде» и «Одиссее» определение «недосягаемого образца», его можно понять: судя по тому тяжеловесному и многотомному наследию, оставленному блужда-

шим в пол...
ностью ск...
кое перо...
словному...
почему х...
ства дре...
выше, не...
Сомнева...
чение ру...
словаря»

Но ес...
«Слово...
денными...
Ни в «Пе...
ни тем...
столь ос...
единстве...
дение, г...
богатыр...
целое...
ни у не...
не найде...
ного ви...
1353 г...
к Итали...
торик и...

21 р...
неболь...
роту, с...
очень к...
тор над...
черт, о...
действи...
происх...
событи...
вечески...
рода с...
вает. Л...
А. С. ...
[...], б...
чем п...
В како...
один а...
ние по...

Нар...
за Д. ...
черту...
стран...
в «Сл...
доже...
кой ви...
прост...
ее во...

шим в политэкономии потомкам, можно с уверенностью сказать, к какому жанру тяготело немецкое перо его создателя. Описательному и многословному. Это не обвинение, но попытка понять, почему художественные и изобразительные средства древнерусского литературного памятника выше, нежели у его именитых предшественников. Сомневающимся же остается рекомендовать изучение русского языка в пределах «пушкинского словаря».

Но есть одно, что решительно размежевывает «Слово о полку Игореве» со всеми вышеприведенными произведениями — осмысление Родины. Ни в «Песни о Роланде», ни в «Песни о моем Сиде», ни тем более в «Песни о Нибелунгах» — нигде столь остро не была заявлена тема родины. «Это единственное в своем роде поэтическое произведение, предметом которого явилась не личность богатыря, не подвиги героев, а сама Родина как целое... Нигде — ни у французских трубадуров, ни у немецких миннезингеров, ни у Данте — мы не найдем такого сжатого и сильного, ослепительного видения Родины... Только сто лет спустя, в 1353 г. мы найдем у Петрарки гимн, обращенный к Италии как родине»¹⁰, — вдохновенно писал историк и филолог А. В. Соловьев.

21 раз упоминает Автор «Русскую землю» в небольшом произведении, но несмотря на ту широту, с которой он охватывает Родину, ее образ очень конкретный и жизненно реалистичный. Автор наделяет природу рядом не свойственных ей черт, он как бы очеловечивает ее, она становится действующим лицом, участником и очевидцем всех происходящих событий. Природа вовлечена в события. Под пером автора оживают реки, человеческим разумом наделяются звери и птицы. Природа соотносена с человеком, она ему сопереживает. Автор «Слова», по мнению профессора А. С. Демина, «исходил из более внимательного [...], более аборигенного отношения к природе, чем предыдущие древнерусские писатели»¹¹. В какой-то мере это можно рассматривать как еще один аргумент, хотя и косвенный, в подтверждение подлинности «Слова».

Наряду с этим А. С. Демин подчеркивал вслед за Д. С. Лихачевым как отличительную авторскую черту его «панорамное зрение». Ощущение пространства и простора, постоянно присутствующее в «Слове», усиливается лаконичными и высокохудожественными образами. Наблюдая землю с такой высоты, с которой он может охватить все ее пространство, автор тем не менее видит и слышит ее во всех деталях. Вопреки эпическим традици-

ям, часто гиперболизирующим поступки своих героев, автор обращает свое внимание на частности, на, казалось бы, незначительные с точки зрения эпика детали. Он дорожит ими и делает это с таким сопереживанием, которое не оставляет равнодушным и современного читателя.

Русская земля для автора «Слова» — это, конечно, не только «земля» в собственном смысле этого выражения, не только русская природа, русские города, но в первую очередь ее народ. Вместе с тем понятие Родины для автора включает и ее историю. «Слово» вместило в себя не только весь двенадцатый век, но и всю домонгольскую Русь — с ее блистательной историей и трагической будущностью, могуществом и слабостью, шумными городами и бескрайними степями, с христианством и язычеством, славой и плачами, с победными походами дружин и опустошительными набегами кочевников, с оратаями и князьями, дружеским согласием и удельными спорами, с колокольным звоном и пророческим волхвованием...»¹² — дал образное определение содержанию поэмы ее исследователь и литературовед Е. И. Осетров.

Позже, когда «Слово о полку Игореве» стали соотносить с лучшими образцами героико-эпических произведений, круг сравнений существенно раздвинулся: в него были вовлечены библейские и гомеровские образы. С каждым десятилетием признание ширится, и, по мнению ведущих литературоведов, «Слово» по праву становится произведением первого ряда мировой литературы. Подлинный процесс осмысления поэмы еще не завершен, он находится в своем последовательном развитии, и потому возьмем на себя ответственность сделать обобщающий, но решительный вывод: памятник древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» — жемчужина, вошедшая в мировую сокровищницу эпических творений, художественный блеск и достоинства которой надолго, если не навсегда, затмили славу многих литературных произведений цивилизации.

По силе же впечатления, произведенному на общество после своего издания, оно уступало знаменитому 12-томному труду «История государства Российского» Н. М. Карамзина. Но если история нашумевшего карамзинского труда познала иные, граничащие порою едва ли не с забвением, периоды в своей биографии, то с поэмой произошло обратное: время последовательно и методично стало работать на «Слово». Чем дольше его век, тем весомее и значимее для общественного сознания это малое по объему произведение, служащее доказательством: судьба подлинных гени-

альных произведений — забегать далеко вперед своего времени и оставаться злободневными и востребованными в последующих поколениях.

После появления в печати первого издания поэма возбудила интерес к изучению древнерусской литературы и древнерусского языка. Самим фактом своего существования «Слово» раздвинуло горизонты исторического и литературного познания истории нашего Отечества. Следуя мысли древнегреческого философа Платона, что «Гомер воспитал всю Грецию», можно сказать, что «Слово о полку Игореве» было родоначальником всей последующей отечественной литературы. И здесь как нельзя более уместно было бы сказать несколько слов об истории и некоторых обстоятельствах, связанных с нею, или, если угодно, предыстории первого издания.

5 декабря 1800 года в 97-м номере газеты «Московские ведомости» было напечатано объявление, сообщающее о том, что «по Комиссии в книжных купца Кольчугина лавках, что на Никольской улице» продаются четыре книги и среди них за «130 коп. в бум.» «Ироическая Песнь о походе на Половцев Удельнаго Князя Новгорода-Северского, Игоря Святославича, писанная старинным Руским языком в изходе XII-го столетия, с переложением на употребляемое ныне наречие»¹³. По сути, это было первое гласное сообщение о выходе в свет издания данной книги. Сообщение же об открытии самого «Слова» прошло несколько раньше: так, в гамбургском журнале французских эмигрантов «Le Spectateur du Nord» за октябрь, ноябрь и декабрь 1797 года за подписью NN было опубликовано письмо на французском языке «О русской литературе», в котором было написано: «...два года тому назад в наших архивах был обнаружен отрывок поэмы, под названием: песнь Игоревых воинов, которую можно сравнять с лучшими Оссиановыми поэмами»¹⁴ (перевод). Как оказалось, за загадочными инициалами стоял величайший деятель своей эпохи, «Историограф Российской империи» Н. М. Карамзин. Отнимем от даты журнальной публикации два года — и получим 1795 год. Именно в это время, по мнению Карамзина, «был обнаружен отрывок из поэмы». Дальнейший ход истории покажет, что даже высочайшее звание «Историографа Российской империи» не гарантировало Николая Михайловича от ошибки.

В настоящее время можно с уверенностью сказать, что вхождение в литературную жизнь обнаруженного литературного памятника началось до его публикации: так юный Нарезный в своем стихотворении «Песни Владимира киевских баянов»,

опубликованном в 1798 г. в журнале «Приятное и полезное времяпрепровождение», выказал знакомство со «Словом» до его публикации. Годом раньше известный поэт своего времени Херасков в примечании к переизданию своей поэмы «Владимир», опубликованной в январе 1797 года, также обнаружил свое знакомство со «Словом»: «Недавно отыскана рукопись под названием «Песнь о полку Игореву», неизвестным писателем сочиненная. Кажется, за многие до нас веки в ней упоминается Баян, российский песнопевец»¹⁵.

Но существуют свидетельства о еще более раннем знакомстве со «Словом». Так, П. Н. Берков первым обратил внимание на статью П. А. Плавильщикова «Нечто о врожденном свойстве дум российских», опубликованной в февральском номере журнала «Зритель» за 1792 год¹⁶, где есть косвенное указание на знакомство автора с указанным древнерусским памятником, которые отодвигают дату открытия «Слова», предложенную Карамзиным, как минимум на три года.

В последнее время, однако, были обнаружены новые доказательства о еще более ранних упоминаниях о «Слове» до его издания: изучая историю написания И. П. Елагиным труда «Опыт повествования о России», историк В. П. Козлов сделал важное открытие, еще дальше отодвинувшее первое упоминание о «Слове». Соотнеся хронологические рамки завершения седьмой части «Опыта» со вставкой из поэмы «Почнемъ братие повесть сию отъ старага Владимира до нынешняго Игоря...» с черновым и писарским списками, он пришел к следующему выводу: «Таким образом, елагинская вставка о «Слове» была внесена в список А между мартом 1788 года — маем 1790 года»¹⁷, что не только расходится с мнением Лихачева относительно времени покупки «Слова», полагавшего, что «Вряд ли она была совершена до назначения А. И. Мусина-Пушкина на обер-прокурорский пост в 1791 г. до того, как он вообще стал заниматься собиранием рукописей»¹⁸, но и опровергает его. Так, открытие, сделанное историком, явилось важным вкладом в разрешение спорных вопросов в слововедении. Реальное же время приобретения обер-прокурором списка со «Словом» современные ученые отодвигают еще дальше: на рубеж 70—80-х гг. XVIII века.

В настоящее время различие датировки в несколько лет может кому-либо показаться чисто академическим и литературоведческим вопросом, на самом же деле наука очень бережно относится к любым фактам, связанным с первыми шагами «Слова», не только в силу их скудости, но и как имеющим определяющее значение в силу своей достоверности.

Как бы там ни было, «Слово» во всей красе и эпическом блеске в конце 1800 г. было явлено литературной и научной общественности. Но явлено с задержкой на добрый десяток лет. По сути, что такое десять-двенадцать лет, когда самому литературному памятнику насчитывается более 8 столетий. В исторической перспективе это явно несоизмеримые и несопоставимые величины. Но что касается реальной жизни, это были далеко не простые 12 хронологических лет. 5 ноября 1796 года скончалась императрица Екатерина II. Католичка с рождения, 28 июля 1744 года она приняла православие и крестилась под именем Екатерины Алексеевны, и справедливости ради сумела стать по духу более русской, нежели многие сановитые ее современники — исконные россияне. Отдадим должное исторической памяти и деяниям императрицы и попытаемся проследить историю ее взаимоотношений со «Словом».

В научных кругах при сближении этих имен принято ссылаться на так называемый Екатерининский список, ставший знаменитым после утери списка самого «Слова». Однако это недостаточно углубленный взгляд на суть вещей, поскольку мы полагаем, что в данном случае уместнее говорить не о том или ином уровне взаимоотношений, а о прямом влиянии императрицы на судьбу «Слова», на его явление (а точнее неявление) свету и общественности. Попробуем подкрепить наши выводы рядом соображений. Есть свидетельства, что императрица была ознакомлена со «Словом» очень рано, в конце 80-х годов XVIII века. Как было установлено Г. Н. Моисеевой, Екатерининские бумаги со «Словом» следует датировать не позднее первой половины 1792 года. Данный вывод исследовательницы основывается на характере соотношений комментариев к «Слову» в бумагах Екатерины со временем издания «Родословника» Екатерины в 1793 г. и «Правды Русской» в 1792 году. Знакомство это состоялось, по-видимому, по копии, так как подлинные рукописи «ей читать было трудно». И ознакомилась она с ним едва ли не одной из первых. Думается, тому есть правдивое и жизненное объяснение. «Угодливый царедворец Мусин-Пушкин»¹⁹, как называет его авторитетнейший литературовед и текстолог Федор Яковлевич Прийма, поспешил представить Екатерине обнаруженный им список «Слова». С этим мнением солидаризируется высказывание Д. С. Лихачева, который отмечал, что копия «Слова» и перевод с комментариями были переданы Екатерине не одновременно, а перевод был переписан в спешке.

167

Но в этот период произошло еще одно, определяющее обстоятельство в личной судьбе самого Мусина-Пушкина. «Обязанный своей карьерой Екатерине II, — как справедливо пишет историк В. П. Козлов, — с приходом к власти Павла I Мусин-Пушкин в 1799 году был уволен со всех своих постов и до конца жизни оказался в стороне от государственной и активной политической деятельности»²⁰. Изменение достаточно серьезное, чтобы не брать его в расчет при рассмотрении всех обстоятельств дальнейшего жизненного пути бывшего церемониймейстера императорского двора (1775), бывшего действительного статского советника (1784), бывшего управляющего Корпусом чужестранных единоверцев (1789), бывшего обер-прокурора Синода (1791), бывшего тайного советника (1793), бывшего президента Академии Художеств (1795). Человека настолько близкого в свое время к Дворцу, что в 1797 году он получил графское достоинство и стал сенатором. Мы намеренно столь подробно заостряем внимание на основных карьерных и жизненных вехах Мусина-Пушкина, они понадобятся позже. Из вышеизложенного следует, что у обладателя списка «Слова» было почти четыре года для того, чтобы издать «Слово» при жизни Екатерины. Но это не было сделано. Почему? Быть может, тому виною недостаток времени? Едва ли, так как за сравнительно короткое время были изданы следующие исторические сочинения: «Правда Русская» (1792), «Книга Большому Чертежу» (1792), «Историческое разыскание о времени крещения российской великой княгини Ольги» (1792), «Духовная великого князя Владимира Мономаха детям своим, названная в летописи Суздальской Поученье» (1793), «Лексикон Российский исторический, географический, политический и гражданский» Татищева (1793) и другие. Более того, в 1794 году Мусин-Пушкин выступил в качестве автора «Исторического исследования о местоположении древнего Российского Тмутараканского княжества», в котором он обозначил свое авторское имя, о чем не преминул сообщить в своем письме Калайдовичу, оговариваясь, что «напечатано это по высочайшему повелению». Данное пояснение со всей очевидностью демонстрирует, за кем оставалось решающее слово — что издавать и что представлять на суд общественности. Подобное положение вещей вполне устраивало и примиренчески объединяло обе стороны. Личное увлечение Екатерины II русской историей распространилось и в среде, близкой ко двору. В кружке Мусина-Пушкина пietet перед Екатериной-историком был очень велик: все они

посвящали ей свои сочинения, она им покровительствовала. В свою очередь "кружок" был благодарен ей: являясь приверженцами исторических взглядов В. Н. Татищева, его члены вместе с Мусиным-Пушкиным с негласного одобрения Екатерины II предприняли против историка М. М. Щербатова организованную критическую кампанию. Причиной же тому была перемена в настроении императрицы, когда она сменила милость (после вполне благонамеренной «Российской истории» Щербатова) на гнев после демонстрации князем своего скептицизма по отношению к политике «просвещенного абсолютизма» и критике нравов, царящих при дворе. Из чего видно, что кружок «не был чужд общественно-политической деятельности и даже весьма активно подчинял ей свои изыскания»²¹. Позже, при обобщении просветительских итогов вседержительницы, это дало повод Ключевскому заметить, что Екатерина II принимала «деятельное участие в этом литературном движении»²², с той лишь разницей, что на Западе, на реакцию которого все время оглядывалась императрица, "общество через литературу поучало правительство; здесь правительство должно было направлять и литературу и общество»²³.

Поднимая вопрос о причинах и возможностях неиздания «Слова» в более ранний период, нужно учесть и то обстоятельство, что «после назначения графа обер-прокурором Синода и директором Корпуса иностранных единоверцев кружок получил в свое распоряжение полиграфическую базу — типографии Синода и Корпуса, где был напечатан ряд трудов сотрудников Мусина-Пушкина»²⁴, что в значительной мере расширяло издательские возможности кружка и возглавлявшего его Мусина-Пушкина. Следовательно, после вышеизложенного проскальзывающие, хотя и робкие, объяснения о сложностях более раннего издания «Слова», выглядят, по меньшей мере, как *poor excuse*.

Прошло четыре года после смерти Екатерины Великой, прежде чем памятник увидел свет. Но даже не смерть Екатерины II открыла запретные шлюзы с задержкой публикации «Слова». Отсчет здесь, по-видимому, следует вести с тех обстоятельств, что произошли с самим Мусиным-Пушкиным в 1799 году, когда он был отстранен от государственных дел и смещен со всех постов. Вывод напрашивается сам собою: «Слово о полку Игореве» не было государственно необходимым творением, по сути своей оно — антидержавно. Пусть с величайшей художественной силой, но оно сообщает и тем самым косвенно увековечивает пленение русских князей и поражение русского войс-

ка. «Воспоминание о нем обжигало вчерашним стыдом»²⁵, — образно и лаконично сказал о том один из лучших иллюстраторов «Слова», Дмитрий Спиридонович Бисти. Тогда быть может замолчать «Слово»? Спрятать его в архивные анналы и сдать на хранение времени? А ведь эта задача, по сути, выполняемая: стоит утаить упоминание о нем в течение нескольких поколений, и снова надолго забудут о его существовании.

Не нужно стыдиться своих поражений: история не только мучит, но и учит. И «Слово», как ни один из его предшественников, со всей эпической силой наглядно демонстрирует всю пагубность политики удельных полугосударств, что так актуально для сегодняшнего дня. Вместе с тем, поражение только тогда пролог будущей победы, когда из него извлекаются подобающие уроки.

Став российской императрицей, Екатерина II отчетливо представляла положение России как во внутренней, так и во внешней сфере. Несмотря на возрастание силы и влияния в Европе после эпохи Петра I, «Международная улица России, — по словам В. О. Ключевского, — по-прежнему оставалась тесна, ограничивалась шведскими и польскими тревогами да турецко-татарскими опасностями: Швеция помышляла об отместке и начиналась недалеко за Петербургом; Польша стояла на Днепре; ни одного русского корабля не было в Черном море, по северному побережью его господствовали турки и татары, отнимая у России южную степь и грозя ей разбойничьими набегами. Тяжелое чувство учеников, во всем отставших от своих учителей, еще более удручало национальный дух. Прошло 34 года царствования Екатерины, и Польши не существовало, южная степь превратилась в Новороссию, Крым стал русской областью, между Днепром и Днестром не осталось и пяди турецкой земли... а в Швеции только душевно нездоровые люди, вроде Густава IV, продолжали думать об отместке. Международный горизонт России раздвинулся дальше ее новых пределов, и за ними открылись ослепительные перспективы, какие со времени Петра I едва ли представлялись самому воспаленному русскому глазу: взятие Константинополя, освобождение христианских народностей Балканского полуострова, разрушение Турции, восстановление Византийской империи»²⁶. Россия, некогда второстепенное европейское государство, стала считаться первою военною державой в Европе. Апофеозом же взлета ее могущества этого периода может послужить ставшее впоследствии знаменитым признание князя Безбородко, в конце своей дипломатической карьеры наставляющего

молодых дипломатов, а при нас ни с нашего выпала недалеко от и

Исходя из небезынтересных построений гродение, как и и самостоятельной власти не соответствующей идеологии координат и ликой. Это не но попытка с это было в истории, что с этому неудачно хладной. З поощрен. Т глоток воздуха рево сукно.

Подытожив лений о при змы, высказ о полку Игор Это не исто крившихся тиях, но жи отклик. Буд ного поход «Слово» и ется так, к трепетного Игореве» ние и душу до смертн притупить из небыти незнаемых вающих от сторон ок тор подхв тные стен малого т Ярославн столь дра который дальше и

...Дон слова Сви Чем б ве», тем

молодых дипломатов: «Не знаю, как будет при вас, а при нас ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смела»²⁷. Эта оценка была недалеко от истины.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать небезыңтересное заключение: для имперских на-строений грома Екатерининских орлов это произве-дение, как и всякое другое, подлинно гениальное и самостоятельно живущее от режима существу-ющей власти, было чуждым по своей природе и не соответствовало господствующей государствен-ной идеологии. Оно выпадало из системы властных координат и имперских устремлений Екатерины Ве-ликой. Это не обвинение почившей императрице, но попытка объяснить произошедшее. К тому же это было время романтического отношения к исто-рии, что само по себе объясняет многое. По-этому неудивительно, что ее реакция была про-хладной. За свое подношение граф не был поощрен. Так обретшее было свободу и свежий глоток воздуха «Слово» было заперто под госуда-рево сукно.

Подытожив всю сумму собственных представ-лений о природе величайшей древнерусской по-эмы, выскажем назревшее предположение: «Слово о полку Игореве» — очень личное произведение. Это не историческое повествование о далеких, по-крывшихся благородной эпической патиной собы-тиях, но животрепещущий и нелицеприятный на них отклик. Будучи созданным вскоре после бесслав-ного похода удельного князя Игоря на половцев, «Слово» и сегодня, спустя восемь столетий, чита-ется так, как будто оно только что вышло из-под трепетного пера Автора. Герои «Слова о полку Игореве» не чужие для нас люди. Запав в созна-ние и душу со школьной скамьи, они хранятся там до смертного часа. Кровоточащие строки не дают притупиться и затихнуть случившейся беде, словно из небытия вновь и вновь возвращают нас в поле незнаемое, швыряют в горстку уцелевших и изны-вающих от зноя и безводия пеших русичей, со всех сторон окруженных половцами. Своей волей ав-тор подхватывает и переносит читателя на крепос-тные стены древнего Путивля, где вот уже без малого тысячелетие зегзицей незнаемой кычет Ярославна — эпический идеал женского образа, столь драматично и лирично воспетый автором, но который с каждым годом и тем более веком все дальше и дальше отстоит от своего прообраза.

...Доносит до нас торжественные звуки злата слова Святослава Киевского.

Чем больше изучаешь «Слово о полку Игореве», тем больше убеждаешься в том, что оно было

создано по следам только что случившихся собы-тий, которые будоражат сознание, будят совесть и набатным звоном стучатся в сердца. «Слово о полку Игореве» — это угличский колокол, у кото-рого не вырвали язык. Ни княжья воля, ни писар-ская доля, ни всепоглощающее время.

Исследователи «Слова» делали сообщения о ряде таинственных умолчаний (часть из которых, как представляется, все же мнимая), но эти упо-минания были сделаны как бы вскользь, они не были обобщены и приведены к единому знаменателю и, к великому сожалению, не стали предметом спе-циального исследования, хотя для понимания при-роды «Слова» эти потаенные сообщения являются чрезвычайно важными. Выскажем по этому повод-у лишь пожелание, что данная тема найдет свое развитие в трудах исследователей следующих по-колений. Указывали и на некие намеки, из которых соткано немало мест в художественном полотне поэмы, но в целом все это и поныне лежит пота-енным самородным слитком в ископаемом под-тексте «Слова».

Древнерусская литература не знает вымысла. Все события в ней реальны; в данном же случае есть место утаиванию. А дозированная реальность — это уже полуреальность. Вскрытие этого пласта и де-шифровка авторских сообщений — задача долгож-данная.

Довершая раздумья об отношении императри-цы к «Слову о полку Игореве», нельзя не отме-тить: как бы ни был для слововедения докумен-тально важен Екатерининский список, едва ли следует упускать из виду, что он был обнаружен адъюнктом (впоследствии академик) П. П. Пекар-ским и введен в научный оборот только в 1864 (!) году. Ирония судьбы? Если да, то злая. По проше-ствию стольких лет смущает следующее обстоятель-ство: непомерное внимание к Екатерининскому спис-ку. По-видимому, одним из соблазнительных его достоинств было то, что он был написан и подне-сен не кому-нибудь, а Екатерине, чей отблеск не-потускневшей славы косвенно лег и на изготовлен-ный для нее, хотя и в спешке, список. Известно, что помимо «царственного» существуют, как ми-нимум, еще три списка «Слова», датируемых XVIII веком, столь несправедливо обойденных (за ред-ким исключением) исследовательским вниманием. Выходит, даже в посмертном желании если не при-мерить, то хотя бы коснуться царственной полы, мы все еще пристрастны.

Если попытаться провести какие-то параллели, то с популярностью «Слова» может поспорить раз-ве что улыбка Джоконды, подаренная миру вдох-

новенной рукой титана эпохи Возрождения. Но у этих шедевров абсолютно разные судьбы. «Мона Лиза» персонифицирована хотя бы в авторском отношении, меж тем как беспримерное «Слово» до сих пор не обрело имя своего создателя. Полагая, что одно лишь открытие имени Автора и создателя «Слова о полку Игореве» по значимости будет едва ли не важнейшим событием в культурной жизни столетия.

Тайны, тайны, тайны...

Шлейф догадок и гипотез. «Слово о полку Игореве» — бриллиант нации, который... невозможно вывезти из Отечества или утратить. Демократичен и доступен. В том или ином виде присутствует едва ли не в каждом доме, и наверняка в каждой мало-мальской библиотеке. У всех на виду и неподвластный никому. Пленительный и манящий, сияет и поныне своими загадочными гранями. Поражает своею емкостью, чарует образностью простоты и еще Бог весть чем... Своею тайной, наконец.

Человеку, незнакомому с древнерусским языком, в подлиннике этот памятник труден для чтения, а в отдельных местах почти недоступен для понимания и специалистам. Причин тут несколько: главная из них — испорченность текста позднейшими и неоднократными переписками. Само родство и близость древнерусского и современного языков создают дополнительные трудности, которые совершенно неожиданно возникают в, казалось бы, простых и понятных на первый взгляд местах. Именно здесь мы сталкиваемся с феноменом кочующего смысла, когда при сохранении звуковой оболочки за одним и тем же словом в современном и древнерусском языке стоят совершенно разные значения. Данному явлению мы нашли следующее определение: миграция смысла.

Кроме указанных затруднений работа по художественному переводу осложняется еще и тем, что текст памятника окончательно не реконструирован и многие места в нем толкуются по-разному. Но все же автор данных строк надеется, что рано или поздно исследовательская мысль проникнет во все потаенные уголки «Слова», и тогда, только тогда начнется подлинный турнир поэтов. Только вскрыв и освоив смысловое поле «Слова о полку Игореве», мы по-настоящему оценим его поэзию, которая от этого станет еще выше и дороже.

Почему же так долговечно это творение? Только ли потому, что нас разделяет толща времени весом в 800 лет? Ведь миру известны и более древние творения. Почему же на долю «Слова о полку Игореве» выпала столь беспрецедентная слава и судьба? Да только ли слава.

Загруженные ответственностью, эти несколько страничек, писанных уставом, мечутся неприкаянными и кочуют по рукам исследователей, не раскрыв своего предназначения по сей день.

«Слово о полку Игореве» — это миссия, это сколок эпохи в несколько листов, заряженных на сотню лет вперед до встречи со своим первооткрывателем. Поистине можно бесконечно долго говорить о «Слове о полку Игореве», но тайна «Слова» так и останется тайной, пока скрытая пружина созданного Автором механизма не сорвется со своего спускового крючка.

Поиски, гипотезы, догадки... Сколько их еще будет на исследовательском пути людей, влюбленных в «Слово». Сколько еще будет первооткрывателей и неудачников, триумфаторов и изгоев, волею судеб вовлеченных в орбиту «Слова»...

В чем же секрет и неиссякаемое обаяние небольшой по объему, но чрезвычайно насыщенной по содержанию поэмы? Высочайшая поэзия — вот нить, связующая в единое полотно цепь разрозненных и многовекторных событий. Ритм. Недостижимый и трудно передаваемый. Переводчик и исследователь «Слова» И. Новиков так отзывался об этом произведении: «Слово» требует понимания не только «смыслового», оно исполнено подлинных художественных жемчужин, постижение которых как бы оттачивает также художественный вкус читателя, не говоря уже о тех случаях, когда читателями его являются сами писатели. По-настоящему близкое соприкосновение со «Словом» так много может им дать и для собственного их дальнейшего роста»²⁸.

Не менее восторженную оценку произведению дал выдающийся польский поэт А. Мицкевич: «Уже само по себе то сходство, которое мы находим между поэтическим памятником давно минувших времен и всеми шедеврами славянской поэзии, неизменно свидетельствует о вечной, неувядаемой красоте этой поэмы. Все картины нарисованы с натуры, все герои взяты из жизни, и до тех пор, пока неизменными остаются славянская природа и славянский характер, поэма эта по праву будет считаться национальной и благодаря своей правдивости сохранит даже в известной мере свою актуальность»²⁹.

Еще шире взглянула на значение памятника древнерусской литературы известная исследовательница «Слова» В. Андрианова-Перетц: «В современной «Слову» литературе Запада не было памятника, равного ему по ясности сознания интересов трудового народа, по глубине гуманизма и любви к родине. Это было предвестие тех благородных идей, которые впоследствии обеспечили русской

литературе мировое значение, а в наши дни сделали советскую литературу ведущей в борьбе... за величайшие культурные и моральные ценности³⁰. На концерте в память величайшего российского композитора А. П. Бородина В. В. Стасов дал высокую оценку его творению: "Могучая опера «Князь Игорь» — достойный брат «Руслана» ... Таких глубоко вдохновенных и оригинальных созданий мало на свете»³¹. А в письме С. Н. Кругликову он же писал: «Кажется, нельзя сомневаться в том, что опера удержится на сцене навсегда.... «Игорь» — вещь великая из великих»³².

«Слово» давно уже органически вошло в художественную культуру. Образы его встают в живописи Васнецова, в народно-героической опере Бородина «Князь Игорь», в драматической сказке Островского «Снегурочка», в стихах Блока о «Родине», в патриотической и исторической тематике советской поэзии³³ — так определил значение поэмы академик В. В. Виноградов. Данный ряд самых высоких и заслуженных эпитетов можно продолжать и продолжать. Из десятилетия в десятилетие подобные оценки множатся и растут в геометрической прогрессии, но здесь мы осмелимся высказать иное суждение — несмотря на непрерывающиеся более чем 200 лет исследования данной поэмы, по глубинной и изначальной сути своей «Слово» еще не явлено современному читателю, будь то маститый ученый, литератор или академик.

Принято считать, что «Слово» — это пламенный призыв к единению Руси, при этом часто ссылаются на известную фразу Карла Маркса: «Суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ»³⁴. Нам же думается, что это не так. Ибо кто может знать и предсказать свой завтрашний день и час, не говоря уже о более отдаленном времени в столь стремительно меняющейся нестабильной политической ситуации как в прошлом, так в настоящем. «Все в руце Божьей...» — сказано не нами, но может послужить своевременным о том напоминанием.

Позднейшие читатели и почитатели величайшего памятника древнерусской литературы оказались в положении глухонемого зрителя разворачивающегося перед ними действия. В реальной жизненной ситуации «Слово» — это опасная вещь, держать и обращаться с которым нужно с особой осторожностью, как 200 и даже 800 лет назад, так и сейчас. Думается, вот подлинные мотивы неже-

лания видеть эту поэму изданной при жизни великой императрицы. О подлинных причинах, побудивших Автора на беспримерное создание бессмертного творения, в силу все тех же причин мы принудим себя умолчать, но лишь до некоторого времени.

«Слово» — сокровенно и потаенно в еще большей степени, чем было принято считать до этого. Впереди маячат новые горизонты, которые ждут своих первооткрывателей. «Надежда на находку поддерживает поиск, интуиция помогает, а знания его направляют»³⁵, — почти в афористической форме высказался однажды историк В. П. Козлов, что в полной мере можно отнести к исторической и литературной судьбе «Слова». Добавим к этому, что извлечение самородного смысла обещает стать еще более революционным и, как представляется, гораздо более важным, нежели достоверное прочтение «темных мест» поэмы, а трезвое его осмысление может во многом привести к переоценке всей суммы мнений о месте «Слова» в контексте древнерусской истории домонгольского периода.

«Слово» стало святыней; сквозь века, словно рублевская «Троица», оно притягивает к себе страждущих. В нестройных рядах нескончаемого поклонения волхвов мы узнаем самих себя.

Словно в зеркале мы находим свое отражение в «Слове». Века из вечности текут к нему рекою на поклон. Волхвы, паломники, отцы... Хочется верить — так есть, и так будет... Задача поколений — сберечь и оградить «Слово» от посягательств скептиков и... экзальтированной к нему любви. За свою долгую историю оно познало все: любовь и ненависть, забвение и преданность; пережило время и избежало тлена. Но, как часто бывает с творениями подобного рода, они прекрасней сохраняются в забвении, будучи погребенными под толщей времени, и гибнут от непомерного славословия либо слишком вольного с ними обращения...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ¹ Слово о полку Игореве — 800 лет. — М., 1986. С. 5.
- ² Там же. С. 5.
- ³ Там же. С. 5.
- ⁴ Орлов А. С. Слово о полку Игореве. — М.—Л., 1946. С. 6.
- ⁵ Слово о полку Игореве / Сост. и автор вступ. ст. Е. И. Осетров. — М., 1986.
- ⁶ Петросян Арфо. О героическом эпосе народов Советского Союза // Героический эпос народов СССР. — М., 1975. БВЛ. Т. 1. С. 8.

- ⁷ Там же. С. 8.
- ⁸ Гомер. Илиада. Одиссея. — М., 1975. БВЛ. С. 319—322.
- ⁹ Кожин В. История Руси и русского слова. — М., 1999. С. 159.
- ¹⁰ Соловьев А. В. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Исторические записки. — 1948. — № 25 С. 93.
- ¹¹ Демин А. С. Художественные миры древнерусской литературы. — М., 1993. С. 70.
- ¹² Слово о полку Игореве / Сост. и автор вступ. ст. Е. И. Осетров. — М., 1986.
- ¹³ Объявление в газете «Московские ведомости» № 97 от 5 декабря 1800 г. о продаже первого издания «Слова». Цит. по: Слово о полку Игореве в иллюстрациях и документах. — Л., 1958. С. 62—63.
- ¹⁴ NN (Н. М. Карамзин). Журнал «Le Spectateur du Nord» за октябрь, ноябрь и декабрь 1797 г. Цит. по: Слово о полку Игореве в иллюстрациях и документах. — Л., 1958. С. 55.
- ¹⁵ 1) Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные, ч. II. — М., 1797. С. 300; 2) Елеонский С. Ф. Поэтические образы «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Сб. статей / Под ред. И. Г. Клубуновского и В. Д. Кузьминой. — М., 1947. С. 95—23.
- ¹⁶ Берков П. Н. Заметки к истории изучения «Слова о полку Игореве» // Труды ОДРЛ. — М.—Л., 1947. Т. 5. С. 135—136.
- ¹⁷ Козлов В. П. Доказательство «Словом» И. П. Елагина // Альманах библиофила. Вып. XIX. «Слово о полку Игореве» — 800 лет. — М., 1986. С. 96.
- ¹⁸ Лихачев Д. С. Археографический комментарий // Слово о полку Игореве. — М.—Л., 1950. С. 353.
- ¹⁹ Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX века. — Л., 1980. С. 60.
- ²⁰ Козлов В. П. Мусин-Пушкин Алексей Иванович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». — СПб., 1995. Т. 3. С. 285.
- ²¹ Козлов В. П. Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слова о полку Игореве». — М., 1988. С. 32.
- ²² Ключевский В. О. Литературные портреты. — М., 1991. С. 394—395.
- ²³ Там же. С. 382.
- ²⁴ Козлов В. П. Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слова о полку Игореве». — М., 1988. С. 172.
- ²⁵ Бисти Дмитрий. Над чистым листом // Альманах библиофила. Вып. XX. — М., 1986. С. 200.
- ²⁶ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 380.
- ²⁷ Там же. С. 380.
- ²⁸ Новиков Иван. Писатель и его творчество. Цит. по: «Слово о полку Игореве» в иллюстрациях и документах. — Л., 1958. С. 163.
- ²⁹ Мицкевич А. Собр. соч. — М., 1954. Т. 4. С. 165.
- ³⁰ Андрианова-Перетц В. Предисловие к сборнику «Слово о полку Игореве». Цит. по: «Слово о полку Игореве» в иллюстрациях и документах. — Л., 1958. С. 158.
- ³¹ Стасов В. В. Концерт в память Бородина. Цит. по: «Слово о полку Игореве» в иллюстрациях и документах. — Л., 1958. С. 156.
- ³² Стасов В. В. Письмо С. Н. Кругликову. 3 ноября 1890. Цит. по: «Слово о полку Игореве» в иллюстрациях и документах. — Л., 1958. С. 153.
- ³³ Академик В. В. Виноградов. «Слово о полку Игореве» и русская культура. Цит. по: «Слово о полку Игореве» в иллюстрациях и документах. — Л., 1958. С. 143.
- ³⁴ Маркс К. Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 16.
- ³⁵ Козлов В. П. Доказательство «Словом» И. П. Елагина // Альманах библиофила. Вып. XXI. «Слово о полку Игореве» — 800 лет. — М., 1986. С. 92.

Среди м
внимание,
можно не
бы никогда
оборот, по
дии, пред
обязаннос
на множе
ские и обр
Особое
литератур
росы и не
нужного н
роль их на
далеко не
познания
занимающ
турном п
Два из
ся в разно
лей всех
литератур
«Аграф»
двухтомн
Т. 1: За
рокко. К
ра XX в
поступил
Литер
так мож
Судьба
жествен
жизнь р
сте, соч
жаётся
ственн
Мет
го- и ра
Персон
доним
вого п
ражани
Кто
Копей
Пер
риваю
ненны
(прото
и осн
произ
мента

ПЕРВЫЕ СРЕДИ ПЕРВЫХ

Среди множества книг, обращающих на себя внимание, особо следует выделить те, которые можно не перечитывать «от корки до корки», чтобы никогда к этим книгам не возвращаться, а наоборот, почаще открывать их. Это — энциклопедии, предоставляющие нам возможность, а не обязанность их читать, находить для себя ответы на множество вопросов, решать наши читательские и образовательные проблемы.

Особое место среди энциклопедий занимают литературные, которые не ответят нам на все вопросы и не осветят в полном объеме содержание нужного нам литературного источника, но все равно роль их настолько велика, что часто они занимают далеко не последнее место в общем процессе познания и знакомства с литературой, по праву занимающей ведущее место в мировом литературном процессе.

Два издания дают возможность сориентироваться в разнообразных художественных мирах писателей всех времен и народов — это «Энциклопедия литературных героев», выпущенная в издательстве «Аграф» в 1998 году, и вышедшая в этом же году двухтомная «Энциклопедия литературных героев». — Т. 1: Зарубежная литература. Возрождение. Барокко. Классицизм; и Т. 2: Зарубежная литература XX века. Несмотря на указанный год выпуска, поступили они в библиотеку только в 2000 году.

Литературный герой и его историческая судьба — так можно определить общую тему этих изданий. Судьба литературного героя берет начало в художественном произведении, а вся дальнейшая его жизнь разворачивается уже не в книге, не в тексте, сочиненном писателем. Жизнь героев продолжается в других искусствах, в иных формах общественного сознания.

Метаморфозы литературных героев столь много- и разнообразны, что не подлежат исчислению. Персонажи передают свои имена в качестве псевдонимов. Многие диктуют нормы этикета и бытового поведения, часто служат образцом для подражания. Литературным героям ставят памятники.

Кто же они: Дон Жуан, Икар, Кабаниха, капитан Копейкин, Фигаро, Маргарита и многие другие?

Персонажи в энциклопедии-однотомнике рассматриваются в некоторых ракурсах: первый ряд — жизненные реалии, предваряющие появление героя (прототипы), затем текстуальный слой — главный и основной, где дается характеристика героя по произведению, следующая часть — авторские комментарии и, наконец, раздел, где указываются

воплощения героев в других искусствах. Что же касается самих произведений, герои которых вошли в энциклопедию, то тут предпочтение было отдано классике.

Двухтомная энциклопедия рассказывает о героях зарубежных произведений эпохи Возрождения, барокко, классицизма и литературы XX века. Она имеет трехслойную структуру. Сначала материал распределен по авторам, внутри каждого авторского раздела — по произведениям, а внутри произведений — по героям, в каждом случае следуя алфавитному принципу.

Энциклопедии литературных героев могут восприниматься не только как история литературы в портретах персонажей, но и как составленный из множества отдельных лиц групповой портрет истории.

Погружаясь в богатый и многообразный мир русской классической литературы, мы часто сталкиваемся с трудностями. Ее страницы переносят нас в ранние времена, когда и общественное устройство, и быт, и сами люди заметно отличались от нынешних. Сложны для понимания как особенности описываемой эпохи, ее законы и приметы, так и отдельные слова и понятия, исчезнувшие из обихода или изменившие свой смысл. Например, неясно, богат или беден помещик, владеющий двумястами десятин земли, сильно ли пьян купец, выпивший «полштофа» водки, щедр ли чиновник, дающий на чай «синенькую», «красненькую» или «семижку». Кто из героев выше по положению, когда одного титулуют «ваше благородие», второго «ваше сиятельство», а третьего «ваше превосходительство»?

Чтобы разобраться в этих вопросах, облегчить восприятие классической литературы и объяснить все непонятные термины и понятия, и была написана книга Ю. А. Федосюк «Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века» (М.: Наука, 1999. — 264 с.), ставшая своеобразным справочником по истории общественных отношений, русского быта. Эта книга одновременно и увлекательный рассказ о том, как жили в старину наши предки, с многочисленными примерами из хорошо известных произведений русской классической литературы, и необходимый исторический комментарий к этим произведениям, благодаря которому читатель сможет гораздо глубже понять их содержание. Встретив в тексте произведения непонятный термин, можно легко найти страницу, где он разъясняется, причем тоже на примере художественного текста. Нужность и

полезность данного издания становится очевидна для каждого, ознакомившегося с ним.

К сожалению, энциклопедий, посвященных творчеству отдельных писателей, слишком мало. Мы можем назвать пушкинскую и лермонтовскую. И тем примечательнее выход в свет в издательстве «Локид-Миф» в 1998 году «Булгаковской энциклопедии». Она — вторая по счету, до нее была выпущена только лермонтовская. В отличие от нее, булгаковская энциклопедия менее академична и более популярна.

Булгаков вошел в русскую и мировую литературу прежде всего как автор романа «Мастер и Маргарита», поэтому отдельные статьи посвящены нескольким десяткам основных персонажей «Мастера и Маргариты». В то же время автор энциклопедии, осознавая, что читатель жаждет в каждой статье видеть некоторую законченную целостность, не требующую обязательного обращения к другим статьям энциклопедии, часто дает одну и ту же информацию в разных ракурсах и контекстах, нередко даже повторяя отдельные цитаты. В качестве приложения публикуется текст последнего из известных и сохранившихся булгаковских произведений — пьесы «Сыновья муллы», ранее нигде не опубликованной.

Энциклопедия написана крупнейшим специалистом-булгаковедом, отличается оригинальным авторским взглядом на жизнь и творчество великого писателя.

Еще хотелось бы сказать об одной энциклопедии, которая тоже претендует на второе место в ряду персональных энциклопедий — это «Пушкинская энциклопедия» вышедшая в издательстве АСТ в 1999 году.

Издание, подготовленное к 200-летию юбилею А. С. Пушкина, включает его биографию, хронологию творчества, воспоминания современников. Основную часть энциклопедии завершает раздел «Русские писатели о Пушкине». В этот же раздел вошли немногочисленные выдержки из публикаций зарубежных литераторов пушкинской поры.

Энциклопедия богато иллюстрирована. Живописные и графические портреты, гравюры показывают окружение поэта, пейзажи «рассказывают» о его путешествиях, литературным произведениям посвящены рисунки выдающихся отечественных книжных графиков. Данная энциклопедия предназначена для широкого круга читателей, которые хотят поближе познакомиться с творчеством гениального поэта, его жизнью, открыть его для себя заново.

К 200-летию А. С. Пушкина приурочено еще

одно издание — это «Школьный энциклопедический словарь А. С. Пушкина», вышедший в Московском издательстве «Просвещение» в 1999 году. Этот словарь — не академическое, а научно-просветительское издание. Он не претендует на полноту освещения текстологических, источниковедческих, литературно-критических и прочих проблем пушкинского творчества. Он ставит перед собой более скромные цели — кратко познакомить читателя с наиболее значительными произведениями Пушкина, дать ключ к их истолкованию.

Другая особенность пушкинского словаря связана с его адресом. Поскольку он предназначен для школы, то вполне естественно, что в нем много места отведено детству Пушкина, играм, забавам, школьным сочинениям и другим просветительским материалам.

Стихи трех тысячелетий, более полутысячи переводчиков от Иннокентия Анненского до представителей самого молодого поколения — таков итог творчества школы русского поэтического перевода. В 1998 году была выпущена Антология мировой поэзии в русских переводах XX века «Строфы века-2», ее составитель — Е. Витковский. В 60-е годы уже вышли две подобные антологии: «Зарубежная поэзия в русских переводах» и двухтомник «Мастера русского поэтического перевода».

И еще об одной книге, вышедшей в московском издательстве «РОССПЕН» в 1997 году, хотелось бы сказать — это книга из серии «Русское зарубежье», которая носит такое знакомое и болезненно-волнующее для нас название «Золотая книга эмиграции».

Эмиграция как историческое явление возникла гораздо раньше, чем появилось само это понятие. В начале XX в. эмиграция приобрела общемировой характер.

Вырванные волей судеб из системы привычных и устоявшихся ценностей, русские эмигранты воспринимали свою чужеродность с особой остротой, драматизмом. Понимая социокультурную значимость русской эмиграции как для мирового сообщества, так и для России, представители ряда эмигрантских организаций предпринимали неоднократные попытки написать историю русского зарубежья, чтобы сохранить в памяти потомков все перипетии жизни в изгнании, донести до них результаты своей творческой деятельности.

В начале 1930 года была создана специальная комиссия по сбору материалов для будущего труда, получившего оригинальное название «Золотая книга» (председатель Д. П. Рябушинский, секретарь П. Я. Ковалевский). По инициативе В. В. Выру-

бова образовалась группа по подготовке книги к изданию, а в 1962 году начал действовать соответствующий комитет во главе с князем Н. С. Трубецким. К сожалению, возраст, болезни, а затем и кончины инициаторов проекта, непреодолимые финансовые трудности помешали реализовать задуманное. Сознавая особую моральную ответственность перед соотечественниками, оказавшимися волею судеб в эмиграции, редколлегия и авторский коллектив предприняли попытку продолжить начатое дело — познакомить современного читателя с выдающейся плеядой деятелей русского зарубежья.

В книгу преимущественно включались те из эмигрантов, которые, получив в России высшее образование, специальность и достигнув определенных результатов в своей профессиональной

деятельности, смогли занять в изгнании приоритетное положение в соответствующих областях научного знания, инженерной и конструкторской мысли, литературе и публицистике, изобразительном и театральном искусстве. Книга рассчитана на широкие круги специалистов, а также на массового читателя.

Сегодня отечественное литературоведение накопило богатый материал, который может быть использован для подготовки энциклопедий русских писателей-классиков, и мы с нетерпением будем ждать их выхода в свет.

Т. К. ЮДИНА, Н. В. ХАСЯНОВА,
сотрудники информационного отдела
Центральной городской библиотеки
им. Н. В. Гоголя, г. Кемерово

В 2001 году готовятся к выходу книги:

Борис Бурмистров. День зимнего солнцестояния. Стихи
Владимир Переводчиков. Взгляд из-под руки. Стихи
Семен Печеник. Запах снега. Избранные стихи
Анатолий Кругляков. Успеть на электричку. Романы, повести, рассказы
Сестры Лебедевы. В стране Лакомок. Повесть-сказка
Сергей Донбай. Живой и мертвой слезой. Новые стихи
Владимир Шумилов. Превыше мелочных забот. Проза
Лебединая стая лет. Стихи
Альманах «Огни Кузбасса» 1, 2

Вышли книги:

И жизнь, и слезы, и любовь. Современная кузбасская проза
Юрий Михайлов. Живу на первом этаже. Стихи
Владимир Бахаев. Счастливый тополь. Стихи
Иван Перепелица. В поисках «перекати-поля». Из записок сыщика

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Александр Раевский. Начало тревоги.....	3
Леонид Гержидович. Душу терзало и жгло.....	23
Иван Полунин. Запас одержимости.....	35
Владимир Иванов. России.....	43
Владимир Ширяев. Стихи из новой книги.....	43
Виктор Жаданов. На рыбалке профи я.....	50
Александр Яковлев. Ваши перекликнутся сердца.....	51
Николай Излеев. Надеждой призрачной живем.....	52
 <i>Слова, от которых тепло:</i>	
Евгений Харламов, Александр Курицын, Иван Клиновой, Владимир Шумилов, Александр Сорокин.....	107

ПРОЗА

Сергей Павлов. Короткие встречи, или Муха. Охранник Кузьмич....	6
Анатолий Кругляков. Два рассказа.....	24
Евгений Левшов. Две дороги к счастью.....	37
Сергей Кузнецких. Два рассказа.....	45
Виктор Коврижных. Графоман.....	84
Екатерина Дубро. Запредельная встреча (глава из сказочной повести «Первая и последняя»).....	93
Геннадий Лунегов. Сонечка.....	111
Тамара Страхова. Душман.....	116
Надежда Усольцева. Дневник киборгов.....	117
Нина Красова. Санька — Божий человек.....	121
Фаина Самойлова. Гражданка начальница.....	131
Геннадий Юров. У родника на Красной Горке.....	54

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ «ПРИТОМЬЕ»

Олеся Устинова, Кирилл Сазанов, Иван Замятин, Наталья Равковская, Игорь Кузнецов, Татьяна Веселкина, Юрий Михайлов, Светлана Грязина, Ольга Гарифулина, Татьяна Иванкова, Владимир Звягин, Надежда Громкова.....	75
--	----

СВЕТЛИЦА

Эдик Артеев, Никита Зайцев, Ксения Орельская, Катя Арндт, Юлия Масловская, Анастасия Шуклина, Катя Франк, Миша Кребс, Лена Клепова, Ярослав Балашев, Наталья Прохорова, Елена Брыкина.....	130
Василий Попок. Деревенский дневник.....	144
Таисия Шатская. Выбор.....	151

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Наталья Ким. Калиновские страдания.....	155
Николай Колмогоров. «И песне плыть, и сердцу млеть...» (Публикация Кирилла Колмогорова).....	157
Семен Печеник. О Буравлеве. К восьмидесятилетию.....	160
Алексей Патшин. «Слово о полку Игореве» — 200 лет от вечности.....	163
Т. К. Юдина, Н. В. Хасянова. Первые среди первых.....	173

Технический редактор В. И. Труханова. Корректоры: Т. А. Козьева, И. А. Петухова.
Компьютерная верстка М. Ю. Кузнецов

Изд-во «Кузбассвузиздат». 650043 Кемерово, ул. Ермака, 7. Тираж 700 экз. Заказ № 360. Тел. 23-34-48.

Internet: www.kvi.bip.ru E-mail: kvi@bip.ru

Вера Сидорова. **Колодец.** ДВП, темпера

Вера Сидорова. Баня. ДВП, темпера

102